Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Сборник научных статей

Том II

Екатеринбург
2022

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
Г 54

Десятилетие науки и технологий в Российской Федерации

Сборник подготовлен в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Редакторы: д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова
Рецензенты: д-р экон. наук Т.А. Коркина, д-р экон. наук С.В. Дорошенко

Г 54 **Глобальные вызовы демографическому развитию** [Текст]: сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова. Т. II. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. — 407 с.

ISBN 978-5-94646-667-7

Сборник статей представляет интерес для экономистов, специалистов в области управления демографическими процессами, социологии и психологии воспроизводства населения, медицины и здоровьесбережения населения, историков, географов, преподавателей, аспирантов и представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся вопросами демографической и семейной политики.

Во втором томе размещены материалы научных статей дискуссионных площадок «Социально-экономические и демографические проблемы развития стран и регионов» и «Безопасность и здоровье детей как национальный приоритет в современном мире».

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978-5-94646-667-7
© Институт экономики УрО РАН. 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

IV. **Социально-экономические и демографические проблемы развития стран и регионов**

Антонова О. А., Колесник Е. А. Трудовой потенциал и человеческий капитал работающего старшего поколения в информационном обществе 5

Ануфриева Е. В., Чевтаева Н. Г. Апробация проектов социального воздействия в сфере здравоохранения как основа улучшения общественного здоровья и качества жизни детей 17

Артемова О. В., Логачева Н. М. Влияние демографических факторов на качество жизни населения в условиях глобальных вызовов 27

Багирова А. П., Бледнова Н. Д., Нешатаев А. В. Система родительских отпусков в России: возможности трансформации на основе зарубежных практик 41

Бедрина Е. Б., Чернова К. В. Система демографического образования в федеральных университетах России 50

Безвербный В. А., Смирнов О. О., Мирязов Т. Р. Тенденции социально-экономического и демографического развития моногородов Урала 64

Белехова Г. В., Калачикова О. Н. Качество трудовой жизни работающих женщин с детьми и без детей 77

Бледнова Н. Д. Особенности содержания прародительского труда: гендерный аспект 89

Валеева О. В. Проблемы и перспективы развития человеческого потенциала (на примере Байкальского региона) 96

Верейкина О. В., Коловертнова М. Ю. Анализ брачно-семейных и репродуктивных установок студентов колледжа (старших подростков) 106

Гордеева С. С. Роль социального капитала в сохранении здоровья населения в период пандемии COVID-19 117

Жеребцова Т. А., Леонтьев С. Л., Михайлова Д. О., Ануфриева Е. В. Роль внедрения новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь, в сохранении здоровья населения Свердловской области 124

Землянова Е. В., Савина А. А. Воздействие пандемии COVID-19 на процессы естественного движения населения в Уральском федеральном округе 133

Злотников А. Г. Репродуктивные установки и перспективы демографического развития Беларуси 145

Зотиков Н. З. Влияние человеческого капитала на экономику и качество жизни 156

Зырянова М. А. Связь динамики рождаемости с социально-экономическими факторами в регионах европейской части Севера России после 2010-х гг. 170

Калабина Е. Г., Газизова М. Р. Особенности демографического старения населения в Беларуси, Казахстане и России 183

Катаев В. А., Тонких Н. В., Бабинцева А. В. Критическая оценка возможностей Росстата для формирования модели анализа влияния цифровой занятости на рождаемость 197

Козлова О. А., Макарова М. Н. Методический подход к оценке продолжительности предстоящей трудовой жизни населения региона 207

Короленко А. В. Типология населения по соотношению внутренних и внешних факторов активного долголетия 215

Минеева Н. Н. Диверсификация экономики сельских территорий как фактор нейтрализации причин бедности 229

Неклюдова Н. П. Методы демографического проектирования: обзор классификаций 239

Пышминцева О. А. Оценка устойчивости развития системы высшего образования в российских регионах в период динамичных изменений 249

Русанова Н. Е. Прокреативное поведение в пандемию коронавируса: от репродуктивных намерений до выбора родов 261

Саитова Д. Г. Методика исследования СМИ как социального института поддержки пронаталистской политики 271

Секицки-Павленко О. О. Последствия трансформации возрастной структуры населения 279

Соловьев А. К. Демографические факторы формирования пенсионного капитала работника в условиях цифровизации общества 290

Субхонов А. И., Бабаев А. А. Тенденции рождаемости населения в Республике Таджикистан 301

Tuleshova S. P. Divorce and Family Relations during the Pandemic in Kazakhstan 310

Фельдман М. А., Токарева В. И. К вопросу о результатах диспансеризации населения в Свердловской области» за 2018–2021 гг. 315

Цыбенко Ю. Д., Гараева Э. И. Реализация семейной политики как способ решения некоторых демографических проблем (на примере Свердловской области) 330

Шубат О. М. Российский бизнес и поддержка рождаемости: успешные корпоративные практики 339

Янь Д., Багирова А. П. Бывшие китайские «оставленные дети» как нынешние субъекты родительского труда: представления о мотивации 352

V. Безопасность и здоровье детей как национальный приоритет в современном мире

Жилинская К. А. Перспективы и ограничения социально ориентированных некоммерческих организаций на пути повышения рождаемости 361

Кузьмин К. В., Киселев А. Ф. Социально-демографические аспекты мотивации молодежи к участию в волонтерском инклюзивном движении (по материалам социологического опроса в Свердловской области) 370

Скрябина Я. А., Сабирова З. Э. Подрастающее поколение в современном социально-демографическом контексте 385

Черешова С. В. Некоммерческие организации как институт поддержки субъектов родительского труда 399

IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНОВ

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-1
УДК 331.101.5
JEL J14, J24, J71

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РАБОТАЮЩЕГО СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

О. А. Антонова [а)], Е. А. Колесник [б)]

[а)] Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (г. Челябинск, Россия).
[а, б)] Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)
[а)] https://orcid.org/0000-0003-0050-7883
[б)] https://orcid.org/0000-0001-7522-4074
Автор для корреспонденции: О. А. Антонова (antonova.oa@uiec.ru)

Аннотация. *Представленное исследование посвящено возможностям реализации трудового потенциала и человеческого капитала работающего старшего поколения в информационном обществе. Цель исследования состоит в определении теоретических положений реализации трудового потенциала и человеческого капитала возрастных работников в информационном обществе. Гипотеза исследования заключается в том, что информационное общество открывает новые возможности в реализации трудового потенциала и человеческого капитала работающего старшего поколения. В проведенном исследовании был использован ряд научных методов: логический, сравнительный, статистический, методы количественного и качественного анализа и синтеза. Авторами предложено ввести в научный оборот ряд понятий (возрастной работник, возрастной трудовой потенциал, возрастной человеческий капитал), что будет являться приращением нового знания в теорию активного трудового долголетия. Установлено, что возрастной трудовой потенциал и возрастной человеческий капитал являются частями трудового потенциала и человеческого капитала всего персонала организации. Теоретические результаты исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях теории активного трудового долголетия в информационном обществе. Практические результаты могут быть получены в организациях различных отраслей и форм собственности, где возможна реализация трудового потенциала и человеческого капитала возрастного работника.*

Ключевые слова: возрастной работник, трудовой потенциал, человеческий капитал, информационное общество

[1] Антонова О. А., Колесник Е. А. Текст. 2022.

Labour Potential and Human Capital of the Older Working Generation in the Information Society

O. A. Antonova [a)], *E. A. Kolesnik* [b)]
[a)] Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Chelyabinsk, Russia)
[a, b)] Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)
[a)] https://orcid.org/0000-0003-0050-7883
[b)] https://orcid.org/0000-0001-7522-4074
Corresponding author: O. A. Antonova (antonova.oa@uiec.ru)

Abstract. *The presented study examines the possibilities of realising the labour potential and human capital of the older working generation in the information society. The purpose of the study is to determine the theoretical provisions for the implementation of the labour potential and human capital of aged workers in the information society. The hypothesis of the study is that the information society opens up new opportunities for realising the labour potential and human capital of the older working generation. In the study, such scientific methods as logical, comparative, statistical, quantitative and qualitative analysis and synthesis were used. The study introduced a number of concepts — "aged worker", "age labour potential", "age human capital" — in regards to the theory of active labour longevity. It was established that the age labour potential and age human capital are parts of the labour potential and human capital of the entire staff of the organisation. Theoretical results of the research can be used in further studies of the theory of active labour longevity in the information society. Practical results can be obtained in organisations of various industries and forms of ownership, where it is possible to realise the labour potential and human capital of an aged workers.*

Keywords: aged worker; labour potential; human capital; information society

Введение

На фоне глобальных социально-экономических вызовов, связанных с демографическими переменами, снижением уровня рождаемости и старением населения, ростом неравенства доходов среди населения, пандемией COVID 19 и многими другими проблемами, исследование, посвященное реализации трудового потенциала и человеческого капитала работающего старшего поколения в информационном обществе, становится остроактуальным. Особую актуальность исследованию придает реализуемая с 2019 г. пенсионная реформа РФ, предусматривающая постепенное повышение пенсионного возраста на основе прогнозов по увеличению продолжительности жизни. Можно предположить, что с каждым годом будет увеличиваться доля работающих людей старшего возраста.

Для организаций становятся актуальными вопросы, связанные с адаптацией предпенсионеров и пенсионеров к трудовой среде, отвечающей современным требованиям по применению информационно-коммуникационных технологий и реализации накопленного трудового потенциала и человеческого капитала в этих условиях.

В данном исследовании к работающим гражданам старшего поколения мы относим людей предпенсионного и пенсионного возрастов.

Предпенсионерами в РФ считают экономически активную часть населения, которой осталось до пенсии пять лет или меньше (предпенсионный возраст устанавливается за пять лет до назначения пенсии по старости, по достижении определенного возраста или по выслуге лет) [1]. К пенсионерам относят работающих и неработающих граждан, получающих пенсию — регулярное денежное пособие, выплачиваемое лицам, которые достигли пенсионного возраста, стали инвалидами или потеряли кормильца.

По данным Росстата на 1 января 2022 г. в РФ проживало 44,6 млн пенсионеров, из них 8,6 млн продолжают работать. Численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе пенсионного фонда РФ, по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров за 2014–2022 гг., представлена в таблице [2].

Данные таблицы показывают, что с 2017 г. произошло снижение численности работающих пенсионеров. Специалисты Федеральной службы государственной статистики объясняют это вступлением в силу Федерального закона от 29.12.2015 года № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий», предусматривающего неиндексацию пенсий работающим пенсионерам. Снижение численности работающих пенсионеров с 2019 г. можно объяснить тем, что идет процесс постепенного повышения пенсионного возраста, а также выросшей смертностью людей старшего поколения в период с начала пандемии в 2020 г. В то же время численность предпенсионеров 50+ увеличивается, обостряются вопросы, связанные с потерей работы и трудоустройством, качеством трудовой жизни, эйджизмом в организациях и на рынке труда.

По прогнозам Минтруда, количество пожилых людей в России продолжит активно расти. В 2024 г. их будет 40,8 млн чел., то есть 27,6 % населения, а к 2030 г. — 43,7 млн чел., люди старше трудоспособного возраста будут составлять почти 30 % населения РФ [3]. Такое положение дел может отразиться на росте доли работающих предпенсионеров и пенсионеров в среднесписочной численности организаций, спросе на рабочую силу и ее предложении на рынке труда.

Несмотря на то, что как на международном, так и на национальном и региональном уровнях органы государственной власти и управления принимают ряд мер по решению вопросов, связанных со старением населения, они, как правило, носят локальный, а не системный характер. Например, на региональных и муниципальных рынках труда субъектов РФ существует дискриминация в оплате труда по полу внутри категории работающих пенсионеров. В организациях за выполнение одних и тех же трудовых функций мужчины получают зарплату от 10 до 30 % больше, чем женщины, что отражается на обесценивании и реализации трудового потенциала

Таблица

Численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ, по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров по состоянию на 1 января, тыс. чел.

Категория работающих пенсионеров по видам пенсионного обеспечения	Численность групп по годам								
	2014	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**
Все работающие пенсионеры	14 325	14 917	15 259	9 883	9 669	9 667	9 315	8 891	8 513
в процентах к численности пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ	34,9	36,0	35,7	22,9	22,2	22,0	21,4	20,7	20,3
из них получающие пенсии:									
по старости	13 280	13 872	14 199	8 791	8 602	8 574	8 197	7 765	7 344
по инвалидности	795	773	759	679	656	652	669	666	695
по случаю потери кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи)	10	17	23	46	35	37	34	33	35
пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей	113	118	127	144	164	172	178	182	185
федеральные государственные гражданские служащие	20	20	22	12	11	11	10	10	9
Социальные	106	116	128	211	201	221	227	235	245

Источник: Росстат [2].

и человеческого капитала. Как показали исследования Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, реализация трудового потенциала персонала в организациях происходит лишь на 19 %, в том числе работников старшего возраста. В теоретическом плане, как показал анализ литературы, слабо проработаны вопросы, связанные с реализацией трудового потенциала и человеческого капитала работающего старшего поколения

в информационном обществе, большинство вопросов носят дискуссионный характер.

Обзор литературы, методы исследования

Значительный вклад в исследование вопросов, связанных с реализацией трудового потенциала и человеческого капитала работников, в том числе старшего поколения, внесли как российские, так и зарубежные ученые: В.Н. Белкин [4], Н.Н. Шестакова, И.Г. Васильев, Н.Е. Чистякова [5], В.И. Алешникова, Т.А. Бурцева, З.А. Нуриддинов [6], O.J. Mulders [7], A.B. Carlstedt, G. Brushammr, C. Bjursell, P. Nystedt, G. Nilsson [8] и др.

Результатом многолетней работы коллектива авторов под руководством В.Н. Белкина [4] стала монография «Теория человеческого капитала предприятия», в которой вводятся в научный оборот понятия «трудовой потенциал человека», «жизненный цикл трудового потенциала человека», дается авторское определение понятия и категории «человеческий капитал предприятия». В исследовании речь идет не только о человеческом капитале, но и о его составляющих: организационном, интеллектуальном, социальном капиталах, что важно учитывать в исследованиях, связанных с активным трудовым долголетием работников старшего поколения в организациях. О.А. Антонова принимала непосредственное участие в данном исследовании.

В исследовании, представленном Н.Н. Шестаковой, И.Г. Васильевым, Н.Е. Чистяковой [5], ставится ряд актуальных вопросов, связанных с реализацией человеческого капитала старшего поколения, например, действительно ли размер реализации человеческого капитала будет все меньше и меньше с увеличением возраста работника. Авторы приводят по этому вопросу дискуссию позиций за и против. Дается определение понятия «человеческий капитал старших поколений», с которым можно согласиться.

В.И. Алешникова, Т.А. Бурцева, З.А. Нуриддинов [6] в своей работе делают акцент на социальный эффект и его измерители в рамках концепции активного долголетия, что может быть учтено в исследованиях, посвященных реализации трудового потенциала и человеческого капитала работников старшего поколения в организациях, так как социальный эффект от активного долголетия будет отражаться и на трудовом активном долголетии.

Представляет интерес исследование, проведенное O.J. Mulders [7], в котором приводятся результаты опроса 960 голландских работодателей и анализ их предпочтений в отношении молодых или пожилых работников при приеме на работу, предоставлении обучения и предложении постоянного трудового контракта. Влияние характеристик организаций и менеджеров, норм пенсионного возраста и стереотипов оценивается с помощью полиномиального логистического регрессионного анализа. Несмотря на то, что Голландия является социально-экономически благополучной страной, сделанные автором выводы по результатам исследования

подтверждают, что не только в российской, но и в зарубежной практике имеется дифференцированный подход с элементами эйджизма и дискриминации работодателей к работникам старшего поколения.

Исследование A.B. Carlstedt, G. Brushammr, C. Bjursell, P. Nystedt, G. Nilsson [8] посвящено поиску путей стабильности благосостояния и стимулов продолжить трудовую жизнь пожилыми сотрудниками на основе анализа публикаций, представленных в базах данных Scopus, PsycInfo, Cinahl, AgeLine и Business Source Premier за период с мая 2004 г. по май 2016 г. Из всех стимулов авторами для исследования были выбраны три: желание, имеющиеся возможности и возможность работать. Исследование реализации стимулов пожилыми сотрудниками проводилось на трех уровнях: индивидуальном, организационном и общественном. Анализ публикаций показал, что больше всего исследований посвящено индивидуальному уровню реализации стимулов, меньше всего — организационному и общественному.

Теоретические и практические исследования влияния информационного общества, Индустрии 4.0 на занятость пожилых людей нашли отражение в трудах следующих ученых: Л.И. Смирных [9], А.В. Дмитриева [10], C. Phillipson, S. Shepherd, M. Robinson [11] и др.

В своей работе Л.И. Смирных [9] проводит исследование процесса цифровизации предприятий в европейских странах и ищет ответы на актуальные вопросы: будет ли спрос на труд старшего поколения и связана ли цифровая грамотность пожилых людей с их занятостью?

А.В. Дмитриева [10] в своем исследовании задает вопрос, как обучение компьютерной грамотности влияет на использование электронных сервисов, занятость пожилых и другие формы их социального включения. Размышления автора и результаты опроса преподавателей курсов показали, что потребности в умении работать на компьютере у пожилых людей не всегда связаны с трудовой деятельностью. Для них наиболее важно с помощью информационно-коммуникационных технологий расширить свои социальные связи и общение, а также иметь навыки работы, чтобы ни от кого не зависеть.

В своей работе C. Phillipson, S. Shepherd, M. Robinson [11] исследуют вопросы, которые связаны с выбором старшего поколения: продолжать трудовую деятельность, остаться работать на неполный рабочий день или уйти на пенсию. Возникает некоторая неопределенность между окончанием работы и выходом на пенсию, на которую влияют политика работодателя, пенсионное и социальное обеспечение.

В проведенном исследовании были использованы следующие научные методы: логический, сравнительный, статистический, количественного и качественного исследования основных тенденций и направлений, связанных с реализацией трудового потенциала и человеческого капитала работников предпенсионного и пенсионного возрастов в информационном обществе.

Результаты, обсуждение

Известно, что граждане старшего возраста менее привлекательны для работодателей, чем представители более молодых возрастных групп. Даже их богатый опыт и профессионализм зачастую оказываются менее значимыми, чем возраст. Более того, есть ряд профессий, где достижение определенного возраста означает неизбежность прекращения трудовой деятельности: государственные и муниципальные служащие, летчики, военнослужащие и др. Далеко не всегда молодые пенсионеры готовы отказаться от профессиональной деятельности только по причине возрастных ограничений. Поэтому в настоящее время исследование возрастной занятости предполагает уточнение сложившегося терминологического аппарата, проведение дополнительных исследований в области мотивации участников трудовых отношений с возрастными работниками и построения эффективных траекторий их занятости.

По мнению О.П. Недоспасовой, И.А. Павловой, Г.А. Барышевой и Е.М. Рождественской, «если раньше насущной необходимостью было обеспечение пожилых людей средствами к существованию, то сегодня более актуальны:

— мотивация и социальные технологии к продлению активной жизни человека в продуктивном режиме;

— формирование установок на продолжение активной социально-экономической деятельности за границами официального пенсионного возраста и выхода человека на пенсию;

— преодоление дискриминационных практик в отношении граждан старшего возраста (эйджизма)» [12, с. 91].

Период перехода от полной занятости в трудоспособном возрасте к занятости в пенсионном возрасте в иностранной литературе известен как «*bridge employment*». Данный термин предполагает многообразие траекторий и мотиваций к трудовой активности в старшем возрасте, включая:

— продолжение трудовых отношений с прежним работодателем в режиме полной или частичной занятости;

— постоянную или временную занятость на новом месте работы;

— самозанятость [8].

Причем в разрезе форм занятости применительно к гражданам предпенсионного и пенсионного возраста можно рассматривать возможность как стандартной, так и нестандартной занятости. Активное становление цифровой экономики способствует не только появлению новых режимов нестандартной занятости, но и вовлечению в нее возрастных работников. При этом ведущими компетенциями, которыми должны обладать такие работники, становятся компьютерная грамотность и наличие навыков удаленной работы. Это же требование согласуется со ставшими уже привычными за последние два года эпидемиологическими ограничениями, которые предусматривают особый режим работы для возрастных членов трудового коллектива.

Нами предлагается введение понятия «возрастной трудовой активности», под ней понимаются все виды и формы трудовой занятости для лиц предпенсионного и пенсионного возраста. Введение данного понятия позволит исследовать различные аспекты социально-трудовых отношений между лицами старшего возраста (пред- и пенсионерами) и их работодателями, а также явление возрастного предпринимательства. Кроме того, возможно введение в научный оборот понятий «возрастной работник», «возрастной человеческий капитал» и «возрастной трудовой потенциал», которые позволят исследовать возрастной компонент понятий «работник», «человеческий капитал» и «трудовой потенциал», что будет приращением нового знания в теорию активного трудового долголетия. К возрастным работникам мы относим лиц предпенсионного и пенсионного возраста.

В своем исследовании В. Н. Белкин отмечает, что «основой возникновения человеческого капитала любого уровня является личностный потенциал, частью которого является трудовой потенциал человека и его реализация. Трудовой потенциал человека — это часть личностного потенциала, которая может быть использована в труде. Трудовой потенциал имеет свою стоимость, и когда его стоимость начинает приносить новую стоимость, потенциал становится капиталом. Т. е. потенциал — то, что возможно когда-нибудь принесет доход, а капитал — то, что приносит доход. Многие авторы не видят разницы между трудовым потенциалом и капиталом» [13, с. 10].

Опираясь на исследования В. Н. Белкина, можно предположить, что возрастной трудовой потенциал является частью трудового потенциала всего персонала организации. У возрастного трудового потенциала работника есть своя стоимость, которая заключается в профессиональных знаниях, опыте, квалификации, когда происходит реализация профессиональных знаний на практике, стоимость этих знаний начинает приносить новую стоимость, которая есть возрастной человеческий капитал. Если в организации есть ежедневная оценка трудового вклада работников, то с помощью нее можно определить возрастной человеческий капитал. Если такая оценка не осуществляется, тогда сложно оценить человеческий капитал возрастных работников, так как он является частью человеческого капитала всего персонала и его трудно определить из общей стоимости. Через оценку труда по возрасту можно установить размер реализации человеческого капитала, работающего старшего поколения и ответить на дискуссионный вопрос: снижается или нет размер реализации человеческого капитала у возрастных работников. Таким образом, под возрастным трудовым потенциалом мы понимаем накопленный трудовой потенциал работника в дотрудовой, трудовой и послетрудовой периоды и его реализацию. Возрастной человеческий капитал — это реализованный трудовой потенциал возрастного работника, приносящий доход.

В обществе, как и в среде работодателей, сложились за долгое время и продолжают поддерживаться определенные стереотипы (установки) по отношению к людям старшего поколения (эйджизм). Считается, что пожилым людям свойственно ухудшение здоровья, памяти, медленное выполнение рабочих заданий, снижение мотивации труда, энтузиазма к работе, реализации трудового потенциала и человеческого капитала и т. п. Тем более это относится к освоению информационно-коммуникационных технологий, где необходимы умения, навыки, профессиональные компетенции работы на компьютере в различных программах, использование мобильных устройств, мобильных приложений и т. п. Но это не всегда так, так как все индивидуально и относительно. Важно найти пути преодоления сложившихся стереотипов, предрассудков, дискриминации по отношению к реализации возрастными работниками их трудового потенциала и человеческого капитала. Многое зависит не только от самого возрастного работника, но и от работодателя. При соответствующей поддержке работодателя, создании условий и организации труда для возрастного работника у него может возникнуть выбор остаться и, возможно, построить позднюю карьеру для реализации трудового потенциала или выйти на пенсию. Возрастной работник после окончания трудового периода вступает в послетрудовой период, который приходит с пенсионным возрастом. В этот период он может выйти из сферы труда, а может остаться и продолжить трудится. По мнению В. Н. Белкина, «этот переход индивидуален, происходит он в разном возрасте, при разном состоянии здоровья и т. д. Как правило, в этот период имеющийся трудовой потенциал используется в домашнем труде, любительских занятиях и т. д. В связи с тем, что в подавляющем большинстве вышедшие из сферы труда вновь производством товаров и услуг не занимаются, их трудовой потенциал не трансформируется в человеческий капитал, он не является источником добавленной стоимости» [4, с. 20]. Если же возрастной работник выбирает дальше трудиться, то его трудовой потенциал трансформируется в человеческий капитал.

Для наиболее полной реализации возрастного трудового потенциала задачей руководителей организаций в информационном обществе становится формирование соответствующих ценностей в корпоративной культуре организации: уважения, отношения доброжелательности, сотрудничества, создания благоприятных условий для работников старшего поколения. В свою очередь, возрастным работникам необходимо нахождение баланса без консерватизма и излишнего воспитания молодежи при передаче своего профессионального, а возможно, и жизненного опыта, мудрости от поколения к поколению. Информационное общество скорее создает новые возможности по продлению трудовой активности возрастных работников, чем препятствует ей.

Заключение

Проведенное исследование показало, что вопросам старения населения необходимо заниматься не только органам государственной власти и управления, но и работодателям. Для наиболее полной реализации трудового потенциала и человеческого капитала работников старшего поколения работодателям надо создавать такие социально-экономические условия и трудовые отношения в информационном обществе, которые будут мотивировать раскрывать свои знания, умения, навыки в организациях. Для этого мы предлагаем тем работодателям, в организациях которых возможен труд возрастных работников, в рамках локального документа разработать концепцию активного трудового долголетия как инструмент обеспечения конкурентоспособности организации в условиях старения населения. В содержании документа рекомендуется сделать акцент на поддержку возрастных работников, на ценность для организации их профессионального опыта, знаний, передачи их молодому поколению, на преодоление эйджизма, дискриминации по полу, возрасту и т. п.

Теоретическим результатом настоящего исследования можно считать ввод в научный оборот предложенные авторами определения понятий «возрастная трудовая активность», «возрастной работник», «возрастной человеческий капитал» и «возрастной трудовой потенциал», что позволит углубить анализ реализации трудового потенциала и человеческого капитала. Для решения вопроса связанного с реализацией человеческого капитала возрастных работников предлагается осуществлять оценку их трудового вклада и оценку трудового потенциала.

Для подтверждения поставленной гипотезы о том, что информационное общество открывает новые возможности в реализации трудового потенциала и человеческого капитала работающего старшего поколения, необходимо проведение дополнительных исследований.

Список источников

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий. Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 15.03.2022).

[2] Старшее поколение. Демографические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13877?print=1 (дата обращения: 15.03.2022).

[3] Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей в 2019 г. // Министерство труда и социальной защиты. URL: https://mintrud.gov.ru/social/270 (дата обращения: 15.03.2022).

[4] *Белкин В. Н.* Теория человеческого капитала предприятия. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 400 с.

[5] *Шестакова Н. Н., Васильев И. Г., Чистякова Н. Е.* Исследование человеческого капитала старших возрастов. Постановка проблемы // Вестник Пермского

университета. 2016. № 4(31). С. 31–48. (Экономика). https://doi.org/10.17072/1994-9960-2016-4-31-48.

[6] *Алешникова В. И., Бурцева Т. А., Нуриддинов З. А.* Социальный эффект реализации стратегий активного долголетия//Управление. 2020. Т. 8. № 4. С. 86–93. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93.

[7] *Mulders O. J.* Employers' age-related norms, stereotypes and ageist preferences in employment // International Journal of Manpower. 2020. Vol. 41, No. 5. P. 523-534. https://doi.org/10.1108/IJM-10-2018-0358

[8] A scoping review of the incentives for a prolonged work life after pensionable age and the importance of «bridge employment» / Carlstedt A. B., Brushammr G., Bjursell C., Nystedt P., Nilsson G. // Work. 2018. Vol. 60. №. 2. P. 175-189. DOI: 10.3233/WOR-182728.

[9] *Смирных Л. И.* Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий. Опыт европейских стран // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 104-124. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-104-124.

[10] *Дмитриева А. В.* Компьютерная грамотность как инструмент социального включения пожилых людей в современное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 3. С.184-197. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24294523 (дата обращения: 01.10.2021).

[11] Uncertain Futures: Organisational Influences on the Transition from Work to Retirement / C. Phillipson, S. Shepherd, M. Robinson, S. Vickerstaff // Social Policy and Society. 2019. Vol. 18(3). P. 335-350. https://doi.org/10.1017/S1474746418000180.

[12] Формирование запроса на социальное предпринимательство в интересах старшего поколения. На примере Томской области / О. П. Недоспасова, И. А. Павлова, Г. А. Барышева, Е. М. Рождественская // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 87–97. DOI: 10.17223/15617793/463/11.

[13] *Белкин В. Н.* Трудовой потенциал персонала организации // Челябинский гуманитарий. 2014. № 1 (26). С. 6-15.

References

[1] Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Appointment and Payment of Pensions" dated 03.10.2018 No. 350-FZ. Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (accessed on 03.15.2022).

[2] The older generation. Demographic indicators // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13877?print=1 (accessed on 03.15.2022).

[3] Report on the results of comprehensive monitoring of the socio-economic situation of older people in 2019 // Ministry of Labor and Social Protection. URL: https://mintrud.gov.ru/social/270 (accessed on 03.15.2022).

[4] *Belkin V. N.* Theory of human capital of the enterprise. Monograph. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2012. 400 p.

[5] *Shestakova N. N., Vasiliev I. G., Chistyakova N. E.* The study of the older adults' human capital: setting the problem // Perm University Herald. Economy. 2016. No. 4(31). Pp. 31–48. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2016-4-31-48.

[6] *Aleshnikova V. I., Burtseva T. A., Nuriddinov Z. A.* Social effect of the implementation of active longevity strategies // Upravlenie. 2020. V. 8. No. 4. pp. 86–93. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93.

[7] *Mulders O. J.* Employers' age-related norms, stereotypes and ageist preferences in employment // International Journal of Manpower. 2020. Vol. 41, No. 5. Pp. 523-534. https://doi.org/10.1108/IJM-10-2018-0358.

[8] A scoping review of the incentives for a prolonged work life after pensionable age and the importance of «bridge employment» / A. B. Carlstedt, G. Brushammr, C. Bjursell, P. Nystedt, G. Nilsson // Work. 2018. Vol. 60. No. 2. Pp. 175-189. https://doi.org/10.3233/WOR-182728.

[9] *Smirnykh L. I.* Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: experience of European countries // Voprosy ekonomiki. 2020. No. 12. Pp. 104-124. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-104-124.

[10] *Dmitrieva A. V.* Computer literacy as a tool for social inclusion of older people in modern society // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. Vol. 18, No. 3. Pp. 184-197 URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24294523 (accessed on 15.03.2022).

[11] Uncertain Futures: Organisational Influences on the Transition from Work to Retirement / C. Phillipson, S. Shepherd, M. Robinson, S. Vickerstaff // Social Policy and Society. 2019. Vol. 18(3). P. 335-350. https://doi.org/10.1017/S1474746418000180.

[12] Formation of demand for social entrepreneurship to serve the interests of the older generation (the case of Tomsk oblast) / O. P. Nedospasova, I. A. Pavlova, G. A. Barysheva, E. M. Rozhdestvenskaia // Tomsk State University Journal. 2021. No. 463. Pp. 87–97. https://doi.org/10.17223/15617793/463/11.

[13] *Belkin V. N.* Labor potential of the personnel of the organization // The Chelyabinsk Humanitarian. 2014. No. 1(26). Pp. 6-15.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-2
УДК 353.9; 614.2
JEL I10, I18, J13

АПРОБАЦИЯ ПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ОСНОВА УЛУЧШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ДЕТЕЙ[1]

Е. В. Ануфриева [а], Н. Г. Чевтаева [б]

[а] Уральский институт управления здравоохранением имени А. Б. Блохина (г. Екатеринбург, Россия). http://orcid.org/0000-0003-2727-2412

[б] Уральский институт управления — филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Россия). https://orcid.org/0000-0002-4223-3318

Автор для корреспонденции: Е. В. Ануфриева (anufrieva.el@gmail.com)

Аннотация. *В условиях сокращения численности детского населения состояние здоровья детей представляет собой актуальную медико-социальную проблему. По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, новой угрозой здоровью детей стало растущее бремя ожирения и других неинфекционных заболеваний. В большинстве случаев ожирение у детей обусловлено управляемыми факторами риска и относится к числу предотвратимых заболеваний. В настоящее время в России отсутствуют комплексные долгосрочные программы, направленные на профилактику детского ожирения. Ввиду отсутствия тарифов на оказание профилактических медицинских услуг в рамках обязательного медицинского страхования данная медицинская помощь не оказывается детям «бесплатно» в рамках Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Складывается ситуация, когда в условиях дефицита финансовых средств государство не может полноценно выполнять функцию охраны здоровья детского населения. В таких условиях привлечение бизнеса к решению социальных вопросов практикуется во многих странах. Одним из финансовых инструментов являются облигации социального воздействия. Апробация программ профилактики ожирения у детей в Свердловской области может быть реализована в рамках проекта социального воздействия.*

Ключевые слова: дети, избыточная масса тела, ожирение, социальный эффект, здравоохранение

[1] © Ануфриева Е. В., Чевтаева Н. Г. Текст. 2022.

Testing Social Impact Projects in the Healthcare Sector to Improve Public Health and Quality of Life for Children

E. V. Anufrieva [a)], *N. G. Chevtaeva* [b)]

[a)] Ural Institute of Public Health Management named after A.B. Blokhin (Ekaterinburg, Russia). http://orcid.org/0000-0003-2727-2412

[b)] Ural Institute of Management, Branch of the RANEPA (Ekaterinburg, Russia). https://orcid.org/0000-0002-4223-3318

Corresponding author: E. V. Anufrieva (anufrieva.el@gmail.com)

Abstract. *Considering the reduction in the child population, children's health status is an urgent medical and social problem. According to experts from the World Health Organisation, the growing burden of obesity and other non-communicable diseases has become a new threat to children's health. In most cases, obesity in children is due to manageable risk factors and is a preventable disease. Currently, there are no comprehensive long-term programmes aimed at preventing childhood obesity in Russia. In view of the absence of tariffs for the provision of preventive medical services in the framework of compulsory medical insurance, this medical care is not provided to children "free of charge" under the Program of State Guarantees of Free Medical Care to Citizens. In conditions of a shortage of financial resources, the state cannot fully fulfil the function of protecting the health of the child population. In such circumstances, the involvement of business in solving social issues is practiced in many countries. Social impact bonds are one of the financial instruments. Testing of programmes for the prevention of obesity in children in Sverdlovsk oblast can be implemented as part of a social impact project.*

Keywords: children; overweight; obesity; social impact; healthcare

Введение

В последнее десятилетие во всем мире наблюдают стремительный рост ожирения среди детей, приобретающий характер пандемии. По прогнозу экспертов Всемирной организации здравоохранения, проблема детского ожирения во всем мире будет только нарастать.

Избыточная масса тела является ведущим отклонением в физическом развитии у современных детей. В мире распространенность детского ожирения в популяции достигает 10 %, им страдает около 40 млн детей [1], а на фоне пандемии новой короновирусной инфекции прогнозируется еще более стремительный его рост. Вместе с тем, ожирение, начавшееся в детском возрасте, является фактором риска сахарного диабета 2-го типа, артериальной гипертензии, атеросклероза, синдрома апноэ, сердечно-сосудистых катастроф, неалкогольной жировой болезни печени и других заболеваний [2]. При этом ожирение у детей является предотвратимым заболеванием. В большей мере это обусловлено тем, что оно формируется под влиянием управляемых факторов риска [3]. В данной ситуации основные усилия должны быть направлены на ранее выявление проблемы и снижение или устранение влияния факторов риска.

Реализуемые в последние годы на государственном уровне меры[1] пока только определяют пути совершенствования и служат платформой для ре-

[1] Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента

ализации комплекса мер по выявлению причин, формирующих здоровье детского населения, и поиску эффективной модели оказания им медицинской помощи. До настоящего времени отсутствует единая государственная модель охраны здоровья детей, включающая вопросы эффективной профилактики заболеваний, не проработаны алгоритмы оказания данных видов медицинской помощи несовершеннолетним, что с учетом негативных изменений здоровья современных школьников требует поиска новых механизмов их реализации. Также в условиях дефицита финансовых средств система здравоохранения не может в полной мере обеспечить финансирование профилактических медицинских услуг.

Для выполнения своей социальной функции, включая охрану здоровья граждан, государство предпринимает целый ряд мер, направленных на привлечение частного капитала для осуществления социально значимых программ. В этой связи требуется поиск новых источников привлечения внебюджетных средств для решения социальных задач. К таким решениям можно отнести развитие социального предпринимательства, основными характеристиками которого являются социальное воздействие, направленное на смягчение существующих социальных проблем, постоянное развитие и тиражируемость [4]. К числу финансовых инструментов, способных реализовать различные социальные программы, относятся проекты социального воздействия (ПСВ). В России ПСВ [5] как финансовый инструмент закреплен в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг.

Социальные проекты в сфере здравоохранения достаточно активно реализуются в европейских странах и США с 2010 г. [6]. Профилактика детского ожирения обозначена как один из потенциальных будущих проектов социального воздействия [7].

Задачей государства является создание для каждого ребенка гарантированных, необходимых и достаточных условий для профилактики, своевременного выявления избыточной массы тела. Одним из инструментов решения данной проблемы может стать привлечение частного капитала для разработки и реализации пилотного проекта социального воздействия в сфере здравоохранения направленного на реализацию комплексного подхода в профилактике ожирения у детей. При получении положительного эффекта профилактические программы могут быть тиражированы.

Цель данного исследования — обоснование и разработка проекта социального воздействия направленного на профилактику ожирения у детей.

Материалы исследования

Были проанализированы данные статистической формы № 12 «Сведения о числе заболеваний, зарегистрированных у больных, проживающих в районе обслуживания лечебного учреждения» за период 2002–2019 гг. и формы № 030-ПО/о-12 и № 030-ПО/о-17 «Сведения

Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240.

о профилактических осмотрах несовершеннолетних» за 2013–2019 гг. Изучена система организации медицинской помощи детям с избыточной массой тела в первичном звене здравоохранения. Проведено анкетирование врачей педиатров, оказывающих медицинскую помощь детям с избыточной массой тела (125 чел.), родителей таких детей (212 чел.) и школьников с избыточной массой тела (161 чел.).

Результаты

Установлено, что по данным за 2019 г. распространенность ожирения у детей 0–14 лет в Свердловской области была выше, чем в целом по России на 20 % (12,5 ‰), чем по Уральскому федеральному округу на 21,9 % (12,3 ‰). Среди регионов УрФО Свердловская область занимает третье место по распространенности ожирения у детей и подростков.

За период с 2002 г. по 2019 г. распространенность ожирения у детей 0–14 лет увеличилась в 4,3 раза, тогда как у подростков 15–17 лет рост показателей происходил более высокими темпами — в 5,6 раза. По мнению исследователей [8], данные официальных форм государственной статистической отчетности не позволяют подробно проанализировать распространенность ожирения в разных возрастных группах. Для получения актуальных данных по полу и возрасту мы использовали результаты профилактических медицинских осмотров (форма 030-ПО/о-17 «Сведения о профилактических медицинских осмотрах несовершеннолетних»).

Анализ возрастной структуры показывает, что на долю детей 5–9 лет приходится 15 % от числа зарегистрированной избыточной массы тела и ожирения, наибольшая доля в группе 10–14 лет (58,2 %), на подростков 15–17 лет приходится — 20,7 %. Значимо чаще ожирение регистрируется у мальчиков в возрасте 10–14 лет, чем у девочек.

Результаты выборочного обследования, проведенного в 2020 г. в 70 школах г. Екатеринбурга в рамках реализации проекта ВОЗ — COSI (эпидемиологический надзор за детским ожирением) среди 3000 детей 7 лет показал, что 17 % имели избыточную массу тела (20 % мальчики, 14,2 % девочки), а 9,9 % ожирение (11,3 % мальчики, 8,5 % девочки). Эти данные сопоставимы с результатами, полученными в аналогичном исследовании по г. Москве, и подтверждают высокую распространенность ожирения среди детей, особенно мальчиков и смещение патологии на более младший возраст [9].

Высокая распространенность избыточной массы тела среди детей может быть обусловлена как распространенностью факторов риска в детской популяции, так и внешнесредовыми факторами. Например, высокий уровень урбанизации региона, развития транспортная инфраструктура, что способствует малоподвижному поведению за счет использования личного и общественного транспорта. Изменение технологий пищевой промышленности, доступность продуктов глубокой степени переработки с высоким содержанием добавленных соли и сахара, что существенно изменяет структуру питания населения, в том числе детей. Уровень

доступности спортивной инфраструктуры, включая уличные спортплощадки, парковые зоны, возможность использования спортивной инфраструктуры школы (школьные стадионы, бассейны) для занятий физической активностью вне учебы.

Результаты исследований образа жизни детей школьного возраста с избыточной массой тела в Свердловской области показали, что они менее физически активны, чем сверстники с нормальной массой тела, чаще пропускают завтрак в течение недели (48,1 %), регулярно употребляют пищу во время игр или работы на компьютере (27,8 %). Для этих детей в большей степени характерно малоподвижное поведение: длительное ежедневное нахождение у экранов электронных устройств (просмотр телевизора более 4 часов — 35,7 %, более двух часов у компьютера, 65,6 % ежедневное время в интернете 3,11 часа. 28,2 % отмечали у себя бессонницу более 1 раза в неделю на протяжении длительного времени, 59,5 % — неудовлетворительное качество сна, что может быть обусловлено длительным временем, проведенным перед экранами электронных устройств.

Рацион питания этих детей характеризуется выраженным дефицитом ежедневного потребления овощей и фруктов, высоким уровнем потребления сладостей и безалкогольных газированных сахаросодержащих напитков.

Эти данные позволили нам увидеть, что существует необходимость внедрения различных профилактических программ, направленных на модификацию образа жизни детей. При этом необходимо понимать, что изолированная работа только с ребенком не даст значительных положительных эффектов, работа должна вестись и в отношении семьи.

Часто дети с ожирением становятся жертвами психологической и физической неприязни со стороны сверстников с нормальной массой тела. У них развиваются выраженные психологические и эмоциональные проблемы, которые являются результатом социальной изоляции, дети отмечали у себя беспокойство, подавленность, одиночество [10]. Также они меньше ощущают поддержку семьи обсуждают с родителями свои проблемы, что оказывает негативное влияние на психологическое состояние. Таким образом необходимо не только прививать детям правильные пищевые привычки и стимулировать физическую активность, но и формировать устойчивость к стрессу, повышать психологические компетенции родителей с целью нормализации детско-родительских отношений.

Наряду с решением вопроса формирования здорового образа жизни ребенка и его семьи необходимо обеспечение качественной и доступной медицинской помощи. В Свердловской области, как и в других регионах, имеются существенные недостатки оказания медицинской помощи детям с избыточной массой тела в первичном звене здравоохранения. В первую очередь это обусловлено отсутствием финансирования комплексных долгосрочных профилактических программ. Складывается ситуация, когда дети из групп высокого риска по развитию ожирения не могут получить

полноценную качественную профилактическую медицинскую помощь «бесплатно» (в рамках программ госгарантий). При этом в центрах здоровья для детей предусмотрено создание школ для пациентов с избыточным весом для проведения углубленного профилактического консультирования и групповой работы [11]. Полноценное обследование, наблюдение и лечение предусмотрены только при наличии диагноза ожирение [12].

Свой вклад вносит и проблема несвоевременного выявления избыточной массы тела и ожирения у детей. В большей степени это обусловлено недостаточным уровнем у врачей первичного звена знаний по оценке физического развития и выявлению отклонений. По результатам анкетирования только 44,7 % указали правильную методику диагностики ожирения у детей, значимые параметры здоровья не оценивали 90 % врачей, 46 % указали, что проводят неполный объем обследований таким детям, несвоевременно направляют на консультацию к эндокринологу (52,4 %). При наличии установленного диагноза ожирения не проводится даже минимально необходимый объем динамического наблюдения за ребенком (47 %). Отсутствует практика направления детей на индивидуальное углубленное профилактическое консультирование в центры здоровья, обучение в школу для пациентов с ожирением. 47,9 % не знают, куда направить ребенка для углубленного профилактического консультирования, а 89,5 % указали на неготовность родителей к изменению образа жизни ребенка и соблюдению врачебных рекомендаций.

Результаты опроса родителей детей с избыточным весом подтверждают сложившуюся в обществе ситуацию отрицания проблемы ожирения «пухлый ребенок вызывает умиление», особенно если он дошкольного или младшего школьного возраста. Только у 42,5 % опрошенных родителей ожирение ребенка вызывало беспокойство, остальные не считали избыточный вес существенным нарушением здоровья. Самостоятельно за медицинской помощью обращаются чуть более 12 % семей. Нежелание заниматься проблемой избыточного веса у ребенка подтверждает тот факт, что полученные рекомендации по коррекции пищевого поведения, контролю массы тела ребенка соблюдали непродолжительное время (до 1 месяца) 41,2 %, не считали нужным что-либо менять в образе жизни — 26,7 %. Среди причин невыполнения рекомендаций 33,3 % отметили невозможность их выполнения, при этом 43,3 % высказали положительное отношение к обучению в школе для пациентов с ожирением. Это еще раз подтверждает необходимость работы со всей семьей, а не только с ребенком.

Таким образом, проблема избыточной массы тела носит мультидисциплинарный характер, предполагающий участие специалистов разного профиля: педиатров, эндокринологов, психологов, педагогов, с одной стороны, и самих детей и их родителей — с другой. Повысить эффективность медицинской помощи детям с избыточной массой тела возможно с помощью интенсивных целенаправленных ранних вмешательств у детей 6–8 лет междисциплинарными группами специалистов. Однако в настоящее

время требуется разработка механизмов финансирования таких программ.

Исходя из того, что здоровье населения, особенно детского, является основополагающей ценностью и ключевым показателем социально-экономического развития страны, проекты, направленные на совершенствование и повышение эффективности функционирования системы здравоохранения, должны при разработке и внедрении иметь приоритетное значение [13]. Стимулирование использования современных инвестиционных инструментов в сфере здравоохранения обусловлено тем, что в России всеобщий охват населения услугами здравоохранения в большей мере только задекларирован. Особенно это касается широкого спектра профилактической медицинской помощи, направленной на сохранение и укрепление здоровья, которая либо не финансируется, либо финансируется по остаточному принципу. В этой связи реализация проектов социального воздействия и привлечение дополнительных инвестиций в здравоохранение являются актуальными направлениями повышения доступности качественной профилактической медицинской помощи населению.

В контексте социального предпринимательства необходима дифференциация направлений и видов медицинской деятельности в зависимости от степени социальной значимости, что может отражаться в создании разных правовых режимов осуществления медицинской деятельности, определении возможного перечня мер государственной поддержки и иных стимулирующих мер [14].

Реализация комплексной долгосрочной программы по профилактике ожирения у детей 6–9 лет может явиться удачным вариантом апробации проекта социального воздействия в сфере здравоохранения на уровне региона.

В 2020 г. в Свердловской области была разработана модель профилактики детского ожирения, основанная на раннем выявлении избыточной массы тела у детей 6–9 лет, применении долгосрочных вмешательств, направленных на предотвращение развития ожирения, коморбидной патологии к подростковому возрасту, за счет формирования поведенческих механизмов сохранения мотивации у ребенка и родителей к долгосрочному управлению весом. В последующем она легла в основу разработки проекта социального воздействия «Профилактика ожирения у детей 6–9 лет, проживающих в Свердловской области» (Проект). По результатам экспертной оценки межведомственной рабочей группой данный Проект был выбран для реализации на территории Свердловской области в 2022–2024 гг.

В соответствии с Паспортом проекта социального воздействия в сфере здравоохранения[1] заказчиком Проекта выступает Министерство здравоохранения Свердловской области, Оператором Проекта — государственная

[1] Профилактика ожирения у детей 6-9 лет, проживающих в Свердловской области. Постановление Правительства Свердловской области № 187 ПП от 24.03.2022 О реализации проекта социального воздействия.

Корпорация развития ВЭБ.РФ. Исполнительным органом государственной власти Свердловской области, уполномоченным на проведение мониторинга реализации Проекта, проверку соблюдения условий и целей реализации соглашений о предоставлении гранта из областного бюджета на реализацию Проекта является Министерство здравоохранения Свердловской области. По результатам конкурса, проведенного Министерством здравоохранения Свердловской области, инвестором проекта выступает общество с ограниченной ответственностью «Агроторг».

Проект предполагает участие в нем не менее 3000 детей 6–9 лет, не менее 650 из которых совместно с родителями / законными представителями будут участвовать в комплексной долгосрочной программе по профилактике ожирения, и не менее 2350 детей — в скрининговой программе по оценке физического развития.

По завершению пилотной апробации предусмотрено достижение целевых показателей Проекта, а также краткосрочных и долгосрочных социальных эффектов, в первую очередь организация своевременного выявления избытка массы тела у детей на этапе первичного звена здравоохранения, включая медицинские кабинеты в образовательных организациях, обеспечение комплексного подхода по наблюдению за детьми с избыточной массой тела и вовлечение родителей / законных представителей, информационное сопровождение семей, включая реализацию образовательных программ для детей и родителей по вопросам питания. Использование принципов информационно-мотивационных технологий с учетом возрастных особенностей, мотивация на сохранение здоровья и повышение приверженности к лечению, а также формирование и повышение ответственности родителей за здоровье детей.

Реализация и тиражирование Проекта позволит в долгосрочной перспективе достигнуть следующих результатов: профилактика сахарного диабета 2-го типа во взрослом возрасте, снижение распространенности сердечно-сосудистой смертности, улучшение качества и продолжительности жизни населения.

Заключение

Реализация проектов социального воздействия в сфере детского здравоохранения позволяет правительствам внедрять и расширять основанные на фактических данных мероприятия, направленные на профилактику и устранение детерминант здоровья, не привлекая дополнительных государственных доходов. Проекты, направленные на улучшение здоровья детей, перспективны ввиду того, что при удачной реализации предотвращают последующие затраты на здравоохранение. В долгосрочной перспективе социальные эффекты от реализации проектов могут выходить за рамки исключительно сферы здравоохранения. Предполагается, что положительный опыт, полученный в ходе реализации проекта, может масштабироваться, в результате чего качество услуг будет повышаться и на других территориях.

Список источников

[1] Доклад комиссии по ликвидации детского ожирения. ВОЗ, 2016. 68 с. URL: http://www.who.int/end-childhood-obesity/publications/echo-report/ru/ (дата обращения: 05.04.2022).

[2] *Павловская Е. А., Багаева Е. В., Стародубова А. В.* Осложнения ожирения у детей и подростков // Вопросы практической педиатрии. 2012. Т. 7. № 3. С. 50-58.

[3] Подростковое ожирение и связанное с ним поведение. Тенденции и социальные неравенства в Европейском регионе ВОЗ, 2002–2014 гг. / Под ред. Inchley J., Currie D., Jewell J., Breda J., Barnekow V. ВОЗ, 2017. 88 с.

[4] *Филимендиков Ю. А.* Социальное предпринимательство в здравоохранении // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18, № 3. С. 275-282. https://doi.org/10.18334/rp.18.3.37293.

[5] Об организации проведения субъектами Российской Федерации в 2019–2024 годах пилотной апробации проектов социального воздействия: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 1491 // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72980288/ (дата обращения: 15.01.2022).

[6] *Iovan S., Lantz P. M., Shapiro S.* «Pay for Success» Projects: Financing Interventions That Address Social Determinants of Health in 20 Countries // Am J Public Health. 2018. No. 108 (11). Pp. 1473-1477. https://doi.org/10.2105/AJPH.2018.304651.

[7] *Galloway I.* Using Pay-For-Success To Increase Investment In The Nonmedical Determinants Of Health // Health affairs. 2014. Vol. 33 (11). Pp. 1897-1904. URL: https://www.healthaffairs.org/doi/10.1377/hlthaff.2014.0741 (дата обращения: 12.05.2022).

[8] Вопросы истинной заболеваемости и распространенности ожирения среди детей и подростков / И. Н. Мартынова, И. В. Винярская, Р. Н. Терлецкая, Е. В. Постникова, Г. С. Фролова // Российский педиатрический журнал. 2016. № 19. С. 23-28.

[9] World Health Organization. Childhood Obesity Surveillance Initiative (COSI) Factsheet. Highlights 2015-17. WHO, 2018. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/372426/WH14_COSI_factsheets_v2.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

[10] *Набойченко Е. С., Ануфриева Е. В., Устинова Н. А.* Психологические факторы, влияющие на формирование избыточной массы тела у подростков // Детская и подростковая реабилитация. 2019. № 3 (39). С. 38-44.

[11] Оказание медицинской помощи детскому населению в центрах здоровья для детей. Методические рекомендации. Москва : Силицея — Полиграф, 2017. 92 с.

[12] Ожирение у детей. Клинические рекомендации. 2021 // Рубрикатор клинических рекомендаций. URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/229_2 (дата обращения: 12.05.2022).

[13] *Жук С. Г., Селезнев П. С., Стуканова И. П.* Государственные социальные проекты в сфере здравоохранения. Актуальность развития в России и опыт зарубежных стран // Региональные проблемы преобразования в экономики. 2016. № 8. С. 47-54.

[14] *Бойко М. Г.* Правовой статус медицинских организаций как субъектов социального предпринимательства // Уральский журнал правовых исследований 2020. № 5. С. 7-14.

References

[1] Report of the commission on ending childhood obesity. WHO. 2016. 68 p. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/372426/WH14_COSI_factsheets_v2.pdf (accessed on 05.04.2022).

[2] *Pavlovskaya E. A., Bagaeva E. V., Starodubova A. V.* complications of obesity in children and adolescents // Clinical Practice in Pediatrics. 2012. Vol. 7. (3). Pp. 50–58.

[3] Adolescent obesity and related behaviours: trends and inequalities in the WHO European Region, 2002–2014 / eds. J. Inchley, D. Currie, J. Jewell, J. Breda, V. Barnekow. WHO, 2017. 88 p.

[4] *Filimendikov Yu. A.* Social entrepreneurship in public healthcare service// Russian Journal of Entrepreneurship. 2017. Vol. 18, No. 3. Pp. 275-282. https://doi.org/10.18334/rp.18.3.37293.

[5] On the organization of pilot testing for social impact bonds in constituent entities of the Russian Federation in 2019 — 2024: Decree of the Government of the Russian Federation of November 21, 2019 No. 1491. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72980288/ (accessed on 01.15.2022).

[6] *Iovan S., Lantz P. M., Shapiro S.* "Pay for Success" Projects: Financing Interventions That Address Social Determinants of Health in 20 Countries // Am J Public Health. 2018. No. 108(11). Pp. 1473-1477. https://doi.org/10.2105/AJPH.2018.304651.

[7] *Galloway I.* Using Pay-For-Success To Increase Investment In The Nonmedical Determinants Of Health // Health affairs. 2014. Vol. 33 (11). Pp. 1897-1904. URL: https://www.healthaffairs.org/doi/10.1377/hlthaff.2014.0741 (accessed on 12.05.2022).

[8] Questions of true incidence and prevalence of obesity in children and adolescents / I. N. Martynova, I. V. Vinyarskaya, R. N. Terletskaya, E. V. Postnikova, G. S. Frolova // Russian Pediatric Journal. 2016. No. 19. Pp. 23-28.

[9] World Health Organization. Childhood Obesity Surveillance Initiative (COSI) Factsheet. Highlights 2015-17. WHO, 2018. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/372426/WH14_COSI_factsheets_v2.pdf (accessed on 12.05.2022).

[10] *Naboychenko E. S., Anufrieva E. V., Ustinova N. A.* Psychological factors affecting the overweight in adolescents formation // Child and adolescent rehabilitation. 2019. No. 3(39). Pp. 38-44.

[11] Provision of medical care to the children's population in health centers for children. Guidelines. M.: Silicea — Polygraph, 2017. 92 p.

[12] Clinical guidelines «Obesity in children». 2021. URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/229_2 (accessed 12.05.2022).

[13] *Zhuk S. G., Seleznev P. S., Stukanova I. P.* The state social healthcare projects: importance of development in Russia and foreign countries experience // Regional Problems of Transformation of the Economy. 2016. No. 8. Pp. 47-54.

[14] *Boyko M. G.* Legal Status of Medical Organizations as Subjects of Social Entrepreneurship // Ural Journal of Legal Research. 2020. No. 5. Pp. 7-14.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-3
УДК 332.13, 332.14
J11, R11, R23

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ[1]

О. В. Артемова [а)], Н. М. Логачева [б)]

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (г. Челябинск, Россия)

[а)] https://orcid.org/0000-0003-4021-9739

[б)] https://orcid.org/0000-0001-7008-0446

Автор для корреспонденции: О. В. Артемова (artemova.ov@uiec.ru)

Аннотация. *Концентрация и усиление рисков в демографической, экономической, экологической сферах, истощение природных ресурсов, изменение климата, усиление геополитических конфликтов (мирового и регионального масштабов) ведут к изменениям условий жизни людей в мире, стране, регионах. Реакция российских регионов на глобальные изменения, с одной стороны, имеет общероссийский контекст, с другой — территориальную специфику относительно демографических процессов и изменений качества жизни населения. В статье обосновано усиление угроз снижения качества жизни населения в регионах под влиянием неблагоприятных факторов в демографической сфере. В качестве полигона исследования были выбраны регионы Уральского федерального округа. В рамках предложенной логики исследования был проведен статистический анализ демографических индикаторов с позиций их влияния на качество жизни населения регионов УрФО.*

Ключевые слова: вызовы и угрозы, демография, социум, экономика, качество жизни населения, регионы, пандемия

Influence of Demographic Factors on the Quality of Life of the Population in the Context of Global Challenges

O. V. Artemova [a)], N. M. Logacheva [b)]

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch RAS (Chelyabinsk, Russia)

[a)] https://orcid.org/0000-0003-4021-9739

[b)] https://orcid.org/0000-0001-7008-0446

Corresponding author: O. V. Artemova (artemova.ov@uiec.ru)

Abstract. *Concentration and intensification of risks in demographic, economic, environmental spheres, depletion of natural resources, climate change and escalation of geo-political (global and regional) tensions changed living conditions of people in the world, country, regions. On the one hand, reaction of Russian regions to global changes has an all-Russian context; on the other hand, regions differ in terms of demographic processes and changes in the quality of life of the population. The article substantiates intensification of threats to reduce the quality of life of the population in regions under the influence of unfavourable factors in demographic sphere. Regions of the Ural Federal District were chosen as the research site. A statistical analysis of demo-*

[1] © Артемова О. В., Логачева Н. М. Текст. 2022.

graphic indicators was conducted to examine their impact on the quality of life of the population in the Ural Federal District's regions.

Keywords: challenges and threats; demography; society; economy; quality of life of the population; regions; pandemic

Введение

В последние десятилетия глобальные угрозы, риски и катастрофы воспринимаются не как отдельные спорадические и уникальные явления (так называемые «черные лебеди»), а как перманентно присутствующие процессы практически во всех сферах жизнедеятельности. Недавним примером была и остается пандемия COVID-19, распространившаяся на весь мир, кризисные последствия которой еще нескоро будут преодолены. В целом же в мире количество и масштабы катастроф нарастают. Я. М. Миркин приводит данные о крупных бедствиях и катастрофах начиная с 1961 г. и до наших дней и отмечает, что «видны: 1) нарастание числа событий (крупных бедствий и катастроф) с максимумами в ±5 лет вокруг 2000 г.; 2) ежегодное число таких событий в последние четверть века колеблется в пределах 500–800. Число природных катастроф (вода, воздух, огонь) выросло в 1980–2019 гг. в 4 раза. Системно значимые события глобального масштаба, обладающие особенной силой влияния, происходят, по оценке, не менее чем 2–3 раза в десятилетие (без учета войн)» [1].

Многим аналитикам очевидно, что мир ожидает усиление рисков, опасностей и нестабильности во многих значимых сферах жизнедеятельности людей. Развитие событий, связанных с глобальными вызовами, авторами статьи представлено на рисунке 1.

В рамках предложенной схемы авторы сфокусировали свое внимание на демографическом аспекте, который рассматривает демографическую сферу как одну из основных сфер жизнедеятельности людей и значимый фактор, определяющий условия и уровень жизни населения.

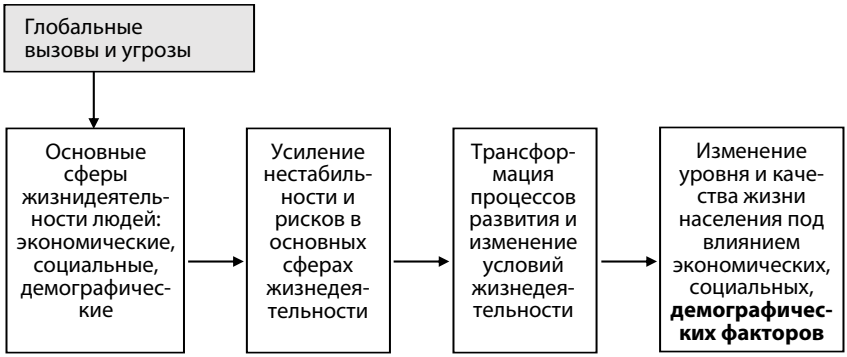


Рис. 1. *Влияние глобальных вызовов на основные сферы жизнедеятельности людей (источник: составлено авторами)*

При этом представлялось важным сопоставить и проанализировать тенденции, отраженные в динамике демографических индикаторов в РФ и регионах, чтобы понимать общероссийский и региональный контекст развития демографических процессов.

В этом контексте авторами поставлены вопросы о сопоставимости (направленности) тенденций демографических процессов в стране и регионах и о влиянии демографических факторов на качество жизни населения (КЖН) в регионах в условиях глобальных вызовов.

Обзор литературы

Демографическая ситуация в период пандемии анализируется многими учеными аналитиками, экспертами. Так, в работе А. О. Макаренцевой, Н. В. Мкртчян, Н. В. Зубаревич рассматриваются демографическая ситуация (рождаемость, смертность, естественный прирост населения, межстрановые и внутристрановые миграционные потоки и др.) и социально-экономическое развитие регионов России в период пандемии [2]. Глубокое исследование демографического развития России в условиях пандемии COVID-19, сопровождаемого рисками и угрозами, а также их последствиями изложено в монографии Е. П. Сигаревой, С. Ю. Сивоплясовой, Ю. Э. Плетневой [3]. Многие авторы рассматривают демографические вопросы в условиях глобальных вызовов применительно к регионам РФ, учитывая при этом общий российский контекст и особенности регионов. Отметим, что позиция по вопросу направленности общероссийских и региональных демографических тенденций уже сложилась у ученых. Так, А. Н. Ищенко полагает, что «демографическая и миграционная ситуация в стране в целом в решающей степени формирует ситуацию в ее отдельных регионах, поскольку, независимо от различий, факторы, определяющие это состояние, остаются одними и теми же. Системные особенности проявляются, в первую очередь, в формировании механизмов воздействия на демографические процессы. Их региональное проявление задается общими для страны условиями (правовыми, экономическими и др.), общей для страны стратегией демографического развития» [4, с. 17].

В условиях новой реальности демографические процессы претерпевают трансформацию. При анализе изменений демографических процессов ученые исходят из того, что «демографический процесс представляет собой совокупность событий рождаемости и смертности, обеспечивающих естественную смену поколений, влияющий на формирование трудовых ресурсов как составляющей общей численности населения и зависящий от социально-экономических факторов развития страны, региона, предприятия» [5, с. 377].

Изучая динамику демографических процессов в конкретном регионе за определенный период, исследователи отмечают влияние различных групп факторов:

1) общемировые модернизационные изменения (для объяснения особенностей и тенденций демографического развития мира, конкретных стран используются различные теории: экономическая теория рождаемости, теория «ценности» и «стоимости» детей, теория демографического перехода и др.) [6].

2) специфические российские изменения (сформированные историческими особенностями демографического развития, влияющими на возрастную структуру населения, социально-экономические, политические факторы);

3) региональные (этно-национальные, эколого-экономические и прочие факторы, имеющие место на территории конкретного региона).

Очевидно, что все факторы можно разделить на долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные. Демографические процессы достаточно инерционны, поскольку основаны на демографическом поведение, которое, в свою очередь, не меняется стремительно. В то же время, очевидно, что в условиях нестабильности краткосрочные, особенно внезапно возникшие факторы, способны влиять на изменение численности населения. В частности, глобальные вызовы (пандемия, экономический кризис, геополитические и пр.) оказывают влияние на готовность людей к рождению детей, а стресс и неопределенность — к снижению рождаемости, увеличению заболеваемости и смертности.

В науке существуют разные подходы и концепции, объясняющие демографические процессы. Одним из них является экономический подход, который исходит из признания зависимости демографических процессов от экономических факторов. При этом наблюдаются противоположные друг другу позиции:

— неомальтузианский подход (Х. Бешлоу, Х. Лейбенштейн, Р. Нельсон, Э. Фелпс и др.), который исходит из того, что высокие темпы роста численности населения снижают уровень жизни;

— подход, согласно которому рост населения происходит вместе с внедрением новых технологий и / или открытием новых ресурсов, что способствует экономического росту и развитию (Р. Харрод, Е. Домар) [7, с. 144–145].

В условиях новой реальности (концентрации глобальных вызовов и угроз экономического, социального, политического, военного характера и др.) демографические процессы не могут быть объяснены на основе отдельных факторов, они определяются комплексом различных факторов разного характера, длительности и интенсивности. Триггерами изменения процессов могут быть практически любые серьезные явления, изменяющие баланс накопленных благоприятных и неблагоприятных событий. В экономической сфере реакция на внешние шоки может возникать сразу (изменение фондовых индексов, цены на ресурсы, инфляция и др.), в демографической сфере — реакция на шоки, как правило, имеет отложенный характер и длительные последствия. Трансформация

демографических процессов, в свою очередь, влечет за собой изменение условий жизнедеятельности людей, которые наблюдаются длительное время.

Под воздействием внешних шоков (например, пандемии и введенных в связи с ней ограничений: изоляции, карантина, санкционного режима и ограничений передвижения между странами и др.) изменилось поведение людей, их предпочтения, образ жизни. Это, безусловно, повлияло на демографические процессы и качество жизни населения. С большой вероятностью следует предположить, что влияние и последствия глобальных угроз в демографической и экономической сферах будут носить долговременный характер.

В настоящий момент мы находимся на развилке: усиление нестабильности, деструкции и хаоса или выбор методов противодействия угрозам, снижение рисков, стабилизация и развитие социально-экономической и демографической ситуации, сохранение населения и улучшение его качества жизни. В рамках государственной демографической и социальной политики предусматривается комплекс дополнительных мер в сложившейся кризисной ситуации, направленных на преодоление неблагоприятных тенденций в этих сферах.

Материалы и методы

В данном исследовании акцентировалось внимание на глобальных вызовах в отношении демографии, которые приводят к изменению качества жизни населения в кризисные периоды.

В работе была использована информационная база статистического сборника «Регионы России, 2020».

Объектом исследования стали регионы Уральского федерального округа РФ. В исследовании использовался статистический анализ демографических показателей регионов УрФО за период 2018–2020 гг. При этом эти показатели были отобраны с целью определения их влияния на качество жизни населения регионов. Было проведено ранжирование регионов по уровню демографических показателей. Также были использованы результаты оценки КЖН (интегральные рейтинговые баллы по регионам), рассчитанные Рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» за 2018, 2019, 2020 гг. Это позволило осуществить позиционирование регионов УрФО по качеству жизни и демографическим показателям в трех вариантах: «КЖН — численность населения региона», «КЖН — коэффициент демографической нагрузки», «КЖН — степень урбанизации регионов».

Результаты и обсуждение

Индикаторы демографического процесса отражают воспроизводство населения, в том числе способного включиться в трудовую деятельность. Население, с одной стороны, представляет собой трудовые ресурсы региона и способствует его социально-экономическому развитию, с другой

Таблица 1

Численность населения в регионах УрФО, тыс. чел. на конец соответствующего года

РФ, Регион УрФО	Численность населения региона по годам			2020/2018, %
	2018	2019	2020	
РФ	146 780,7	146 748,6	146 171,0	99,6
Уральский федеральный округ	12 350,1	12 360,8	12 329,5	99,8
Курганская область	834,7	827,2	818,6	98,1
Свердловская область	4 315,7	4 310,7	4 290,1	99,4
Тюменская область без АО	1 518,7	1 537,4	1 543,4	101,6
Ханты-Мансийский АО	1 663,8	1674,7	1 687,7	101,4
Ямало-Ненецкий АО	541,5	544,4	547,0	101,0
Челябинская область	3 475,8	3 466,4	3 442,8	99,1

Источник: [8, с. 43–44].

— формирует запрос на комфортность проживания на территории и качество жизни.

В рамках статьи рассмотрены регионы УрФО. Данные по численности населения представлены за период 2018–2020 гг. (табл. 1), они позволили констатировать изменения, связанные с демографическими процессами в регионах (естественный прирост / убыль населения, миграционные потоки). В РФ за представленный период наблюдалось снижение численности населения, в 2020 г. по отношению к 2018 г. численность составила 99,6 %. При этом аналитиками отмечается, что естественная убыль населения России определялась в этот период числом умерших и числом зарегистрированных рождений. За январь — июль 2020 г. (пик пандемии) по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. родилось на 48,7 тыс. человек меньше, а умерло — на 57,9 тыс. больше. Оба этих фактора привели к ускорению естественной убыли населения. Однако если увеличение числа умерших носит временный характер из-за пандемии коронавируса, то падение числа рождений — это долгосрочный тренд [2].

В целом по округу и в трех регионах (Курганской, Свердловской и Челябинской областях) наблюдалась аналогичная тенденция: убывание численности населения. В Тюменской области и входящих в нее автономных округах численность населения незначительно, но росла.

Курганская область и ЯНАО сталкивались дополнительно с проблемой миграционного оттока населения [8, с. 92]. И если в ЯНАО удалось удержать положительную динамику по численности населения, то в Курганской области эти процессы наслаивались друг на друга, что усугубило ситуацию демографического неблагополучия.

Важным индикатором демографической ситуации является демографическая нагрузка (табл. 2), которая является обобщенной количественной характеристикой возрастной структуры населения, дающей

Таблица 2

Коэффициент демографической нагрузки регионов УрФО, на 1000 чел. трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов

РФ, Регион УрФО	2018		2019		2020	
	коэф.	ранг	коэф.	ранг	коэф.	ранг
РФ	804		775		785	
Уральский федеральный округ	803		775		784	
Курганская область	969	6	930	6	942	6
Свердловская область	846	5	815	5	822	5
Тюменская область без АО	783	3	759	3	774	3
Ханты-Мансийский АО	657	2	637	2	651	2
Ямало-Ненецкий АО	572	1	555	1	574	1
Челябинская область	841	4	810	4	817	4

Источник: [8, с. 57–58].

представление о нагрузке на общество непроизводительным населением. В РФ, УрФО и регионах УрФО наблюдалась неустойчивая ситуация по демографической нагрузке, графически ее можно определить знаком «V»: снижение показателя в 2019 г. относительно 2018 г. и его повышение в 2020 г.

Это определило разнонаправленные тенденции в регионах УрФО: при снижении в 2019 г. в Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областях и в ХМАО, значение коэффициента за 2020 г. хуже предыдущего. В единственном регионе (ЯНАО) после снижения наблюдался рост демографической нагрузки. При этом стоит отметить, что в ЯНАО в целом была самая благоприятная демографическая ситуация среди регионов УрФО.

Данные таблицы показывают, что за исследуемые годы положение регионов относительно друг друга не изменилось (сохранились соответствующие ранги). Межрегиональные сравнения позволили установить высокий уровень дифференциации регионов по коэффициенту демографической нагрузки (1,7 раза между ЯНАО, имеющим 1 ранг и Курганской областью, имеющий худший ранг).

Отягощающим фактором демографической нагрузки для ряда регионов УрФО являлось то, что большую долю нетрудоспособного населения составляли пожилые люди, которые вышли из репродуктивного возраста, не будут входить в состав трудовых ресурсов в будущем (табл. 3).

В РФ, УрФО, регионах УрФО доля населения моложе трудоспособного возраста практически не изменилась за период 2018–2020 гг. и осталась на уровне ниже, чем доля населения старше трудоспособного возраста. Однако населения старше трудоспособного возраста в среднем по УрФО и таких регионах, как Тюменская область, ХМАО и ЯНАО, меньше. Численность населения моложе трудоспособного возраста по сравнению со средним значением по РФ выше во всех регионах УрФО.

Таблица 3

Возрастной состав населения (оценка на конец года, % от общей численности населения)

РФ, Регион УрФО	Население старше трудоспособного возраста			Население моложе трудоспособного возраста		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020
РФ	25,9	25,0	25,3	18,7	18,7	18,7
Уральский федеральный округ	24,0	23,1	23,4	20,5	20,5	20,6
Курганская область	29,8	28,8	29,1	19,4	19,4	19,4
Свердловская область	26,2	25,2	25,3	19,7	19,7	19,8
Тюменская область без АО	22,2	21,3	21,7	21,7	21,8	21,9
Ханты-Мансийский АО	16,4	15,9	16,5	23,2	23,1	22,9
Ямало-Ненецкий АО	12,4	11,8	12,6	24,0	23,9	23,8
Челябинская область	26,2	25,3	25,5	19,5	19,5	19,5

Источник: [8, с. 51–56].

В «молодеющих» регионах УрФО (ЯНАО, ХМАО), имеющих долю населения моложе трудоспособного возраста больше, чем старше трудоспособного возраста, возможности демографического развития и расширения трудового потенциала выше. «Стареющим» регионам (Курганская, Свердловская и Челябинская области) важно учитывать этот факт при принятии решения в области социально-экономического развития.

Вместе с тем, в процессе исследования демографической ситуации в регионах УрФО, имеет значение урбанистический подход, который ставит демографические процессы в зависимость от степени урбанизации, подчеркивая, что репродуктивные установки на малодетность характерны для городского образа жизни. Это влияние представлено в ряде исследований [6, 7, 9].

Анализ показал, что степень урбанизации регионов УрФО практически не изменилась в исследуемом 3-годичном периоде (табл. 4), представляя собой достаточно инертный показатель.

При этом следует отметить, что урбанизация — сложный процесс, нюансы которого не в полной мере отражаются в статистике; есть, например, нерегистрируемая внутри региональная миграция временного характера, которую статистика не учитывает (например, во время пандемии).

В среднем по РФ наблюдается степень урбанизации ниже, чем в целом по УрФО. Межрегиональные сравнения с использованием ранжирования показали, что среди регионов УрФО самая высокая степень урбанизации характерна для ХМАО и уровень ее растет. При этом регион отличается высоким уровнем рождаемости (входит в десятку среди всех регионов РФ) [8, с. 65]. В то время как Курганская область, имеющая самую низкую среди регионов УрФО степень урбанизации, характеризуется достаточно низким уровнем рождаемости (в 2020 г. занимала 51-е место среди регионов РФ). При этом надо понимать, что закономерности

Таблица 4

Удельный вес городского населения в общей численности населения, %

РФ, Регион УрФО	2018		2019		2020	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
РФ	74,6		74,7		74,7	
Уральский федеральный округ	81,5		81,6		81,7	
Курганская область	62,1	6	62,2	6	62,3	6
Свердловская область	84,9	2	85,0	2	85,1	2
Тюменская область без АО	67,1	5	67,5	5	67,8	5
Ханты-Мансийский АО	92,4	1	92,5	1	92,6	1
Ямало-Ненецкий АО	83,9	3	84,0	3	83,9	3
Челябинская область	82,7	4	82,7	4	82,7	4

Источник: [8, с. 47–48].

демографических процессов определяются многими факторами, а урбанизация — один из них.

В свою очередь, демографические факторы влияют на условия и уровень жизни населения. Именно благосостояние людей и сохранение населения страны и регионов определяет цель социально-экономического развития — улучшение качества жизни населения. В таблице 5 представлены интегральные рейтинговые баллы, характеризующие качество жизни в регионах УрФО.

В УрФО наблюдается значительная дифференциация КЖН по регионам (разрыв практически в 2 раза между ХМАО, имеющим лучший показатель и Курганской областью, занимающей 6 место) и незначительные изменения рейтинговых баллов в годы исследования (4 региона из 6 сохранили свой ранг).

Так, единственным регионом, в котором наблюдался ежегодный рост интегрального показателя КЖН, была Курганская область, при этом

Таблица 5

Качество жизни населения регионов УрФО, интегральный рейтинговый балл

Регион УрФО	2018		2019		2020	
	балл	ранг	балл	ранг	балл	ранг
Курганская область	28,890	6	29,409	6	30,454	6
Свердловская область	56,672	3	57,141	3	56,590	4
Тюменская область без АО	56,302	4	57,022	4	56,780	3
Ханты-Мансийский АО	60,113	1	58,813	1	60,523	1
Ямало-Ненецкий АО	57,966	2	58,181	2	57,916	2
Челябинская область	52,435	5	52,118	5	51,230	5

Источник: Качество жизни в российских регионах — рейтинг 2018. URL: https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html, Качество жизни в российских регионах — Рейтинг 2019. URL: https://riarating.ru/infografika/20200217/630153946.html, Рейтинг регионов по качеству жизни — 2020. URL: https://riarating.ru/regions/20210216/630194647.html (дата обращения: 22.04.2022).

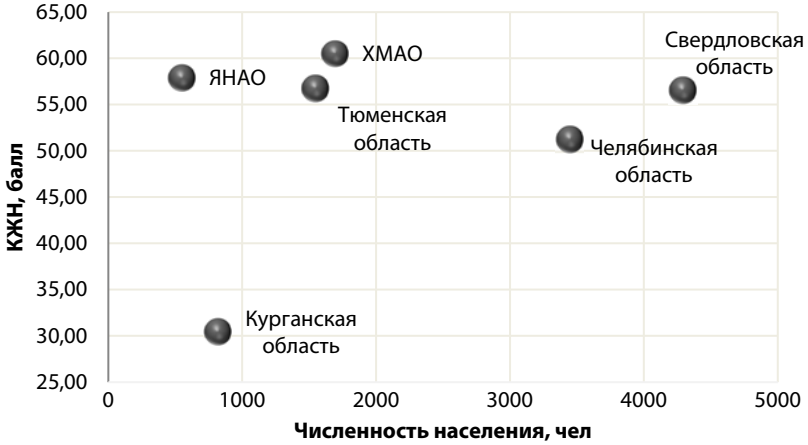


Рис. 2. *Позиционирование регионов УрФО по критериям «численность населения — качество жизни населения», 2020 г. (источник: составлено авторами)*

она все равно уступала по его уровню всем остальным регионам УрФО. В Челябинской и Свердловской областях наблюдалась нестабильная динамика (рост и снижение), которая привела к снижению качества жизни в 2020 г. относительно 2018 г.

Взаимосвязь между демографическим положением регионов и качеством жизни населения в них определялась авторами с помощью позиционирования. Визуализация позиционирования регионов УрФО показана на рисунке 2, она дает представление о взаимосвязи «численность население — качество жизни населения».

На рисунке явно выделяются две группы регионов:

1. Курганская, Челябинская, Свердловская области вписались в «диагональную» траекторию, где просматривается зависимость: регионы, имеющие меньшую численность населения, характеризуются более низким качеством жизни населения, а в регионах с большей численностью населения отмечено более высокое качество жизни. Это подтверждает положение о том, что мегаполисы имеют больше возможностей для предоставления более комфортных условий для жизни населения.

2. Интересно положение Тюменской области, ХМАО, ЯНАО, которые близки по численности населения (не отличаются высокой численностью), но при этом имеют высокую оценку по качеству жизни населения. Это достаточно богатые регионы с добывающей (нефтегазовой) отраслевой направленностью, высокими доходами населения, обеспечивающими высокий уровень жизни населения на данных территориях.

Позиционирование регионов УрФО в системе координат «коэффициент демографической нагрузки — качество жизни населения» (рис. 3) наглядно показывает, что регионы, имеющие меньшую демографическую

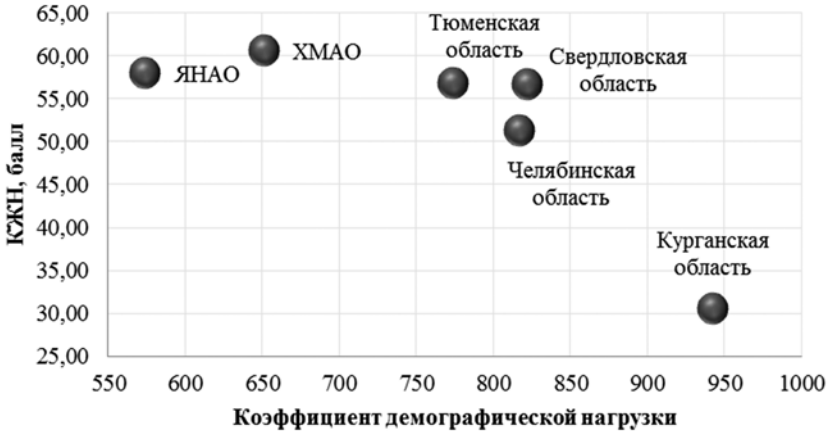


Рис. 3. *Позиционирование регионов УрФО по критериям «коэффициент демографической нагрузки — качество жизни населения», 2020 г. (источник: составлено авторами)*

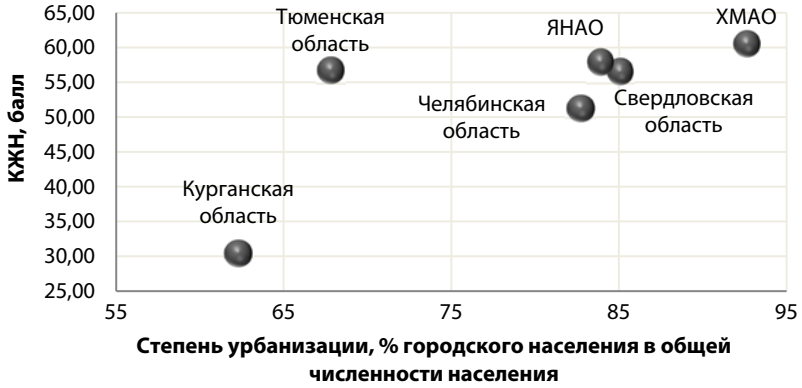


Рис. 4. *Позиционирование регионов УрФО по критериям «степень урбанизации регионов — качество жизни населения», 2020 г. (источник: составлено авторами)*

нагрузку (ЯНАО, ХМАО, Тюменская область), размещены выше по оценке качества жизни населения. Значительно удалена от других регионов УрФО Курганская область, характеризующаяся высокой демографической нагрузкой и низким качеством жизни населения.

Качество жизни населения является индикатором территориального развития демографической ситуации. Исследования показывают, что «развитые промышленные регионы имеют и лучшие демографические показатели. У этих территорий больше коэффициент прироста населения, выше миграционное сальдо, выше рождаемость, ниже смертность» [10].

Более высокая степень урбанизации также способствует более высокому качеству жизни населения. В частности, на рисунке 4, демонстрирующем позиционирование регионов УрФО по этим параметрам, практически все регионы (за исключением Тюменской области) «тяготеют к диагонали», что говорит о прямой зависимости между степенью урбанизации и КЖН.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволили ответить на поставленные вопросы: о направленности тенденций демографических процессов в стране и регионах и о влиянии демографических факторов на качество жизни населения в регионе в условиях глобальных вызовов.

Численность населения в РФ за период 2018–2020 г. убывала (неблагоприятная тенденция), в регионах УрФО складывалась аналогичная ситуация (за исключением Тюменской области).

В РФ, УрФО и регионах УрФО наблюдалась неустойчивая ситуация по демографической нагрузке.

Возрастной состав населения в РФ менялся в сторону увеличения удельного веса населения, старше трудоспособного возраста (неблагоприятная тенденция); в регионах УрФО ситуация аналогичная.

Степень урбанизации РФ и регионов УрФО практически не изменилась за рассматриваемый период, однако динамика в долгосрочном плане может меняться в связи со сложными и нелинейными процессами урбанизации и деурбанизации.

Таким образом, региональные тенденции демографических процессов во многом совпадают с общероссийскими. На 3-летнем периоде сложно выявить будущие долгосрочные тенденции демографического развития. Однако в контексте глобальных вызовов можно предположить, что будет усиливаться негативный демографический трек, определяемый глубинными факторами длительного развертывания, прежде всего, динамикой рождаемости и смертности, усиленными внешними шоками

Влияние демографических факторов на КЖН регионов УрФО определялось в работе путем позиционирования регионов, которое показало прямое влияние численности населения и степени урбанизации регионов на КЖН; по поводу коэффициента демографической нагрузки на КЖН определенного влияния не выявлено.

В дальнейшем авторы планируют сосредоточиться на анализе механизмов воздействия государственных органов управления на демографические процессы в условиях новой реальности.

Список источников

[1] *Миркин Я. М.* Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций. Политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 97-116.

[2] *Макаренцева А. О., Мкртчян Н. В., Зубаревич Н. В.* Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. № 10. С. 73-88.

[3] *Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Плетнева Ю. Э.* Риски демографического развития России в условиях пандемии COVID-19 и предварительные результаты // Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов [и др.]; под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова; вступ. слово А. В. Торкунова. Москва : Издательство Аспект Пресс, 2021. С. 155-172.

[4] *Ищенко А. Н.* Региональные особенности современного демографического развития России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2008. 49 с.

[5] *Григашкина С. И., Левина Е. И.* Сущность демографических процессов // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 374–378.

[6] *Дрепа Е. Н.* Теоретико-методологические подходы к исследованию демографических процессов // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2012. № 9(17).

[7] *Козлова О. А., Левина Е. И.* Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов. Эволюция теоретических концепций // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 144-153.

[8] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

[9] *Семенова О. В., Бутовская М. Л.* Рождаемость в современном российском обществе: роль экономических и культурных факторов в условиях растущей урбанизации // Урбанистика. 2019. № 2. С. 49–63. http://doi.org/10/7256/2310-8673/2019/2/28966.

[10] *Верхозина М. Ф.* Развитие демографической ситуации и качество жизни населения промышленного региона. На примере Кемеровской области: автореф. дис. ... канд. г. наук. 25.00.24. Алт. гос. ун-т. Новокузнецк, 2007. 20 с.

References

[1] *Mirkin Ya. M.* Transformation of the Economic and Financial Structures of the World: the Impact of Growing Shocks of Catastrophes // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2020. Vol. 13, No. 4. Pp. 97-116.

[2] *Makarentseva A. O., Mkrtchyan N. V., Zubarevich N. V.* Demographic situation and socio-economic development of Russian regions in the first half of 2020 // Russian Economic Development. 2020. No. 10. Pp. 73-88.

[3] *Sigareva E.P., Sivoplyasova S. Yu., Pletneva Yu. E.* Risks of demographic development of Russia in the conditions of the COVID-19 pandemic and preliminary results // COVID-19 pandemic: Challenges, consequences, counteraction: [monograph] / A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov et al.; eds. A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov; opening words A. V. Torkunov. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2021. Pp. 155-172.

[4] *Ishchenko A. N.* Regional features of modern demographic development of Russia. Abstract of Cand. Sci. (Econ.) Thesis: 08.00.05 Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation. Moscow. 2008. 49 p.

[5] *Grigashkina S. I., Levina E. I.* Implication of demographic processes // The world of science, culture and education. 2011. No. 6(31). Pp. 374-378.

[6] *Drepa E. N.* Theoretical and methodological approach to the study of demographic processes // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. No. 9(17).

[7] *Kozlova O. A., Levina E. I.* The Role of Social and Economic Factors in Formation of Demographic Processes: Evolution of Theoretical Concepts // Russian Journal of Economic Theory. 2019. Vol. 16, No. 1. Pp. 144-153.

[8] Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: Stat. col. Rosstat. M., 2021. 1112 p.

[9] *Semenova O. V., Butovskaya M. L.* Birth rate in the modern Russian society: the role of economic and cultural factors in the conditions of increasing globalization // Urban Studies. 2019. No. 2. Pp. 49-63. http://doi.org/10/7256/2310-8673/2019/2/28966.

[10] *Verkhozina M. F.* Development of demographic situation and quality of life of the industrial region`s population: on example of Kemerovo region. Abstract of Cand. Sci. (Geogr.) Thesis: 25.00.24. Altai state university. Novokuznetsk, 2007. 20 p.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4- 4
УДК 314.15
JEL J11, J18

СИСТЕМА РОДИТЕЛЬСКИХ ОТПУСКОВ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК[1]

А. П. Багирова [а], Н. Д. Бледнова [б], А. В. Нешатаев [в]
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)
[а] https://orcid.org/0000-0001-5653-4093
[б] https://orcid.org/0000-0001-5362-7905
[в] https://orcid.org/0000-0002-0145-7841
Автор для корреспонденции: А. П. Багирова (a.p.bagirova@urfu.ru)

Аннотация. *Одним из перспективных направлений отечественной демографической политики является развитие системы родительских отпусков. Авторы рассматривают и анализируют мировой опыт обеспечения гибкости этой системы через ряд элементов: возможность использовать отпуск при условии частичной занятости на рынке труда, возможность использовать отпуск частично, двумя родителями одновременно, другим членом семьи, возможность при определенных условиях получить дополнительный отпуск, возможность варьировать между продолжительностью отпуска и размером пособий. В качестве источника информации выступает Международный обзор политик и исследований родительских отпусков за 2021 г. Результаты исследования демонстрируют спектр возможностей изменения отечественной системы отпусков по уходу за ребенком.*

Ключевые слова: родительские отпуска, отпуск по уходу за ребенком, демографическая политика, семейная политика

The Parental Leave System in Russia: Opportunities for Transformation Based on Foreign Practices

A. P. Bagirova [a], N. D. Blednova [b], A. V. Neshataev [c]
Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
[a] https://orcid.org/0000-0001-5653-4093
[b] https://orcid.org/0000-0001-5362-7905
[c] https://orcid.org/0000-0002-0145-7841
Corresponding author: A. P. Bagirova (a.p.bagirova@urfu.ru)

Abstract. *One of the promising areas of the national demographic policy is the development of a parental leave system. The paper considers and analyses the world experience in ensuring the flexibility of this system through a number of elements: the ability to take leave working part-time; the ability to take a part-time leave; two parents taking leave at the same time; another family members taking leave; the opportunity to receive additional leave under certain conditions; the ability to change the duration of leave and benefits. The source of information is the 2021 International Review of Parental Leave Policies and Research. The results of the study demonstrate the range of possibilities for changing Russian parental leave system.*

Keywords: parental leave; maternity leave; demographic policy; family policy

[1] © Багирова А. П., Бледнова Н. Д., Нешатаев А. В. Текст. 2022.

Введение

В настоящее время на территории Российской Федерации в целях повышения рождаемости внедряются новые механизмы поддержки семей с детьми. Так, за последнее время появились такие принципиально новые меры, как предоставление материнского капитала на первого ребенка и ежемесячная выплата на детей в возрасте от 3 до 7 лет для семей с низкими доходами. При этом система отпусков по уходу за ребенком много лет в нашей стране остается стабильной и незыблемой, как по продолжительности, так и по разрешенным форматам их использования. В то время как в зарубежной практике постоянное совершенствование системы родительских отпусков рассматривается в качестве одного из важнейших инструментов семейной политики.

Цель нашего исследования — сравнение существующих зарубежных и отечественной практики организации системы родительских отпусков.

Обзор литературы

Российские исследования, посвященные теме родительских отпусков, в основном сосредоточены на проблеме слабого вовлечения отцов в процесс ухода и воспитания детей в целом и редкого использования ими отпуска по уходу за ребенком в частности [1, 2]. Рассматривались и основные характеристики зарубежных систем родительских отпусков [3].

В зарубежной литературе отмечается, что развитие системы родительских отпусков направлено на достижение гендерного равенства и облегчение родительской нагрузки [4, 5], а длительные родительские отпуска по уходу за ребенком обеспечивают вовлечение отцов в воспитание детей [6]. Кроме того, акцентируется внимание на том, что снижение занятости женщин и перераспределение работы по дому, в том числе за счет вовлечения отцов в родительские отпуска, благоприятным образом сказывается на репродуктивных установках [7].

Данные и методы

Источниками информации для нашего анализа были:

1) Международный обзор политики и исследований родительских отпусков за 2020 г., в котором представлены данные о политике родительских отпусков в 47 странах мира [8];

2) законодательство Российской Федерации в части предоставления родительских отпусков — в частости, статья 256 Трудового кодекса РФ, регулирующая продолжительность отпуска, механизм его использования и возможности его совмещения с работой, а также ограничивающая круг субъектов, имеющих право воспользоваться таким отпуском.

В ходе исследования мы анализировали частоту присутствия в политике родительских отпусков различных стран мира элементов, повышающих гибкость (или вариативность) их использования.

Результаты

Мы выделили 8 элементов гибкости системы родительских отпусков, которые реализуются в странах, представленных в ежегодном докладе. Распределение элементов гибкости по странам мира представлено на рисунке 1.

На рисунке 2 представлено распределение стран по количеству элементов гибкости, присутствующих в системе родительских отпусков.

Данные, представленные на рисунке 2, свидетельствуют о том, что по мере расширения вариативности системы отпусков происходит уменьшение числа стран. Есть лишь 1 страна, в которой гибкость системы максимальна — это Швеция. В Германии число варьирующихся элементов системы также велико — 7. Медиана составляет 3 — в половине проанализированных стран число элементов гибкости не превышает 3.

Рассмотрим каждый из элементов по отдельности.

1. *Возможность использовать отпуск при условии частичной занятости на рынке труда*. Это предполагает, что у родителя есть возможность совмещать профессиональную деятельность и родительский отпуск. В таком случае он может работать в режиме неполного рабочего дня, посвящая оставшуюся часть времени уходу за ребенком. При этом продолжительность отпуска продлевается. Такая возможность существует в 22 странах мира, среди которых Австрия, Хорватия, Дания, Чехия, Финляндия, Франция,

Рис. 1. *Распределение элементов гибкости по странам мира (источник: [8])*

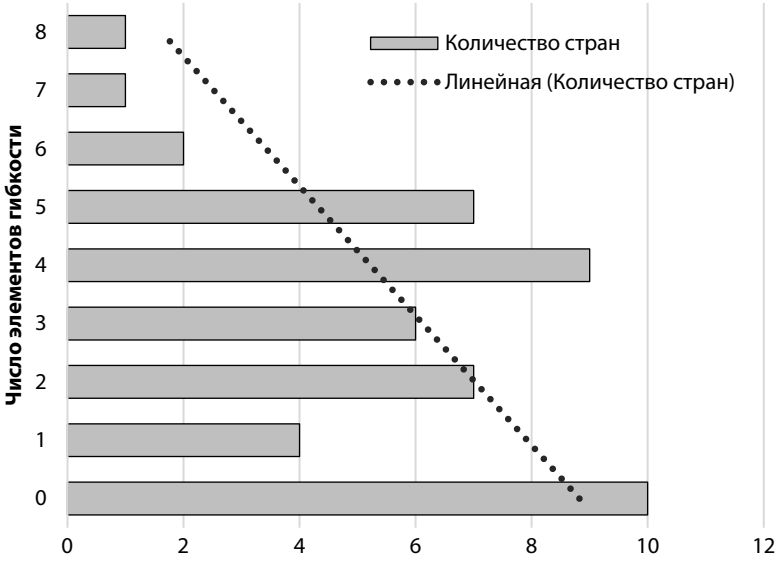


Рис. 2. *Страны по количеству элементов гибкости (источник: [8])*

Словакия и пр. Например, в Бельгии, где продолжительность отпуска составляет 4 месяца, родитель вправе работать в течение неполного рабочего времени. В таком случае отпуск будет продлен до 8 месяцев. Более того, жители Бельгии могут использовать всего лишь один день или половину дня отпуска в неделю. Это значит, что его длительность будет увеличена до 20 или 40 месяцев соответственно.

В России аналогичное право также закреплено на законодательном уровне. Согласно ст. 256 ТК РФ лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, могут работать на условиях неполного рабочего времени или на дому с сохранением права на получение пособия [9]. Однако в случае с Россией продолжительность отпуска не увеличивается, а остается неизменной.

2. *Возможность использовать отпуск полностью или частично*. Это означает, что родители вправе делить отпуск на пропорциональные части и использовать их в разное время. Например, в Польше 32-недельный родительский отпуск может быть разделен на 4 равных периода. 16 недель должны быть использованы непрерывно, однако оставшиеся части отпуска могут быть потрачены в любое время до конца календарного года, в котором ребенку исполнится 6 лет. Помимо Польши аналогичным правом могут воспользоваться родители в Швеции, Испании, Великобритании, Новой Зеландии, Латвии, Италии, Израиля, Германии и еще 17 странах мира.

В России возможность использования отпуска по уходу за ребенком по частям предусмотрена трудовым законодательством. Однако

реализуется эта возможность по-другому. Мать или другой родственник ребенка вправе в любое время до достижения ребенком трехлетнего возраста вернуться на рынок труда и в случае необходимости уйти в отпуск по уходу за ребенком снова. Тем не менее, в этом случае отпуск не продлевается, а неиспользованные из-за выхода на работу дни отпуска автоматически сгорают.

3. *Возможность использовать отпуск в течение более длительного периода при меньшем размере оплаты и наоборот*. Такая практика реализуется в 12 странах — например, в Португалии, Польше, Латвии, Германии, Люксембурге и пр. В Норвегии продолжительность родительского отпуска может составлять 49 или 59 недель. Если отпуск используется в течение 56 недель, то размер пособия равен 80 % от заработной платы работника. Однако в случае менее длительного нахождения в отпуске родитель вправе рассчитывать на пособие большего размера — 100 % от заработной платы.

В России размер пособия по уходу за ребенком не зависит от продолжительности отпуска — для работающих родителей он составляет 40 % от среднего заработка [10], при этом существует потолок — максимально устанавливаемый на каждый год размер пособия. Несмотря на то, что отпуск может быть использован до достижения ребенком возраста 3 лет, оплачивается только половина этого периода, т. е. 1,5 года.

4. *Возможность использования отпуска неродителем*. В зарубежной практике понятие «родительский отпуск» воспринимается буквально — в отпуске должны находиться родители ребенка. Именно поэтому возможность передачи права на использование отпуска другим лицам реализуется всего лишь в 10 странах. Среди них — Болгария, Эстония, Венгрия, Германия, Словения, Польша. Однако для этого права также есть свои ограничения. Например, в Германии бабушки и дедушки ребенка могут уйти в родительский отпуск лишь в том случае, если родителю ребенка еще не исполнилось 18 лет или он продолжает обучение в вузе. В Венгрии воспользоваться отпуском могут лишь те бабушки и дедушки, которые не являются пенсионерами. В Польше, помимо матери, находиться в отпуске могут только трудоустроенные или застрахованные члены семьи.

Российское трудовое законодательство предоставляет право на использование отпуска по уходу за ребенком не только матери, но и отцу, бабушке, дедушке или другому родственнику, фактически осуществляющему уход за ребенком. Это право не зависит от возраста или занятости лица — человек, взявший такой отпуск, может быть безработным, трудоустроенным или находиться на пенсии.

5. *Возможность взять отпуск в любое время до достижения ребенком определенного возраста*. Подобная практика распространена в 20 зарубежных странах. Например, в Нидерландах родительский отпуск (средняя продолжительность 26–30 недель) может быть использован до достижения ребенком возраста 8 лет. В Швеции родители вправе уйти в отпуск (продолжительность 18 месяцев) до достижения ребенком возраста 12 лет, однако

при условии, что только 96 дней отпуска могут быть использованы после того, как ребенку исполнится 4 года. В Великобритании отпуском можно воспользоваться до тех пор, пока ребенку не исполнится 18 лет. Помимо перечисленных стран, подобная практика реализуется в Германии, Италии, Дании, Эстонии, Южной Корее, Португалии и пр. В России такая возможность отсутствует.

6. *Возможность взять дополнительный отпуск в случае осложнений / многоплодных родов*. Такая практика есть в 20 странах, в том числе в Бельгии, Хорватии, Германии, Греции, Испании, Швеции, Норвегии и пр. Во Франции родительский отпуск, продолжительность которого составляет 36 месяцев, может быть продлен на год в случае серьезной болезни ребенка. В Финляндии родительский отпуск длится 158 рабочих дней, однако в случае многоплодных родов он может быть продлен на 60 дней за каждого дополнительного ребенка.

Фактически подобное право есть и в России, однако оно относится не к отпуску по уходу за ребенком, а к отпуску по беременности и родам. Как правило, отпуск по беременности и родам, согласно трудовому законодательству, длится 140 дней. Однако в случае многоплодной беременности и рождения сразу нескольких детей этот срок увеличивается до 194 дней. Для отпуска по уходу за ребенком такая возможность не распространяется.

7. *Возможность использования отпуска двумя родителями одновременно*. Согласно данным доклада, в 24 странах оба родителя могут использовать весь отпуск одновременно. Такая возможность есть у родителей из Швеции, Испании, Великобритании, Латвии, Польши, Германии и пр. При этом право на получение пособия имеет только один из родителей. В 6 странах родителям разрешается использовать часть отпуска в одно и то же время. Такая практика реализуется в Австралии, Австрии, Финляндии, Норвегии, Португалии и Швеции. Например, в Австрии, где родительский отпуск длится 2 года, оба родителя могут одновременно находиться в оплачиваемом отпуске в течение одного месяца. В Норвегии часть отпуска (15 или 19 недель) закрепляется за матерью (материнская квота), еще столько же — за отцом (отцовская квота). Оставшаяся часть является «общей». Во время общей части (за исключением периодов, предусмотренных норвежскими трудовыми соглашениями), а также во время отцовской квоты оба супруга могут находиться в отпуске одновременно. В России подобная практика полностью отсутствует.

Таким образом, из 8 существующих элементов гибкости системы родительских отпусков в России полноценно реализуется лишь один из них (рис. 3).

Заключение

Результаты нашего исследования выявили наличие существенных различий между отечественной и зарубежными системами родительских

Рис. 3. *Элементы гибкости в российской системе родительских отпусков*

отпусков в части допустимой вариативности их отдельных элементов. В России на данный момент отсутствует ряд возможностей, которые в период родительских отпусков реализуются за рубежом — например, таких, как изменение размеров пособия в зависимости от продолжительности отпуска, использование полного или части отпуска одновременно двумя родителями. Существует, в отличие от целого ряд стран, и ограничение на период, в течение которого можно использовать дни отпуска. Все это позволяет рассматривать российскую систему родительских отпусков как систему, имеющую высокий потенциал трансформации.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01847, https://rscf.ru/project/22-28-01847/

Список источников

[1] *Безрукова О. Н., Самойлова В. А.* «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90-101. http://doi.org/10.31857/S013216250005796-8.

[2] *Федотова О. А.* Политика гармонизации профессиональной и семейной жизни населения: новый подход к реализации социальной политики // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2012. № 1. С. 161-179.

[3] *Багирова А. П., Бледнова Н. Д.* Материнский и родительский отпуска как период интенсивного родительского труда: подходы к изучению // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Мат-лы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. 23-27 марта 2020 г. Вологда: ВолНЦ РАН, 350 с. С. 281-287.

[4] *Johansson T., Andreasson J.* Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life. London: Palgrave Macmillan, 2017. 238 p. http://doi.org/10.1057/978-1-137-58953-8_3.

[5] *Tamm M.* Fathers' parental leave-taking, childcare involvement and labor market participation // Labour Economics. 2019. Vol. 59. P. 184-197. http://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.04.007.

[6] *Hook J. L.* Care in context: Men's unpaid work in 20 countries, 1965–2003 // American sociological review. 2006. Vol. 71, No. 4. P. 639-660. http://doi.org/10.1177/000312240607100406.

[7] *Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T.* The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior // Population and development review. 2015. Vol. 41, No. 2. Pp. 207-239. http://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x.

[8] 17th International Review of Leave Policies and Related Research / A. Koslowski, S. Blum, I. Dobrotić, G. Kaufman, P. Moss. Hagen: Fern Universitat, 2021. 641 p. http://doi.org/10.18445/20210817-144100-0.

[9] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/. (дата обращения: 26.04.2022).

[10] Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/ (дата обращения: 26.04.2022).

References

[1] *Bezrukova O. N., Samojlova V. A.* 'Eager dads' and 'dads against their will', or why Russian dads are reluctant to go on parental leave // Sociological Research. 2019. No. 7. Pp. 90-101. http://doi.org/10.31857/S013216250005796-8.

[2] *Fedotova O. A.* Work-family balance policy: a new approach to implementing social policy // Scientific research of faculty of economics. Electronic journal. 2012. No. 1. Pp. 161-179.

[3] *Bagirova A. P., Blednova N. D.* Maternity and paternity leaves as a period of intensive parental labor: approaches to study // Global Challenges and Regional Development in the Mirror of sociological dimensions: proceedings of the V International Scientific and Practical Internet Conference (Vologda, March 23-27, 2020). Vologda: VolRC RAS, 350 p. Pp. 281-287.

[4] *Johansson T., Andreasson J.* Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life. London: Palgrave Macmillan, 2017. 238 p. http://doi.org/10.1057/978-1-137-58953-8_3.

[5] *Tamm M.* Fathers' parental leave-taking, childcare involvement and labor market participation // Labour Economics. 2019. Vol. 59. Pp. 184-197. http://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.04.007.

[6] *Hook J. L.* Care in context: Men's unpaid work in 20 countries, 1965-2003 // American sociological review. 2006. Vol. 71, No. 4. Pp. 639-660. http://doi.org/10.1177/000312240607100406.

[7] *Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T.* The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior // Population and development review. 2015. Vol. 41, No. 2. Pp. 207-239. http://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x.

[8] 17th International Review of Leave Policies and Related Research / A. Koslowski, S. Blum, I. Dobrotić, G. Kaufman, P. Moss. Hagen: Fern Universitat, 2021. 641 p. http://doi.org/10.18445/20210817-144100-0.

[9] Labor code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ. Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed on 26.04.2022).

[10] On compulsory social insurance in case of temporary disability and in connection with maternity: Federal law of December 29, 2006 N 255-FZ. Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/ (accessed on 26.04.2022).

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-5
УДК 314, 37.09
JEL classification:I21, I20

СИСТЕМА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ[1]

Е. Б. Бедрина [а)], К. В. Чернова [б)]
Институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Россия)
[а)] https://orcid.org/0000-0002-7420-7499
[б)] https://orcid.org/0000-0003-4375-8447
Автор для корреспонденции: Е. Б. Бедрина (Bedrina1967@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена вопросам развития демографического образования в России. Эмпирической базой исследования является информация о содержании образовательных программ различных уровней обучения в федеральных университетах России, полученная из открытых источников. Выбор федеральных университетов связан с их ключевой ролью в подготовке специалистов для региона. Целью исследования является оценка сложившейся системы демографического образования в федеральных университетах России. Исследование показало, что компетенции в области демографического образования востребованы в современных условиях. В результате исследования выявлено, что не на всех направлениях обучения демографическому образованию уделяется должное внимание, демографические дисциплины отсутствуют в большинстве учебных планов экономистов, существует дефицит демографических дисциплин прикладного и инструментального характера. Чаще всего демографические дисциплины изучаются на направлениях: социология, социальная работа и государственное и муниципальное управление. Создание научных центров и лабораторий, специализирующихся на региональных демографических проблемах, способствует развитию демографического образования на всех этапах образовательного процесса.*

Ключевые слова: демография, демографическое образование, демографические дисциплины, федеральные университеты России

The System of Demographic Education in the Federal Universities of Russia

E. B. Bedrina [a)], K. V. Chernova [b)]
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)
[a)] https://orcid.org/0000-0002-7420-7499
[b)] https://orcid.org/0000-0003-4375-8447
Corresponding author: E. B. Bedrina (Bedrina1967@mail.ru)

Abstract. *The article examines the development of demographic education in Russia. The empirical basis of the study is open source information on the content of educational programmes at various levels of education in federal universities in Russia. Federal universities were chosen due to their key role in training specialists for the region. The research aims to assess the current system of demographic education in federal universities in Russia. The study showed that competencies in the field of demographic education are in demand in modern conditions. The paper*

[1] © Бедрина Е. Б., Чернова К. В. Текст. 2022.

revealed that demographic education is not given due attention in all areas of study, demographic disciplines are absent in most of the curricula of economists, there is a shortage of applied and instrumental demographic disciplines. Most often, demographic disciplines are studied in the following areas: Sociology, Social work and State and municipal administration. The creation of scientific centres and laboratories specialising in regional demographic problems contributes to the development of demographic education at all stages of the educational process.

Keywords: demography; demographic education; demographic disciplines; federal universities of Russia

Введение

Современные демографические проблемы, стоящие как перед всем человечеством, так и перед российским обществом, являются серьезными вызовами для устойчивого развития, в связи с чем актуальность подготовки профессиональных кадров в различных областях деятельности со знаниями в области демографии не вызывает сомнения. Из-за роста влияния демографического фактора на социально-экономическое развитие общества, усиливается потребность в демографических знаниях у экономистов [1]. Рост интереса к изучению демографии среди студенческой молодежи России продемонстрировал и опыт проведения в 2021 г. Третьей Воскресной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова [2].

В настоящее время в России идет активный процесс по формированию профессиональных стандартов, которые должны стать основой подготовки требований к содержанию образовательных программ. Изучение профессиональных стандартов, принятых в России, подтверждает важность компетенций в области демографии у специалистов различных направлений. В частности, среди профессиональных стандартов были выявлены 6 из 36 укрупненных групп, для которых важны компетенции в области демографии:

02 — здравоохранение (специалист в области медико-профилактического дела, врач-кибернетик, специалист в области организации здравоохранения и общественного здоровья, врач-гериатр);

03 – социальное обслуживание (руководитель организации социального обслуживания, руководитель учреждения медико-социальной экспертизы, специалист по медико-социальной экспертизе, специалист по оказанию государственных услуг в области занятости населения, специалист по работе с семьей);

06 – связь, информационные и коммуникационные технологии (специалист по дизайну графических пользовательских интерфейсов, специалист по интернет-маркетингу);

08 – финансы и экономика (статистик);

10 – архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн (градостроитель, архитектор, ландшафтный архитектор);

21 – легкая и текстильная промышленность (специалист в области маркетинга детских товаров).

Однако профессиональные стандарты являются лишь ориентирами для высших учебных заведений, которые при разработке образовательных программ и составлении учебных планов обычно полагаются на уже имеющиеся компетенции своих сотрудников и профессиональные интересы кадрового состава ведущих кафедр. Отсутствие специалистов в области демографии порождает «кругооборот в природе», ограничивая подготовку демографических кадров, а значит, и эффективные решения демографических проблем. В результате возникает несоответствие между запросами общества, профессиональными стандартами, государственными образовательными стандартами и образовательными программами в области подготовке специалистов, выполняющих профессиональную деятельность.

Такое несоответствие было обнаружено при подготовке специалистов в сфере социальной работы и статистики. Кроме того, было замечено отсутствие демографических дисциплин в учебных планах на направлениях, связанных с информационными технологиями и маркетингом, а также при подготовке специалистов этого профиля в ряде медицинских и архитектурно-строительных вузов России [3]. Несмотря на это, на многих направлениях бакалавриата и магистратуры многопрофильных и специализированных вузов демографическое образование оказалось востребованным. Об этом свидетельствует разнообразие направлений профессиональной подготовки, в образовательные программы которых были включены демографические дисциплины, причем перечень этих направлений оказался значительно шире, чем перечень профессиональных стандартов с требованием демографических знаний и умений при выполнении трудовых функций [3]. Дальнейшая разработка профессиональных стандартов и продвижение демографических знаний призваны разрешить данное противоречие.

Развертывание демографических проблем в современной России происходит на фоне низкой демографической грамотности населения [4, с. 96–101], дефицита специалистов, обладающих компетенциями в области демографии, умеющих разрабатывать демографические программы, строить демографические прогнозы [5] и способствовать решению задач в области социально-демографической политики. А также в условиях низкой компетенции чиновников в области демографического развития [6, с. 200; 7, с. 961] и крайней ограниченности человеческих ресурсов российского образования в подготовке специалистов демографов [8, с. 62].

На наш взгляд, основная причина этого — сокращение преподавания дисциплин демографического характера и перевод их в разряд неприоритетного второстепенного [9] дополнительного образования. Причем эти процессы имеют место на всех стадиях получения образования, как общего, так и профессионального. А проблема свертывания демографического образования в России имеет длительную историю. Во-первых, еще

в советские времена зародилась идея о расширенном характере воспроизводства населения и отсутствии актуальности демографических знаний в «благополучном» советском обществе. Однако экономические неудачи, периоды голода и репрессий привели «засекречиванию» демографической информации и закрытию научных учреждений, изучающих вопросы народонаселения. Во-вторых, в 90-е годы XX в. происходило сокращение финансирования сферы образования и ее переориентация на рыночную экономику. В этот период из программ ряда образовательных учреждений были изъяты курсы по демографии в пользу добавления курсов по экономике и экономической теории. В-третьих, из-за сокращения контингента потенциальных абитуриентов (с 2010 г. по настоящее время) ввиду наличия демографических волн, многие вузы начали пересматривать свои учебные планы, сокращая дисциплины, читаемые сторонними кафедрами в целях сохранения кафедральной нагрузки. В-четвертых, сокращение преподаваемых демографических дисциплин также может быть объяснено кадровым голодом, а точнее ситуацией, когда лучшие специалисты в области демографии оказались сосредоточенными в столичных университетах и научных учреждениях. В-пятых, масла в огонь подлила и система ЕГЭ, так как география, на которой школьников знакомят с основами демографии, оказалась невостребованной [10, с. 10]. В-шестых, произошел пересмотр образовательных программ в пользу узкопрофильного и практикоориентированного образования, что также способствовали развитию данного негативного процесса. В-седьмых, отсутствие профессионального стандарта «Демограф», сдерживало развитие демографического образования.

Материалы и методы

Исследование построено на использовании компаративного анализа. Эмпирической базой исследования являются данные о содержании образовательных программ различных уровней обучения в федеральных университетах России (табл. 1).

Выбор федеральных университетов для проведения исследования может быть объяснен несколькими причинами. Во-первых, он связан с ключевой ролью, которую они играют в подготовке специалистов для регионов[1]. Во-вторых, данные университеты являются ведущими региональными вузами, о чем свидетельствует их попадание в различные международные и российские рейтинги. К примеру, в 2021 г. эти вузы, за исключением Крымского федерального университета, были включены в рейтинг информационно-аналитического агентства RAEX «100 лучших вузов России», 5 из них вошли в 100 лучших университетов России по версии Forbes, все они вошли в рейтинг «Национальное признание — 100» и т. п. (табл. 2). В-третьих, данные учебные заведения являются крупными

[1] Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273, п.3 // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174.

Таблица 1

Федеральные университеты в федеральных округах России

Регион	Университет	Год учреждения
Сибирский федеральный округ	Сибирский федеральный университет	2006
Южный федеральный округ	Южный федеральный университет	2006
Дальневосточный федеральный округ	Дальневосточный федеральный университет	2009
	Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Амосова	2009
Приволжский федеральный округ	Казанский (Приволжский) федеральный университет	2009
Уральский федеральный округ	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	2009
Северо-западный федеральный округ	Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова	2009
	Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта	2010
Северо-Кавказский федеральный округ	Северо-Кавказский федеральный университет, 2012, С-КФО	2012
Крымский федеральный округ	Крымский федеральный университет имени Вернадского	2014

многопрофильными университетами, что увеличивает шанс появления в их учебных планах демографических дисциплин.

Несмотря на то, что МГУ имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет, как и федеральные вузы, играют важную роль в подготовки специалистов для регионов, они исключены из анализа, так как столичные города являются центрами развития демографической науки и лидерами в области «пропаганды» демографических знаний, а их университеты могут рассматриваться в качестве завидного исключения.

Компаративный анализ включает три этапа. На первом этапе исследования проведена сравнительная оценка образовательных программ и учебных планов федеральных университетов за 2019 и 2022 гг. и выявлено количество направлений образования различных уровней, на которых ведутся демографические дисциплины. При этом к демографическим дисциплинам отнесены дисциплины, изучающие миграционные процессы. На втором этапе исследования проведена качественная оценка направлений образовательных программ федеральных университетов, на которых ведется преподавание демографических дисциплин. На третьем этапы исследования проведен анализ содержательной составляющей этих дисциплин.

Таблица 2

Федеральные университеты России в рейтингах лучших российских вузов, 2022 г.*

Университет	RAEX-100*1	Forbes-100*2	Общий рейтинг*3
Сибирский федеральный университет	23	49	18
Южный федеральный университет	28	36	8
Дальневосточный федеральный университет	25	41	52
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Амосова	40	—	90
Казанский (Приволжский) федеральный университет	20	22	5
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	12	11	7
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова	86		93
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта	77	—	100
Северо-Кавказский федеральный университет	74	—	35
Крымский федеральный университет имени Вернадского	—	—	71

* Ввиду неполноты информации не приведены данные по Балтийскому федеральному университету имени Иммануила Канта и Крымскому федеральному университету имени Вернадского.

*1 Рейтинг лучших вузов России RAEX-100 // Raex rating review. URL:https://raex-rr.com/pro/education/russian_universities/top-100_universities/2021.

*2 Рейтинг 100 лучших университетов России по версии Forbes // Forbes education. URL:https://education.forbes.ru/authors/rating-vuzov-2021.

*3 Рейтинг российских вузов «Национальное признание-100» // Univer.Expert. URL:https://univer.expert/akademicheskiye-reytingi-vuzov-2021/obshchiy-reyting-2021.

Результаты

Сравнительный анализ образовательных программ федеральных университетов России показал, что в 2022 г. количество направлений подготовки, на которых изучаются демографические дисциплины, возросло в Южном, Дальневосточном, Казанском, Уральском и Северо-Кавказском федеральных университетах. Сокращение имело место только в Северо-Восточном федеральном университете (табл. 3). Таким образом, в целом можно говорить о росте направлений подготовки специалистов высшего образования различных ступеней, включающих в свои образовательные программы дисциплины демографического характера.

Таблица 3

Количество направлений, на которых ведется преподавание демографических дисциплин в разрезе ступеней образования

Университет	Бакалавриат		Магистратура		Аспирантура	
	2019	2022	2019	2022	2019	2022
Сибирский федеральный университет	4	4	1	1	—	—
Южный федеральный университет	5	6	1	1	—	—
Дальневосточный федеральный университет	1	1	—	1	—	—
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Амосова	2	2	4	2	—	—
Казанский (Приволжский) федеральный университет	1	2	1	1	—	—
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	1	1	2	3	—	1
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова	6	6	5	5	—	—
Северо-Кавказский федеральный университет	2	3	—	1	—	1
Всего (условные направления)	22	25	14	15	0	2

Проектирование образовательного процесса достаточно гибко, ежегодно открываются новые направления подготовки, а старые закрываются. Так, в Южном федеральный университете в 2014–2015 гг. на бакалавриате по направлению подготовки «Экономика» студенты изучали такой предмет, как демография и экономика труда, в данный момент времени эта дисциплина в учебном плане отсутствует. Также была упразднена специализированная образовательная программа магистратуры «Историческая демография» по направлению подготовки «История». В тоже время в 2021 г. в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в учебный план программы магистратуры траектории «Международная экономика» был добавлен курс «Миграция и миграционная политика» и был открыт набор в аспирантуру по направлению «Демография».

Как показывают данные таблицы 4, демографические дисциплины включены в образовательные программы различных направлений подготовки. Анализ показал, что демографические знания, умения и навыки чаще всего содержатся в учебных планах социологов (направления «Социология» и «Социальная работа») и менеджеров на направлении «Государственное и муниципальное управление» и редко — в учебных планах экономистов. Хотя взаимосвязь и взаимообусловленность демографических и экономических процессов не вызывает сомнения. Было установлено, что не во всех федеральных вузах выпускники направления

Таблица 4

Направления образовательных программ федеральных университетов, на которых ведется преподавание демографических дисциплин, 2022 г.

Направление	Направленность (профили или образовательные программы)
1) Бакалавриат	
Управление персоналом	Управление персоналом; управление человеческими ресурсами
Социология	Социология; социальная теория и прикладное социальное значение; социальная работа с молодежью; социальные системы и отношения; социология управления; социальная структура, социальные институты и изменения
Социальная работа	Социальная работа; социальная работа с различными группами населения; социальное обслуживание и социальная работа с семьей; менеджмент в социальной работе
Политология	Сравнительная политология; политическая регионалистика и этнополитика
Международные отношения	Международные отношения и внешняя политика
История	История; история постсоветской России
Педагогическое образование	География
Зарубежное регионоведение	Евразийские исследования
Государственное и муниципальное управление	Управление развитием территорий; организация государственного и муниципального управления; информационно-аналитическое обеспечение государственного и муниципального управления; государственная и муниципальная служба; региональное и муниципальное управление
География	Пространственное планирование и управление развитием приморских территорий и морских акваторий
Организация работы с молодежью	Региональная и муниципальная молодежная политика
Юриспруденция	Государственно-правовой
Регионоведение России	Арктический регион России
2) Магистратура	
Социология	Социология управления; социология социальных изменений
Социальная работа	Социальная работа с различными группами населения
Политология	Политическая регионалистика и этнополитика
История	История Азии и Африки; Историческая урбанистика
Конфликтология	Национальная и региональная безопасность
Экономика	Экономика труда; региональная экономика; прикладная и международная экономика
Антропология и этнология	Социальная антропология народов Северо-Востока России

Окончание табл. 4 на след. стр.

Окончание табл. 4

Направление	Направленность (профили или образовательные программы)
Педагогическое образование	Гражданское образование в России: традиции и современность
Психология	Психология управления
Религиоведение	Межнациональные и межрелигиозные отношения
История	История и культура стран циркумполярного мира: сравнительные исследования
Юриспруденция	Право Арктики
География	Стратегическое и территориальное планирование
Зарубежное регионоведение	Страны и регионы мира: политика и экономика
Исследования и аналитика в ГМУ	—
3) Аспирантура	
Науки о земле	—
Демография	—

«Государственное и муниципальное управление» получают компетенции в области демографии, хотя подготовка управленцев данного уровня обязательно должна включать как минимум дисциплину «Основы демографии», так как одной из траекторий их профессиональной деятельности будет реализация социально-демографической политики.

Ведущую роль в развитии демографического образования играет научная составляющая деятельности университетов. Неблагоприятная демографическая и социально-экономическая ситуация, сложившаяся в регионах, заставляет федеральные вузы открывать исследовательские центры и научные лаборатории соответствующего профиля. Однако этому препятствует кадровый голод, который испытывают региональные научные организации.

В апреле 2017 г. при содействии Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке (АРЧК) на базе Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) был организован Исследовательский центр по вопросам демографического развития Дальнего Востока. Приоритетным направлением исследований данного научного Центра стало изучение вахтового метода работы сотрудников Дальневосточных компаний, а также участие в разработке и формировании региональной демографической политики. В этом же году в Северо-Восточном федеральном университете была организована Лаборатория экономики народонаселения и демографии НИИРЭС СВФУ. Основными направлениями исследований Лаборатории экономики народонаселения и демографии являются изучение процессов воспроизводства населения, оценка демографического потенциала, изучение семьи, домохозяйств и миграции населения, выявление экономико-демографических факторов сбалансированности регионального рынка труда. Сотрудники Лаборатории

экономики народонаселения и демографии разрабатывают региональные демографические прогнозы.

Важным направлением работы Лаборатории экономики народонаселения и демографии является участие в образовательном процессе Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова. Среди перечня работ названы подготовка научных кадров, разработка и методическое обеспечение учебных курсов по демографии, народонаселению и человеческим ресурсам, внедрение их в учебный процесс, чтение курсов лекций, проведение практических занятий по экономике народонаселения и демографии, региональной демографии, экономике трудовых ресурсов и т. п.

В настоящее время Исследовательский центр по вопросам демографического развития Дальнего Востока и Лаборатория экономики народонаселения и демографии занимаются проведением совместных исследований в сфере развития человеческого капитала на Дальнем Востоке, а также информируют СМИ по демографическим вопросам.

Следствием изучения демографических проблем в качестве научного направления в Дальневосточном федеральном университете можно считать расширение аспектов подготовки специалистов в области демографии. В частности, в 2018 г. при участии Исследовательского центра по вопросам демографического развития Дальнего Востока и Института социологии РАН в ДВФУ начал осуществляться набор студентов на новую образовательную программу магистратуры «Управление социально-демографическим развитием Дальнего Востока». Важно отметить, что студентами являются не только выпускники высших учебных заведений, но и представители администрации дальневосточных субъектов, работники СМИ и некоммерческих организаций, а также представители федеральных и региональных бизнес-структур.

В таблице 5 можно увидеть перечень дисциплин демографического профиля, представленных в образовательных программах федеральных университетов России.

Как показывают данные таблицы, спектр дисциплин демографического профиля достаточно разнообразен. Однако можно заметить значительную долю дисциплин миграционной направленности, что, с одной стороны, говорит об интересе к данному вопросу, с другой стороны, является, на наш взгляд, определенным перекосом, так как знания в области миграциологии в значительной мере основываются на знании основ демографии. Кроме того, можно заметить преобладание дисциплин теоретического (в меньшей мере — прикладного) характера и практическое отсутствие инструментальных дисциплин.

Также к недостаткам развития демографического образования можно отнести отсутствие приемлемости в преподавании демографических дисциплин при выстраивании вертикали образования. В то же время, включение в программы магистратуры общеобразовательных курсов

Таблица 5

Распределение демографических дисциплин в федеральных университетах России по уровням образования, 2022 г.

Уровень образования	Дисциплины по профилям	
	демографический	миграционный
Бакалавриат	Демография; основы демографии; демографические процессы в современном мире; география населения с основами демографии и этнографии; экономика народонаселения и демография; социально-демографические процессы в профильном регионе; социальная демография и этнография; региональная демография; демографические и миграционные процессы в арктическом регионе РФ	Социология миграции; миграционные процессы в молодежной среде; современные проблемы миграционных процессов; международная миграция; миграция и миграционная политика; демографические и миграционные процессы в арктическом регионе РФ
Магистратура	Демография; современные демографические процессы в России; этнодемографические процессы в России; методы регионального экономико-демографического анализа; социокультурные аспекты демографических процессов; современные демографические вызовы и демографическая политика: региональный аспект; социальное и демографическое развитие территории; демографическая политика; демографические процессы: миграции и естественное движение горожан	Миграционная безопасность; миграция и миграционная политика; современные проблемы миграционных процессов; миграционное право стран Арктического региона; основы трудового и миграционного законодательства; демографические процессы: миграции и естественное движение горожан

по демографии может быть оправдано, особенно в случае, когда магистерские программы рассматриваются в качестве повышения квалификации работающих специалистов.

Кроме того, федеральные университеты предоставляю возможности прослушать курсы повышения квалификации по демографии. Так, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта стал одним из первых участников нацпроекта «Демография». 11 мая 2022 г. университет на своем официальном сайте объявил о начале федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография».

В рамках проекта в университете проводится бесплатное обучение, по окончанию обучения будет выдан документ установленного образца (диплом о профессиональной переподготовке / удостоверение о повышении квалификации / свидетельство о профессии рабочего, должности служащего).

Обсуждение

Как показало исследование, «демографизация» высшего образования востребована на современном этапе развития России, в связи с чем происходит рост направлений, на которых изучаются дисциплины демографического характера. Кроме того, происходит увеличение разнообразия демографических дисциплин, что в целом соответствует комплексному подходу в изучении народонаселения, предложенному Д. В. Валентеем [11].

Тем не менее, не во всех федеральных университетах России и не на всех направлениях образования демографическому образованию уделяется внимание, демографические дисциплины отсутствуют во многих учебных планах экономистов. «Демографизация» образования чаще всего встречается на направлениях «Социология», «Социальная работа» и «Государственное и муниципальное управление» и охватывает различные уровни образования.

Хорошей практикой для развития демографического образования в регионе является создание исследовательских центров и научных лабораторий, специализирующихся на изучении региональных демографических проблем.

Важным этапом возрождения демографического образования в России может стать принятие профессионального стандарта «Демограф», разработанного Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИЦ РАН) [12, 13]. Регистрация данного стандарта позволит вузам открыть новое направление, позволяющее решить проблему кадрового голода среди специалистов в области демографии на региональном уровне.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Список источников

[1] *Калмыкова Н. М.* Траектории преподавания демографии в вузе // Вестник Московского университета. 2015. № 2. С. 17-26. (6. Экономика).

[2] *Воробьева О. Д., Лебедева Т. В.* Демографические знания, профессия демограф, эффективность демографической политики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). 2021. Т. 14. № 2. С. 41-49. (Социально-экономические науки).

[3] *Бедрина Е. Б., Чернова К. В.* Профессиональные стандарты как основа развития и совершенствования знаний в области демографии // Human Progress. 2021. Т. 7, Вып. 3. С. 5. URL: http://progress-human.com/images/2021/Tom7_3/Bedrina.pdf, DOI 10.34709/IM.173.5.

[4] *Золотарева О. А.* Демографическая грамотность как индикатор качества аналитического обеспечения стратегического управления // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2022. № 44. 15 с.

[5] *Вишневский А. Г.* В демографии все себя считают специалистами // Вишневский А. Г. Россия перед демографическим выбором. Выступления и интервью. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 309 с.

[6] *Ткаченко А. А.* История и современные проблемы преподавания курса «Демография». Российская специфика // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах. К 50-летию кафедры народонаселения. Девятые Валентеевские чтения. Сб. ст. и тезисов выступлений. Москва : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 195-203.

[7] *Bagirova A., Voroshiliova A.* The formation of demographic competencies of public servants as a new feature of Russian education // International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Albena: STEF92 Technology, 2014. P. 955–962.

[8] *Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Давлетшина Л. А.* Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 55-72. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.4.

[9] *Вишневский А. Г.* Проблемы демографии требуют научного подхода. Интервью // Демоскоп Weekly. 2010. № 415-416. (22 марта — 4 апр.). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/gazeta036.php.

[10] Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2019 года по географии / А. А. Лобжанидзе, Э. М. Амбарцумова, В. В. Барабанов, С. Е. Дюкова. Москва: Федеральный институт педагогических измерений, 2019. 27 с.

[11] *Валентей Д. И.* О системе демографических знаний (1973) // Вестник Московского университета. 2016. № 4. С. 134-148. (6. Экономика).

[12] *Ростовская Т. К., Золотарёва О. А.* Профессиональный стандарт «демограф» как ключевой механизм управления развитием кадрового потенциала в области народосбережения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 128–142. https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8865.

[13] *Ростовская Т. К., Золотарева О. А.* На пути к возрождению демографического образования в современной России // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8, № 1. С. 3-14. https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-1.

References

[1] *Kalmykova N. M.* Trajectories for teaching demography at the university // Moscow University Economic Bulletin. 2015. No. 2. Pp. 17-26.

[2] Vorob'yeva O. D., Lebedeva T. V. Demographic knowledge, profession demographer, effectiveness of demographic policy // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences. 2021. Vol. 14, No. 2. Pp. 41-49.

[3] *Bedrina E. B., Chernova K. V.* Professional standards as a basis for development and improvement of knowledge in the field of demography// Human Progress. 2021. Vol. 7, No. 3. P. 5. URL: http://progress-human.com/images/2021/Tom7_3/Bedrina.pdf, DOI 10.34709/IM.173.5.

[4] *Zolotareva O. A.* Demographic Literacy as a Quality Indicator of the Analytical Support of Strategic Management // Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2022. No. 44. 15 p.

[5] *Vishnevsky A. G.* In demography, everyone considers themselves specialists // Russia Facing a Demographic Choice: Speeches and Interviews. Moscow: HSE Publishing House, 2007. 309 p.

[6] *Tkachenko A. A.* History and modern problems of teaching the course «Demography»: Russian specifics // Demographic education and the study of population in universities (on the 50th anniversary of the Department of Population) (Ninth Valenteev Readings): collection of articles and abstracts of speeches. M.: 2017. Pp. 195-203.

[7] *Bagirova A., Voroshiliova A.* The formation of demographic competencies of public servants as a new feature of Russian education // International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Albena: STEF92 Technology, 2014. Pp. 955–962.

[8] *Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Davletshina L. A.* Demographic education in modern Russia: Mismatch between the needs and opportunities // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. Vol. 15, No. 2. Pp. 55-72. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.4.

[9] *Vishnevsky A. G.* Problems of demography require a scientific approach. Interview // Demoscope Weekly. No. 415 — 416. March 22 — April 4, 2010. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/gazeta036.php.

[10] Methodological Recommendations For Teachers Based On The Analysis Of Typical Mistakes Made By The Participants Of The 2019 USE In Geography / A. A. Lobzhanidze, E. M. Ambartsumova, V. V. Barabanov, S. E. Dukova. Moscow: Federal Institute of Pedagogical Measurements, 2019. 27 p.

[11] *Valentey D. I.* Population Knowledge System (1973) // Moscow University Economic Bulletin. 2016. No. 4. Pp. 134-148.

[12] *Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A.* Professional standard «Demograph» as a key mechanism for managing the development of human resourses in the field of people saving // Sociological Science and Social Practice. 2022. Vol. 10, No. 1. Pp. 128–142. https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8865.

[13] *Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A.* On the way to the revival of demographic education in modern Russia // Research result. Pedagogy and Psychology of Education. 2022. Vol. 8, No. 1. Pp. 3-14. https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-1.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-6
УДК 332.1, 314, 364.122.5
JEL J11

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ УРАЛА[1]

В. А. Безвербный [а)], О. О. Смирнов [б)], Т. Р. Мирязов [в)]
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия)
[а)] https://orcid.org/0000-0002-3148-7072
[б)] https://orcid.org/0000-0003-2684-2217
[в)] https://orcid.org/0000-0002-9143-1740
Автор для корреспонденции: Т. Р. Мирязов (Miryazov_timur@mail.ru)

Аннотация. *В исследовании делается попытка комплексного анализа социальных, экономических и демографических статистических показателей 19 моногородов Урала. Проведены анализ уровня экономико-демографического развития 19 моногородов и их сопоставление. Для этого в работе был предложен и апробирован индекс экономико-демографического развития поселений, который включает в себя 14 показателей данных муниципальной статистики.*

Ключевые слова: моногорода, Урал, развитие моногородов, индекс экономико-демографического развития поселений

Socio-Economic and Demographic Trends of Ural Single-Industry Towns

V. A. Bezverbny [a)], O. O. Smirnov [b)], T. R. Miryazov [c)]
Institute for Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia)
[a)] https://orcid.org/0000-0002-3148-7072
[b)] https://orcid.org/0000-0003-2684-2217
[c)] https://orcid.org/0000-0002-9143-1740
Corresponding author: T. R. Miryazov (miryazov_timur@mail.ru)

Abstract. *The study aims to comprehensively analyse the social, economic and demographic statistical indicators of 19 single-industry towns in the Urals. The examination and comparison of economic and demographic development of these regions was performed. To this end, the study proposed and tested the index of economic and demographic development of settlements, which includes 14 indicators of municipal statistics.*

Keywords: single-industry towns; Urals; development of single-industry towns; index of economic and demographic development of settlements

Введение

Урал — один из наиболее промышленных районов России. По географическому расположению и интенсивности экономических связей, к регионам РФ, составляющим этот район, следует отнести Свердловскую область, Челябинскую область, Пермский край, Курганскую область и Тюменскую область. Все месте они образуют достаточно значимую долю промышленного оборота России — по состоянию на 2020 г. суммарный вклад этих

[1] ©Безвербный В. А., Смирнов О. О., Мирязов Т. Р. Текст. 2022.

регионов в отгруженную продукцию по Российской Федерации составил 11,5 % [1].

Промышленность данных регионов зачастую связана с функционированием монопрофильных поселений — моногородов. Их количество варьируется от региона к региону, однако полностью они отсутствуют только в Тюменской области. Вкупе с населением этих поселений, она позволяет говорить если не о многозначительной, то о заметной роли городских монопрофильных образований в экономико-демографической структуре Урала.

Данная ситуация накладывает определенные обязательства на руководство регионов Урала — важно учитывать моногородскую специфику при реализации планов по общему комплексному территориальному развитию. В этом вопросе субъекты РФ зачастую руководствуются распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. «Об утверждении перечня моногородов», учитывая при этом обновленные редакции этого документа. Согласно нему, уровням развития моногородов соответствуют три категории в зависимости сложившейся социально-экономической ситуации в поселении [2]. К первой категории документ относит моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением, ко второй — где имеются риски его ухудшения, а к третьей — где эти риски сведены к минимуму и ситуация стабильна. К данной классификации применяется спектр цветовых обозначений, который обозначает первую категорию как «красную», вторую — «желтую», а третью — как «зеленую». Если руководствоваться редакцией этого документа от 21 января 2020 года, то число моногородов в рассматриваемых четырех регионах составляет 44 единицы.

Что важно, в общей своей совокупности данные моногорода за последнее десятилетие практически не изучались — как правило, работы о моногородах Урала концентрировались только на отдельных поселениях, их проблемах и явлениях, которые с ними связаны. Эти исследования можно условно разделить по региональному критерию. Так, в работах по моногородам Свердловской области рассматривалось как посредством оптимизации внутренней миграции существует возможность решить накопившиеся проблемы этих поселений [3, с. 315–320.], исследовались пути стратегического развития моногородов [4, с. 95–103], проанализированы вопросы комплексного преобразования их хозяйства [5, с. 115–117], оценивалось влияние цифровой экономики на развитие моногородов [6, с. 81–90], изучались проблемы рынка труда данных поселений в разрезе трудовой мобильности [7, с. 449–465].

В исследованиях моногородов Челябинской области рассматривались актуальные проблемы, потенциал и перспективы данных поселений [8, с. 87–89], изучались проблемы занятости в моногородах и способы их решения [9, с. 121–124], оценивались опыт первых ТОСЭРов в моногородах [10, с. 91–98], влияние градообразующих предприятий на устойчивость

рынка труда данных поселений [11, с. 58–62], рассмотрены комплексные стратегии повышения экономической активности моногородов [12, с. 79–83]. Аналогично в исследованиях моногородов Пермского края чаще всего описывалось социально-экономическое положение моногородов (например, г. Чусового) [13, с. 118–123], говорилось о зависимости от градообразующих предприятий [14, с. 225–228], обозревались возможные направления государственной поддержки пермских моногородов [15, с. 32–46], механизмы управления данными поселениями [16, с. 22–27], анализировались их эффективность и тенденции развития [17, с.1 6–26].

Наконец, работы по моногородам Курганской области за последнее десятилетие представлены в наименьшем количестве — их практически не публиковалось. Можно отметить исследование, в котором анализируется состояние сельских территорий области, куда отнесли также территории некоторых моногородов [18, с. 49–52], схожую работу по перспективам агропромышленного комплекса моногородов [19, с. 3–15], а также анализ инвестиционной привлекательности этих поселений [20, с. 35–45].

В свою очередь, данное исследование стремится преодолеть эту тенденцию — в нем осуществлена попытка проанализировать состояния моногородов Урала не поодиночке, а в некоторой совокупности (19 моногородов из 44) и сравнить эти поселения с помощью единого показателя «уровень социального, демографического и экономического состояния». Для этого для данной работы разработан индекс экономико-демографического развития моногородов, апробация которого и позволит представить результат сопоставления указанных состояний. В результате итогом исследования должен стать ранжированный перечень моногородов по уровню развития и предложенные возможные сценарии развития.

Методы

При определении социально-экономического и демографического состоянии поселения достаточно релевантным источником его оценки является муниципальная статистика, поэтому для анализа были выбраны наиболее полно отражающие развитие поселения, с точки зрения авторов, показатели местного учета. Они отбирались по принципу доступности во всех моногорода муниципальных данных для анализа и представляют собой следующую совокупность 7 демографических и 7 экономических мер:

1) общий коэффициент естественного прироста населения;
2) общий коэффициент миграционного прироста населения;
3) доля трудоспособного населения в общей численности населения;
4) доля людей младшего возраста к общей численности населения;
5) коэффициент демографической нагрузки;
6) специальный коэффициент рождаемости;
7) доля занятого трудоспособного населения;
8) оборот розничной торговли;

9) среднемесячная заработная плата;

10) объем отгруженных товаров;

11) прибыль организаций на территории муниципального образования

12) доходы муниципального бюджета;

13) отношение собственных доходов к расходам муниципального бюджета;

14) объем инвестиций в основной капитал.

Для сопоставления моногородов друг с другом, с Уральским макрорегионом и Российской Федерацией экономические показатели рассчитывались на душу населения либо, в зависимости от показателя, в процентах от его общего значения. Учитывая, что муниципальная статистика, как правило, характеризуется неполнотой, в большинстве случаев имелась возможность расчета лишь общих демографических коэффициентов.

Отдельно также разработан индекс экономико-демографического развития моногородов (индекс ЭДР), который показывает оценку рассматриваемых поселений по величине и темпам прироста среднегодовых социально-экономических и демографических показателей. В данной работе в него входит сравнение статики (величины показателей) и динамики (изменения показателей) в период с 2012 г. по 2019 г. Предлагаемый индекс позволяет оценить уровень развития моногородов через призму основных муниципальных показателей, которые непосредственно связаны с текущим состоянием населения, их демографическим поведением, а также сложившейся экономической обстановкой, которая в подобных монопрофильных поселениях особо заметно влияет на жизнь человека.

Структуру индекса образуют три этапа. На первом этапе формируется статика (S) используемых показателей по каждому поселению отдельно через расчёт среднегодовой величины — данные берутся как средняя арифметическая по каждому показателю:

$$AvgS_k = \frac{\sum Ind_{k_i}}{n}, \tag{1}$$

где $AsgS_k$ — среднегодовая величина k-го показателя (статики); Ind_{k_i} — величина k-го показателя в i-й период (год).

На втором этапе формируется динамика (D) используемых показателей по каждому поселению отдельно через расчет среднегодового прироста показателей — данные берутся как средняя геометрическая ежегодных коэффициентов роста в рассматриваемый период:

$$AvgD_k = \sqrt[i]{\frac{x_{k_{a_1}}}{x_{k_{b_1}}} \cdot \frac{x_{k_{a_2}}}{x_{k_{b_2}}} \cdot \ldots \cdot \frac{x_{k_{a_i}}}{x_{k_{b_i}}}}, \tag{2}$$

где $AvgD_k$ — среднегодовой прирост k-го показателя (динамики); $x_{k_{a_i}}$ и $x_{k_{b_i}}$ — значения k-го показателя в текущем (a) и базовом (b) годах i-го периода.

На третьем этапе происходит отдельное сопоставление среднегодовых величин (статики) и среднегодовых приростов (динамики) используемых показателей по рассматриваемым поселениями в единый индикатор сопоставления статики (динамики):

$$IndS_{k_n} = \frac{AvgS_k - 0}{AvgS_{k_{reg}} - 0}\ ;\ IndD_{k_n} = \frac{AvgD_k - 0}{AvgD_{k_{reg}} - 0}, \quad (3)$$

где $IndS(D)_{k_n}$ — индикатор сопоставления статики (динамики) k-го показателя n-го поселения; $AvgS(D)_k$ — значение среднегодовой величины (прироста) k-го показателя поселения, для которого считается индикатор $AvgS(D)_{k_{reg}}$ — значение среднегодовой величины (прироста) k-ого показателя по макрорегиону.

Индекс по отдельному городу считается как сумма всех его индикаторов статики и динамики относительно суммы индикаторов статики и динамики по макрорегиону:

$$I_n = \frac{\sum IndS_n + \sum IndD_n}{\sum IndS_{reg} + \sum IndD_{reg}}. \quad (4)$$

Индекс экономико-демографического развития представляет собой ранжирование результатов поселений относительно значений макрорегиона по возрастанию в соответствии с полученными оценками. Поселение, которое получило наибольший результат, имеет величину и прирост своих экономико-демографических показателей выше относительно остальных.

Результаты

В рассматриваемых для расчета индекса четырех регионах Урала на текущий момент исследованы 19 моногородов. В разрезе регионов это 7 городов Челябинской области, 5 городов Свердловской области, 4 города Пермского края, 3 города Курганской области. При этом большая часть из них относятся к так называемой «красной зоне» (15 городов), а остальные к «желтой» (4 города). На данном этапе такое деление призвано проследить что действительно ли имеется объективное различие в уровне социального, экономического и демографического развития среди городов разного уровня или же предлагаемое деление на цветовые обозначения носит скорее политический характер (либо полностью / частично основывается на иных, не статистических показателях).

Перед непосредственным анализом значений индекса ЭДР, авторами были определены общие черты рассматриваемых моногородов, которые позволили усреднить общие показатели этих поселений в одно, отражающее характеристики всех их взятых вместе. Подобная операция была проведена относительно демографических и экономических показателей, которые далее будут использованы в индексе. Общие результаты представлены в виде демографического и экономического портрета усредненного города по регионам в таблице.

Таблица

Демографический и экономический портреты усредненного моногорода по регионам

Портрет	Свердловская область	Челябинская область	Пермский край	Курганская область
Демографический (наиболее характеризующая выжимка на 2019 год)	превалирующая доля женщин (55 % и более)	ежегодно понижающаяся средняя доля трудоспособного населения (51,4 %)	ежегодно снижающаяся высокая доля трудоспособного населения (53,4 %)	крайне низкая доля трудоспособного населения (47,9 %)
	Высокая смертность и низкая рождаемость (ОКЕП около –4 ‰ и ниже), которые компенсируются миграционным притоком	Высокая смертность (ОКЕП около –8,5 ‰) вкупе с отрицательным сальдо миграции в город (ОКМП около –2,7 ‰)	Небольшая смертность (ОКЕП –2,9 ‰) и высокое отрицательное сальдо миграции в город (ОКМП –5,8 ‰)	Высокая ежегодно увеличивающаяся смертность (ОКЕП –5,7 промилле) и повышенная эмиграционная активность (ОКМП –6,9 ‰)
	Высокая для России фертильность на 1000 женщин около 60 новорождённых	Крайне низкая фертильность (35,8 новорождённых на 1 000 женщин)	Среднего уровня фертильность (53,2 рождений на 1 000 женщин)	Высокая для России уровня фертильность (58,6 рождений на 1 000 женщин)
	высокая доля пожилых людей относительно молодого населения (разность до 11 %)	ежегодно увеличивающаяся доля молодого населения (20,2 %)	повышающаяся высокая доля молодого населения (20,9 %)	большая нагрузка пожилыми (более 34 %)
Экономический (наиболее характеризующая выжимка на 2019 год)	Высокие объемы отгрузки (500–600 тыс. руб. на душу)	Низкие объемы отгрузки товаров (329,4 тыс. руб. на душу)	Минимальные объемы отгруженных товаров (88,8 тыс. руб. на душу)	Малые объемы отгруженных товаров (102,1 тыс. руб. на душу)
	Низкий уровень безработицы (1–3 %)	Заметная безработица (5,2 %)	Средняя безработица (около 4 %)	Высокая безработица
	обще областная средняя зарплата (около 39 000 руб.)	малая заработная плата (29,7 тыс. руб.)	малый размер заработной платы (25,5 тыс. руб.)	наименьшая заработная плата (22,6 тыс. руб.)
	Сильная зависимость от градообразующего предприятия	Нестабильная прибыль организаций (в т. ч. градообразующих)	Критически малая прибыль организаций (5,6 тыс. руб. на душу)	Отрицательная прибыль организаций (–0,7 тыс. руб. на душу)
	Неконкурентоспособная сфера услуг	Низкий оборот розничной торговли (около 53,1 тыс. руб. на душу)	Крайне низкий оборот розничной торговли (29,3 тыс. руб. на душу)	Низкий оборот розничной торговли (64,6 тыс. руб. на душу)
	Заметная дотационная часть бюджета (зависимость около 30–35 %)	Относительная бюджетная самостоятельностью (зависимость около 20–25 %)	Высокая зависимость от безвозмездных поступлений (42 % заимствований)	Крайне высокая бюджетная зависимость (57 % заимствований)

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным Росстата [21].

Данные из таблицы позволяют говорить о том, что в моногородах Урала к 2019 г. сложилась критическая демографическая ситуация, которая закономерно могла еще сильнее ухудшиться на фоне эпидемии коронавирусной инфекции. Так, для большей части исследуемых моногородов характерен тренд на ежегодное понижение численности трудоспособного населения — его величина опускается все ближе к 50 %, что говорит об исчезновении потенциальных кадров, которые особенно важны в поселениях с монопромышленной спецификой. Другой заметной тенденцией является активное вымирание населения и миграция в зарубежные страны и регионы РФ — практически везде общий коэффициент естественного прироста (ОКЕП) и общий коэффициент миграционного прироста отрицательны. Более того, для большинства моногородов характерен среднероссийский уровень фертильности (около 50 новорожденных на 1000 женщин детородного возраста) и ниже, что говорит о невозможности в перспективе восполнить убывающее население этих поселений. Наконец, для моногородов Урала характерно заметное старение населения — доля пожилых ежегодно увеличивается. Справедливости ради, эта тенденция распространяется не на все поселения, но является одним из вызовов для демографической политики Урала.

Что касается экономической ситуации, то в целом социально-экономическое состояние моногородов характеризуется как нестабильное. Однако здесь все зависит от анализа конкретных моногородов. Например, для моногородов Свердловской области характерны высокие объемы отгрузки товаров собственного производства — более 500 тыс. руб. на душу. Однако это неверно для моногородов Пермского края и Курганской области, где данный показатель находится в пределах 100 тыс. руб. на душу. В то же время каких-либо взаимосвязей уровня безработицы с другими экономическими показателями обнаружено не было — безработица в различных поселениях имеет различный уровень, в зависимости от региона. Другое дело — величина заработной платы, которая соответствует среднероссийским значениям в моногородах Свердловской области (39 тыс. руб.), заметно проседает в Челябинской области (29,7 тыс. руб.) и критически мала в моногородах Пермского края (25,5 тыс. руб.) и Курганской области (22,6 тыс. руб.), которые имеют меньшие значения отгрузки. При этом прибыль предприятий по большинству моногородов регионов нестабильна и / или отрицательна (за исключением Свердловской области). Также важно отметить сильно неконкурентоспособная сфера услуг, что отражено в том числе в низком обороте розничной торговле (до 60 тыс. руб. на душу), что заставляет население этих поселений перемещаться к качественным и уникальным товарам и услугам в столичные населенные пункты своих регионов. Наконец, следует сказать, что проблемы, которые возникают перед моногородами рассматриваемых регионов, администрации вынуждены разрешать за счет трансфертов вышестоящих уровнях, поскольку большая часть выплат, в том числе градообразующих предприятий идет

в бюджеты вышестоящих уровней, что увеличивает зависимость этих поселений и не позволяет оперативно решать общегородские проблемы на местах.

Важно понимать, что появление большей части из перечисленных проблем зависит от качества функционирования градообразующего предприятия — если оно находится в кризисе, то на экономико-демографическом состоянии поселения это отображается негативно, если же процветает — моногород имеет шансы на разрешение этих проблем, либо может продолжать стагнировать. Социологический опрос населения моногородов, проведенный сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН (от 100 до 300 анкет на поселение) подтверждает, что на сегодняшний день зависимость от градообразующих предприятий в схожих поселениях действительно актуальна.

Так, с точки зрения респондентов в большинстве случае градообразующие предприятия являются основными работодателями в моногородах (50 % ответов и более). Данный факт связан с тем, что на градообразующих предприятиях выплачивается наиболее высокая заработная (61 % ответов и более). Это вызывает определенные опасения, поскольку респонденты утверждают отрицательную динамику развития градообразующих предприятий (46 % ответов и более), что в будущем с существующей высокой зависимостью не позволяет говорить о стабильном и эффективном развитии моногородов Урала.

Указанные проблемы моногородов и тренды их развития можно проследить на двух составляющих показателях индекса экономико-демографического развития, которые представлены относительно показателей макрорегиона. Если взглянуть на первый — индекс величины экономико-демографических ресурсов, — то можно сделать вывод, что по статике показателей (по состоянию на 2019 г.) средний моногород отстает от уровня макрорегиона на четверть (24,6 %), то есть индекс ЭДР для среднего рассматриваемого города принимает значение в 0,754. Рассматривая распределение, следует отметить Карабаш, значение индекса которого (0,91) заметно превышает остальные моногорода — все это за счет высоких экономических показателей, которые вносят 62,4 % в общее значение индекса экономико-демографического развития, а также Бакал, который значительно отстает от других (0,65) в силу наиболее слабых экономических показателей и относительно средних демографических. Следует понимать, что это все города так называемой «красной зоны», в то время как города «желтой зоны», которые должны быть сильнее развиты относительно городов «красной зоны», группируются в левой части диаграммы, то есть заметно не отличаются от остальных моногородов и не занимают лидирующих позиций в правой части диаграммы. Все это позволяет на данном этапе начать дискуссию об оправданности существующей таксономии моногородов или необходимости ее обновления.

Так, известно, что эффект низкой базы позволяет достигать более высоких темпов роста того или иного индикатора благодаря низким

стартовым показателям. Это актуально и для описываемой ситуации. Закономерно, что наиболее слабые по статике показателей города, которые находились в левой части предыдущей диаграммы будут располагаться по показателям динамики в правой части диаграммы. И это действительно оказывается так. Более того, там находятся моногорода «желтой зоны» — Далматово, Петухово, Катайск и Нытва, показатели которых превышают значение макрорегиона на 0,01 и более. Разумеется, не следует абсолютизировать эффект низкой базы, поскольку изменения показателей могут быть связаны с иными эффектами, в том числе с целенаправленной государственной поддержкой именно городов «желтой зоны» в противовес «красной зоне».

В остальном, лидером по динамике показателей является Североуральск, значение индекса которого составляет 1,04 за счет большого роста экономических показателей, а аутсайдерами — Миньяр и Усть-Катав, где отмечается наименьший прирост экономических показателей. Средний моногород превышает динамику экономико-демографических показателей макрорегиона на 0,005 и более. Таким образом, сопоставление двух составляющих показателей индекса — статики и динамики — позволяет обнаружить противоречие в существующей государственной классификации моногородов по цветовому спектру.

Данный тезис подтверждает результирующее значение индекса экономико-демографического развития — города «желтой зоны» преимущественно располагаются в левой части диаграммы. Исключение составляет Нытва, которая представлена правее, но всё же заметно отстающая от городов-лидеров «красной зоны». В случае же Петухово, Катайска и Далматово, то они располагаются левее и заметно не отличаются от рассматриваемых других моногородов «красной зоны».

Если же говорить о получившихся результатах в целом, то прослеживается три условных группы городов со следующими значениями индекса ЭДР:

1. От 0,91 и более, в которую входят 5 городов, 3 из которых находятся в Свердловской области — Североуральск, Краснотурьинск и Первоуральск, а также 2 из которых находятся в Челябинской области — Аша и Карабаш. Подобное распределение закономерно — моногорода Свердловской области вслед за показателями данного региона являются лидирующими по величине экономико-демографических показателей, в то время как Пермский край и Курганская область действительно не являются развитыми относительно Свердловской и Челябинской области.

2. От 0,90 до 0,86, в которую входят 11 городов. В их числе: 3 города Челябинской области — Верхний Уфалей, Нязепетровск, Усть-Катав, 2 города Свердловской области — Волчанск, Карпинск, 3 города Пермского края — Очер, Нытва, Чусовой, 3 города Курганской области — Петухово, Катайск, Далматово. Как правило, это города с наличием серьезных проблем лишь в части экономически и / или демографических вопросах. Здесь

также среди моногородов «красной зоны» распределены четыре моногорода «желтой зоны», особо не выделяющихся среди остальных.

3. От 0,85 и менее, в которую входят 3 города — Бакал и Миньяр Челябинской области и Красновишерск Пермского края. Это глубоко депрессивные поселения с серьезными экономическими и демографическими проблемами, разрешение которых требует незамедлительных адресных мер и регионального участия.

При этом ни один моногород не превысил показатели макрорегиона в расчете индекса.

Заключение

Таким образом, в большинстве моногородов Урала за последнее десятилетие сложилась критическая демографическая и относительно нестабильная экономическая ситуация. Как показал предлагаемый индекс ЭДР, их развитие неоднородно и в перспективе не зависит от классификации, предлагаемой Правительством РФ — проблемы везде схожие и затяжное их игнорирование грозит упущением серьезной доли промышленного потенциала государства. Более того, статистическое отставание рассматриваемых моногородов от среднедушевых показателей макрорегиона позволяет говорить о том, что это все еще неконкурентоспособные поселения, которые проигрывают более развитым столичным и региональным центрам Урала.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ № 20-010-00924 «Социально-экономическая стабильность и демографическое положение моногородов Уральского федерального округа (Урало-Сибирского макрорегиона): моделирование сценариев развития».

Список источников

[1] Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial?print=1 (дата обращения: 02.12.2021).

[2] Об утверждении перечня моногородов. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 г. № 1398-р // Правительство РФ. URL: http://government.ru/docs/all/92337/ (дата обращения: 02.12.2021).

[3] *Некрасова Е. В.* Оптимизация внутренней миграции как механизм решения проблем моногородов Свердловской области // Экономика региона. 2012. № 2. С. 315-320.

[4] *Новикова Н. В., Черей А. В.* Стратегические направления экономического развития моногородов региона. На примере Свердловской области // Известия УрГЭУ. 2014. № 4 (55). С. 95-103.

[5] *Илюхин А. А.* Сбалансированное территориальное развитие: проблемы моногородов в Свердловской области // Интерактивная наука. 2017. № 5 (15). С. 115-117. DOI 10.21661/r-130106.

[6] *Масленникова А. Ю., Катвицкая Ю. С.* Цифровая экономика как драйвер развития моногородов Свердловской области // Аграрный вестник Урала. 2019. № 9 (188). С. 81-90. DOI 10.32417/article_5daf4305e77416.50295829.

[7] *Аникиева А. В.* Трудовая мобильность населения моногородов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 449-465. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536.

[8] *Гундарев А. А.* Моногорода Челябинской области. Актуальные проблемы, потенциал и перспективы развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. № 1 (13). С. 87-89. (Строительство и архитектура).

[9] *Медведев Е. А.* Проблемы занятости в моногородах и направления их решения. По материалам Челябинской области // Интеграция науки, общества, производства и промышленности. Сб. мат-лов конф., Казань, 13 янв. 2017 г. Казань: Аэтерна, 2017. С. 121-124.

[10] *Колесник Е. А.* Первые территории опережающего социально-экономического развития в Челябинской области. Опыт и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 91–98. (Политические, социологические и экономические науки). DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-91-98.

[11] *Васильева А. Г.* Влияние градообразующих предприятий на устойчивость рынка труда моногородов // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2020. № 2 (11). С. 58-62.

[12] *Швецова А. Ю., Позднякова Ж. С.* Моногорода Челябинской области: стратегия выживания // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2020. Т. 2, № 4 (31). С. 79-83.

[13] *Ризов А. Д.* Социально-экономическое развитие моногородов в условиях реконструкции градообразующих предприятий. На примере г. Чусовой Пермского края // Теория и практика сервиса. Экономика, социальная сфера, технологии. 2014. № 1(19). С. 118-123.

[14] *Ласунов А. Н.* Моногорода и градообразующие предприятия. Трансформация, факторы и особенности // Научное обозрение. 2015. № 5. С. 225-228.

[15] *Зуйкина А. С., Братчикова А. И.* Направления государственной поддержки развития моногородов в России в условиях экономических кризисов. На примере Пермского края // Ars Administrandi. 2016. С. 32-46. DOI: 10.17072/2218-9173-2016-2-32-46.

[16] *Загоруйко И. Ю., Печкина Е. В.* Механизм управления экономическим состоянием монопрофильных городов в Пермском крае // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 3. С. 22-27.

[17] *Оборин М. С., Фролова Н. В., Мальцева М. А.* Туристско-рекреационная деятельность как фактор диверсификации экономики моногородов региона // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12, № 4. С. 16-26. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10402.

[18] Земляных, Е. С. Современное состояние и перспективы социально-экономического развития сельских территорий Курганской области / Е. С. Земляных // Современные проблемы финансового регулирования и учета в агропромышленном комплексе. Мат-лы II всерос. нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Лесниково, 12 апр. 2018 г. / Под общ. ред. Сухановой С. Ф. Лесниково: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 2018. С. 49-52.

[19] *Пугин С. В.* Состояние и перспективы научно-технологического развития агропромышленного комплекса в Курганской области // Научное обеспечение реализации государственных программ АПК и сельских территорий. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Лесниково, 20–21 апр. 2017 г. Лесниково: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 2017. С. 3-15.

[20] *Невьянцева Л. С., Власова Н. Ю.* Инвестиционная деятельность депрессивного региона: тенденции и проблемы осуществления на современном этапе // Научный журнал НИУ ИТМО. 2020. № 2. С. 35-45. (Экономика и экологический менеджмент). DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-35-45.

[21] База данных показателей муниципальных образований // Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ykmb3eKg/munst.htm (дата обращения: 02.12.2021).

References

[1] The volume of shipped goods of own production, performed works and services on their own by the subjects of the Russian Federation: Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial?print=1 (accessed on 02.12.2021).

[2] Decree of the Government of the Russian Federation dated 29.07.2014 No. 1398-r “On approval of the list of single-industry towns” // Website of the Government of the Russian Federation URL: http://government.ru/docs/all/92337/ (accessed on 02.12.2021).

[3] *Nekrasova E. V.* Optimization of internal migration as a mechanism for solving the problems of monotowns in Sverdlovsk region // Economy of Regions. 2012, No. 2. Pp. 315-320.

[4] *Novikova N. V., Cherey A. V.* Strategic Directions of Economic Development in Single-Industry Towns of a Region (the Case of Sverdlovsk Oblast) // Journal of New Economy. 2014. No. 4(55). Pp. 95-103.

[5] *Ilyukhin A. A.* Balanced territorial development: problems of single-industry towns in the Sverdlovsk region // Interactive Science. 2017. No. 5(15). Pp.115-117. DOI 10.21661/r-130106.

[6] *Maslennikova A. Yu., Katvitskaya Yu. S.* Digital economy as a driver of development of single-industry towns in the Sverdlovsk region // Agrarian Bulletin of the Urals. 2019. No. 9(188). Pp.81-90. DOI 10.32417/article_5daf4305e77416.50295829.

[7] *Anikieva A. V.* Labor Mobility of People from the Monotowns in Sverdlovsk oblast // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2020. No. 5. Pp. 449-465. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536.

[8] *Gundarev A. A.* Single-Industry cities of Chelyabinsk region: urgent problems, potential and prospects of the development // Bulletin of the South Ural State University. Series: Construction engineering and architecture. 2013. No. 1(13). Pp. 87-89.

[9] *Medvedev E. A.* Problems of employment in single-industry towns and directions of their solution: based on the materials of the Chelyabinsk region // Collection of conference materials: Integration of science, society, production and industry, Kazan, January 13, 2017. Pp. 121-124.

[10] *Kolesnik E. A.* The first territories of priority socio-economic development in the Chelyabinsk region: experience and perspectives // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2018. No. 2. Pp. 91-98. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-91-98.

[11] *Vasilyeva A. G.* The influence of city-forming enterprises on the stability of the labor market of single-industry towns // Actual problems of modern science, technology and education. 2020, No. 2(11). Pp. 58-62.

[12] *Shvetsova A. Yu., Pozdnyakova Zh. S.* Monotogue towns of Chelyabinsk region: survival strategy // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk region. 2020. Vol. 2, No. 4(31). Pp. 79-83.

[13] *Rizov A. D.* Socio-economic development of mono-towns in the conditions of reconstruction of city-forming enterprises (on the example of the town of Chusovoi, Perm region) // Theory and practice of service: the economy, social sphere, technology. 2014. No. 1(19). Pp. 118-123.

[14] *Lasunov A. N.* One-company towns and dominant enterprises: transformation, factors and peculiarities // Scientific review. 2015. No. 5. Pp. 225-228.

[15] *Zuikina A. S., Bratchikova A. I.* Directions of state support of the single-industry cities in Russia in economic crises (case-study of Perm Krai) // Ars Administrandi. 2016. Pp. 32-46. DOI: 10.17072/2218-9173-2016-2-32-46.

[16] *Zagoruiko I. Yu., Pechkina E. V.* Mechanism for management for economic the state of monoprophile cities in the Perm region // Economic Problems and Legal Practice. 2017. Issue No. 3. Pp. 22-27.

[17] *Oborin M. S., Frolova N. V., Maltseva M. A.* Tourist and recreational activities as a factor of the economy diversification of single-industry towns in the region // Service in Russia and abroad. 2018. Vol. 12, No. 4. Pp. 16-26. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10402.

[18] *Zemlyanykh E. S.* Current status and prospects of social and economic development of rural areas of Kurgan region // Collection of conference materials: Modern problems of financial regulation and accounting in the agro-industrial complex, Lesnikovo, April 12, 2018. Pp. 49-52.

[19] *Pugin S. V.* State and prospects of scientific and technological development of agro-industrial complex in the Kurgan region // Collection of conference materials: scientific support for the implementation of state programs of agriculture and rural areas, Lesnikovo, April 20-21, 2017. Pp. 3-15.

[20] *Nevyantseva L. S., Vlasova N. Yu.* Investment activity in a depressed region: trends and problems of implementation at the present stage // Scientific journal of NIU ITMO. The series "Economics and Environmental Management". 2020. No. 2. Pp. 35-45. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-35-45.

[21] Database of indicators of municipalities // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ykmb3eKg/munst.htm (accessed on 02.12.2021).

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-7
УДК 331.101.3; 331.103
JEL J28, J31, J53

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ РАБОТАЮЩИХ ЖЕНЩИН С ДЕТЬМИ И БЕЗ ДЕТЕЙ[1]

Г. В. Белехова [а)], О. Н. Калачикова [б)]
Вологодский научный центр РАН (г. Вологда, Россия).
[а)] https://orcid.org/ 0000-0002-6373-9043
[б)] https://orcid.org/ 0000-0003-4681-4344
Автор для корреспонденции: Г. В. Белехова (belek-galina@yandex.ru).

Аннотация. *Приводятся результаты сравнительного исследования качества трудовой жизни работающих женщин с детьми и без детей. Анализ основан на материалах анкетного опроса населения трудоспособного возраста Вологодской области, проведенного в 2018 г. Установлено, что качество трудовой жизни работающих женщин с детьми и без детей во многом сходно. Наиболее существенные различия наблюдаются в структуре источников доходов, в степени удовлетворенности оплатой труда, условиями и организацией труда, в причинах занятости не по специальности, в ограничениях для реализации профессиональных качеств в трудовой деятельности. Отмечаются специфические особенности в зависимости от возраста женщин. Особо выделяется группа женщин 36-45 лет без детей, которые по многим аспектам КТЖ показывают неудовлетворительные оценки, что, вероятно, связано с конфликтом между достижениями трудовой жизни и неудовлетворенными потребностями в материнстве и семье.*

Ключевые слова: качество трудовой жизни, удовлетворенность трудом, материнство; условия труда, карьера

Quality of Work Life of Women with and without Children

G. V. Belekhova [a)], O. N. Kalachikova [b)]
Vologda Research Center of RAS (Vologda, Russia)
[a)] https://orcid.org/0000-0002-6373-9043
[b)] https://orcid.org/0000-0003-4681-4344
Corresponding author: G. V. Belekhova (belek-galina@yandex.ru).

Abstract. *The article presents the results of a comparative study of the quality of work life (QWL) among working women with and without children. The research is based on the questionnaire survey data collected from the working age population of Vologda oblast in 2018. It is defined that the quality of work life of women with and without children does not differ greatly. The most significant differences are observed in the structure of income sources, satisfaction with wages, working conditions and organisation, in the reasons for employment outside the profession, restrictions on the implementation of professional qualities in labour activity. The group of women aged 36-45 without children stands out: they are unsatisfied in many aspects of QWL, which is probably due to the conflict between achievements in working life and unmet needs for motherhood and family.*

[1] © Белехова Г. В., Калачикова О. Н. Текст. 2022.

Keywords: quality of work life; job satisfaction; motherhood; working conditions; career development

Введение

Удовлетворенность персонала выполняемой работой и качество его трудовой жизни (КТЖ) оказывают позитивное влияние на трудовую мотивацию, устойчивость занятости, производительность труда и, в конечном итоге, на успешность и конкурентоспособность организации [1, 2]. В России, по данным Росстата, на 2019 г. на женщин приходилось 48,7 % (34 916 тыс. чел.) в общей численности занятых в возрасте 15–72 лет на основной работе. Однако занятость женщин зачастую сопровождается дополнительной нагрузкой в виде выполнения домашних обязанностей, воспитания и ухода за детьми.

Особый путь большинства женщин, предполагающий совмещение профессиональной занятости и семейных обязанностей (в т. ч. материнства), сказывается на их трудовой деятельности, на качестве трудовой жизни в экономическом и социальном плане:

— оплата труда женщин с детьми обыкновенно более низкая, чем оплата труда коллег без детей;

— в связи с рождением детей возникают перерывы занятости, и, как следствие, возможны потери опыта работы и профессиональной квалификации у работающих матерей;

— «смещение баланса между работой и семьей в сторону последней» и некоторое снижение производительности труда у женщин с детьми;

— «стереотипное восприятие» работающих матерей со стороны работодателя и вероятные ограничения при найме, продвижении по службе, дополнительном обучении и пр. [3, с. 52–53; 4, с. 157].

Соответственно, для повышения эффективности социально-демографической и семейной политики необходимы не только взвешенные политические решения по обеспечению стабильной занятости матерей, материальной поддержки рождаемости, других институциональных изменений, но и частные организационные меры, направленные на обеспечение наилучшего качества трудовой жизни матерей и женщин, не имеющих детей. В данном контексте цель исследования состоит в сравнительной оценке субъективного восприятия качества трудовой жизни работающими женщинами с детьми и без детей, что позволит выявить проблемные аспекты трудовой жизни женщин и, соответственно, обозначить направления для дальнейшей работы по оптимизации социально-трудовых отношений.

Обзор литературы

Предметные исследования качества трудовой жизни разнообразны, однако проблематике влияния материнства на КТЖ работающих женщин не уделяется систематического внимания. В зарубежной науке

представлены исследования трудовой жизни женщин в контексте сфер занятости. Например, изучена профессиональная карьера женщин — работников академической сферы и установлено, что для матерей характерно более медленное продвижение в науке [5]; рассмотрены аспекты трудовой жизни женщин-работников в частном и государственном банковском секторе [6]; показано положительное влияние высокого КТЖ женщин-работников сферы услуг на поддержание баланса трудовой и личной жизни, а также на качество жизни в целом [7]. Выделяются исследования трудовой жизни работающих матерей в контексте их семейного положения. В частности, анализируется баланс времени между работой и семьей [8], изучается влияние характеристик занятости (например, уровня образования, профессионального и должностного статуса) на финансовое положение семьи и родительские обязанности [9].

В работах отечественных авторов достаточное раскрытие получили вопросы психологических особенностей работающих женщин и степени их удовлетворенности трудом [10], феномен «двойной занятости» [11], проблематика баланса работы и личной жизни [12–14], а также систематические различия в оплате труда женщин с детьми и без детей («штраф за материнство») [15, 16].

Таким образом, задача комплексного изучения и сравнительного анализа КТЖ работающих матерей и работающих женщин без детей проработана слабо. В частности, исследовательский интерес составляют вопросы о наличии различий в оценках КТЖ у указанных групп женщин, о влиянии их возраста на восприятие аспектов трудовой жизни.

Материалы и методы

В данном исследовании оценка КТЖ проводится в рамках субъективистского подхода посредством социологического опроса на основе измерения удовлетворенности работников некоторыми аспектами трудовой жизни.

Информационную базу исследования составили результаты социологического опроса населения трудоспособного возраста «Качество трудового потенциала», проведенного в 2018 г. на территории Вологодской области. Объем выборки — 1500 чел. Опрос прошел в 2 крупных городах и 8 районах области. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Способ сбора эмпирических данных: индивидуальное раздаточное анкетирование. Ошибка выборки — не более 3 %. Обработка данных проведена в программах SPSS Statistics и MS Excel.

В подвыборку вошли только работающие на момент опроса респонденты-женщины (имеющие детей, т. е. матери, и женщины без детей), либо занятые на основной работе, либо имеющие основную и дополнительную работу, либо сочетающие основную работу со случайными приработками, либо не имеющие основной работы и занятые только на приработках (всего 535 чел.). Социально-демографический профиль работающих женщин

с детьми и без детей схож. У 44 % матерей один ребенок, у 45 % — 2 ребенка, у 9 % — 3 ребенка, у оставшихся 2 % матерей — 4 либо 5 детей. Большая часть матерей состоит в браке (67 %), остальные либо одинокие (26 %), либо проживают совместно вне официального брака (7 %). Среди работающих женщин без детей основная часть одинокие (56 %), остальные либо состоят в браке (27 %), либо проживают совместно вне официального брака (17 %).

Перечень компонентов для качественной оценки КТЖ работающих матерей и женщин без детей являются авторской разработкой, подробно описанной в [17, с. 12–14].

Результаты

Оплата труда. В структуре источников доходов работающих матерей и работающих женщин без детей преобладающей является заработная плата по основному месту работы (95 и 94 % соответственно). Качественные характеристики материального вознаграждения за труд у женщин без детей преимущественно нейтральны, тогда как женщины с детьми проявляют более выраженную удовлетворенность, они во всех возрастных группах в большой степени удовлетворены размером оплаты труда, справедливостью ее начисления и системой стимулирования. Доля неудовлетворительных оценок приблизительно одинакова, с некоторым перевесом в группах женщин без детей в возрасте 16–25 лет и 36–45 лет и женщин в возрасте 26–35 лет с детьми. Удовлетворенность полнотой социального пакета в среднем схожа у обеих групп — 41 % среди женщин без детей, 45 % среди матерей, чуть большая удовлетворенность наблюдается у матерей в возрасте 16–25 лет, 36–45 лет и 46 лет и старше, неудовлетворенность более выражена у не имеющих детей женщин молодого (16–25 лет) и зрелого (36–45 лет) возраста (по сравнению с матерями аналогичных возрастных групп).

Несмотря на большую удовлетворенность аспектами оплаты труда, в абсолютном выражении уровень зарплаты у работающих матерей ниже, чем у женщин, не имеющих детей (17 283 руб. и 19 373 руб. соответственно). Исключение — возрастная группа 36–45 лет, в которой у женщин без детей отмечается самый низкий размер зарплаты (14 773 руб. по сравнению с 17 562 руб. у матерей), что, вероятно, может быть связано как с имеющейся иждивенческой нагрузкой (престарелые родственники, сожители), так и с психологическими особенностями среднего возраста, «конфликтом гендерной социализации» между достижениями трудовой жизни и неудовлетворенными биологическими потребностями (что, вероятно, будет наблюдаться и по другим аспектам). Следует отметить, что каждая работающая женщина оценивает получаемую заработную плату с учетом индивидуальных субъективных критериев. Поэтому, несмотря на указываемый работающими женщинами размер зарплаты, едва превышающий полтора прожиточных минимума (по данным Вологдастата размер прожиточного

минимума в Вологодской области по состоянию на 4 кв. 2018 г. составлял 10 698 руб. (все население) и 11 633 руб. (трудоспособное население)), только треть из них (независимо от наличия детей) однозначно не удовлетворена размером оплаты труда.

Более низкий уровень зарплаты матерей является яркой демонстрацией «штрафа за материнство». Согласно сторонним исследованиям, «наибольшее (по абсолютной величине) влияние на заработную плату женщин оказывает наличие ребенка младше трех лет, что уменьшает доход на 13,2 %. Наличие одного ребенка снижает заработную плату женщин на 4,1 %» [16, с. 72]. Вместе с тем, именно матери в большей степени удовлетворены оплатой труда, возможно, в силу того, что для них приоритетом является достаточность времени, проводимого с ребенком и семьей, что вынуждает их искать более оптимальные режимы трудоустройства с благоприятным графиком работы, тогда как характеристики оплаты труда уходят на второй план. Также нельзя не учитывать фактор брачности — у основной части работающих матерей (67 %) есть супруги, которые вносят вклад в семейный бюджет, благодаря чему среднедушевой доход в семье превышает размер прожиточного минимума.

Условия и организация труда. Удовлетворенность работающих матерей санитарно-гигиенической обстановкой (57 %) и технической оснащенностью рабочего места (58 %) заметно выше по сравнению с оценкой данных индикаторов работающими женщинами без детей (50,5 и 51 % соответственно). Оценки матерей выражены четче, т. е. затруднившихся определить уровень удовлетворенности среди них меньше (25 %), чем среди женщин без детей (33–36 %). В целом можно предположить, что нормативные требования к организации рабочих мест в большей степени соблюдаются в отношении женщин, имеющих детей.

Что касается удовлетворенности организационными составляющими труда, то полученные данные свидетельствуют о невысоком уровне трудовой демократии на предприятиях. Так, только каждая третья работающая женщина заявила об удовлетворенности возможностью участия в принятии управленческих решений и работой профсоюза. Доля работающих женщин, затруднившихся ответить или не одобряющих условия самореализации и самовыражения, высока обеих рассматриваемых социально-демографических группах. Можно говорить об ограниченном доступе женщин (независимо от родительского статуса) к административному ресурсу.

Использование и развитие человеческого потенциала. Профессия основной части женщин соответствует их личным способностям и склонностям: среди женщин без детей так считают 60 %, среди матерей — 53 %. Но почти у каждой пятой женщины (независимо от наличия детей) профессия не соотносится с личными качествами, при этом чаще такое отмечают женщины 16–25 лет (55 %) и 36–45 лет (20 %), имеющие детей, по сравнению с женщинами в том же возрасте без детей (23 и 0 % соответственно).

Доля тех, кто работает по призванию, заметно меньше: среди женщин без детей так считают 50 %, среди матерей — 48 %. Еще ниже доля тех, кто работает по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации — в среднем 41 % женщин без детей и 45 % матерей. Более трети опрошенных женщин (37 % без детей и 34 % с детьми) работают по другой специальности, чаще так вынуждены делать женщины 16–25 лет с детьми (55 %) и женщины от 46 лет без детей (50 %). Получается, что у женщин без детей разница между имеющими профильное образование и выбравшими профессию по способностям выше (19 %), чем у женщин с детьми (8 %). Возможно, матери изначально более прагматично подходят к выбору профессии, учитывая личные склонности.

Главной причиной занятости не по профилю специальности является изменение профессиональных интересов — так считают 33 % не имеющих детей женщин и 32 % матерей. Сильнее всего это проявляется в группах не имеющих детей женщин в возрасте 26–35 лет (46 %) и 36–45 лет (75 %); для сравнения: среди матерей в тех же возрастах данная причина менее значима (34 % и 36 % соответственно). Вероятным объяснением может служить карьерная и профессиональная реализация «деловых» женщин без детей, а также переоценка ценностей на этапе зрелости.

Для женщин без детей, наряду со сменой профинтересов, большое значение имеют неподходящие условия трудоустройства. В частности, на неприемлемые график работы и заработную плату указали 33 % (наиболее значима данная причина для женщин старше 46 лет), на отсутствие возможности получения высокого дохода в будущем — 18 % (наиболее значима для женщин 26–35 лет и 36–45 лет). Работающие матери в качестве дополнительной причины, препятствующей занятости по образованию, указывают отсутствие места работы по специальности (28 %), также они чаще указывают на такую причину, как «несоответствие требованиям работодателя» — 7 % по сравнению с 2,5 % у другой группы; она особенно значима для молодых (16–25 лет) женщин с детьми (33 % против 0 % среди женщин без детей).

По вопросу удовлетворенности относительно использования и развития человеческого потенциала опрошенные женщины высказывают сдержанные мнения. Преимущественно положительно женщины оценивают содержание выполняемой работы — им удовлетворено 58 % женщин. Выше удовлетворенность среди молодых (16–25 лет) женщин без детей (64,5 %) и матерей 36–45 лет (63 %); наименьшая удовлетворенность фиксируется у не имеющих детей женщин 36–45 лет (36 %). Возможности повышения квалификации менее половины женщин (42 % без детей и 47 % с детьми) оценивают как удовлетворительные; высока доля неопределившихся с оценкой (37 % среди женщин без детей, 31 % — с детьми). Менее половины женщин (46 % без детей, 41 % с детьми) удовлетворены творческим характером труда; почти каждая пятая женщина не удовлетворена этим аспектом КТЖ, особенно в возрасте от 36 лет и старше (не зависимо от наличия детей).

Женщины обеих рассматриваемых групп в качестве причин, ограничивающих реализацию их способностей в трудовой деятельности, называют низкую оплату труда, отсутствие интереса к работе и неэффективное стимулирование, при этом высока доля затруднившихся ответить — 40,5 % женщин без детей и 35 % матерей. На низкую зарплату в большей степени указывают не имеющие детей женщины в возрасте 16–25 лет (32 %) и 36–45 лет (27 %), нежели матери того же возраста (18 % и 13 % соответственно), а также матери 46 лет и старше (17 %) по сравнению с женщинами без детей (7 %). Отсутствие интереса к работе и неэффективное стимулирование более всего значимы для женщин в возрасте 36–45 лет без детей (27 и 36 %) по сравнению как с матерями того же возраста (13 и 10 %), так и с другими женщинами независимо от возраста и наличия детей. Видно, что женщины 36–45 лет без детей чаще других связывают трудности реализации в профессиональной деятельности с уровнем оплаты труда, плохим стимулированием и потерей интереса, т. е. с теми прагматичными и индивидуализированными ценностями, которые были значимы для них при выборе профессионального пути. Данный факт может свидетельствовать о некой тревожности женщин среднего возраста без детей из-за недостаточно успешной реализации в труде и отказа от материнства.

Дополнительное негативное влияние на реализацию в труде работающих матерей оказывают семейные проблемы (во всех возрастных группах, кроме 16–25 лет) и неудобный график работы (более значимо для матерей в возрасте 16–25 лет и 26–35 лет, вероятно, из-за того, что их дети младшего возраста). У женщин, не имеющих детей, эффективная трудовая деятельность сдерживается недостатком профессиональных знаний (особенно в возрасте 16–25 лет) и несоответствием работы полученной специальности.

Возможность карьерного роста. Оценки женщинами возможностей карьерного роста с позиции удовлетворенности неоднозначны. Практически равные доли оценивают их удовлетворительно (41 % среди женщин без детей, 44 % среди женщин с детьми). Затруднившихся ответить больше среди женщин без детей (41 % против 33 %), которые изначально выбирали «трудовой путь» и продвижение в карьере. Неудовлетворенных больше среди матерей (24 % против 18 %); при этом наибольшая доля неудовлетворенных выявлена среди женщин 36–45 лет без детей (36 % против 19 % среди матерей того же возраста), которые, как было отмечено ранее, переживают своеобразный конфликт между работой и личной жизнью.

Устойчивость занятости. Женщины с детьми во всех возрастных группах чаще меняли работу в течение трудовой жизни — 76 % против 59 % среди работающих женщин без детей. Главными причинами изменения основного места работы указываются низкая заработная плата (54 % женщин без детей, 50 % матерей), сокращение штатов (19 и 20 % соответственно), личные обстоятельства (23 и 25 %).

Психологический климат в организации. Большая часть работающих женщин (более 60 % в каждой группе) удовлетворена психологическим климатом в коллективе и отношениями с руководством организации. Лишь каждая десятая указала на неудовлетворенность отношениями, сложившимися с коллегами. Наиболее удовлетворены данными аспектами трудовой жизни молодые (16–25 лет) женщины без детей (74 % отношениями в коллективе, 71 % — с руководством), как по сравнению с матерями того же возраста (45,5 % и 54,5 % соответственно), так и по сравнению с женщинами всех остальных групп.

Взаимодействие с общим жизненным пространством. Женщины с детьми и без детей фактически тратят на работу одинаковое время, хотя матери имеют законную возможность работать неполное время. Работающие женщины в основном говорят об отсутствии какого-либо влияния работы на общение с друзьями и родственниками (так считают 46 % женщин без детей и 44 % матерей), проведение отпуска (42 и 45 % соответственно), организацию досуга и хобби (41 и 46 %), личные и семейные отношения (40 и 43 %).

Удовлетворенность возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности в рассматриваемых группах женщин в среднем одинакова (51 % среди не имеющих детей женщин, 48 % среди матерей). Наибольшую неудовлетворенность сочетанием труда и семейных обязанностей демонстрируют не имеющие детей женщины 36–45 лет (36 %), что, возможно, связано с «кризисом идентичности» (конфликт «работа — материнство»). Более остальных удовлетворены сочетанием труда и семейных обязанностей не имеющие детей женщины в возрасте 46 лет и старше (63 %), которые, скорее всего, уже реализовали себя в профессии и сумели наладить гармоничную личную жизнь. Также чаще об удовлетворенности говорят матери в возрасте 26–35 лет (45 %) и 36–45 лет (53 %) по сравнению с женщинами в тех же возрастных группах без детей (39 и 36 % соответственно). Вероятно, матери в силу наличия дополнительных семейных обязанностей подбирают работу с более оптимальным и благоприятным графиком, что и позволяет им лучше совмещать разные сферы жизни.

Социальная значимость труда. Удовлетворенность от возможности принести своим трудом пользу для общества в среднем одинакова для обеих рассматриваемых групп — почти половина опрошенных (48 % женщин без детей и 47 % матерей). Однако высока доля затруднившихся ответить (40 и 37 %). Наименее удовлетворены (27 %) не имеющие детей женщины 36–45 лет, переживающие «конфликт гендерной социализации».

Обсуждение

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что оценки качества трудовой жизни работающих женщин с детьми и без детей во многом схожи, а наиболее существенные различия состоят в следующем:

— работающие матери во всех возрастных группах проявляют несколько большую удовлетворенность оплатой труда, хотя в абсолютном выражении уровень их зарплаты ниже, чем у работающих женщин без детей;

— удовлетворенность матерей санитарно-гигиенической обстановкой, безопасностью труда и технической оснащенностью рабочего места выше по сравнению с оценкой данных компонентов женщинами, не имеющими детей;

— дополнительными причинами работы не по специальности для женщин без детей являются неподходящие условия трудоустройства (неподходящие график работы, зарплата), а для матерей — отсутствие места работы по специальности и несоответствие требованиям работодателя;

— дополнительными причинами, ограничивающими реализацию трудового потенциала, женщины без детей называют недостаток профессиональных знаний, а матери — семейные проблемы и неудобный график.

Отдельно следует отметить группу женщин 36–45 лет без детей, которые по многим аспектам КТЖ показывают неудовлетворительные оценки, что, вероятно, связано с «конфликтом гендерной социализации» между достижениями трудовой жизни и неудовлетворенными потребностями в материнстве и семье.

Можно предположить, что сходные характеристики качества трудовой жизни бездетных женщин и матерей объясняются отсутствием каких-либо продолжительных системных дискриминаций женщин с детьми, а также высокой адаптивностью поведения женщин (без детей и с детьми) на рынке труда, гибкостью в выборе рабочих мест, условий работы, размера оплаты труда. Согласно результатам смежных исследований трудового потенциала, проводимых Вологодским научным центром, «женщины, в отличие от мужчин, в большей степени заинтересованы в том, чтобы посредством трудовой деятельности реализовать себя как личность (68 % против 61 %), получить новые знания (63 % против 55 %), моральное удовлетворение (59 % против 53 %)» [19, с. 132]. Поэтому «они чаще трудоустраиваются по специальности, нацелены на получение стабильной работы, полноценное использование своих знаний, умений и навыков» [19, с. 125]. При этом женщина, даже не реализовав себя в материнстве, выполняет большинство повседневных бытовых и семейных задач, в том числе забота и воспитание детей.

Заключение

Представленный анализ качества трудовой жизни работающих женщин выполнен по оригинальной авторской методике с опорой на релевантные социологические данные, что характеризует научную новизну выполненного исследования. Выявлено, что наличие детей (факт материнства) побуждает женщин искать способ распределения своего времени между возросшим кругом обязанностей, но не в ущерб трудовой деятельности. Женщины-матери демонстрируют высокую «гибкость

и приспособляемость к обстоятельствам на рынке труда» [14, с. 82], вероятно, поэтому оценки качества трудовой жизни и его влияния на реализацию в труде у женщин с детьми и без детей практически не различаются. В то же время выявленные в ходе исследования особенности качества трудовой жизни женщин с детьми и без детей, как и сам инструментарий социологического исследования, могут быть использованы региональными органами власти и руководителями отдельных предприятий в деятельности по улучшению социально-трудовых отношений.

Список источников

[1] *Chan K. W., Wyatt T. A.* Quality of work life: a study of employees in Shanghai, China // Asia Pacific Business Review. 2007. Vol. 13. No. 4. P. 501-517. https://doi.org/10.1080/13602380701250681

[2] *Wright T. A., Bonett D. G.* Job satisfaction and psychological well-being as non-additive predictors of workplace turnover // Journal of Management. 2007. Vol. 33. No. 2. P. 141-160. https://doi.org/10.1177/0149206306297582ю

[3] *Бирюкова С. С., Макаренцева А. О.* Оценки «штрафа за материнство» в России // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 50-70.

[4] *Калачикова О. Н., Груздева М. А.* Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 147-160. https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.9.

[5] Relation of family responsibilities and gender to the productivity and career satisfaction of medical faculty / P. L. Carr, A. S. Ash, R. H. Friedman, A. Scaramucci, R. C. Barnett, L. Szalacha, A. Palepu, M. A. Moskowitz // Annals of Internal Medicine. 1998. Vol. 129. No. 7. P. 532-538. https://doi.org/10.7326/0003-4819-129-7-199810010-00004.

[6] *Vanitha A.* A comparative study of quality of work life of women employees with reference to private and public banks in Kanchipuram district // International Journal of Research in Commerce, IT & Management. 2013. Vol. 3. No. 04 (APRIL). P. 78-85.

[7] *Nigade J., Bhola S.* Relationship between work life balance, quality of work life and quality of life of women working in service industry // Pravara Management Review. 2016. Vol. 15. No. 1 (Jan-Jun). P. 30-45.

[8] *Malone K. A.* Mother's perception of work-family conflict and the relationship to positive parenting and parental satisfaction: doctoral dissertation // Iowa State University. 2011. 201 p. https://doi.org/10.31274/etd-180810-859. URL: http://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1105&context=etd (accessed on: 15.04.2022).

[9] Mothers' transitions from welfare to work and the well-being of preschoolers and adolescents / P. L. Chase-Lansdale, R. A. Moffitt, B. J. Lohman, A. J. Cherlin, R. L. Coley, L. D. Pittman, J. Roff, E. Votruba-Drzal // Science. 2003. Vol. 299. No. 5612. P. 1548-1552. https://doi.org/10.1126/science.1076921.

[10] *Сунгурова Н. Л., Ильина Е. В.* Особенности удовлетворенности трудом и представлений о временной перспективе работающих женщин среднего возраста // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 52-61. https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.5.

[11] *Михайлова Е. В.* Проблема двойной занятости женщин. Взгляд трех поколений жительниц г. Ярославля // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 3. С. 273-283.

[12] *Рождественская Е. Ю.* Академическая женская карьера. Балансы и дисбалансы жизни и труда // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 27-47. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.03.

[13] *Чернова Ж. В.* Баланс семьи и работы. Индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 295-308.

[14] *Некрасова Н. А.* Жизненные стратегии и факторы, влияющие на профессиональное становление и карьеру женщины-матери // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 2 (47). С. 82-85.

[15] Рождение ребенка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России «штраф за материнство»? / Ермолина А. А., Васильева Ю. М., Рохмина Е. Б., Трач Т. М. // Демоскоп Weekly. 2016. № 701-702 (17-30 окт.). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0701/analit02.php (дата обращения: 14.04.2022).

[16] *Кадрева О. Н.* Влияние количества и возраста детей на заработки работающих женщин // Прикладная эконометрика. 2016. Т. 41. № 1. С. 62-77.

[17] *Белехова Г. В.* Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона // Научные исследования и разработки. Экономика. 2019. Т. 7. № 6 (42). С. 9-19. https://doi.org/10.12737/2587-9111-2019-9-19.

[18] *Здравомыслова-Стоюнина О.* Общество сквозь призму гендерных представлений // Женщина. Гендер. Культура / под ред. З. А. Хоткиной, И. Л. Пушкаревой, Е. И. Трофимовой. Москва: МЦГИ, 1999. С. 184-193.

[19] *Шабунова А. А., Попов А. В., Соловьева Т. С.* Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1 (49). С. 124-144. https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.7.

References

[1] *Chan K. W., Wyatt T. A.* Quality of work life: a study of employees in Shanghai, China // Asia Pacific Business Review. 2007. Vol. 13, No. 4. Pp. 501-517. https://doi.org/10.1080/13602380701250681.

[2] *Wright T. A., Bonett D. G.* Job satisfaction and psychological well-being as non-additive predictors of workplace turnover // Journal of Management. 2007. Vol. 33, No. 2. Pp. 141-160. https://doi.org/10.1177/0149206306297582.

[3] *Biryukova S. S., Makarentseva A. O.* Motherhood penalty in Russia // Population and economics. 2017. Vol. 1, No. 1. Pp. 50-70.

[4] *Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A.* Social vulnerability of families with children in modern Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12, No. 2. Pp. 147-160. https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.9.

[5] Relation of family responsibilities and gender to the productivity and career satisfaction of medical faculty / P. L. Carr, A. S. Ash, R. H. Friedman, A. Scaramucci, R. C. Barnett, L. Szalacha, A. Palepu, M. A. Moskowitz // Annals of Internal Medicine. 1998. Vol. 129. No. 7. Pp. 532-538. https://doi.org/10.7326/0003-4819-129-7-199810010-00004.

[6] *Vanitha A.* A comparative study of quality of work life of women employees with reference to private and public banks in Kanchipuram distric // International Journal of Research in Commerce, IT & Management. 2013. Vol. 3, No. 04 (APRIL). Pp. 78-85.

[7] *Nigade J., Bhola S.* Relationship between work life balance, quality of work life and quality of life of women working in service industry // Pravara Management Review. 2016. Vol. 15, No. 1 (Jan-Jun). Pp. 30-45.

[8] *Malone K. A.* Mother's perception of work-family conflict and the relationship to positive parenting and parental satisfaction: doctoral dissertation // Iowa State University. 2011. 201 p. https://doi.org/10.31274/etd-180810-859. URL: http://lib.dr.iastate.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1105&context=etd (accessed on 15.04.2022).

[9] Mothers' transitions from welfare to work and the well-being of preschoolers and adolescents / P. L. Chase-Lansdale, R. A. Moffitt, B. J. Lohman, A. J. Cherlin, R. L. Coley, L. D. Pittman, J. Roff, E. Votruba-Drzal // Science. 2003. Vol. 299. No. 5612. P. 1548-1552. https://doi.org/10.1126/science.1076921.

[10] *Sungurova N. L.,* Il'ina E. V. Work satisfaction and time outlook peculiarities of working middleaged women // Woman in Russian Society. 2019. No. 2. Pp. 52-61. https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.5.

[11] *Mikhailova E. V.* The problem of dual employment of women through the interpretation of three generations of women Yaroslavl // Social'nye i gumanitarnye znanija. 2017. Vol. 3, No. 3. Pp. 273-283.

[12] *Rozhdestvenskaya E. Yu.* Women's academic career: work-life balance and imbalance // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2019. No. 3. Pp. 27-47. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.03

[13] *Chernova Zh. V.* The work-family balance: policy and individual mothers' strategies // The Journal of Social Policy Studies. 2012. Vol. 10, No. 3. Pp. 295-308.

[14] *Nekrasova N. A.* Life strategies and factors affecting the formation and professional career woman mother // Proceedings of Southwest State University. 2013. No. 2. Pp. 82-85.

[15] *Ermolina A. A., Vasileva Iy. M., Rokhmina E. B., Trach T. M.* Childbirth as a factor in women's income security. How big is the "maternity penalty" in Russia? // Demoscope Weekly. 2016. No. 701-702. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0701/analit02.php (accessed on: 14.04.2022).

[16] *Kadreva O. N.* The influence of quantity and age of children on working women' salaries // Applied Econometrics. 2016. Vol. 41, No. 1. Pp. 62-77.

[17] *Belekhova G. V.* Subjective approach to assessment quality of working life of working-age population of the region // Scientific Research and Development. Economics. 2019. Vol. 7, No. 6(42). Pp. 9-19. https://doi.org/10.12737/2587-9111-2019-9-19.

[18] *Zdravomyslova-Stoiunina O.* Society through the prism of gender perceptions // Woman Gender Culture / eds. Z. A. Hotkina, I. L. Pushkareva, E. I. Trofimova. Moscow: MTSGI, 1999. Pp. 184-193.

[19] *Shabunova A. A., Popov A. V.,* Solov'eva T. S. The potential of women in the labor market of the region // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10, No. 1. Pp. 124-144. https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.7.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-8
УДК 314.15
JEL J11, J18

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ПРАРОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ[1]

Н. Д. Бледнова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). https://orcid.org/0000-0001-5362-7905
Автор для корреспонденции: Н. Д. Бледнова (n.d.blednova@urfu.ru)

Аннотация. *Бабушки и дедушки выступают в роли «старших родителей», реализуя большой спектр родительских функций. Тем не менее, они по-разному вовлекаются в процесс воспитания внуков. В статье рассматриваются особенности гендерного разделения прародительских функций между бабушками и дедушками, а также причины сложившегося распределения обязанностей. На основе результатов, полученных в ходе проведения глубинных полуформализованных интервью с родителями (N = 15), автор делает вывод о более активном участии бабушек в процессе воспитания внуков, а также о влиянии гендера на установление особой эмоциональной связи между представителями старшего и младшего поколений. Полученные результаты могут быть использованы для разработки подходов к учету трудозатрат и механизмов стимулирования прародительского труда в России.*

Ключевые слова: прародительский труд, бабушки и дедушки, гендерные особенности, содержание прародительского труда, внуки

Characteristics of Grandparental Labour: Gender Aspect

N. D. Blednova

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). https://orcid.org/0000-0001-5362-7905
Corresponding author: N. D. Blednova (n.d.blednova@urfu.ru)

Abstract. *Grandparents act as "elder parents", realising a wide range of parental functions. However, they are involved in the process of raising grandchildren in different ways. The article discusses the features of the gender division of grandparental functions between grandparents, as well as the reasons for the existing distribution of responsibilities. The in-depth semi-formalised interviews with parents (N = 15) revealed that grandmothers are more actively involved in the process of raising grandchildren, while gender has an influence on establishing a special emotional connection between representatives of the older and younger generations. The obtained results can be used to develop approaches to accounting for labour costs and mechanisms for stimulating grandparental labour in Russia.*

Keywords: grandparental labour; grandparents; gender features; content of grandparental labour; grandchildren

Введение

Начавшаяся в середине прошлого столетия эмансипация женщин привела к их активной занятости на рынке труда. В современных реалиях,

[1] © Бледнова Н. Д. Текст. 2022.

как правило, в большинстве семей оба супруга вовлечены в экономическую деятельность [1]. Интенсивная рабочая нагрузка обусловила недостаток свободного времени на реализацию неоплачиваемого домашнего труда, в т. ч. ведение быта и воспитание детей. Сегодня для работающих родителей осуществление части повседневных обязанностей, связанных с уходом за детьми (например, сопровождение ребенка в образовательные или медицинские учреждения), представляется весьма сложной задачей [2, с. 550]. В этом случае на помощь родителям приходят бабушки и дедушки, которые способствуют нивелированию конфликта «семья — работа».

Традиционно бабушки и дедушки выполняют роль «старших родителей», активно вовлекаясь в воспитание своих внуков [3, с. 35]. Однако, как показывает практика, прародители по-разному участвуют в этой деятельности. Недавние исследования продемонстрировали, что прародительский труд имеет гендерную окраску — как правило, бабушки вовлекаются в уход за детьми в большей степени, нежели дедушки [3, с. 36].

Цель нашей статьи — выявить причины гендерного разделения прародительских обязанностей между бабушками и дедушками.

Обзор литературы

Под прародительским трудом мы понимаем «деятельность бабушек и дедушек, направленную на их внуков, в ходе которой осуществляются уход, развитие, помощь внукам, сопровождающиеся временными затратами прародителей, сокращающими, в свою очередь, временные затраты родителей на выполнение родительского труда» [4, с. 4].

Фактически бабушки и дедушки берут на себя часть родительских функций. Они сопровождают внуков в детские сады или школы, организуют их досуг, участвуют в развитии, оказывают материальную и психологическую поддержку и пр. [5, 6]. При этом прародительская активность является неотъемлемой частью в жизни большинства представителей старшего поколения. Отмечается, что контакт с внуками благоприятно сказывается на их психологическом состоянии — вовлекаясь в воспитание детей, бабушки и дедушки чувствуют удовольствие, легкость, а также ощущают собственную значимость [7, 8].

Кроме того, участие прародителей в процессе воспитания детей может быть одним из факторов, стимулирующих повышение рождаемости [9]. Помощь старшего поколения своим детям способствует снижению уровня родительского стресса, который работающие родители очень часто испытывают во время совмещения профессиональной и семейной сфер жизни [10].

Материалы и методы

В октябре — декабре 2021 г. нами была проведена серия глубинных полуформализованных интервью с родителями, имеющими одновременно детей в возрасте до 12 лет и ныне живущих своих родителей (т. е. бабушек

и дедушек ребенка). Всего было опрошено 15 родителей, проживающих на территории Свердловской области.

В ходе интервью мы задали респондентам вопрос, кто из бабушек и дедушек, по их мнению, участвует в воспитании внуков в большей степени, а также попросили объяснить причины подобного распределения прародительских функций. Ответы на эти вопросы легли в основу дальнейшего анализа.

Результаты

1. Ответы родителей можно разделить на две группы: «чаще помогает бабушка» и «бабушки и дедушки помогают в равной степени» (табл. 1). О преимущественной помощи бабушек говорят родители девочек. Семьи, где есть не только дочери, но и сыновья в основном получают помощь от обоих прародителей в равной степени.

Таблица 2

Причины более активного участия одного из прародителей в процесс воспитания детей

Категория причин	Код
Объективные причины: состояние здоровья одного из прародителей, территориальная удаленность	«*Помогают чаще бабушки. Дедушка один занят, получается, уходом, в Челябинской области. А второй дедушка, ну, по состоянию здоровья, он, в основном, занят хозяйством, делами, поэтому меньше времени посвящает нам, детям и внукам*» (Андрей, дочери — 19, 12, 6 лет и 11 месяцев, родителям за 70 лет — пенсионеры, живут в одном городе, родители супруги — в другом городе)
	«…*Потому что разные ситуации, немножко разные возможности, возраст все равно*» (Елена, 30 лет, замужем, дочкам 1 год и 6 лет, прабабушка и прадедушка на пенсии, бабушка на пенсии, дедушка работает)
Гендерно-обусловленная эмоциональная близость	«…*Поскольку у меня девочки, конечно, они ближе были к бабушке, я всегда говорила „мои дочери бабушницы", а дедушка активно вот такого участия, как бабушка, конечно, не принимал*» (Елена, 46 лет, дочери 13 и 15 лет, бабушек и дедушек нет в живых)
	«*Ну, наверное, все-таки бабушки. Ну, потому что бабушки с точки зрения, наверное, даже женской. Бабушкам нужно накормить, проверить шарфик надет или не надет, дедушки на это уже внимания не обратят. Дедушки больше, я бы сказала, общаются… Такое хорошее общение, вот со старшим внуком, ему 18 лет. Вот он, может быть, сейчас больше с дедушками общается, чем с бабушками, потому что все-таки он мальчик и ему вот интересно*» (Ольга, 46 лет, дочери 18 и 12 лет, бабушки и дедушки пенсионеры, родители проживают в одном городе, родители супруга — в другом)

Источник: составлено автором.

Таблица 1

Распределение прародительских обязанностей между бабушками и дедушками

Группа ответа на вопрос о распределении прародительских обязанностей	**Ответ респондента**
Чаще помогает бабушка	«*Помогают чаще бабушки*» (Андрей, дочери — 19, 12, 6 лет и 11 месяцев, родителям за 70 лет — пенсионеры, живут в одном городе, родители супруги — в другом городе)
	«*Да, все-таки больше бабушки участия принимают*» (Дмитрий, 39 лет, женат, дочери 8 и 11 лет, дедушка работающий пенсионер, бабушка на пенсии, бабушка живет рядом, дедушка в другом городе)
	«*Ну, мне кажется, бабушки*» (Марина, 38 лет, дочери 8 и 11 лет, дедушка работающий пенсионер, бабушка на пенсии, живут в одном городе)
	«*Моя мама. Учит младшую снимать клипы, видео, все совместно. Учатся Инстаграмом пользоваться, друг друга учат*» (Наталья, 34 года, замужем, дочери 12 и 7 лет, бабушки и дедушки на пенсии, живут в других городах)
	«*Помогают, конечно, большей частью бабушки. Они прям непосредственно участвуют в процессе*» (Оксана, 39 лет, замужем, дочери 19, 12, 6 лет, 11 месяцев, бабушки и дедушки на пенсии, родители супруга живут в одном городе, ее родители — в другом)
	«*Бабушка, бабушка, ну у нас, как бы, такая ситуация, именно бабушка*» (Анна, в разводе, 40 лет, ненормированный график, дочь 12 лет, бабушка работающая, дедушка на пенсии, живут в одном городе)
Помогают в равной степени	«*Не могу разделить… Все участвуют и с одной стороны, и с другой*» (Юлия, 48 лет, сыновьям 30 и 8 лет, дочери 24 года, бабушка и дедушка на пенсии, бабушка проживает в одном городе, дедушка — далеко)
	«*Ну, наверное, кто посвободнее. Ну, с моей стороны они, наверное, посвободнее получаются, как бы вдвоем и чаще принимают участие*» (Дмитрий, 45 лет, женат, дочь 7 лет, сыновья 10 и 15 лет, бабушки и дедушки на пенсии, живут в другом городе)
	«*Я не могу сказать, что кто-то прям больше участвует, потому что, ну, я как-то не задавалась этим вопросом*» (Елена, 30 лет, замужем, дочкам 1 год и 6 лет, прабабушка и прадедушка на пенсии, бабушка на пенсии, дедушка работает)
	«*Все в равной степени безусловно. У нас [замешкалась] есть свекровь еще у меня, это бабушка со стороны супруга и там тоже, безусловно большая поддержка и помощь всем детям и дочери, и сыну*» (Ольга, 40 лет, замужем, дочь 14, сын 7 лет, бабушки и дедушки пенсионеры, живут в другом городе)

Источник: составлено автором.

2. Среди основных причин более активного вовлечения одного из прародителей в воспитание детей — объективные факторы, связанные с проживанием кого-либо из прародителей в другом населенном пункте, занятость (работающие пенсионеры), состояние здоровья, которое не позволяет выдерживать интенсивную нагрузку. Другой фактор связан с гендерными особенностями. Девочки в большей степени привязаны к бабушкам, нежели к дедушкам, а мальчики, напротив, имеют более сильный эмоциональный контакт с дедушками (табл. 2).

Обсуждение

Результаты нашего исследования показали, что бабушки в большей степени вовлекаются в прародительский труд. Причем о более активном участии бабушек в воспитании внуков говорили преимущественно родители девочек. Респонденты, в чьих семьях воспитываются дети обоих полов, отмечали равное участие обоих прародителей в жизни своих внуков. Возможно, это связано с эмоциональным фактором: бабушки легче находят язык именно с внучками, а дедушкам проще установить контакт с внуками, обучая последних «мужским» вещам (по аналогии с особой связью матерей с дочерями и отцов с сыновьями):

«*…Ближе к друг другу, что девочка с бабушкой, мальчик с дедушкой… У нас папа на сына имеет влияние, что-то ему все время рассказывает, что-то они там вместе делают, а у дочери каких-то секретов и тет-а-тет разговоров, конечно, больше с бабушками*» (Ольга, 40 лет, замужем, дети 14 и 7 лет, бабушки и дедушки пенсионеры, живут в другом городе).

«*Дедушки больше, я бы сказала, общаются… Такое хорошее общение вот со старшим внуком, ему 18 лет. Вот он, может быть, сейчас больше с дедушками общается, чем с бабушками, потому что всё-таки он мальчик и ему вот интересно*» (Ольга, 46 лет, дочери 18 и 12 лет, бабушки и дедушки пенсионеры, родители проживают в одном городе, родители супруга — в другом).

Более того, по мнению респондентов, гендер обуславливает разницу подходов к воспитанию — как правило, бабушки более внимательны к деталям, ввиду большего опыта они легче справляются с прародительскими обязанностями. Возможно, подобные представления являются центральной причиной, объясняющей тот факт, что бабушки выступают в роли наиболее активных прародителей.

Заключение

Проведенный анализ продемонстрировал наличие явной гендерной окраски в содержании прародительского труда. Как правило, бабушки в большей степени участвуют в реализации прародительских функций, нежели дедушки. Это может объясняться как наличием у бабушек большего количества знаний и опыта в воспитании детей, так и другими объективными факторами (неудовлетворительное состояние здоровья дедушек, их

занятость или отсутствие дедушек в семье). Более того, мы предположили, что внуки по-разному относятся к прародителям. Как правило, девочки испытывают большую психологическую связь с бабушками, а мальчики, напротив, с дедушками.

Полученные нами результаты позволяют охарактеризовать гендерные особенности в содержании прародительского труда и могут быть использованы для разработки подходов к учету трудозатрат прародительства и механизмов его стимулирования в России.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280

Список источников

[1] *Remery C., Schippers J.* Work-family conflict in the European Union: the impact of organizational and public facilities // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16, No. 22. 4419. https://doi.org/10.3390/socsci8010005.

[2] *Arpino B., Luppi F.* Childcare arrangements and working mothers' satisfaction with work–family balance // Demographic Research. 2020. Vol. 42. P. 549-588. http://doi.org/10.4054/DemRes.2020.42.19.

[3] *Багирова А. П.* Объемы, формы и функции прародительского труда. Оценки уральских родителей // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 33-42. http://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-33-42.

[4] *Багирова А. П., Нешатаев А. В.* Прародительский труд. Теоретико-методические основы социологического изучения // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 2. http://doi.org/10.15838/sa.2021.2.29.3.

[5] *Краснова О. В.* Бабушки в семье // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 108-116.

[6] *Курамшев А. В., Кутявина Е. Е., Судьин С. А.* Бабушка в системе внутрисемейных отношений. Социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 70-79. http://doi.org/10.21064/WinRS.2017.3.6.

[7] *Багирова А. П.* Отношение к прародительскому труду и его стимулированию. Сравнительный анализ мнений уральских родителей и прародителей // Общество. Социология, психология, педагогика. 2021. № 12 (92). С. 17-20. https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.1.

[8] *Kennedy G. E.* Quality in grandparent /grandchild relationships // International Journal of Aging and Human Development. 1992. No. 35(2). P. 83-98. https://doi.org/10.2190/H177-W9EX-483T-PKKU.

[9] *Sear R., Coall D.* How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition // Population and Development Review. 2011. Vol. 37. P. 81-112. https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x.

[10] *Kossek E. E., Lee K. H.* Work-family conflict and work-life conflict //Oxford research encyclopedia of business and management. 2017. https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190224851.013.52.

References

[1] *Remery C., Schippers J.* Work-family conflict in the European Union: the impact of organizational and public facilities // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16, No. 22. 4419. https://doi.org/10.3390/socsci8010005.

[2] *Arpino B., Luppi F.* Childcare arrangements and working mothers' satisfaction with work–family balance // Demographic Research. 2020. Vol. 42. Pp. 549-588. http://doi.org/10.4054/DemRes.2020.42.19.

[3] *Bagirova A. P.* Volumes, Forms and Functions of Grandparental Labor: Estimates of Ural Parents // Social Policy and Sociology. 2021. Vol. 20. No. 3 (140). Pp. 33-42. http://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-33-42.

[4] *Bagirova A. P., Neshataev A. V.* Grandparental labor: theoretical and methodological basis of sociological study // Social Area. 2021. Vol. 7, No. 2. http://doi.org/10.15838/sa.2021.2.29.3.

[5] *Krasnova O. V.* Grandmothers in the family // Sociological Research. 2000. No. 11. Pp. 108-116.

[6] *Kuramshev A. V., Kutyavina E. E., Sudjin S. A.* Grandmothers in the system of intergenerational relations in the family: sociological analysis // Woman in Russian Society. 2017. No. 3(84). Pp. 70-79. http://doi.org/10.21064/WinRS.2017.3.6.

[7] *Bagirova A. P.* Attitude to grandparental labor and its stimulation: a comparative analysis of the opinions of Ural parents and grandparents // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2021. No. 12(92). Pp. 17-20. https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.1.

[8] *Kennedy G. E.* Quality in grandparent /grandchild relationships // International Journal of Aging and Human Development. 1992. No. 35(2). Pp. 83-98. https://doi.org/10.2190/H177-W9EX-483T-PKKU.

[9] *Sear R., Coall D.* How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition // Population and Development Review. 2011. Vol. 37. Pp. 81-112. https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x.

[10] *Kossek E. E., Lee K. H.* Work-family conflict and work-life conflict // Oxford research encyclopedia of business and management. 2017. https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190224851.013.52.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-9
УДК 911.3:30(571.5)
JEL J22, O15, R23

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (НА ПРИМЕРЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА)[1]

О. В. Валеева

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск, Россия).
https://orcid.org/0000-0001-8370-8693
Автор для корреспонденции: О. В. Валеева (valeeva.o.v@yandex.ru)

Аннотация. *Статья посвящена проблемам развития человеческого потенциала Байкальского региона. Произведен анализ демографических и социально-экономических показателей, характеризующих основные компоненты человеческого потенциала, с целью определения проблем и возможностей его развития. Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики за 2005–2020 гг. При написании данной работы были использованы эмпирические и теоретические методы исследования, метод сравнения и статистической обработки.*

Ключевые слова: человеческий потенциал, Байкальский регион, население, проблемы, возможности

Problems and Prospects of Human Development (the Example of the Baikal region)

O. V. Valeeva

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk, Russia).
https://orcid.org/0000-0001-8370-8693
Corresponding author: O. V. Valeeva (valeeva.o.v@yandex.ru)

Abstract. *The article examines the problems of human development in the Baikal region. The analysis of demographic and socio-economic indicators characterising the main components of human potential was performed in order to identify problems and opportunities for its development. The information base of the study was the official statistical data of the Federal State Statistics Service for 2005-2020. Empirical and theoretical research methods, as well as the method of comparison and statistical processing were utilised.*

Keywords: human potential; Baikal region; population; problems; opportunities

Введение

В современном мире социально-экономическое развитие регионов оценивается состоянием человеческого потенциала. Понятие «человеческий потенциал» относительно новое, и не имеет общепринятой трактовки. По Программе развития ООН на основе концепции человеческого капитала была разработана новая концепция развития человеческого потенциала, которая отрицает традиционное и одностороннее понимание развития только через экономический рост. В данной концепции главное

[1] Валеева О. В. Текст. 2022.

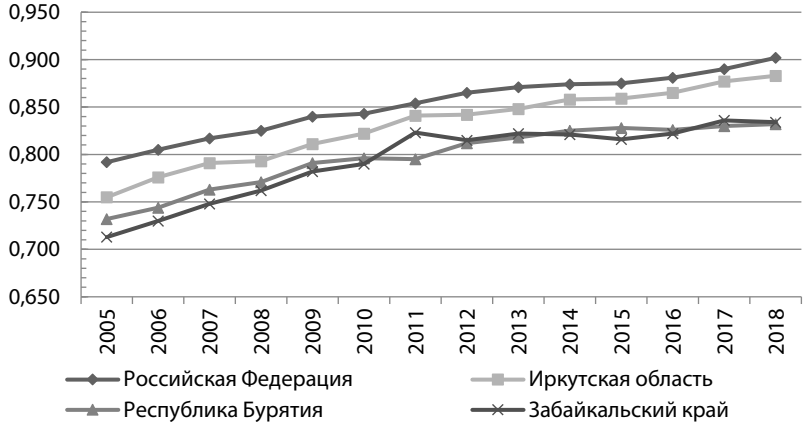


Рис. *Индекс развития человеческого потенциала Байкальского региона на фоне Российской Федерации, 2005–2018 гг. (источник: [2])*

место занимает развитие человека через расширение возможностей выбора благодаря росту продолжительности жизни, образования и дохода [1]. Такие базовые элементы человеческого развития, которыми выступают здравоохранение, образование и материальный достаток, в обобщенном виде отражаются в индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИРЧП был разработан в 1990 г. пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком. Это комплексный индикатор, который включает в себя экономические и социальные показатели, используется для межгосударственных и региональных сопоставлений за определенный период времени, анализа и изучения тенденций.

К Байкальскому региону относится территория, включающая три субъекта Российской Федерации — Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край. Общая площадь региона составляет 1558,1 тыс. км^2. Численность населения составляет 4414 тыс. чел. Байкальский регион расположен в Восточной Сибири, имеет прямой выход к границам Монголии и Китая, с которыми связан экономическими и торговыми отношениями. Одной из важных особенностей данного региона является прохождение по его территории основных транзитных путей — Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей. Регион имеет богатые запасы природных ресурсов. Несмотря на привлекательные географические характеристики, Байкальский регион не может похвастаться высоким развитием человеческого потенциала.

Среди всех субъектов Российской Федерации Байкальский регион занимает не лучшую позицию в рейтинге по ИРЧП (рис.). Так, Иркутская область занимает 33-е место (0,826), а Республика Бурятия — 80-е место (0,768), Забайкальский край — 81-е место (0,765), опережая лишь

Республику Алтай, Чеченскую Республику, Еврейскую автономную область и Республику Тыва.

Основная часть

Человеческий потенциал имеет сложную внутреннюю структуру. Основными его элементами являются здоровье, образование и доходы населения. Для полной характеристики регионов по человеческому развитию недостаточно тех показателей, на которых строится ИРЧП, а именно: валовой региональный продукт на душу населения (ВРП), ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ), уровень грамотности и соотношение числа учащихся в возрастной категории 10–24 лет к численности населения той же возрастной категории. Поэтому рассмотрим три основных блока человеческого потенциала, которые расширим дополнительными социально-экономическими показателями:

— демографический потенциал (коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, коэффициент младенческой смертности);

— интеллектуальный потенциал (индекс образования, численность студентов и магистрантов на 10 000 чел. населения, численность аспирантов на 10 000 чел. населения);

— трудовой потенциал (валовой региональный продукт, среднемесячная заработная плата населения, уровень безработицы).

Демографический потенциал. Развитие человеческого потенциала во многом зависит от демографических тенденций. Динамика численности населения может свидетельствовать об уровне развития региона. С 2005 г. по 2020 г. в Иркутской области и Забайкальском крае наблюдается медленное снижение численности населения (с 2492 тыс. до 2375 тыс. и с 1124 тыс. до 1053 тыс. соответственно), в Республике Бурятии отмечен небольшой рост (с 967 тыс. до 986 тыс.)[1].

В целом по стране численность населения увеличивалась, после 2018 г. начался спад. Динамика численности населения выступает в роли качественного показателя, характеризующего способность населения к воспроизводству. Возможности воспроизводства населения зависят от рождаемости и смертности. Коэффициент рождаемости (смертности) показывает число родившихся (умерших) на 1000 чел. населения. С 2005 г. по 2015 г. в субъектах Байкальского региона отмечается увеличение рождаемости и сокращение смертности, такая же тенденция проявляется на среднероссийском уровне (табл. 1). В 2015 г. естественный прирост населения достиг положительной отметки. Однако в 2020 г. вновь коэффициент смертности превысил рождаемость. В Республике Бурятия, несмотря на сокращение населения, естественный прирост остается положительным (0,9 ‰). Такое явление характерно для многих республик, где особое значение уделяется национальным традициям и репродуктивным установкам

[1] По данным Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 1

Демографический потенциал Байкальского региона, 2005–2020 гг.

Показатель	Год	РФ	Иркутская область	Республика Бурятия	Забайкальский край
Коэффициент рождаемости, ‰	2005	10,2	12,1	14	13,6
	2010	12,5	15,2	17	15,9
	2015	13,3	15,3	17,3	15,4
	2020	9,8	11,3	12,9	11,8
Коэффициент смертности, ‰	2005	16,1	17,2	15,6	17,3
	2010	14,2	14,4	12,7	13,8
	2015	13	13,6	11,4	12,9
	2020	14,6	15	12	13,7
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	2005	65,37	60,32	60,96	59,33
	2010	68,94	65,26	66,05	64,82
	2015	71,39	67,37	69,15	67,34
	2020	71,54	68,25	70,29	68,23

Источник: данные Росстата.

населения. На фоне сокращения общей смертности уменьшается число случаев младенческой смертности, т. е. сокращается число умерших детей до одного года. Данный показатель зависит от качества медицинских услуг. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении отражает состояние общественного здоровья. Данный показатель в российских регионах стабильно повышается. За период с 2005 г. по 2020 г. среди субъектов Байкальского региона наибольший рост ОПЖ отмечен в Республике Бурятия — на 9,3 года, и достиг 70,29 лет. Несмотря на увеличение продолжительности жизни, Байкальский регион отстает от среднероссийского значения. Кроме того, наблюдается большой разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами. Так, в Иркутской области в 2020 г. ОПЖ женщин составила на 11,23 года выше, чем у мужчин. Такая ситуация прослеживается в большинстве российских регионах — в среднем по стране женщины на 9,9 лет живут дольше, чем мужчины. Это подтверждается высокой смертностью мужчин в трудоспособном возрасте, что является одной из острых проблем в демографической политике[1] [4]. Отметим, что в Иркутской области и Забайкальском крае число мужчин среди умерших в трудоспособном возрасте превышает в 3 раза число женщин — это выше среднего показателя по стране.

Интеллектуальный потенциал. Социально-экономическое развитие страны зависит от вклада в образовательную сферу. Как отмечали выше, индекс образования измеряется уровнем грамотности, а также соотношением числа учащихся к численности населения возрастной категории 10–24 лет. В современном мире уровень грамотности населения достаточно

[1] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. 2007. 10 с.

высок и, если рассматривать его в динамике, больших изменений не наблюдается, хотя видна тенденция постепенного увеличения. Само понятие грамотности подразумевает под собой умение читать и писать. Однако говорить об образовательном потенциале только по этому показателю сложно. Возрастная категория 10–24 лет — это период от возраста получения начального образования до окончания обучения в вузе. Следует обратить внимание, что в данном случае учитывается количество обучающихся, а не число учеников и студентов, которые успешно закончили учебное заведение. В то же время сложно судить о качестве полученного образования, поскольку современные образовательные реформы вызывают сомнения [3]. Учитывая эти проблемы, для оценки интеллектуального потенциала следует рассматривать не только обучающихся школьников и студентов, а также магистрантов и аспирантов, которые могут указать на качество полученного образования. Поскольку уже получили высшее образование и встали на дальнейший научный путь. Недостаток данного показателя в том, что для поступления в аспирантуру многие уезжают в другие регионы, в институтах которых имеется специализация, соответствующая его научным интересам.

Рассмотрев значения показателей, указанных в таблице 2, можно отметить неблагоприятную тенденцию. С 2005 г. по 2015 г. индекс образования заметно увеличивался, далее в Республике Бурятии и Забайкальском крае произошел небольшой спад. Такая ситуация наблюдается и в среднем по стране. Численность обучающихся студентов и магистрантов в расчете на 10 000 чел. населения до 2010 г. увеличивалась, затем стала резко сокращаться. Так, в среднем по России с 2005 г. по 2020 г. численность студентов сократилась в 1,8 раза, основной переломный момент пришелся на период с 2010 (7049,8 тыс. чел.) по 2015 г. (4766,5 тыс. чел.). Причиной послужила реформа российского образования, а именно введение с 2009 г. Единого государственного экзамена как обязательного школьного экзамена на всей территории Российской Федерации, по результатам которого проходили вступительные испытания для поступления в высшие учебные заведения. Аналогичная ситуация прослеживается и с численностью аспирантов — до 2010 г. наблюдается рост, а после резкое снижение. Так, в Иркутской области с 2010 г. по 2015 г. снизилось в 1,7 раза (с 3035 до 1810 чел.). Причина данной проблемы очевидна — реформа государственных академий наук, которая началась с 2013 г. По идее, реформа должна способствовать развитию науки в стране и усилению ее позиций на международном уровне, а также повышению эффективности научной работы ученых и привлечения молодежи в науку [4]. Между тем, наблюдается совершенно иная ситуация.

Трудовой потенциал. Благосостояние населения является основным условием развития человеческого потенциала. Об этом говорилось в теории человеческого капитала, сформированной в середине 50-х годов прошлого столетия, благодаря трудам лауреатов Нобелевской премии Т. Шульца

Таблица 2

Интеллектуальный потенциал Байкальского региона, 2005–2020 гг.

Показатели	Год	РФ	Иркутская область	Республика Бурятия	Забайкальский край
Индекс образования	2005	0,907	0,907	0,895	0,881
	2010	0,91	0,925	0,921	0,904
	2015	0,933	0,949	0,950	0,926
	2020	0,941	0,955	0,947	0,922
Численность аспирантов на 10 000 чел.	2005	9,8	10,7	8,6	3,5
	2010	11	12,5	11	5,2
	2015	7,5	7,5	6,8	2,3
	2020	6	4,9	4,1	1,5
Численность студентов, магистрантов на 10 000 чел.	2005	493	510	400	330
	2010	497	494	501	370
	2015	325	328	342	249
	2020	277	278	203	204

Источник: [2]; данные Росстата.

и Г. Беккера, послужившим отправной точкой для разработки теории человеческого капитала и методологии определения эффективности инвестиций в человеческое развитие [5, 6]. В основе ИРЧП, характеризующего благосостояние населения, лежит показатель ВРП на душу населения, который показывает объем вложений в развитие человеческого потенциала, определяет экономические возможности населения в сферах потребления, сохранения здоровья, а также получения качественного образования. За период с 2005 г. по 2020 гг. ВРП на душу населения в Байкальском регионе значительно вырос: В Иркутской области в 6,3 раза, Республике Бурятия в 3,8 раза, в Забайкальском крае — в 5,6 раза (табл. 3). Кроме того, возможность иметь достойный уровень жизни дают доходы населения, поэтому для оценки трудового потенциала рассмотрим показатель среднемесячной заработной платы. За рассматриваемый период времени заработная плата населения Байкальского региона увеличилась в 5,5 раза. Выросли и потребительские расходы, особенно на продукты питания, транспорт и здравоохранение. В предыдущем исследовании выявлена внутрирегиональная дифференциация населения по уровню доходов, в нем показано, что во многих муниципальных районах уровень доходов значительно ниже, чем в среднем по региону по данному показателю [7]. Текущее экономическое состояние страны характеризует уровень безработицы, который показывает положение на рынке труда. В субъектах Байкальского региона уровень безработицы имеет нестабильную тенденцию: до 2010 г. наблюдался рост, а в Республике Бурятия до 2015 г. наблюдался спад, а затем уровень безработицы стал повышаться.

Интегральная оценка человеческого потенциала была рассчитана с помощью метода стандартизации коэффициентов, только вместо

Таблица 3

Трудовой потенциал Байкальского региона, 2005–2020 гг.

Показатели	Год	РФ	Иркутская область	Республика Бурятия	Забайкальский край
ВРП на душу населения, тыс. руб.	2005	125,6	102,9	77,3	61,7
	2010	263,8	224,3	137,5	150,5
	2015	449,0	414,9	206,8	228,2
	2020	646,1	645,5	290,3	343,0
Среднемесячная заработная плата, руб.	2005	8555	9125	7651	8153
	2010	20952	20476	18000	18685
	2015	34030	32704	28386	30931
	2020	51344	49885	41800	47172
Уровень безработицы, %	2005	7,1	9,8	12,2	8,6
	2010	7,3	10,1	10,4	11,1
	2015	5,6	8,2	9,2	10,4
	2020	5,8	7,7	10,5	9,8

Источник: данные Росстата.

максимального (для прямых показателей) и минимального (для обратных) значений использовали среднее значение по стране. Это позволило не только сравнить субъекты Байкальского региона между собой, но и оценить их положение относительно среднероссийского значения (табл. 4). Демографический потенциал Байкальского региона достаточно богат по сравнению с другими регионами Российской Федерации. Регион отличается высоким коэффициентом рождаемости, несмотря на сокращение данного показателя после 2015 г. Между тем, регионы отстают по показателю продолжительности жизни и относительно высокой младенческой смертности. В Иркутской области отмечен высокий интеллектуальный потенциал благодаря большому числу научно-образовательных институтов. Противоположная ситуация прослеживается в Забайкальском крае, где из-за нехватки учреждений науки и образования определенного профиля, многие молодые люди вынуждены покинуть регион с целью получения желаемой специализации, и в большинстве случаев они не возвращаются обратно. По развитию трудового потенциала вновь лидирует Иркутская область, хотя недотягивает до среднероссийского уровня. Значительно уступают ей Забайкальский край и Республика Бурятия за счет слабой экономической деятельности регионов, и как следствие, высоким уровнем безработицы.

Следует отметить один из факторов, характеризующих развитие человеческого потенциала — миграцию населения, которая указывает на благоприятность условий для жизнедеятельности населения региона. Как правило, население уезжает из родного края в связи с недостаточностью ресурсов, условий, когда регион не может привлечь к себе новые трудовые ресурсы или специализированные кадры, или закрепить свое

Таблица 4

Оценка человеческого потенциала Байкальского региона, 2020 г.

Показатель	Иркутская область	Республика Бурятия	Забайкальский край
Демографический потенциал			
Коэффициент рождаемости	1,153	1,316	1,204
Коэффициент смертности	0,973	1,217	1,066
Ожидаемая продолжительность жизни	0,954	0,983	0,954
Коэффициент младенческой смертности	0,738	0,818	0,882
Итого	0,955	1,083	1,026
Интеллектуальный потенциал			
Индекс образования	1,015	1,006	0,980
Численность аспирантов на 10 000 чел.	0,817	0,683	0,250
Численность студентов, магистрантов на 10 000 чел.	1,004	0,733	0,736
Итого	0,945	0,808	0,655
Трудовой потенциал			
Среднемесячная заработная плата	0,972	0,814	0,919
Уровень безработицы	0,753	0,552	0,592
ВРП на душу населения	0,999	0,592	0,531
Итого	0,908	0,653	0,680
Интегральная оценка человеческого потенциала	0,936	0,848	0,787

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

население. К сожалению, Байкальский регион имеет большой отток населения. Помимо внутренней миграции, когда население, чаще всего, уезжает из сельской местности в город, достаточно высока миграционная убыль за пределы региона. Наибольший отток отмечен в Забайкальском крае (–40 ‰) в Иркутской области (–31 ‰). В Республике Бурятия коэффициент миграционного оттока значительно ниже, равен –14 ‰, причиной этого служит национальный уклад.

Заключение

Стратегии социально-экономического развития регионов и национальные проекты, прежде всего, ориентированы на достижение основных целей в ближайшей перспективе [8]. Для дальнейшего развития становится недостаточно ресурсов, которые будут способствовать повышению человеческого потенциала. Одной из задач стратегии является повышение продолжительности жизни населения, между тем ее рост возможен

благодаря достаточному финансированию здравоохранения. В связи с этим необходимо увеличивать долю государственных расходов ВРП на сферу образования и здравоохранения. Кроме того, для развития качественного образования и сокращения оттока молодого населения необходимо расширить специализацию профилей в научно-образовательных учреждениях, что в перспективе приведет к увеличению квалифицированных кадров, и возможно к сокращению уровня безработицы. Разумеется, решение таких вопросов потребует большого количества времени, важно разработать конкретные эффективные пути решения для программы развития регионов.

Благодарности

«Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190019-9)»

Список источников

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала за 1999 год / Под общ. ред. проф. Ю. Е. Федорова. Москва: Права человека, 2000.

[2] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. Москва : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.

[3] *Римашевская Н. М.* Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. 2013. № 3. С. 82-135.

[4] *Заславская Т. И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5-16.

[5] *Becker G. S.* Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.

[6] *Shultz T.* Investment in Human Capital: the Role of Education and Research. New York, 1971. P. 26-28.

[7] *Валеева О. В.* Векторы стратегического развития человеческого потенциала Байкальского региона // География и природные ресурсы. 2019. № 5. С. 208-213.

[8] Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2009 г. № 2094. 2009. 226 с.

References

[1] Human development report 1999 / ed. Yu. E. Fedorov. M.: Human Rights, 2000. 47 p.

[2] Human Development Report in the Russian Federation 2018 / eds. S. N. Bobylev, L. M. Grigoriev. M.: Analytical Center under the Government of the Russian Federation, 2018. 172 p.

[3] *Rimashevskaya N. M.* Human potential of Russian regions // Population. 2013. No. 3. Pp. 82-135.

[4] *Zaslavskaya T. I.* Human potential in contemporary transformation process // Social Sciences and Contemporary World. 2005. No. 3. Pp. 5-16.

[5] *Becker G. S.* Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.

[6] *Schultz T.* Investment in Human Capital: the Role of Education and Research. New York, 1971. Pp. 26-28.

[7] *Valeeva O. V.* Strategic development vectors of the human potential of the Baikal region // Geography and natural resources. 2019. No. 5. Pp. 208-213.

[8] The Strategy of socio-economic development of the Far East and the Baikal region for the period till 2025: the government of the Russian Federation dated 28.12.2009 No. 2094. 2009. 226 p.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-10
УДК159,942; 305; 316.6
JEL D910

АНАЛИЗ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ И РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА (СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ)[1]

О. В. Верейкина [а)], М. Ю. Коловертнова [б)]

[а)] Оренбургский медицинский колледж — структурное подразделение Оренбургского института путей сообщения — филиала Самарского государственного университета путей сообщения» (г. Оренбург, Россия). https://orcid.org/0000-0001-7007-5460

[б)] Оренбургский филиал Института экономики УрО РАН, (г. Оренбург, Россия). https://orcid.org/0000-0001-9111-7308

Автор для корреспонденции: О. В. Верейкина (olga.verejjkina@rambler.ru)

Аннотация. *Современная демографическая ситуация в России актуализирует изучение психологических установок молодежи на брачность и детность. Сценарии брачно-семейного и репродуктивного поведения подростков, в свою очередь, коррелируют с паттернами родительской семьи и определяют идеализированный образ собственных будущих семейных отношений и предпочтения при выборе брачного партнера.В статье анализируются отношения в родительских семьях, мотивы брачного поведения подростков и их ориентация на социальное одобрение.*

Ключевые слова: матримониальные установки, репродуктивные ориентации, брак, семья, социальная роль, паттерн

Analysis of Marital, Family and Reproductive Attitudes of College Students (Older Teenagers)

O. V. Vereykina [a)], M. Kolovertnova [b)]

[a)] Orenburg Medical College — a structural subdivision of the Orenburg Institute of Railways — a branch of the Samara State Transport University (Orenburg, Russia). https://orcid.org/0000-0001-7007-5460

[b)] Orenburg branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Orenburg, Russia). https://orcid.org/0000-0001-9111-7308

Corresponding author: O. V. Vereykina (olga.verejjkina@rambler.ru)

Abstract. *Due to the current demographic situation in Russia, it is necessary to examine psychological attitudes of young people on marriage and childhood. In turn, the scenarios of marital, family and reproductive behaviour of adolescents correlate with the patterns of the parental family and determine the idealised image of their own future family relationships and preferences when choosing a marriage partner. The article analyses the relationships in parental families, the motives of marital behaviour of adolescents and their focus on social acceptance.*

Keywords: matrimonial attitudes; reproductive attitudes; marriage; family; social role; pattern

[1] © Верейкина О. В., Коловертнова М. Ю. Текст. 2022.

Введение

Современная демографическая ситуация, сложившаяся в России, оценивается отечественными учеными-демографами как критическая (В.Н. Архангельский, А.Г. Вишневский, А.Я. Кваша и др.) [1, с. 8–10]. Это подтверждается статистическими данными: за последние пять лет (2018–2022 гг.) численность населения России сократилась на 1 322 856 чел., что сопоставимо с численностью населения всей Владимирской области или таких городов, как Екатеринбург или Нижний Новгород[1]. При этом приток мигрантов в страну, который мог бы сгладить убыль, составил всего около 350 тыс. чел. Из 85 субъектов РФ только в 24 наблюдается положительная динамика (рост) численности населения[2].

Сложившаяся ситуация вызывает озабоченность на самом высоком правительственном уровне. Так, в своем выступлении 30 ноября 2021 г. на форуме «ВТБ Капитал» «Россия зовет!», Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «решение демографической проблемы — одно из приоритетных направлений в России. … Пандемия коронавируса, вызвавшая дополнительную смертность, усложнила ее решение»[3]. Путин и ранее подчеркивал важность решения демографического вопроса. В середине октября того же года в интервью ведущей американского телеканала CNBC Хедли Гэмбл Президент РФ отмечал, что для улучшения демографии необходимо решить комплекс вопросов в здравоохранении, образовании, обеспечить поддержку семей с детьми[4].

Российская демографическая политика направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране. В настоящее время в России реализуется Национальный проект «Демография». В 2019–2024 гг.[5] принят ряд нормативно-правовых документов, направленных на стимулирование рождаемости: Концепция демографической политики РФ на период

---

[1] Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации (на 01 января 2022 г.). // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 02.04.2022).

[2] Список субъектов Российской Федерации по численности населения // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org(дата обращения: 02.04.2022).

[3] Путин назвал одну из основных проблем России // РосБизнесКонсалтинг (РБК). URL: https://www.rbc.ru/society/30/11/2021/(дата обращения: 08.04.2022).

[4] Путин назвал главную проблему России // РосБизнесКонсалтинг (РБК). URL: https://www.rbc.ru/society/14/10/2021/ (дата обращения: 08.04.2022)/

[5] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 // Президент Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 08.04.2022).

до 2025 г.[1], Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации»[2] и др., продлена (до 2026 г.) и расширена программа материнского (семейного) капитала[3]. Однако меры материальной поддержки будут неполными без осознания внеэкономических (в частности, социально-психологических и социально-педагогических) факторов.

Современный подход к определению брачно-семейных установок

Оренбургская область, как и большая часть российских регионов, относится к числу территорий с выраженными процессами депопуляции — низкая рождаемость и высокая смертность (смертность вдвое превышает рождаемость: за 2021 г. 18 127 родившихся и 36 556 умерших; за первые четыре месяца 2022 г. 5 265 родившихся и 9 550 умерших), миграция населения (количество эмигрировавших гораздо превышает количество иммигрировавших (выбывших — 49 070, прибывших — 48 446)); на фоне пандемии 2021 г. в регион приехало почти на 30 % меньше иностранцев, чем в 2020 г.; по данным Управления по вопросам миграции УМВД России по Оренбургской области количество прибывших составило 644 685 чел., при этом большинство из приезжих транзитом и направляются в другие регионы России); нынешний уровень рождаемости, даже с учетом иммиграционных процессов, не обеспечивает даже простое воспроизводство населения. Важнейшим показателем демографической ситуации является рождаемость, на уровень которой оказывают непосредственное влияние психологические установки на создание молодыми людьми собственной модели семьи.

Установки — неосознанное психологическое состояние, которое выражает готовность индивида к определенному поведению (Д.Н. Узнадзе), при этом психологическая готовность определяется как единство побудительного (мотивационного) и исполнительного (процессуального) компонентов, как состояние, начинающееся с постановки цели на основе потребностей и мотивов (С.Л. Рубинштейн).

При рассмотрении матримониальных (от лат. *matrimonium* — брак) и семейных установок следует отметить, что брак и семья — это разные понятия, хотя и связанные между собой.

---

[1] Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»: http://www.garant.ru (дата обращения: 08.04.2022).

[2] О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 16.03.2022 г. № 121. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»: http://www.garant.ru (дата обращения: 08.04.2022).

[3] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей/ Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ. С изм. и доп. Справочная правовая система Гарант: http://www.garant.ru (дата обращения: 08.04.2022).

Брак — это санкционируемая и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению друг к другу и к их детям (В. А. Борисов, А. И. Запесоцкий, В. М. Медков). С позиции современного права браком считается свободный, добровольный, равноправный союз мужчины и женщины, заключенный с целью образования семьи, с обязательным соблюдением установленных законом требований и порождающий между супругами взаимные личные и имущественные права и обязанности. Посредством института брака социум разделяет все виды половых отношений на общественно одобряемые и неодобряемые, поскольку, согласно действующему российскому законодательству, действительным признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС)[1], и правовая ответственность наступает только в указанном случае. Вместе с тем, специфической особенностью современного брака является его нестабильность. Сегодня наблюдается снижение социального контроля (порицания) и социального давления в указанной сфере и проявление более лояльного отношения общества к увеличению возраста вступления в брак (в среднем на 7–10 лет), к разводам и к альтернативным формам совместного проживания, в частности к «гражданским» и «пробным» бракам, сожительству, конкубинатным (от лат. con — вместе и cubo — лежу) союзам (длительное внебрачное сожительство женатого мужчины с незамужней женщиной) [2, с. 265–269].

Понятие «семья» имеет более широкую трактовку и рассматривается отечественными социологами как исторически обусловленная система взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, как малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта, взаимной моральной ответственностью, и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения (А. Г. Харчев, А. И. Антонов, Р. И. Мокшанцев, А. В. Мокшанцева, Ю. И. Семенов и др.).

В нашем случае целесообразно говорить о брачно-семейных установках — формировании готовности к реализации семейных социальных ролей, т. е. модели поведения, включающей соответствующие права, обязательства и обязанности, выполнения которых ожидают от индивида, которые он усваивает в процессе социализации и которые поощряются социумом. В отличие от включенности (психического состояния, характеризующего степень вхождения человека в систему социальных требований, норм, ролей, прав, обязанностей и ожиданий, которые предъявляет к нему институт семьи и брака), готовность к браку и будущим семейным

[1] Ст. 1, п. 2 СК РФ (Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ)/ Федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ. Справочная правовая система Гарант: http://www.garant.ru (дата обращения: 08.04.2022)).

отношениям — интегральное образование, включающее целый комплекс аспектов:

— формирование определенного нравственного комплекса — готовность принять на себя новую систему обязанностей по отношению к брачному партнеру, будущим детям;

— подготовленность к межличностному общению и сотрудничеству, распределению социальных ролей;

— развитый эмпатийный (от греч. *empatheia* — сопереживание) комплекс — способностьк сопереживанию, понимание эмоционального состояния партнера;

— определенная эстетическая культура чувств и поведения — способность к саморегуляции психики и поведения;

— умение конструктивно разрешать многообразные конфликты и др. [3].

Готовность к браку и будущим семейным отношениям у подрастающего поколения строится на основе их включенности в родительские семьи и усвоении родительских паттернов (от англ. *pattern* — образец, шаблон, трафарет) — поведенческих реакций, как правило, неосознаваемых, на определенные жизненные события. Родительские паттерны транслируются на представления о собственной будущей семье и ее ролевой структуре, о будущем партнере (О.А. Карабанова, С.В. Мерзлякова) [4].

В дополнение к понятиям «социально-психологическая готовность к браку и семейным отношениям» и «социально-психологическая включенность в брачно-семейные отношения» В.С. Торохтий выделял понятие «способность к браку» — совокупность индивидуальных свойств личности, являющихся субъективными условиями успешной реализации брачно-семейных отношений [5]. Способность (возможность осуществлять какую-либо деятельность) в данном случае выступает физиологическим, либо психологическим, либо социальным (либо различным сочетанием / совокупностью перечисленных форм), ограничением полноценного осуществления семейных функций. На наш взгляд, данное понятие находится на стыке медицины (современные медицинские технологии могут нивелировать некоторые физиологические ограничения) и психолого-педагогических наук и нуждается в дополнительных исследованиях.

Сущность и содержание репродуктивных установок

Как было отмечено выше, установки отражают совокупность идеализированных представлений подрастающего поколения, формирующихся на основе собственного опыта, полученного в результате влияния взаимоотношений в родительской семье (если таковой имеется) и, конечно, формирование данных представлений подвергается корректировке внешними воздействиями. Не последнюю роль (далеко не всегда положительную) в формировании репродуктивных установок подростков играют современные СМИ (но это — тема отдельного исследования).

Исследование репродуктивных установок нашло отражение в работах сторонников отечественной школы теории институционального кризиса семьи и упадка рождаемости (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.А. Борисов, В.М. Медков и др.). Репродуктивная установка определяется ими как психологический регулятор поведения, предрасположенность личности, определяющая согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей [6]. В структуру репродуктивных установок (установок на детность) включают три компонента: когнитивный (познавательный), аффективный (эмоциональный) и поведенческий (побудительный).

Когнитивный компонент установки выражается в предпочтении пола ребенка; его количественные аспекты — в ориентации на то или иное число детей, на интервалы между рождениями. Для установок на малодетность (1–2 ребенка) характерны увеличение интервала между рождениями, стремление к применению средств контрацепции и абортов, отсутствие предпочтений в отношении пола будущего ребенка (равная приемлемость сына или дочери).

Эмоциональный компонент составляют позитивные или негативные чувства, связанные с рождением того или иного числа детей, а поведенческий компонент проявляется в готовности или неготовности совершить соответствующие действия (от желания до действия).

По расчетам демографов, для простого воспроизводства населения, необходимого для элементарного замещения поколений, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за ее репродуктивный период) должен составлять не менее 2,1–2,2 ребенка или, если рассматривать необходимый «минимум рождаемости» в брачно-семейном контексте, на каждый эффективный брак должно приходиться не менее 2,6 детей (учитывая, что каждый 4-й брак в России, по тем или иным причинам, — бесплодный). В настоящее время в Оренбургской области (по данным Оренстата) суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составляет 1,36 и этот показатель ниже среднероссийского уровня (1,6).

Исследование брачно-семейных и репродуктивных установок старших подростков

С целью изучения брачно-семейных и репродуктивных установок старших подростков было организовано и проведено социально-психологическое исследование. В качестве объекта исследования выступили студенты I–II курсов Оренбургского медицинского колледжа — структурного подразделения Оренбургского института путей сообщения — филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный университет путей сообщения» (ОМК ОрИПС(ф) СамГУПС), отделения «Сестринское дело»(специальность 34.02.01), в возрасте от 16 до 19 лет, в количестве 95

чел., из них: 84 % — девочки и 16 % — мальчики (что в целом отражает ситуацию в среднем медицинском образовании).

Опросный лист включал 30 вопросов, содержащих ряд аспектов:

1) общие брачные установки (мотивы вступления в брак, формы брака, стиль отношений в семье, отношение к разводу);

2) представления об интимных отношениях до брака (количество возможных партнеров, возможность аборта);

3) отношения с родительской семьей и ее влияние (структура родительской семьи, сегрегационные (лат. *segregatio* — отделение, обособление, удаление) настроения, влияние места постоянного проживания семьи на миграционные настроения, помощь родителей, образ родительской семьи, одобрение брачного выбора со стороны родительской семьи);

4) детско-родительские установки (желаемое количество детей).

В ходе исследования были получены следующие результаты.

54 % респондентов постоянно проживают в городе, 22 % — в поселке и 24 % — в селе. 47,4 % после окончания учебы планируют вернуться (остаться) домой, 46,3 % не планируют возвращаться, причем это большая часть респондентов, проживающих в сельских территориях, и 6,3 % не определились со своим будущим.

59 % респондентов после окончания колледжа планируют работать по специальности, 6 % — не собираются посвятить себя медицинской профессии, 31 % — планируют продолжить обучение (причем некоторые совмещая с работой) и 4 % — еще не определились, чем хотят заниматься в дальнейшем.

68,4 % респондентов воспитываются в полных семьях (родные мать и отец), 9,5 % — в семьях с родной матерью и отчимом (семьи, созданные на основе повторных браков, называют сводными, смешанными и, по мнению семейных психологов, они потенциально сложны и более конфликтны), 18,9 % — в неполной материнской семье (неполная семья (материнская / отцовская) обладает рядом особенностей, так как одному родителю приходится брать на себя решение всех материальных и бытовых проблем, восполнять дефицит воспитательного влияния на детей; совмещение этих задач представляет определенные трудности, поэтому очень часто неполные семьи испытывают материально-бытовые трудности и сталкиваются с педагогическими проблемами), 3,2 % — в опекунских семьях.

84 % опрошенных имеют братьев / сестер. 51,6 % воспитываются в двухдетных семьях, 17,9 % — в трехдетных, 8,4 % — в четырехдетных, 4,2 % — в пятидетных, и по 1 % — в шести- и семидетной семье. 16 % отметили, что являются единственным ребенком в семье. 43,2 % являются первенцами, 27,4 % — вторыми детьми в семье и 29,4 % — третьим и последующим ребенком.

По мнению Ю.Г. Мироновой, респонденты, имеющие только одного брата или сестру, высказывают больше желания иметь в будущем детей, нежели те, у кого братьев и сестер в семье больше, чем один; т. е. можно

сказать, что чем меньше у респондентов родных братьев и сестер в своей семье, тем сильнее его желание иметь в будущем детей, и наоборот [7].

Опрос показал, что 57 % опрошенных хотят иметь двух детей, 17 % — не задумывались об этом, 11 % — хотят одного ребенка, 10 % — трех и более детей, 5 % — не планируют обзаводиться детьми.

Большинство респондентов отметили, что достаточно часто общаются с расширенной семьей: с бабушками (81 %) и дедушками (43 %), тетками и дядьями (68 %) и двоюродными братьями и сестрами (76 %), при этом зачастую респонденты указывали сразу несколько категорий. Постоянно в течение недели с родственниками общается 54 % опрошенных, 27 % — общаются один — два раза в месяц, остальные по случаю, с различной периодичностью от раза в полгода — год и реже.

Отношения в родительской семье большинство респондентов (90,5 %) оценивают как хорошие (между всеми членами семьи налажен контакт) и позитивные (все члены семьи поддерживают друг друга), 8,4 % — как недостаточно хорошие, отмечают периодические конфликты и недопонимание. Однако на вопрос «*хотели бы Вы, чтобы отношения в Вашей семье были такими же как у Ваших родителей?*» ответы распределились следующим образом: «да» — 40 %, «нет» — 30 %, «не знаю» — 30 %.

При распределении социальных ролей 52,6 % считают, что в семье должно быть равноправие и все обязанности должны распределяться поровну между мужем и женой, 31,6 % придерживаются мнения, что мужчина в семье должен зарабатывать больше, но и жена должна работать, 18,9 % считают, что мужчина должен полностью содержать семью, а женщина — заниматься домашним хозяйством, 4,2 % заявили, что каждый должен содержать себя сам и не зависеть от партнера.

Многие из подростков в той или иной степени сталкиваются с семейными конфликтами, причем некоторые их сами и провоцируют (5 %). По мнению большинства опрошенных, в семейных конфликтах они играют роль миротворцев (пытаются примирить конфликтующие стороны 51 %), 30 % отметили, что очень переживают, 15 % — относятся к ним безразлично, 9 % — испытывают злость и становятся агрессивными, 7 % — замыкаются в себе и перестают общаться с близкими, 5 % — уходят из дома, 4 % — принимают сторону одного из конфликтующих (чаще одного из родителей), 1 % — пытается найти поддержку у посторонних людей.

Интересно, что 92 % опрошенных не допускают решения конфликтных ситуаций в своей будущей семье при помощи физической агрессии и насилия. На практике же семейное насилие представляет собой серьезную социальную проблему.

Доминирующим мотивом вступления в брак для 62 % респондентов является желание быть рядом с любимым человеком, 56,8 % мотивируют свое желание вступления в брак продолжением рода (репродуктивные установки), для 37,9 % брак является привлекательным по причине

комфортного жизнеустройства (гедонистические (от греч. *hedone* — наслаждение) и частично сегрегационные установки), 16,8 % видят в браке спасение от одиночества, 7,4 % готовы вступить в брак для постоянного и безопасного сексуального контакта.

По мнению 91,6 % респондентов, наиболее прочными являются браки, основанные на чувстве любви, что объясняется романтическими представлениями, присущими данному возрасту. При этом, по мнению 22 % более прочными являются браки, заключенные в более зрелом возрасте (после 25 лет) и браки, основанные на дружеских чувствах (11,6 %).

На вопрос: «*В каком возрасте Вы бы хотели создать собственную семью?*», 47,4 % указали возрастные границы 23–25 лет, 31,6 % — 19–22 года; 10,5 % — 26–29 лет, 5,3 % — 30–35 лет; 1 % не собирается создавать семью.

50 % опрошенных допускают наличие сексуального опыта у будущего супруга / супруги до брака, а 43 % — наоборот, придерживаются мнения, что первые сексуальные отношения возможны только в браке.

50,5 % респондентов высказали положительное отношение к «гражданскому» браку, 22 % высказали отрицательное отношение и 27,4 % отметили, что их отношение к этому вопросу будет зависеть от обстоятельств («*смотря с кем и когда*»).

50,5 % респондентов считают обязательной регистрацию брака в случае незапланированной беременности, рождение ребенка вне брака допускает 31,6 % респондентов, 10,5 % считают, что в этом случае лучше сделать аборт, а 8 % будут решать вопрос в зависимости от ситуации.

45 % опрошенных заявили, что для них не имеет значения социальное и материальное положение родителей избранника / избранницы, 28 % отметили, что для них этот показатель имеет значение и при выборе спутника они будут учитывать этот факт, остальные (27 %) затруднились ответить на данный вопрос.

61 % отметили, что для них не имеет значения национальность будущего супруга / супруги, 36 % напротив, отметили значимость для себя и своей родительской семьи национальности будущего супруга / супруги. Скорее всего, такие показатели связаны с региональными особенностями. Оренбургская область — полинациональна. В настоящее время в Оренбуржье проживают представители 126 национальностей. К основным национальностям (с населением более десяти тысяч человек) относятся представители девяти этнических групп: русские, татары, казахи, украинцы, башкиры, мордва, чуваши, немцы, армяне.

Интересно, что на вопрос «*будет ли значимым для Вас мнение родителей / родственников о Вашем избраннике / избраннице?*» ответы распределились следующим образом: да — 25 %, нет — 34 %, не знаю — 39 %.

Относительно возраста предполагаемого супруга / супруги 50,5 % отметили, что возраст имеет значение (предпочтение отдается сверстникам), 41 % не придают этому значения.

85 % опрошенных отметили, что для них не будет иметь значения то, что родители избранника / избранницы находятся в разводе.

Среди причин, которые могут привести к разводу в собственной семье, 58 % назвали измену, 22 % — насилие и абъюзивные (англ. *abuse* — злоупотреблять, оскорблять, плохо обращаться) отношения, 15 % — аддиктивное (англ. *addiction* — зависимость, пагубная привычка, привыкание) поведение партнера — алкоголизм, наркомания, токсикомания, гемблинг (англ. *gambling* — игра на деньги), лудомания (лат. *ludo* — играю и греч. *mania* — безумие, влечение), 19 % — непрекращающиеся конфликты, недопонимание, 6 % — материальная неустроенность.

Заключение

В целом проведенное исследование выявило основные болевые точки в представлениях студентов о семье, недостаточную информированность в вопросах функционирования института семьи. У старших подростков доминирует романтическая модель брака. Молодые люди в большинстве случаев выбирают эгалитарную (партнерскую) модель семейных отношений, основанную на признании равных прав и ответственности супругов. Современная молодежь не отвергает значимость официальной регистрации брачных отношений, но также и не считает ее обязательным условием. Молодые люди недооценивают значимость социально-экономических факторов, влияющих на семью.

Одной из продуктивных форм влияния на социально-психологическую готовность старших подростков к созданию семьи является профессиональное информирование по вопросам семьи и брака, лежащее в основе формирования адекватных представлений, способствующее положительному восприятию и позитивному отношению к браку и семье, супружеству и родительству.

Список источников

[1] *Былов В. Г.* Общая характеристика демографической ситуации в России. Обзор // Социально-демографические проблемы России на пороге тысячелетия — Экономические и социальные проблемы России. 2000. № 4. С. 7-81.

[2] *Верейкина О. В.* Взаимодействие семьи и государственных структур в абилитации семейных отношений // Актуальные проблемы современной гендерологии. Вып. 5. Мат-лы 55 ежегодной науч.-метод. Конф. преподавателей и студентов «Университетская наука — региону», 16 апр. 2010 г. Москва; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.

[3] *Биктина Н. Н., Апасова А. С., Гильфанова А. Д.* К вопросу о социально-психологической готовности молодежи к браку и семейной жизни // Вестник магистратуры. 2017. № 1-2(64). С. 64-67.

[4] Мерзлякова С. В. Родительская семья как ориентирующий образ семейного самоопределения молодежи // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 114-119.

[5] *Торохтий В. С.* Социальная работа с семьей. Психолого-педагогическое обеспечение. Учеб. пособие для академического бакалавриата Москва : Юрайт, 2019. 488 с.

[6] *Хадиева Л. Г.* Репродуктивные установки: методологические основы исследования // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 6. С. 289-293.

[7] *Миронова Ю. Г.* Факторы формирования репродуктивных установок современной студенческой молодежи в российском регионе. На примере г. Астрахани // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12 (56). С. 56-59. https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.8.

References

[1] *Bylov V. G.* General characteristics of the demographic situation in Russia (review) // Socio-demographic problems of Russia at the threshold of the millennium — Economic and social problems of Russia. 2000. No. 4. Pp. 7–81.

[2] *Vereikina O. V.* Interaction of family and state structures in the habilitation of family relations // Actual problems of modern genderology. Issue 5. Materials of the 55th annual scientific and methodological conference of teachers and students «University Science for the Region», (April 16, 2010). Moscow-Stavropol: Publishing House of SSU, 2010. 400 p. Pp. 265–269.

[3] *Biktina N. N., Apasova A. S., Gilfanova A. D.* On the issue of socio-psychological readiness of young people for marriage and family life // Vestnik Magistratury. 2017. № 1-2(64). Pp. 64-67.

[4] *Merzlyakova S. V.* Parental family as a guideline image of youth's family identity // Theory and practice of social development. 2014. No. 2. Pp. 114–119.

[5] *Torokhtiy V. S.* Social work with the family. Psychological and pedagogical support: studies manual for academic bachelor's degree. M.: Yurayt Publishing House, 2019. 488 p.

[6] *Khadieva L. G.* Reproductive attitudes: methodological foundations of research // Bulletin of Kazan Technological University. 2006. No. 6. Pp. 289–293.

[7] *Mironova Yu. G.* Factors in the development of reproductive attitudes among Russian regional students (a case study of Astrakhan) // Society: sociology, psychology, pedagogics. 2018. No. 12(56). Pp. 56-59. https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.8.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-11
УДК 316.47+314.4
JEL I12

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19[1]

С. С. Гордеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия). https://orcid.org/0000-0002-5309-3818
Автор для корреспонденции: С. С. Гордеева (SSGordeyeva@mail.ru).

Аннотация. *На результатах эмпирических социологических исследований доказано положительное влияние социального капитала на здоровье населения. Обоснована значимость социального капитала для индивида в условиях пандемии COVID-19 посредством повышения доступности медицинской информации, ее понимания и использования. Выделены ключевые преимущества социального капитала для сохранения здоровья индивида: экономическое, медицинское преимущество докризисного состояния, приверженность социально одобряемым нормам и доверие социальным общностям. Сделан вывод о повышении роли цифровой коммуникации в условиях вынужденного физического дистанцирования и самоизоляции, особенно для лиц старшего возраста.*

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, здоровье населения, пандемия COVID-19

The Role of Social Capital in Maintaining Public Health during the COVID-19 Pandemic

S. S. Gordeeva

Perm State University (Perm, Russia). https://orcid.org/0000-0002-5309-3818
Corresponding author: S. S. Gordeeva (SSGordeyeva@mail.ru).

Abstract. *The results of empirical sociological studies have confirmed the positive impact of social capital on the health of the population. The importance of social capital for an individual in the conditions of the COVID-19 pandemic is justified by increasing the availability of medical information, its understanding and use. The key benefits of social capital for maintaining health are highlighted. They include economic and medical advantages of the pre-crisis state, adherence to socially approved norms and trust in social communities. The conclusion is made about the increasing role of digital communication in the conditions of forced physical distancing and self-isolation, especially for older people.*

Keywords: social capital; social networks; public health; COVID-19 pandemic

Введение

Распространение короновирусной инфекции COVID-19 во многом снизило эффективность функционирования различных социальных институтов, в том числе системы здравоохранения. На наличие перебоев в оказании медицинских услуг в период пандемии в 90 % изученных

[1] © Гордеева С. С. текст. 2022.

случаев указывают эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в своем исследовании, эмпирической базой которого выступили данные из 105 стран мира[1]. Основные усилия и ресурсы государств были направлены на разработку и реализацию стратегии поддержания здоровья на популяционном уровне, кроме того, эксперты ВОЗ призывали население поддерживать собственное здоровье, используя разнообразные социальные связи, выступающие элементами социального капитала. Таким образом, значимость социального капитала индивида в поддержании здоровья приобретает особое значение в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации во всем мире. Данная статья ставит целью развитие дискуссии относительно роли социального капитала в сохранении и укреплении здоровья населения в период пандемии COVID-19.

Основная часть

В современном научном дискурсе широкое признание получила концептуализация понятия «социальный капитал» американского историка и политолога R. Putnam [1]. В его понимании социальный капитал — это такие особенности социальной организации, как доверие, нормы и сети, которые могут повысить эффективность сообщества благодаря скоординированным действиям. Исследователи определяют социальный капитал через способность индивида получать выгоды благодаря включенности в разнообразные социальные сети и социальные структуры [2, 3]. Люди получают доступ к социальным ресурсам, которые недоступны им без этих социальных сетей.

В ряде зарубежных исследований были выявлены положительные следствия влияния социального капитала на здоровье населения. Так, люди с высоким уровнем социального капитала имели более высокий уровень физической активности [4], практиковали более здоровые практики питания [5], реже прибегали к табакокурению [6]. Следовательно, различные формы социальной поддержки в период вынужденного дистанцирования человека в общественных отношениях могут стимулировать соблюдение правил здорового образа жизни.

В настоящее время основными мерами сдерживания распространения короновирусной инфекции COVID-19 в мире стали оперативная изоляция заболевших, карантин для контактных лиц, соблюдение мер инфекционного контроля и гигиены. Однако природа социального капитала потенциально противоречит практикам социального дистанцирования, поскольку социальное взаимодействие между индивидами и социальными группами является основой этого капитала. Именно непосредственные личные встречи между людьми лежат в основе формирования и использования социального капитала.

[1] ВОЗ: COVID-19 бьет по системам здравоохранения — как смягчить удар // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 2020.

Несмотря на то, что в ряде исследований отмечается отрицательная взаимосвязь между показателями социального капитала и распространения COVID-19 в регионах, глубинные механизмы этой зависимости остаются нераскрытыми. Вопрос о том, способствует ли социальный капитал соблюдению правил социального дистанцирования и других норм поведения в период пандемии, не имеет однозначного ответа.

Известно, что социальное взаимодействие способствует распространению информации о нормах здоровьесберегающего поведения, повышает грамотность индивида в вопросах сохранения и укрепления здоровья. Неслучайно ВОЗ определяет грамотность в вопросах здоровья как «когнитивные и социальные навыки, детерминирующие мотивацию индивида на сохранение здоровья и его способность получать, анализировать и использовать информацию для поддержания или улучшения качества жизни на всех ее этапах, профилактики заболеваний и укрепления здоровья»[1]. Другими словами, способность индивида принимать обоснованные решения в отношении собственного здоровья напрямую связана с его грамотностью в вопросах здоровьесбережения.

Результаты эмпирических социологических исследований [7] убедительно доказывают, что грамотность в вопросах здоровья связана не только с индивидуальными способностями в получении и использовании информации, но и с доступностью социальных ресурсов. Социальный капитал выступает источником необходимой медицинской информации посредством разнообразных социальных сетей. Более «богатые» социальные сети расширяют объем источников информации о здоровье, способствуя распространению медицинских знаний среди своих пользователей. Информационная поддержка, в том числе со стороны родных и друзей, повышает как доступность к медицинской информации, так и ее понимание, способность к реализации правильных решений. Так, социальный капитал может оказать помощь и поддержку индивиду в условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации, диктующей необходимость соблюдения гигиенических предписаний в сфере индивидуальной защиты от вирусной инфекции. Однако важно отметить и возможность негативного следствия в использовании социального ресурса, который может приводить к распространению неправдивой и противоречивой информации по вопросам индивидуального здоровья, а также к увеличению численности групп инфекционного риска.

Значительное число зарубежных исследований показывает, что высокий уровень социального капитала отдельных индивидов или социальных общностей позволяет более эффективно переживать кризисные состояния, адаптироваться к ним, а также восстанавливать функции организма после перенесенных заболеваний. Так, D.P. Aldrich обнаружил, что социальный капитал в форме доверия приводит к более интенсивному обмену

[1] ВОЗ: Санитарная грамотность // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 2014.

информацией о фактах или рисках для сообщества, что имеет решающее значение при столкновении с кризисными событиями [8]. Люди, имевшие незначительное число социальных связей, реже, по сравнению с наиболее информированными группами, принимали превентивные меры с целью снижения рисков инфекционного заболевания, а также несвоевременно обращались за медицинской помощью или помощью близкого окружения.

Пандемия COVID-19 во многом изменила поведение людей в отношении здоровья в условиях снижения доступности социальных ресурсов. При этом можно выделить различные формы и закономерности их утраты: снижение уровня материального достатка, дополнительные проблемы на фоне нарушений психического и соматического здоровья, заболеваний и смерти членов семьи, а также вынужденная индивидуальная социальная изоляция и др.

В этих кризисных условиях такие составляющие социального капитала, как доверие, нормы и сети, позволяли отдельным индивидам и социальным общностям облегчать доступ к различным ресурсам индивидуальной адаптации: психоэмоциональным, информационным и финансовым.

Социальный капитал играет важную роль не только в период любого социального кризиса, но и после него. По мнению D.P. Aldrich, положительное значение социального капитала обусловлено прежде всего доверительными отношениями, которые объединяют людей для долгосрочного восстановления утраченных ресурсов [10].

В социологической литературе выделяются два преимущества социального капитала, позволяющих реализовать возможности в сохранении здоровья населения в период пандемии.

Во-первых, социальный капитал выражен в форме экономического, медицинского преимущества докризисного состояния. Другими словами, социальные общности с большим уровнем социального капитала имеют, как правило, более высокий экономический статус, а в их состав входят люди с более благоприятными показателями дохода и здоровья. Данные общности имеют возможность обращаться в более эффективные медицинские учреждения, приобретать необходимые средства индивидуальной защиты, проживать в районах с меньшей инфекционной нагрузкой и, как следствие, быстрее выздоравливать после болезни.

Во-вторых, социальный капитал позволяет снижать уровень распространения COVID-19, благодаря выполнению социально одобряемых норм и доверию информации со стороны социальных общностей. Так, люди с высоким социальным капиталом демонстрировали приверженность гигиеническим практикам, ответственность и заботу о своих соседях и членах сообщества. В то же время низкий уровень доверия к получаемой информации препятствовал эффективному реагированию на кризисные ситуации, приводил к нарушению взаимодействия в сообществе, к обособленности социальных групп. Как результат низкого социального капитала формируется порочный круг: отсутствие доверия, невыполнение

медицинских предписаний, трудности в социальной адаптации и дальнейшее отсутствие доверия.

Социальный капитал в форме сетей позволяет согласовывать коллективные действия, способствует обмену информацией и принятию правильных решений внутри сообщества. Капитал определенной социальной общности может не только способствовать распространению знаний в сфере профилактики инфекционных заболеваний, но и влиять на выполнение предписаний в сфере гигиены, а также оказывать содействие в организации здорового быта. Это особенно важно для лиц старших возрастных групп, поскольку они могут иметь низкий уровень возможностей, знаний и навыков в области здоровьесберегающего поведения. В подобных обстоятельствах активная деятельность представителей волонтерских организаций позволяет оказывать помощь и поддержку в сохранении здоровья пожилых людей.

Продолжительное физическое дистанцирование и самоизоляция могут негативным образом сказаться на социальном капитале. В условиях социальных ограничений и взаимодействия люди бывают отрезаны от привычного межличностного общения. В то же время различные цифровые средства коммуникации (телефон, чат, электронная почта, социальные сети) играют все более важную роль в общении с людьми за пределами домохозяйств. Опора на цифровую коммуникацию укрепляет существующие отношения и делает значимым наведение социальных контактов; при этом взаимодействия становятся более сложными и менее распространенными.

На наш взгляд, индивиды и сообщества должны сосредоточиться на создании и поддержании разнообразных социальных связей. В этом случае социальный капитал ограничивает негативное влияние физического дистанцирования и увеличивает возможности в реализации превентивных мер поведения. Социальные связи, взаимодействие членов семьи и других социумов могут иметь решающее значение в коллективном ответе на вызовы COVID-19. Следовательно, цифровые и другие опосредованные формы коммуникации должны использоваться как средства создания разнообразных социальных сетей. Можно полагать, что разнообразные способы и формы коммуникации, являясь составляющей социального капитала, могут повысить эффективность сообщества в периоды пандемии, благодаря своевременной поддержке и помощи.

Заключение

Резюмируя, можно сформулировать приоритетные направления дальнейших социологических исследований по вопросам социального капитала как фактора сохранения здоровья населения, являются многоуровневые взаимосвязи между показателями социального капитала и риском заболеваний COVID-19, доступность и степень использования интернет-ресурса в повышении медицинской грамотности среди различных

групп населения, социальный спрос на консультационную медицинскую помощь по вопросам здоровьесбережения, осведомленность групп населения в соблюдении здорвьесохранных практик, их выполнение в различных жизненных условиях и эффективность различных социальных связей в профилактике COVID-19.

Список источников

[1] *Putnam R.D.* Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 1. P. 65–78.

[2] *Portes A.* Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.

[3] *Kawachi I., Berkman L.* Social cohesion, social capital, and health // Social Epidemiology. 2000. Pp. 174–190.

[4] *Legh-Jones H., Moore S.* Network social capital, social participation, and physical inactivity in an urban adult population // Soc Sci Med. 2012. Vol. 74(9). DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.01.005.

[5] *Johnson C.* M, Sharkey J. R., Dean W. R. Eating behaviors and social capital are associated with fruit and vegetable intake among rural adults // J Hunger Environ Nutr. 2010. Vol. 5(3). Pp. 302–315. DOI: 10.1080/19320248.2010.504094.

[6] *Afifi R. A., Nakkash R. T., Khawaja M.* Social capital, women's autonomy and smoking among married women in low-income urban neighborhoods of Beirut, Lebanon // Women Health Issues. 2010. Vol. 20(2). DOI: 10.1016/j.whi.2009.12.005.

[7] *Kim Y., Lim J. Y., Park K.* Effects of health literacy and social capital on health information behavior // Journal of Health Communication. 2015. Vol. 20(9). DOI: 10.1080/10810730.2015.1018636.

[8] *Aldrich D.P.* Fixing recovery, social capital in post-crisis resilience // Journal of homeland security. 2010. Vol. 6. P. 1–10.

References

[1] *Putnam R. D.* Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, No. 1. Pp. 65–78.

[2] *Portes A.* Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. Pp. 1–24.

[3] *Kawachi I., Berkman L.* Social cohesion, social capital, and health // Social Epidemiology. 2000. Pp. 174–190.

[4] *Legh-Jones H., Moore S.* Network social capital, social participation, and physical inactivity in an urban adult population // Soc Sci Med. 2012. Vol. 74(9). DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.01.005.

[5] *Johnson C.* M, Sharkey J. R., Dean W. R. Eating behaviors and social capital are associated with fruit and vegetable intake among rural adults // J Hunger Environ Nutr. 2010. Vol. 5(3). Pp. 302–315. DOI: 10.1080/19320248.2010.504094.

[6] *Afifi R. A., Nakkash R. T., Khawaja M.* Social capital, women's autonomy and smoking among married women in low-income urban neighborhoods of Beirut, Lebanon // Women Health Issues. 2010. Vol. 20(2). DOI: 10.1016/j.whi.2009.12.005.

[7] *Kim Y., Lim J. Y., Park K.* Effects of health literacy and social capital on health information behavior // Journal of Health Communication. 2015. Vol. 20(9). DOI: 10.1080/10810730.2015.1018636.

[8] *Aldrich D. P.* Fixing recovery, social capital in post-crisis resilience // Journal of homeland security. 2010. Vol. 6. Pp. 1–10.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-12
УДК 614.2
JEL I18

РОЛЬ ВНЕДРЕНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ОКАЗЫВАЮЩЕЙ ПЕРВИЧНУЮ МЕДИКО-САНИТАРНУЮ ПОМОЩЬ, В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Т. А. Жеребцова, С. Л. Леонтьев, Д. О. Михайлова, Е. В. Ануфриева

Уральский институт управления здравоохранением им. А. Б. Блохина
(г. Екатеринбург, Россия)
Автор для корреспонденции: Т.А. Жеребцова (umsep-ta@yandex.ru).

Аннотация. *По данным ВОЗ, первичная медико-санитарная помощь способна реагировать на стремительные экономические, технологические и демографические изменения, влияющие на здоровье и благополучие населения. Внедрение бережливых технологий в систему здравоохранения является одним из направлений ее совершенствования. В статье рассмотрена эффективность внедрения данных технологий, проведен анализ основных целевых показателей состояния здоровья населения и деятельности медицинских организаций за период 2017-2021 гг. Целью исследование является анализ целевых показателей состояния здоровья населения и оценка влияния внедрения Новой модели и ее роль в сохранении здоровья населения. Установлено, что важное значение среди факторов, влияющих на формирование медико-демографических показателей, имеет организация амбулаторно-поликлинической помощи. В работе применялись следующие методы: статистический, рейтинговый методы, изучение и обобщение сведений, сравнение и др.*

Ключевые слова: здоровье населения, первичная медико-санитарная помощь, «бережливые» технологии, новая модель медицинской организации

Introducing a New Model of a Medical Organisation Providing Primary Health Care to Maintain the Public Health in Sverdlovsk Oblast

T. A. Zherebtsova , S. L. Leontiev, D. O. Mikhailova, E. V. Anufrieva
Ural Institute of Public Health Management named after A.B. Blokhin (Ekaterinburg, Russia).
Corresponding author: T. A. Zherebtsova (umsep-ta@yandex.ru).

Abstract. *According to the World Health Organisation, primary health care is able to respond to rapid economic, technological and demographic changes that affect the health and well-being of the population. The introduction of lean technologies in the health care system is one of the directions for its improvement. The article considers the effectiveness of the introduction of these technologies, analyses the main target indicators of the health status of the population and the activities of medical organisations for the period 2017-2021. The purpose of the study is to examine the target indicators of the health status of the population and assess the impact of the introduction of the New Model and its role in maintaining the public health. It was established that among the factors influencing the formation of medical and demographic indicators, the or-*

[1] © Жеребцова Т. А., Леонтьев С. Л., Михайлова Д. О., Ануфриева Е. В. Текст. 2022.

ganisation of outpatient care is of great importance. Such methods as statistical, rating methods, study and generalisation of information, comparison, etc. were used in the work.

Keywords: public health; primary health care; «lean» technologies; new model of medical organisation

Введение

По данным ВОЗ, первичная медико-санитарная (ПМСП) помощь способна реагировать на стремительные экономические, технологические и демографические изменения, влияющие на здоровье и благополучие населения. Концепция ПМСП предполагает вовлечение широкого круга заинтересованных сторон в изучение и изменение мер политики, воздействующих на социальные, экономические, экологические и коммерческие детерминанты здоровья и благополучия. ПМСП доказала свою высокую эффективность при устранении главных причин и рисков плохого здоровья и благополучия сегодня, а также для решения новых проблем, которые будут представлять угрозу для здоровья и благополучия завтра. Она также показала себя как выгодный объект инвестиций, поскольку доказано, что качественная ПМСП способствует сокращению общих расходов на здравоохранение и повышает его эффективность за счет снижения числа госпитализаций [1].

В октябре 2016 г. по инициативе Управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации стартовал пилотный проект по совершенствованию системы оказания ПМСП «Бережливая поликлиника», с 2017 г. мероприятия по внедрению бережливых технологий осуществлялись уже в рамках приоритетного проекта «Создание новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь», с 2019 г. осуществляются в рамках федерального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи».

Создание новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь (новая модель), — комплекс мероприятий, направленных на соблюдение приоритета интересов пациента, организацию оказания медицинской помощи пациенту с учетом рационального использования его времени, повышение качества и доступности медицинской помощи, обеспечение комфортности условий предоставления медицинских услуг, повышение удовлетворенности уровнем оказанных услуг, сокращение нагрузки на медицинский персонал за счет повышения эффективности деятельности медицинской организации, переходом на электронный документооборот, сокращением объема бумажной документации [2].

В 2019 г. Министерством здравоохранения Российской Федерации были разработаны 22 критерия новой модели с акцентом на доступность и качество медицинской помощи, экономию ресурсов. В соответствии с критериями оценивается работа регистратуры, процедурных кабинетов,

диагностических кабинетов, а также отделения медицинской профилактики. В зависимости от того, как организована работа медицинского учреждения, ему может быть присвоен один из трех уровней — базовый, прогрессивный, лидерский. Все 22 критерия условно разделены на 9 подгрупп-блоков, в зависимости от планируемых показателей результативности:

— потоки пациентов;
— доступность медицинской помощи;
— эффективность использования оборудования;
— качество пространства;
— стандартизация процессов;
— качество медицинской помощи;
— вовлеченность персонала в улучшение процессов;
— формирование системы управления, управление запасами [2, 3].

В 2016 г. отдельные направления пилотного проекта «Бережливая поликлиника» начали реализовываться в 2 поликлиниках города Екатеринбурга, а в 2022 г. в реализации мероприятий по созданию и тиражированию новой модели участвуют уже 252 структурных подразделений 86 медицинских организаций Свердловской области. В медицинских организациях реализуются проекты, направленные на повышение качества и обеспечение доступности медицинской помощи и основанные на применении методов бережливого производства путем достижения 22 критериев новой модели.

Результаты реализуемых мероприятий в здравоохранении в целом и в амбулаторно-поликлинической службе в частности анализируются с позиций медицинской, социальной и экономической эффективности. [4, 5].

В условиях современного развития здравоохранения приоритетной и нерешенной остается проблема оценки эффективности деятельности медицинской организации, особенно в условиях внедрения новых методологических подходов по созданию новой модели.

Цель исследования — провести анализ целевых показателей состояния здоровья населения и оценить влияние внедрения Новой модели и ее роль в сохранении здоровья населения.

Материалы и методы

Программа исследований состояла из двух этапов. На первом из них проводились анализ медико-демографических показателей в целом по региону за 2017–2021 гг. и изучение медико-социальных показателей по муниципальным образованиям Свердловской области в 2017–2019 гг. до распространения новой коронавирусной инфекции (НКВИ). Объем выборки для анализа составлял 177 единиц, которыми были муниципальные образования Свердловской области в конкретном календарном году за период наблюдения. Информационной основой явились электронные базы Росстата, данных ГБУЗ СО «МИАЦ». Для анализа информации был

использован подход, основанный на расчете обобщающих рейтинговых показателей.

На втором этапе проведен анализ деятельности медицинских организаций Свердловской области, участвующих в создании и тиражировании новой модели, начиная с пилотного проекта «Бережливая поликлиника». Определен итоговый рейтинг эффективности работы медицинских организаций, оказывающих ПМСП. В работе применялись следующие методы: статистический, рейтинговый методы, изучение и обобщение сведений, сравнение и др.

Результаты

Продолжительность жизни, рождаемость, смертность населения, младенческая смертность являются наиболее важные медико-демографическими показателями.

Установлено увеличение ожидаемой продолжительности жизни в период с 2017 г. по 2019 г. в Свердловской области (табл. 1), снижение показателя с 2020 г. обусловлено распространением новой коронавирусной инфекции.

За последние 5 лет (с 2017 г. по 2021 г.) отмечается снижение рождаемости на 18,5 % (по Российской Федерации рождаемость снизилась на 16,5 %). В 2021 г. показатель составил 10,1 родившегося на 1000 чел. населения (в Российской Федерации в 2021 г. — 9,6). Это наиболее низкий уровень рождаемости с 2002 г. (10,2 родившегося на 1000 чел. населения).

Снижение рождаемости обусловлено как социально-экономическими факторами (постепенное падение доходов, рост безработицы, нарастание изменений в репродуктивном поведении женщин и мужчин — осознанное смещение календаря рождений на более поздний возраст, нежелание регистрировать брак, стремление иметь не более 1–2 детей), так и естественными структурными причинами (уменьшение числа женщин репродуктивного возраста из-за низкой рождаемости в 90-е годы). В 2020 г. на уровень рождаемости повлияли и новые факторы: снижение социальной активности населения в связи с введением противоэпидемических карантинных

Таблица 1

Динамика ожидаемой продолжительности жизни в Свердловской области с 2017 по 2021 гг., лет

Год	Ожидаемая продолжительность жизни
2017	71,23
2018	71,29
2019	71,81
2020	70,15
2021	68,79

Таблица 2

Динамика рождаемости в Свердловской области в 2017–2021 гг., чел. на 1000 чел. населения

Показатель	Значение показателя по годам				
	2017	2018	2019	2020	2021
Рождаемость	12,4	11,6	10,7	10,2	10,1

Таблица 3

Динамика показателя младенческой смертности в Свердловской области в 2017–2021 гг.

Номер строки	Показатель	Значение показателя по годам				
		2017	2018	2019	2020	2021
1	Младенческая смертность, случаев смерти детей до 1 года на 1000 родившихся живыми	4,9	4,7	4,7	4,2	4,3
2	Процент изменений к предыдущему году	–15,5	–4,1	0	–10,6	–2,4
3	Младенческая смертность в Российской Федерации, число умерших детей до 1 года на 1000 родившихся живыми	5,1	5,6	4,9	4,5	4,6

Таблица 4

Динамика числа умерших и показателя смертности населения в Свердловской области в 2017–2021 гг., чел. на 1000 чел. населения

Показатель	Значение показателя по годам				
	2017	2018	2019	2020	2021
Смертность	13,3	13,4	13,3	15,7	17,97

мероприятий, экономическая неопределенность, социальная тревожность, ограничения плановой медицинской помощи.

В 2021 г. показатель младенческой смертности составил 4,3 промилле (табл. 3). С 2017 г. по 2021 г. показатель снизился на 12 %. При этом удалось снизить показатель младенческой смертности выше планового значения 4,5 ‰, установленного национальным проектом «Здравоохранение».

С 2017 г. наблюдалось снижение смертности населения вплоть до 2020 г. (табл. 4), коэффициент смертности в 2021 г. составил 17,9 случая на 1000 чел. населения, что выше уровня 2017 г. на 26 %.

Рост смертности населения в 2021 г. связан как с продолжением распространения НКВИ непосредственно, так и с декомпенсацией других заболеваний, когда НКВИ способствовала их более тяжелому течению, либо когда в условиях карантинных ограничений получение медицинской помощи было вынужденно отложено.

Таким образом, в связи с распространением НКВИ большинство медико-демографических показателей имели отрицательную динамику.

С 2017 г. в Свердловской области началось внедрение бережливых технологий в деятельность медицинских организаций в рамках пилотного проекта «Бережливая поликлиника», создания и тиражирования новой модели. Поэтому мы решили изучить медико-социальные показатели по муниципальным образованиям Свердловской области за период 2017 г. по 2019 г. до распространения НКВИ, были проанализированы данные о 7 показателях, характеризующих демографические тенденции

и деятельность медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь:

1) общий коэффициент смертности;
2) смертность населения трудоспособного возраста;
3) общая заболеваемость населения;
4) отношение плановой мощности к фактической мощности амбулаторно-поликлинических подразделений медицинских организаций;
5) удельный вес профилактических посещений к врачам;
6) обеспеченность врачами;
7) обеспеченность средним медперсоналом.

На основании проведенного анализа был сформирован итоговый рейтинг МО по показателям в порядке возрастания от наилучшего к наихудшему.

Далее была изучена деятельность 79 медицинских организаций, участвующих в создании и тиражировании Новой модели в период с 2017 г. по 2019 г. Рассчитаны итоговые рейтинги эффективности работы медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь детскому, взрослому и детско-взрослому населению, на основании ряда показателей: число посещений на 1 человека в год, охват диспансеризацией взрослого населения, охват детей первого года жизни профилактическими осмотрами, уровень удовлетворенности пациентов качеством услуг и др.

Начиная с 2017 г. и по настоящее время страховыми медицинскими организациями проводятся опросы граждан о качестве и доступности медицинской помощи в подразделениях медицинских организаций Свердловской области в рамках создания новой модели. В 2017 г. средний показатель удовлетворенности пациентов качеством и доступностью первичной медико-санитарной помощью увеличился к концу года на 17 % (с 57,5 % до 69,7 %). В период с 2018 г. по 2019 г. увеличилась удовлетворенность пациентов длительностью ожидания на прием к врачу, отношением лечащих врачей, результатом посещения участкового врача, удовлетворенность пациентов при прохождении диспансеризации на 13 % (с 61,1 % до 70,5 % соответственно), на 15 % (с 70,4 % до 83 % соответственно), на 8,3 % (с 75,7 % до 82 % соответственно), на 23,6 % (с 50,9 % до 62,9 % соответственно).

Отмечается снижение количества жалоб по вопросам записи на прием к врачу на 30 %, по вопросам оформления листка нетрудоспособности на 10 %, при этом наблюдается тенденция увеличения количества обращений по вопросам оказания первичной медико-санитарной помощи на 80 % в период с 2017 г. по 2019 г. за счет расширения каналов связи для пациентов.

В 2019 г. охват диспансеризацией взрослого населения более 80 % и выше достигли все медицинские организации, оказывающие помощь взрослому населению, охват детей первого года жизни профилактическими

осмотрами 80 % и менее составил в двух медицинских организациях. Также отмечается увеличение охвата диспансеризацией взрослого населения и охвата детей первого года жизни профилактическими осмотрами в медицинских организациях в период с 2017 г. по 2019 г.

По результатам анализа обеспечения удаленной записи на прием в медицинские организации в целом по Свердловской области за период с 2017 г. по 2019 г. отмечается увеличение дистанционной записи пациентов на 47,4 %, что повышает доступность медицинской помощи для пациентов и удобство записи, минуя регистратуру.

Обсуждение

Существует большое количество методик и показателей, с помощью которых можно было бы оценить эффективность работы ПМСП [4, 5]. Вопросы эффективности внедрения новой модели являются актуальными в настоящее время [6, 7]. При этом существуют разные подходы для оценки ее влияния на состояние здоровья населения. Во первых, это оценка медико-социальных показателей на уровне муниципальных образований региона, во вторых — оценка деятельности медицинских организаций, оказывающей первичную медико-санитарную помощь на конкретной территории, на основании изучения доступности и качества профилактических мероприятий хронических неинфекционных заболеваний, возможности дистанционной записи, удовлетворенности пациентов качеством и доступностью медицинской помощи и др.

Заключение (выводы)

Формирование показателей смертности населения, младенческой смертности, ожидаемой продолжительность жизни при рождении происходит в результате влияния сложного комплекса демографических, социально-экономических, медико-организационных факторов. Важное влияние на них оказывает организация амбулаторно-поликлинической помощи.

Распространение НКВИ оказало отрицательное влияние на основные медико-демографические показатели.

Внедрение бережливых технологий в рамках новой модели влияет на усовершенствование внутренних процессов в поликлинике. Пациенты обращаются в поликлинику, используя дистанционную запись, сокращаются сроки прохождения профилактических осмотров и получения медицинской помощи, что позволяет повысить доступность, качество оказания медицинской помощи и в будущем окажет влияние на показатели здоровья населения.

Список источников

[1] ВОЗ. Информационный бюллетень. Ноябрь 2019. Первичная медико-санитарная помощь // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 6(65). 11 с.

[2] Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь. Методические рекомендации Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2-е изд. с доп. и уточ. / Е. В. Каракулина, Э. К. Вергазова, И. Н. Ходырева и др. Москва, 2019. 88 с.

[3] Критерии перехода к новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь / Н. А. Пестушко, А. Л. Дорофеев, К. Е. Попова, А. В. Горбачев // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 3. С. 152-157.

[4] *Богатова И. В., Шильникова Н. Ф.* Оценка социальной эффективности первичной медико-санитарной помощи // Здравоохранение Российской Федерации. 2018 № 62(1). С. 24-29. http://dx.doi.org/10.18821/0044-197X-2018-62-1-24-29.

[5] *Карайланов М. Г., Федоткина С. А., Маликова Е. А.* Организационно-методический подход к оценке эффективности первичной медико-санитарной помощи на современном этапе // В мире научных открытий. 2016. № 8(80). С. 63-80. https://doi.org/10.12731/wsd-2016-8-63-80.

[6] *Смышляев А. В., Мельников Ю. Ю., Садовская М. А.* Результаты реализации проекта по внедрению lean-технологий и процессно-ориентированного подхода в управлении медицинской организацией, оказывающей первичную медико-санитарную помощь в Российской Федерации // Главный врач Юга России. 2020. № 5(75). С. 45-48.

[7] Технологии бережливого производства в реформировании медицинских организаций, оказывающих ПМСП. Аналитический обзор / А. Ш. Сененко, И. М. Сон, Н. А. Дзюба, О. О. Захарченко, Д. С. Терентьева, В. А. Шелгунов // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2020. № 66(4). 6 с. https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-6.

References

[1] WHO. News bulletin. November 2019. Primary health care // Social aspects of population health. 2019. No. 6(65). 11 p.

[2] A new model of a medical organization providing primary health care: Methodological recommendations of the Ministry of Health of the Russian Federation (2nd edition with additions and clarifications) / E. V. Karakulina, E. K. Vergazova, I. N. Khodyreva et al.. M.: 2019. 88 p.

[3] Criteria for transition to a new model of a medical organization providing primary health care / N. A. Pestushko, A. L. Dorofeev, K. E. Popova, A. V. Gorbachev // Far Eastern Medical Journal. 2020. No. 3. Pp. 152-157.

[4] *Bogatova I. V., Shilnikova N. F.* The evaluation of social effectiveness of primary medical sanitary care // Health care of the Russian Federation. 2018. No. 62(1). Pp. 24-29. http://dx.doi.org/10.18821/0044-197X-2018-62-1-24-29.

[5] *Karailanov M. G., Fedotkina S. A., Malikova E. A.* Methodologies for assessing the effectiveness of medical organizations that provide outpatient care // In the world of scientific discoveries. 2016. No. 8(80). Pp. 63-80. https://doi.org/10.12731/wsd-2016-8-63-80.

[6] *Smyshlyaev A. V., Melnikov Yu. Yu., Sadovskaya M. A.* The results of the project on the introduction of lean-technologies and a process-oriented approach in the man-

agement of a medical organization that provides primary health care in the the Russian Federation // Chief Doctor of the South of Russia. 2020. No. 5(75). Pp. 45-48.

[7] Lean manufacturing technologies in reforming medical organizations that provide primary health care. analytical review / A. Sh. Senenko, I. M. Son, N. A. Dzjuba, O. O. Zaharchenko, D. S. Terent'eva, V. A. Shelgunov // Social aspects of population health. 2020. No. 66(4). 6 p. https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-6.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-13
УДК 314.1
JEL J11, J14

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРОЦЕССЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ[1]

Е. В. Землянова [а)], А. А. Савина [б)]

[а)] Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия)
http://orcid.org/0000-0001-6231-1611

[б)] НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (г. Москва, Россия).
https://orcid.org/0000-0002-5543-7918
Автор для корреспонденции: Е. В. Землянова (zem_lena@mail.ru).

Аннотация. *Пандемия COVID-19 привела к высоким уровням избыточной смертности практически во всех регионах страны. Со второго квартала 2020 г. показатели смертности демонстрируют рост. Распространение коронавирусной инфекции усугубило ситуацию с естественной убылью населения в УрФО. Естественный прирост, несмотря не некоторое его снижение, сохранился лишь в ХМАО и ЯНАО. В большинстве регионов УрФО в 2020-2021 гг. произошло некоторое снижение показателей рождаемости. Но ситуация со смертностью населения в округе развивалась более драматично, рост общей смертности составил 34,2 %, достигнув 15,7 ‰. Наибольший прирост смертности отмечен в ХМАО (41,7 %), тем не менее, в регионе сохранился естественный прирост населения. Самая драматичная ситуация сохраняется в Курганской области, где в 2021 г. показатель смертности составил 20,4 ‰. Определение доли умерших от COVID-19 в дополнительных потерях в 2020 и 2021 гг. по сравнению с 2019 г. указывает на нарушение правил кодирования при выборе первоначальной причины смерти, что не позволяет оценить истинную картину причин смерти в УрФО.*

Ключевые слова: пандемия COVID-19, естественное движение населения, рождаемость, смертность, причины смерти, Уральский федеральный округ

The Impact of the COVID-19 Pandemic on Natural Population Movement in the Ural Federal District

E. V. Zemlyanova [a)], A. A. Savina [b)]

[a)] Institute for Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia)
http://orcid.org/0000-0001-6231-1611

[b)] Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Department of Healthcare (Moscow, Russia). https://orcid.org/0000-0002-5543-7918
Corresponding author: E. V. Zemlyanova (zem_lena@mail.ru).

Abstract. *COVID-19 pandemic led to high levels of excess mortality nearly in all world regions. Since the second quarter of 2020, mortality rates are increasing. The widespread of coronavirus infection worsened the situation with natural population decrease in the Ural Federal District. Natural growth, despite its certain reduction, was maintained only in Khanty-Mansi and*

[1] © Землянова Е. В., Савина А. А. Текст. 2022.

Yamal-Nenets Autonomous okrugs. In most regions of the Ural Federal District in 2020-2021, there was a slight decrease in fertility rates. However, the situation with mortality in the district developed more sharply; increase in crude mortality was 34.2 % up to 15.7 ‰. The highest mortality growth was recorded in Khanty-Mansi autonomous okrug (+41.7 %), while natural population growth has remained. The most dramatic situation persists in Kurgan oblast, where crude mortality rate in 2021 was 20.4 %. Determining shares of deaths from COVID-19 in additional losses in 2020 and 2021 compared to 2019 indicates a violation of the coding rules when choosing the primary cause of death, which does not allow to assess the true picture of the causes of death in the Ural Federal District.

Keywords: COVID-19 pandemic; natural population movement; fertility; mortality; death causes; Ural Federal District

Введение

Пандемия COVID-19 привела к высоким уровням избыточной смертности практически во всех регионах страны. Со второго квартала 2020 г. показатели смертности демонстрируют рост. Официальная статистика свидетельствует о том, что в Уральский федеральный округ коронавирусная инфекция пришла на месяц позже, чем в Центральный регион страны [1].

Буквально с первых месяцев пандемии российские и зарубежные ученые пытались оценить ее воздействие на основные демографические показатели и социально-экономические процессы.

По мнению специалистов Владикавказского научного центра, смертность от COVID-19 лишь усугубила сложившуюся ранее тенденцию сокращения населения России, но не явилась ее первопричиной. [2] Социально-экономические последствия пандемии окажут серьезное отрицательное воздействие на устойчивое развитие уже в недалеком в будущем [3].

Материалы и методы

Исследование выполнено по материалам официальной статистики и оперативной информации, доступной на сайте Росстата. Использованы данные по России в целом и регионам Уральского федерального округа.

Результаты

Исследование естественного движения населения в регионах Уральского федерального округа показало, что на 2019 г. только Тюменская область, Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО характеризовались естественным приростом населения (рис. 1).

Именно за счет более молодого возрастного состава населения этих регионов Уральский ФО в целом занимал более выгодное положение по уровню естественной убыли населения по сравнению с Россией в целом (–0,8 против –2,2 на 1000 чел. населения соответственно). Остальные области, входящие в состав округа, испытывали более значительную естественную убыль населения. Особенно неблагоприятная ситуация в отношении естественной убыли населения сложилась в Курганской области. Так, в 2019 г. этот показатель составлял там –6,0 на 1000 чел. населения.

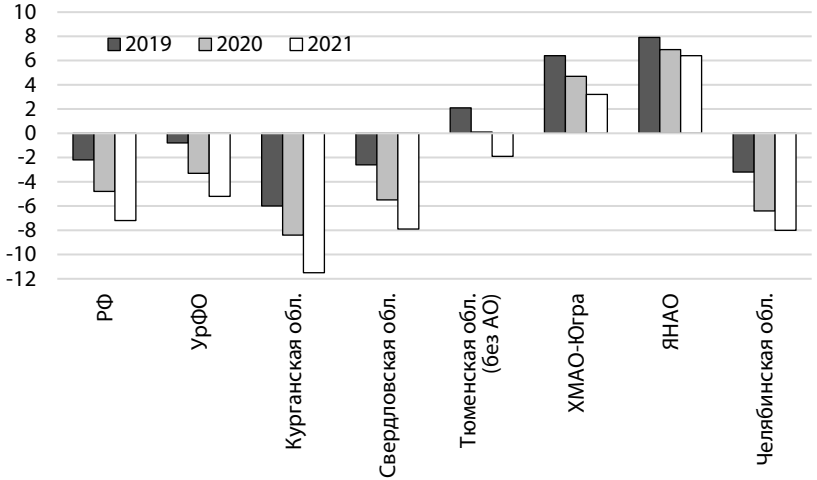


Рис. 1. *Изменение естественного прироста / убыли населения в РФ и регионах Уральского ФО, чел. на 1000 чел. населения (источник: Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn_03–2022.htm))*

Пандемия COVID-19 еще более усугубила ситуацию. Так, в Тюменской области (без автономных округов) в 2021 г. естественный прирост населения сменился его убылью. Отмечается ухудшение показателей во всех регионах округа. В целом по Уральскому федеральному округу убыль населения достигла –5,2 на 1000 чел. населения. В самом депрессивном регионе — Курганской области — этот показатель достиг –11,5 ‰, в Свердловской и Челябинской областях –7,9 ‰ и –8,0 ‰ соответственно.

Естественный прирост, несмотря не некоторое его снижение, сохранился лишь в Ханты-Мансийском АО, снизившись вдвое до 3,2 ‰ к 2021 г., и Ямало-Ненецком АО, где снижение было менее выраженным — на 19 % до уровня 6,4 ‰.

Поскольку естественный прирост (убыль) населения складывается из двух компонентов — рождаемости и смертности, необходимо оценить вклад каждого из них в формирование негативных тенденций на фоне пандемии COVID-19.

Как и в целом по РФ, в большинстве регионов Уральского ФО в 2020–2021 гг. произошло некоторое снижение показателей рождаемости (рис. 2). В УрФО в целом уровень рождаемости снизился на 3,7 % до уровня 10,5 ‰. В отдельных регионах округа произошло снижение рождаемости от 2 % до 5,6 %. Исключение составили Ямало-Ненецкий АО и Челябинская обл., где после небольшого снижения показателей в 2020 г. был зафиксирован

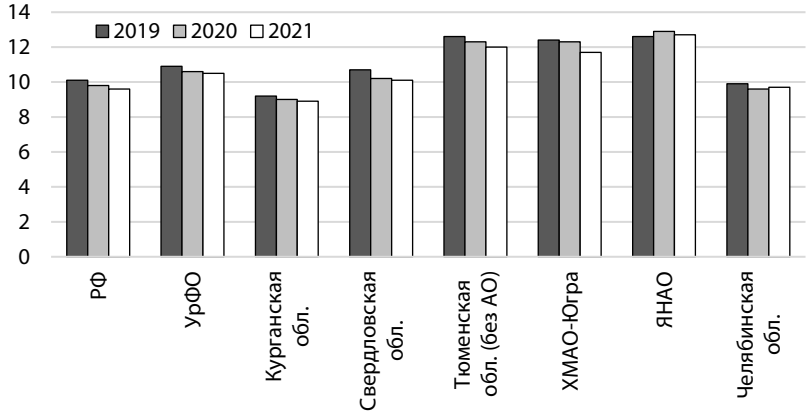


Рис. 2. *Изменение общего коэффициента рождаемости в РФ и регионах Уральского ФО, чел. на 1000 чел. населения (источник: Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn_03–2022.htm)*

прирост в 2021 г. При этом в ЯНАО показатель 2021 г. превысил аналогичный за 2019 г.

В течение двух пандемийных лет ситуация со смертностью населения развивалась более драматично и требует более детального анализа. Следует отметить, что и в РФ в целом и в Уральском ФО отмечался поступательный рост показателей смертности в 2020 и 2021 гг. По России в целом общий коэффициент смертности вырос за 2019–2021 гг. на 36,6 % — до 16,8 ‰, в Уральском ФО рост показателя составил 34,2 % — до 15,7 ‰.

Если оценивать ситуацию по процентному приросту показателя, то наивысший прирост уровня смертности отмечен в Ханты-Мансийском АО, где таковой составил 41,7 %. Уровень смертности там составил в 2021 г. 8,5 ‰, что выше лишь аналогичных показателей всего четырех российских регионов — Чечни, Ингушетии, Дагестана и Ямало-Ненецкого АО. Прирост смертности в этой автономии, однако, не привел к переходу региона к естественной убыли населения, и, как говорилось выше, в ХМАО сохранился естественный прирост населения.

Во всех остальных регионах УрФО прирост показателей смертности за 2019–2021 гг. составил 32–35 %. Самая драматичная ситуация со смертностью населения сохраняется в Курганской области, где по итогам 2021 г. показатель составил 20,4 ‰, и это самая высокая смертность в области с 1960 г. Одновременно следует указать, что и уровень рождаемости в области в 2021 г. оказался самым низким с 1960 г. [5].

Высокие уровни смертности населения в 2021 г. также отмечены в Свердловской и Челябинской областях — 18,0 ‰ и 17,7 ‰ соответственно.

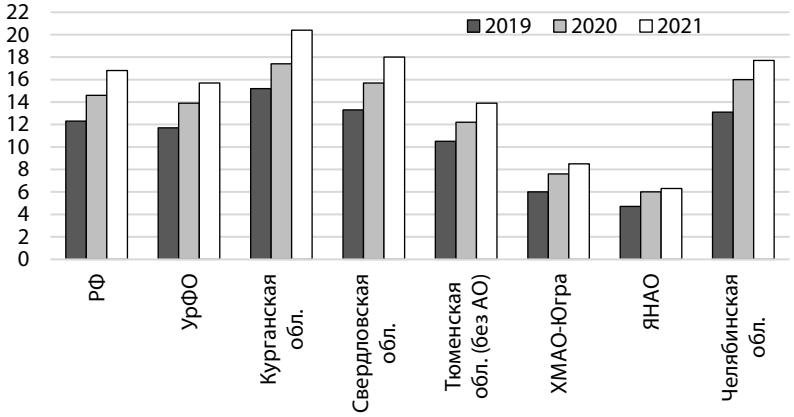


Рис. 3. *Изменение общего коэффициента смертности в РФ и регионах Уральского ФО, чел. на 1000 чел. населения (источник: [4])*

Несмотря на 34-процентный прирост, уровень смертности в Ямало-Ненецком АО остается одним из самых низких в Российской Федерации.

Анализ помесячной динамики чисел умерших в Уральском федеральном округе показал, что, в отличие от РФ в целом, прирост числа умерших фактически начался в июне 2020 г., когда превышение этого показателя над данными за июнь 2019 г. составило 15,9 %. Как и в России в целом максимальное превышение числа умерших от всех причин зафиксировано в УрФО в октябре-ноябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. (+89 % и +118 % соответственно). Тем не менее в отдельных регионах ситуация развивалась по-разному.

Раньше всех COVID-19 затронул Ямало-Ненецкий АО, регион с самой высокой миграционной составляющей. Превышение числа умерших было отмечено в апреле 2020 г. и составило 11,4 % над уровнем апреля 2019 г. Самое высокое превышение было зафиксировано в ноябре 2020 г., и по сравнению с ноябрем 2019 г. оно составило 93,6 %. Следует отметить, что далее в ЯНАО ситуация стала сглаживаться, и уже начиная с апреля 2021 г. числа умерших по сравнению с аналогичными месяцами 2020 г. стали заметно ниже на 30–63 %.

Аналогичным образом развивалась ситуация в ХМАО-Югра. Максимальное превышение было зафиксировано в ноябре 2020 г., и по сравнению с ноябрем 2019 г. оно составило 81,6 %. Как и в ЯНАО, ситуация в Ханты-Мансийском АО стала нормализоваться, с апреля 2021 г. числа умерших по сравнению с аналогичными месяцами 2020 г. стали заметно ниже — на 31–42 %. Исключение составил ноябрь 2021 г., когда число умерших оказалось на 6,6 % выше показателя ноября 2020 г.

Помесячная динамика ситуации в Тюменской области (без автономий) носила более сглаженный характер, и колебания превышения чисел

умерших над аналогичными месяцами предыдущего года составляли от 3,7 % до 61,6 %. Исключением стали май и июнь 2021 г., когда числа умерших оказались ниже, чем в тот же период 2020 г. на 2,3 % и 3,3 % соответственно.

Иначе, существенно более драматично развивалась ситуация в Курганской, Свердловской и Челябинской областях. В этих областях воздействие пандемии на смертность населения стало сказываться в июне 2020 г. В 2020 г. максимальное превышение чисел умерших по сравнению с аналогичными месяцами 2019 г. в Курганской и Челябинской областях зафиксировано в ноябре (+71,2 % и +83,6 % соответственно), а в Свердловской обл. в декабре (+71,5 %). В 2021 г. нарастание числа умерших шло более существенными темпами, и максимальные уровни превышения по сравнению с теми же месяцами 2020 г. в Курганской области отмечались с апреля по декабрь 2021 г., причем в октябре и ноябре превышение составило 218,1 и 192,1 % соответственно. В Свердловской области максимальные уровни превышения над показателями предыдущего года зафиксированы в августе (+91,6 %), октябре (+129,3 %) и ноябре 2021 г. (151,4 %). Аналогичная негативная динамика отмечалась и в Челябинской области. Показатели превышения чисел умерших в августе, октябре и ноябре 2021 г. составили +95,5, +141,1 и +194,8 % соответственно.

Роль коронавирусной инфекции в формировании дополнительных людских потерь оказалась весьма существенной, хотя и значительно варьировала по месяцам. Так в России доля COVID-19 в общем числе умерших

Таблица 1

Доля COVID-19 в дополнительных потерях населения России и регионах УрФО в 2020 и 2021 гг. (%)

Регион	Дополнительные потери в 2020 г. к 2019 г. (абс.)	Доля COVID-19 в доп. потерях в 2020 г. (%)	Дополнительные потери в 2021 г. к 2019 г. (абс.)	Доля COVID-19 в доп. потерях в 2021 г. (%)
Российская Федерация	340 279	34,9	647 202	71,4
Уральский федеральный округ	27 846	34,1	49 256	87,4
Курганская область	1680	32,4	3 982	89,9
Свердловская область	10 251	46,1	19 481	94,1
Ханты-Мансийский АО — Югра	2 782	32,5	4 363	65,4
Ямало-Ненецкий АО	740	54,3	921	76,0
Тюменская область без АО	2 692	16,5	5 379	83,5
Челябинская область	9 701	25,5	15 130	86,7

Источник: Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. / Росстат.Москва, 2021. 256 с. https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm; Росстат. Официальная статистика. Оперативная информация. https://rosstat.gov.ru/folder/12781; авторские расчеты.

от всех причин составляла в разные месяцы от 22 % до 65 %, в Уральском ФО — от 14 % до 94 %. Сходная ситуация наблюдалась и в отдельных регионах УрФО.

Если сравнить числа умерших в 2020 и 2021 гг. с «базовым» 2019 г., и выделить долю умерших от COVID-19 в дополнительных потерях, то станет очевидным нарушение правил кодирования при выборе первоначальной причины смерти, что особенно заметно по данным 2020 г. (табл. 1).

Так, в первый год пандемии (2020 г.) доля умерших от коронавирусной инфекции в дополнительных людских потерях в России в целом и в Уральском федеральном округе составила 34,9 и 34,1 % соответственно. При этом по отдельным регионам УрФО отмечены существенные различия по данному показателю — от 16,5 % в Тюменской области (без учета автономных округов) до 54,3 % в Ямало-Ненецком АО. Если же сравнить данные 2021 г. с данными «базового» 2019 г., то становится ясно, что применение правил кодирования первоначальной причины смерти стало отвечать рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, и, как следствие, доля COVID-19 как первоначальной причины смерти в структуре дополнительных потерь существенно возросла: от 65,4 % в Ханты-Мансийском АО до 94,1 % в Свердловской области.

Обсуждение

Н.В. Горошко и С.В. Пацала в своем исследовании показали, что избыточная смертность в период пандемии COVID-19 была спровоцирована не только смертями от коронавирусной инфекции [6]. Жертвами пандемии стали и те люди, которые не обращались за лечением из-за страха заразиться SARS-CoV-2 или заболеть COVID-19, а также не получившие необходимую им помощь в силу перенапряжения системы здравоохранения и ограниченности ее возможностей. Зарубежные и отечественные специалисты отмечают, что у всех пациентов с COVID-19, имеющих проблемы со здоровьем, инфекция еще более усложняет коморбидные состояния, повышая вероятность тяжелого течения и летальных исходов. Коморбидные пациенты являются наиболее уязвимой группой, у которой риск неблагоприятных исходов особенно высок [7].

В то же время многие авторы указывают на недостатки в кодировании причин смерти [8].

Это подтверждается и анализом динамики смертности по классам причин смерти в регионах Уральского федерального округа (табл. 2).

Так, если рост показателя смертности от всех причин за 2019–2020 гг. в Уральском федеральном округе был практически одинаков со среднероссийским уровнем (+17,1 % и +17,6 % соответственно), то по регионам округа этот прирост существенно разнился — от 12,5 % в Курганской области до 23 % в Ханты-Мансийском АО.

О нарушении правил кодирования, а также о различиях в организации процессов кодирования в субъектах РФ [9, 10] ясно свидетельствуют

Таблица 2

Изменение смертности по основным классам причин смерти в 2019–2020 гг. (чел. на 100 тыс. чел. населения)

Показатель	Все причины	БСК	Новообразования	Травмы	Неточно обозначенные	БОП	БНС	БОД	БЭС	Инфекции	БМПС	Психические расстройства
Российская Федерация												
2019	929	416	158	85	60	54	49	31	22	21	11	10
2020	1088	460	155	87	66	60	58	50	27	19	12	12
рост/сниж %	17,1	10,6	-2,1	1,3	10,3	9,4	18,1	59,3	23,7	-8,3	6,4	22,9
Уральский федеральный округ												
2019	984	429	173	103	62	56	39	26	29	37	9	11
2020	1157	486	165	101	71	61	48	43	38	34	10	15
рост/сниж %	17,6	13,3	-5,0	-1,3	15,4	9,3	21,7	67,6	31,9	-6,5	17,4	33,3
Курганская обл.												
2019	1056	360	178	127	68	54	63	37	47	42	9	50
2020	1188	400	177	121	81	59	75	32	58	43	8	54
рост/сниж %	12,5	11,0	-0,6	-4,7	20,4	9,2	18,5	-14,4	23,5	3,6	-11	6,7
Свердловская обл.												
2019	1026	472	181	110	74	66	19	26	16	44	8	1
2020	1198	545	177	106	76	69	19	42	17	40	9	0
рост/сниж %	16,7	15,6	-2,4	-3,1	2,4	3,9	1,6	63,4	9,6	-9,2	6,0	-60

Показатель	Все причины	БСК	Новообразования	Травмы	Неточно обозначенные	БОП	БНС	БОД	БЭС	Инфекции	БМПС	Психические расстройства
Тюменская обл. (без автономий)												
2019	1058	481	144	97	77	42	0	22	7	45	10	0
2020	1222	522	145	97	95	47	126	40	7	36	12	0
рост/сниж %	15,5	8,5	0,7	0,0	23,4	11,9	-	81,8	0,0	-20	20,0	—
Ханты-Мансийской автономный округ — Югра												
2019	836	367	135	74	44	46	38	28	39	25	11	18
2020	1028	386	144	74	54	52	53	75	40	27	17	18
рост/сниж %	23,0	5,1	7,2	0,4	22,8	14,3	39,8	162,7	2,8	8,2	50,9	4,0
Ямало-Ненецкий автономный округ												
2019	897	421	172	82	25	62	25	32	42	15	8	4
2020	1096	458	162	85	38	55	32	48	40	13	8	2
рост/сниж %	22,3	9,0	-5,6	4,8	50,6	-12	28,5	50,6	-5,4	-16	9,3	-48
Челябинская обл.												
2019	1001	421	192	108	46	56	35	25	46	35	8	17
2020	1192	479	168	109	60	67	55	43	69	33	11	28
рост/сниж %	19,1	13,7	-12,5	1,1	31,6	20,0	58,0	68,8	51,9	-6,8	28,9	64,7

Источник: авторские расчеты.

результаты анализа смертности по причинам смерти. Так, в Тюменской области (без учета автономий) только за один 2020 г. смертность от болезней нервной системы и органов чувств выросла с 0 до 126 чел. на 100 тыс. чел. населения. Во всех регионах УрФО существенно выросла смертность от болезней органов дыхания — прирост составил от 50,6 % в ЯНАО до 162,7 % в ХМАО. Единственным регионом, где смертность от этого класса причин снизилась оказалась Курганская область, где отмечено ее снижение на 14,4 %.

Также заметно выросла смертность от болезней эндокринной системы — от 2,8 % в ХМАО до 51,9 % в Челябинской области. В Тюменской области (без автономных округов) она осталась на прежнем уровне, а в ЯНАО даже снизилась на 5,4 %.

Смертность от болезней системы кровообращения возросла во всех регионах округа — прирост показателя составил от 5,1 % в ЯНАО до 15,6 % в Свердловской области.

Во всех регионах округа значимо выросла смертность от неточно обозначенных состояний — прирост составил в целом по округу 15,4 %, от 2,4 % в Свердловской области до 50,6 % в Ямало-Ненецком АО.

Практически во всех регионах, как и в целом по РФ, снизилась смертность от новообразований. В первую очередь, это связано с тем, что онкологическая помощь продолжала оказываться в полном объеме, что и сказалось на снижении числа потерь от этого класса причин. Так, в целом по округу смертность от причин данного класса снизилась на 5 %

Заключение

Пандемия COVID-19 стала оказывать свое негативное воздействие на процессы естественного движения населения Уральского федерального округа позже, чем в Центральных регионах страны, заметные проявления воздействия коронавирусной инфекции стали фиксироваться в июне 2020 г.

Негативное воздействие пандемии в незначительной степени отразилось на рождаемости, основной вклад в снижение естественного прироста или усугубление убыли населения внесла смертность. В Уральском федеральном округе и в его отдельных регионах вклад COVID-19 в помесячную смертность составлял в разные месяцы 2020–2021 гг. от 14 % до 94 %.

С наименьшими потерями проходят период пандемии автономные округа — Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский, где сохранился естественный прирост населения. В 2021 г. в ЯНАО был отмечено снижение смертности населения. В наиболее драматической ситуации находится Курганская область, где по итогам 2021 г. уровень смертности составил 20,4 ‰.

Проведенный анализ смертности по классам причин выявил нарушения правил кодирования, что не позволяет видеть и анализировать истинную картину причин смерти в УрФО.

Список источников

[1] Официальная статистика. Население. Демография. Оперативная информация. Естественное движение населения // Росстат. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 05.05.2022).

[2] *Джиоев А.В., Каберти Г. Н.* Анализ рождаемости и смертности населения России в 2019–2021 гг. // Научный альманах стран Причерноморья. 2021. № 4 (28). С. 44-51. http://doi.org/10.23947/2414-1143-2021-28-4-44-51.

[3] *Смирнов А. Ю.* Анализ смертности от коронавирусной инфекции в России // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 2. С. 76-86. http://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.7.

[4] Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 05.05.2022.

[5] Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/25983 (дата обращения: 05.05.2022).

[6] *Горошко Н. В., Пацала С. В.* Избыточная смертность в период пандемии COVID-19: регионы России на фоне страны // Социально-трудовые исследования. 2022. № 46 (1). С. 103-116. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-103-116.

[7] Особенности ведения коморбидных пациентов в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Национальный консенсус 2020 / В. Б. Гриневич, И. В. Губонина, В. Л. Дощицин и др. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. Т. 19. № 4. С. 135-172.

[8] *Lifshits M. L., Neklyudova N. P.* COVID-19 mortality rate in Russian regions: forecasts and reality // R-Economy. 2020. Vol. 6, No 3. P. 171-182. http://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.015.

[9] Методические аспекты оценки заболеваемости, распространенности, летальности и смертности при COVID-19 / О. М. Драпкина, И. В. Самородская, М. Г. Сивцева и др. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика 2020. Т. 19, № 3. С. 302-309. http://doi.org/10.15829/1728-8800-2020-2585.

[10] *Китова А. Л.* Ожидаемая продолжительность жизни и показатели смертности населения как индикаторы общественного здоровья регионов Уральского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 223-242. http://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10071.

References

[1] Official statistics. Population. Demography. Operative information. Natural population movement // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (access on 05.05.2022).

[2] *Dzhioev A. V., Kaberti G. N.* Analysis of the birth rate and mortality of the population of Russia in 2019-2021 // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2021. No. 4(28). Pp. 44-51. http://doi.org/10.23947/2414-1143-2021-28-4-44-51.

[3] *Smirnov A. Yu.* Analysis of mortality from the coronavirus infection in Russia // Population. 2021. Vol. 24, No. 2. Pp. 76-86. http://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.7.

[4] Demographic Yearbook of Russia. 2021: Stat. col. Rosstat. M., 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (access on 05.05.2022).

[5] Population // The Office of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk region and the Kurgan region. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/25983 (access on 05.05.2022).

[6] *Goroshko N. V., Patsala S. V.* Excess mortality during the COVID-19 pandemic: Russian regions against the backdrop of the country // Social & labour research. 2022. No. 46(1). Pp. 103-116. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-103-116.

[7] Management of patients with comorbidity during novel coronavirus (COVID-19) pandemic. National Consensus Statement 2020 / V. B. Grinevich, I. V. Gubonina, V. L. Doshchitsin et al. // Cardiovascular therapy and prevention. 2020. Vol. 19, No. 4. Pp. 135-172.

[8] *Lifshits M. L., Neklyudova N. P.* COVID-19 mortality rate in Russian regions: forecasts and reality // R-Economy. 2020. Vol. 6, No 3. Pp. 171-182. http://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.015.

[9] COVID-19: urgent questions for estimating morbidity, prevalence, case fatality rate and mortality rate / O. M. Drapkina, I. V. Samorodskaya, M. G. Sivtseva et al. // Cardiovascular therapy and preventionю 2020. Vol. 19, No. 3. Pp. 302-309. http://doi.org/10.15829/1728-8800-2020-2585.

[10] *Kitova A. L.* Life expectancy and mortality rates as indicators of public health in the regions of Ural Federal District // Public Administration. E-journal. 2020. No. 80. Pp. 223-242. http://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10071.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-14
УДК 314:316.346.3
JEL J11; J13; R23

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ[1]

А. Г. Злотников

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации (г. Гомель, Республика Беларусь). htpps://orcid.org/0000-0002-8182-4970
Автор для корреспонденции: А. Г. Злотников (zlot@tut.by)

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем демографического развития, и прежде всего — состоянию репродуктивных процессов в Республике Беларусь. Анализируются результаты переписи населения Республики Беларусь 2019 г. Дана интерпретация данных переписи о репродуктивных установках белорусских женщин. Сделан вывод о роли субъективного фактора в демографических процессах и значимости активной демографической политики государства. Отмечается, что современная социальная демографическая политика в Беларуси перестала быть государственной, а направлена на решение ведомственных интересов.*

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивные установки, демографическая безопасность, перепись населения, Республика Беларусь

Reproductive Attitudes and Prospects of Demographic Development of Belarus

A. G. Zlotnikov

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation (Gomel, Republic of Belarus). htpps://orcid.org/0000-0002-8182-4970
Corresponding author: A. G. Zlotnikov (zlot@tut.by)

Abstract. *The article considers the problems of demographic development and, above all, the reproductive processes observed in the Republic of Belarus. The results of the population census of the Republic of Belarus in 2019 are analysed. The interpretation of the census data on reproductive attitudes of Belarusian women is presented. The conclusions are made about the role of the subjective factor in demographic processes and the importance of the active demographic policy of the state. It is noted that the modern social demographic policy in Belarus has ceased to be state, but is aimed at solving departmental interests.*

Keywords: fertility; reproductive attitudes; demographic security; population census; Republic of Belarus

Введение

Репродуктивные процессы в Республике Беларусь связаны с различными тенденциями в рождаемости. Одна из них — сложившаяся в стране демографическая структура, которая проецирует те или иные перспективы в демографическом развитии. Поэтому исследования репродуктивных процессов являются одним из важнейших направлений демографической и социологической белорусской научной мысли. Различные аспекты

[1] © Злотников А. Г. Текст. 2022.

многогранных репродуктивных процессов в Беларуси в XX–XXI столетиях анализировали Е. А. Антипова, Е. М. Бабосов, А. Г. Боброва, А. В. Богданович, В. С. Бондаренко, Ю. М. Бубнов, С. Н. Бурова, С. Я. Вольфсон, А. Е. Гончаренко, М. В. Довнар-Запольский, В. И. Зиновский, А. Г. Злотников, Е. Ф. Карский, В. В. Кириенко, М. Киркевич, К. К. Красовский, Д. Г. Лин, Н. Е. Лихачев, О. А. Малахов, Б. А. Манак, В. Ф. Медведев, П. Г. Никитенко, В. Е. Пашук, А. Н. Пешкова, Н. Н. Привалова, А. А. Раков, Я. И. Рубин, Б. Я. Смулевич, Г. Н. Соколова, Л. Е. Тихонова, Л. П. Шахотько, З. М. Юк, Н. Г. Юркевич и другие исследователи.

Обзор источников

Основы анализа репродуктивных процессов в современной белорусской демографической и социологической науке были заложены А. А. Раковым и Л. П. Шахотько. Важной вехой в развитии национальной демографии является объемная и фундаментальная монография А. А. Ракова «Население БССР» (1969 г.) [2]. Он впервые дал с позиций репродуктивных процессов комплексную социально-экономическую характеристику демографических процессов страны за полувековую историю, значимой частью которых является характеристика процессов воспроизводства населения и изменения его половозрастной структуры. Им рассмотрена многогранность аспектов демографических процессов и, прежде всего, их взаимосвязь и детерминированность различными явлениями общественной жизни. В 1960-х гг. им дана характеристика начавшегося процесса снижения рождаемости и системы факторов, обусловливающих это снижение. В начале 1990-х гг. в его докторской диссертации методологически важным для понимания современных демографических тенденций (и предупреждающим) является прогноз отрицательного сальдо естественного прироста населения в середине 1990-х гг.

Чисто репродуктивным процессам посвящена пионерская монография Л. П. Шахотько «Рождаемость в Белоруссии» (1975 г.) [4], в которой динамика и эволюция рождаемости в Беларуси исследована за почти столетний период. Ею выявлены факторы тенденции снижения уровня рождаемости — структурные изменения в половозрастной и брачной структуре населения, изменения ценностных ориентаций, противоречия между расширением масштабов занятости и выполнением функций материнства. В следующей ее монографии «Воспроизводство населения Белорусской ССР» (1985 г.) [3] демографические процессы рассматриваются во взаимосвязи рождаемости с брачными и семейными отношениями, состоянием здоровья и миграции. Сложившиеся тенденции в рождаемости порождают существенные изменения в половозрастной структуре населения и прежде всего в уменьшении репродуктивного потенциала, которые являются определяющими факторами в отношении перспектив демографического развития Беларуси конца XX — начала XXI столетия.

В основу данной публикации положены материалы переписи населения, проведенной Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в 2019 г. Особый интерес представляют результаты ответов респондентов на вопрос 25 переписного листа «Планируете ли Вы рождение детей?» [1]. Результаты исследования репродуктивных установок представлены во втором томе статистического сборника «Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года»[1]. Опросом было охвачено 2 075 325 женщин этого возраста, из которых: 1 236 988 чел. (или 59,6 %) состояли в браке, 404 743 чел. (или 19,5 %) в браке не состояли, 229 594 чел. (или 11,1 %) были разведены, 105 833 чел. (или 5,1 %) состояли в незарегистрированных брачных отношениях и 36 538 чел. (или 1,8 %) — вдовы. Небольшая часть (2,9 %) респондентов на вопрос о брачном состоянии не ответили, но тем не менее в своих репродуктивных планах определились.

Результаты и обсуждение

Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» (от 4 января 2002 г.) демографическая безопасность определяется как состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами. К основным демографическим угрозам относятся депопуляция, старение населения, нерегулируемые миграционные процессы и деградация института семьи[2]. Депопуляция и деградация семьи взаимосвязаны и являются основными характеристиками репродуктивных процессов демографических угроз.

Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь при проведении переписи населения 2019 г. в опросный лист был включен ряд вопросов, связанных с репродуктивными процессами и по сути дела позволяющих оценить состояние демографических угроз. Среди них наиболее значимым является исследование репродуктивных установок женщин репродуктивного возраста 18–49 лет[3]. Результаты ответов респондентов на вопрос 25 переписного листа «*Планируете ли Вы рождение детей?*» с вариантами «да», «нет» и «затрудняюсь ответить» отражены в таблице 1, они характеризуют субъективный фактор демографического развития.

Результаты переписного опроса показывают, что только менее трети опрошенных (30,81 %) в перспективе планируют иметь детей, но более

[1] Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Стат. сб. Т. 2 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: «Альтиора Форте», 2021. 487 с.

[2] О демографической безопасности Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. Ред. от 09.09.2018.

[3] Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: «Альтиора Форте», 2021. 487 с.

Таблица 1

Общие итоги регионального распределения ответов респондентов на вопрос 25 переписного листа. «*Планируете ли Вы рождение детей?*», %

Возраст	Беларусь в целом	в том числе в региональном разрезе:						
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	г. Минск	Минская обл.	Могилевская обл.
Планируют иметь детей								
18-49	30,81	29,75	29,63	29,42	29,46	37,52	27,21	26,50
из них								
18-19	58,31	60,04	55,45	57,75	59,06	59,14	56,45	59,21
20-24	61,93	64,67	56,78	61,93	62,91	63,81	59,01	60,11
25-29	53,51	54,85	53,22	52,12	53,85	58,82	48,81	48,14
30-34	39,21	37,84	39,22	37,59	36,08	46,79	34,27	34,31
35-39	25,83	24,28	22,66	24,75	23,03	32,18	21,48	22,51
40-44	7,44	7,07	7,82	7,08	6,92	10,45	5,36	5,35
45-49	2,29	2,39	3,19	2,60	2.78	3,21	0,78	0,58
Не планируют иметь детей								
18-49	57,50	60,44	57,60	59,14	60,33	48,50	61,56	63,34
из них								
18-19	12,46	11,18	14,71	12,72	5,02	14,06	8,83	11,53
20-24	16,64	12,73	15,01	14,23	14,26	15,70	22,02	23,89
25-29	32,41	32,69	30,50	32,69	33,07	26,42	37,77	40,64
30-34	50,54	54,65	49,82	52,80	56,45	40,52	55,15	55,89
35-39	66,35	69,21	64,84	67,61	70,55	56,21	69,06	65,88
40-44	84,21	86,17	82,34	84,78	86,05	78,43	87,93	87,69
45-49	90,82	92,60	88,91	91,42	91,84	86,09	93,32	93,51
Затруднились ответить								
18-49	11,69	9,81	12,77	11,44	10,21	13,98	11,23	10,16
из них								
18-19	29,23	28,78	29,84	29,53	35,92	26,80	34,62	29,26
20-24	21,43	22,60	28,21	23,84	22,83	20,49	18,97	16,00
25-29	14,08	12,46	16,28	15,19	13,08	14,76	13,42	11,22
30-34	10,20	7,51	10,96	9,61	7,47	12,69	10,58	9,80
35-39	7,82	6,51	12,50	7,64	6,42	11,61	9,46	11,61
40-44	8,35	6,75	9,84	8,14	7,03	11,12	6,72	6,94
45-49	6,89	5,01	7,90	5,98	5,38	10,70	5,90	5,91

Источник: составлено автором по данным: Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: «Альтиора Форте», 2021. 487 с.

половины других на этот вопрос ответили «нет» (57,50 %), а более 8 из ста опрошенных (11,69 %) пока свое позицию не определили. Это означает, что демографическая перспектива Беларуси — неблагоприятная. И даже если среди затруднившихся с ответом на вопрос, собираются они рожать или нет, выбор позже будет в пользу рождаемости, то и это не улучшит демографическую ситуацию в стране. Среди тех, кто планирует рожать (а для тех, кто уже имеет детей — еще родить), по мере увеличения возрастной когорты респондентов уменьшается их доля. Особенно резко уменьшается их доля начиная с возрастной группы более 30 лет. Так, в возрастной группе 25–29 лет планируют иметь детей 53,51 % респондентов, то в возрастной группе 30–34 года — уже 39,21 %. И далее в каждой следующей возрастной когорте почти на 14 процентных пунктов наблюдается падение желание улучшать демографическую ситуацию: в возрастной группе 35–39 лет — 25,83 %, 40–44 года — 7,44 %. Определенный потенциал демографического роста в старших репродуктивных возрастных группах (40–49 лет) представляет отложенную рождаемость.

Среди тех, кто не планирует иметь детей, по мере увеличения их возраста растет доля таких респондентов. Особенно негативным является нежелание иметь детей у молодых респондентов. Так, каждая восьмая (12,46 %) из сотни молодых женщин в возрасте 18–19 лет и каждая шестая (16,64 %) в возрасте 20–24 года не планируют иметь детей. При этом, вероятно, что большинство из них еще не рожали. При этом интересно то обстоятельство, что с каждой следующей возрастной группой растет доля не планирующих иметь детей, а среди затруднившихся с ответом, наоборот, то мере перехода в старшую группу доля таких респондентов уменьшается. С одной стороны, еще не определившиеся в своем репродуктивном желании — это резерв демографического роста. Но, с другой стороны, не все к старшим репродуктивным возрастам приходят с хорошим для деторождения здоровьем, а значит, существуют проблемы возможного негативного физического и / или умственного состояния будущего ребенка.

Региональные характеристики репродуктивных установок белорусок выявляют, что (относительно — потому, что и он не отвечает перспективам демографического роста) более высокий репродуктивный потенциал присущ респондентам столицы, который у них составил 37,52 %. В других областях он не превышает 30-процентного показателя: в четырех (Брестской, Витебской, Гомельской и Гродненской) областях разница составляет 0,33 процентных пункта, а наименьший показатель репродуктивных установок в Могилевской и Минской областях — соответственно 26,50 % и 27,21 %.

Анализ субъективного демографического фактора — намерения рожать или не рожать, по материалам переписи населения 2019 г. показал, что в демографическом развитии Беларуси не только сохранились, но и усиливаются негативные демографические тенденции. Важнейшей парадигмой демографических процессов в Беларуси, как и в целом на постсоветском

пространстве, является коренное изменение социального облика репродуктивного потенциала, воспитанного в других условиях социальной, политической и экономической реальности. И для которого существовавшие стимулы перестали играть стимулирующиую роль: приоритетом, как свидетельствуют материалы переписи населения 2019 г. Республики Беларусь, становится малодетная семья — прежде всего, с одним ребенком и — реже — с двумя детьми.

Большинство респондентов, а это 59,6 % — состоящие в браке, 19,5 % — в браке не состояли, 11,1 % — разведенные и разошедшиеся, 5,1 % — состояли в незарегистрированных брачных отношениях, 1,8 % — вдовые, и 2,9 % респондентов на вопрос о брачном состоянии не ответили, но тем не менее дали ответ на вопрос о своих репродуктивных планах. При этом о своем желании родить в целом по всему репродуктивному массиву в 30,81 % (см.: табл. 2), а также 30,57 % у респондентов, указавших свой брачный статус, этот показатель у тех, кто не указал свой брачный статус, эти планы имели 39,30 %, то есть разбежка составила почти 9 процентных пунктов.

Анализ репродуктивных намерений женщин возраста 18–49 лет иметь детей выявляет, что в большинстве возрастных когортах высокие показатели у тех опрошенных, которые не указали свой брачный статус. Они «лидируют», прежде всего, в старших возрастных группах — 30–34 года, 35–39 лет и 40–44 года. Вторые показатели у них в возрастной когорте 25–29 лет

Таблица 2

Женщины репродуктивного возраста (18–49 лет), планирующие иметь детей в зависимости от возраста и состояния в браке (по материалам переписи населения Республики Беларусь 2019 г., %)

Возрастная группа	Итого	Состоящие в браке	Никогда не состоявшие в браке	Разведенные и разошедшиеся	Состоящие в незарегистрированных отношениях	Вдовы	Не указали состояние в браке
Всего	30,81	27,68	49,05	15,07	33,92	9,26	39,30
в том числе по возрастным группам							
18-19	58,31	74,19	57,08	62,11	69,55	60,00	60,83
20-24	61,93	70,76	57,08	47,31	66,27	36,92	65,09
25-29	53,51	52,63	58,70	42,43	55,18	25,93	57,33
30-34	39,21	36,52	53,40	31,79	47,67	38,78	57,19
35-39	25,83	23,03	37,20	20,02	39,81	24,27	52,25
40-44	7,44	7,38	10,46	5,15	9,10	4,45	12,53
45-49	2,29	3,06	2,43	0,81	0,74	0,44	0,43

Источник: составлено автором по данным: Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: «Альтиора Форте», 2021. 487 с.

и в целом по статусу. И третий показатель у этой группы — в возрастной когорте 20–24 года. Состоящие в браке в младших возрастных когортах — 18–19 лет и 20–24 года, а также в критическом репродуктивном возрасте (40–44 года и 45–49 лет) имеют самые высокие репродуктивные установки рожать. К сожалению, в средних возрастных когортах желание иметь детей (или еще иметь) у замужних женщин находится даже за пределами тройки ведущих. Это возрастные группы 25–29 лет, 30–34 года, 35–39 лет и в целом по стране в целом.

Однако самые высокие показатели в планах иметь детей у той части женщин, которые в браке не состоят (49,05 %). При этом значительной разницы между возрастными когортами у них нет — в трех возрастных группах 18–29 лет это репродуктивное намерение находится в пределах 57–58 %. Третий показатель потенциального демографического роста у состоящих в незарегистрированных брачных отношениях — 33,92 %. Нет надежды на обеспечение демографического роста у тех женщин, семейная судьба которых не сложилась — у разведенных и разошедшихся, а также у вдов, находящихся в возрастных группах старше 40 лет.

Анализ репродуктивных намерений (иметь детей) у респондентов областей (табл. 3) показывает, что эти показатели наиболее высоки в городе Минске — 37,52 % респондентов планируют иметь детей, что на 7,77 процентных пункта выше, чем у имеющей второй показатель перспектив демографического роста Брестской области. При этом их репродуктивные установки находятся в обратной корреляции с низким фактическим уровне рождаемости в столице.

Самые высокие показатели репродуктивных установок у респондентов по брачному статусу среди никогда не состоявших в браке — 49,75 %. В региональном разрезе в этой группе респондентов наиболее высокие репродуктивные планы в Брестской области — 53,65 %, что более чем на 10 процентных пунктов больше, чем в Могилевской области, где этот показатель наименьший — 43,27 %. Причем среди не состоявших в браке намерение рожать в Брестской области наибольшие в возрастных группах респондентов: 20–24 года — 59,19 %, 25–29 лет — 67,82 %, 30–34 года — 67,55 % и 35–39 лет — 50,38 %. В других возрастных когортах более высокие репродуктивные установки среди респондентов: 40–44 года — 16,64 % и 45–49 лет — 4,20 % у столичных женщин. И то, что репродуктивные установки у респондентов, никогда не состоявших в браке, даже менее 50 % — сигнал неблагополучия перспектив демографического развития в Республике Беларусь.

Вторая общность в Республике Беларусь по величине репродуктивного потенциала, имеющая намерение иметь детей, — женщины, состоящие в незарегистрированных брачных отношениях — 33,92 %, а наибольший уровень среди областей Республики Беларусь в столице — 40,70 %, что почти на 11 процентных пункта превышает этот показатель в Могилевской области. Среди возрастных когорт он более высокий — у более половины

Таблица 3

Удельный вес женщин репродуктивного возраста белорусских областей, планирующих иметь детей, %*

Возраст	Беларусь в целом	в том числе в региональном разрезе						
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Город Минск	Минская обл.	Могилевская обл.
Всего	30,81	29,75	29,63	29,42	29,46	37,52	27,21	26,50
из них:								
18-19	58,31	60,04	55,45	57,75	59,06	59,14	56,45	59,21
20-24	61,93	64,67	56,78	61,93	62,91	63,81	59,01	60,11
25-29	53,51	54,85	53,22	52,12	53,85	58,82	48,81	48,14
30-34	39,21	37,84	39,22	37,59	36,08	46,79	34,27	34,31
35-39	25,83	24,28	22,66	24,75	23,03	32,18	21,48	22,51
40-44	7,44	7,07	7,82	7,08	6,92	10,45	5,36	5,35
45-49	2,29	2,39	3,19	2,60	2,78	3,21	0,78	0,58
Никогда не состоявшие в браке								
Всего	49,75	53,65	48,34	48,88	52,93	50,51	44,55	43,27
из них:								
18-19	57,08	58,26	54,09	56,36	57,89	57,68	55,35	58,52
20-24	57,08	59,19	53,64	56,90	57,74	57,59	56,16	57,84
25-29	58,70	67,82	63,58	62,60	67,34	55,21	51,67	49,64
30-34	53,40	67,55	60,14	57,12	64,89	51,24	41,28	39,43
35-39	37,20	50,38	41,85	41,21	48,54	36,03	24,63	23,61
40-44	10,46	9,93	7,53	8,32	9,19	16,64	9,25	8,03
45-49	2,43	2,74	1,08	2,12	2,27	4,20	2,15	1,39
Состоящие в браке								
Всего	27,68	26,41	27,34	26,65	26,03	34,59	24,23	23,79
из них:								
18-19	74,19	81,28	71,57	75,17	75,70	86,22	62,77	65,82
20-24	70,76	72,62	68,51	70,34	71,78	81,05	63,25	63,47
25-29	52,63	52,57	50,99	50,16	51,28	61,68	47,87	46,26
30-34	36,52	33,77	36,11	34,13	33,19	45,02	32,71	33,33
35-39	23,03	20,64	24,67	21,29	20,67	28,97	13,48	21,36
40-44	7,38	7,18	8,70	7,41	7,26	10,15	4,59	5,02
45-49	3,06	3,18	4,83	3,83	3,71	4,09	0,72	0,46
Состоящие в незарегистрированных отношениях								
Всего	33,92	33,53	30,18	32,49	30,40	40,70	30,72	29,76
из них								
18-19	69,55	72,99	78,00	64,94	71,35	70,76	66,35	58,93

Окончание табл. 3 на след. стр.

Окончание табл. 3

Возраст	Беларусь в целом	в том числе в региональном разрезе						
		Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Город Минск	Минская обл.	Могилевская обл.
20-24	66,27	68,87	65,70	64,01	68,32	68,12	64,51	63,53
25-29	55,18	56,04	53,25	51,88	55,02	59,44	54,29	51,38
30-34	47,67	45,45	43,82	45,95	46,66	54,91	43,80	40,60
35-39	39,81	40,32	37,46	38,39	35,67	47,88	35,19	33,67
40-44	9,10	12,54	9,44	8,08	4,55	10,22	6,04	6,74
45-49	0,74	0,72	0,68	0,76	0,48	1,02	0,78	0,45
Разведенные и разошедшиеся								
Всего	15,09	12,75	13,00	11,96	12,97	22,32	13,64	13,49
из них								
18-19	62,11	30,00	61,54	53,85	77,78	74,16	40,00	40,00
20-24	47,31	46,98	43,57	42,94	45,41	53,15	46,37	49,60
25-29	42,43	42,26	36,75	37,88	41,09	48,92	41,59	39,77
30-34	31,79	28,83	28,58	26,59	27,02	41,88	28,39	28,86
35-39	20,02	15,14	19,74	16,51	16,44	29,15	16,53	19,34
40-44	5,15	3,79	5,18	4,55	4,37	8,02	3,98	4,45
45-49	0,81	0,76	0,59	0,62	0,64	1,41	0,69	0,69
Вдовы								
Всего	15,09	12,75	13,00	11,96	12,97	22,32	13,64	13,49
из них								
18-19	60,0	—	—	—	75,00	—	—	—
20-24	36,92	37,50	44,44	42,86	22,22	50,0	11,1	45,45
25-29	25,93	30,67	30,61	21,95	12,20	35,17	17,28	20,63
30-34	38,78	43,90	45,71	32,30	30,60	39,43	34,70	17,50
35-39	24,27	28,37	23,34	13,01	23,45	22,40	33,54	1,46
40-44	4,45	3,09	2,50	5,14	2,23	4,00	8,04	2,49
45-49	0,44	0,29	0,28	0,41	0,34	1,08	0,33	0,58

Источник: составлено автором по данным: Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: «Альтиора Форте», 2021. 487 с.

респондентов молодых возрастов: 18–19 лет — 69,55 %, 20–24 года — 66,27 % и 25–29 лет — 55,18 %. Но в целом он не превышает двух третей респондентов, что также с позиций перспектив демографического роста характеризует депопуляционные процессы.

Среди состоящих в браке планируют рожать 27,68 %. Этот более низкий по сравнению с другими группами респондентов по брачному статусу,

очевидно, связано с тем, что многие из них уже имеют детей. И считают на этом свою репродуктивную функцию уже выполненной. При этом наибольшее намерение рожать брачной группе среди областей Республики Беларусь приходится на столицу — 34,59 %, что даже значительно выше — более чем на 7 процентных пункта — по сравнению с Витебской областью, имеющей в этой когорте второй показатель. Интересно, что, как и в целом по общему опросу, репродуктивные установки респондентов города Минска и Витебской области находятся в обратной корреляции с самыми низкими фактическими уровнями рождаемости в этих территориально-административных регионах.

Среди разведенных и разошедшихся респондентов, а также вдовых — наименьшие репродуктивные установки, соответственно 16,09 % и 9,26 %. Но при этом, как и в остальных общностях, намерение рожать в региональном разрезе наивысшее у столичных респондентов: соответственно у разведенных и разошедшихся — 22,32 %, а у вдовых — 11,79 %. Это, конечно, невысокий потенциал демографического роста.

В Республике Беларусь снижение первых рождений связано с сокращением численности населения, вступающего в брачный период. Уменьшение численности вторых рождений связано, во-первых, с возрастными поколенческими сдвигами и, во-вторых, с политикой «финансовой диеты», суть которой состояла в том, что с 2016 г. в пенсионном законодательстве произошла отмена при назначении пенсии учета «декретного отпуска» в трудовом стаже. В то же время наблюдается некоторый рост третьих и последующих рождений. Но, к сожалению, последняя тенденция не привела к обеспечению даже простого воспроизводства, речи о расширенном производстве не идет.

Заключение

Основные направления решения современных демографических проблем в Беларуси определены Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь», который акцентирует внимание на необходимости преодоления демографических угроз, важнейшими из которых являются депопуляционные процессы. К сожалению, начиная со второй половины прошедшего десятилетия, процесс преодоления депопуляции пущен на самотек. Так, две последние государственные демографические программы — на период 2016–2020 гг. «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» и принятая программа с таким же названием на 2021–2025 гг. являются преимущественно ведомственными, наполненными мероприятиями в интересах Минздрава Республики Беларусь. Социальных мероприятий подобно тем, которые разрабатывались в программах 2003–2015 гг. по обеспечению демографической ситуации, в них не нашлось места. В результате в них отсутствует решение основной цели — поставить преграду депопуляционным тенденциям. Эта ситуация требует пристального внимания и постановки

решения проблем демографического развития страны в центр всей системы социальной и экономической политики.

Таким образом, репродуктивное поведение является важнейшей проблемой современного социально-экономического развития Беларуси в деле обеспечения демографической безопасности. Для решения всего комплекса демографических проблем, вставших перед Беларусью, необходимо формирование новой парадигмы развития государственной демографической политики, способной предупредить и нивелировать большинство демографических угроз и способствовать формированию прогрессивного типа воспроизводства населения. На наш взгляд, в этой связи антидепопуляционными направлениями на основе анализа итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 г. должны стать постановка решения проблем демографического развития страны в центр всей системы социальной и экономической политики, разработка мероприятий демографической политики в соответствии с социально-демографическими потребностями групп населения и региональными особенностями, разработка демографической политики и престижности семейных ценностей, ориентированных на формирование среднедетных и многодетных репродуктивных установок, постоянной корректировки демографической политики, обеспечение системности и комплексности государственных демографических программ, выходящих за рамки ведомственных интересов.

Список источников

[1] Основные организационные и методологические положения переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Т. 1 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: «Альтиора Форте», 2021. 199 с.

[2] *Раков А. А.* Население БССР. Мн.: Наука и техника,1969. 224 с.

[3] *Шахотько Л. П.* Воспроизводство населения Белорусской ССР / Под ред. А. А. Ракова. Мн.: Наука и техника, 1985. 128 с.

[4] *Шахотько Л. П.* Рождаемость в Белоруссии. Социально-экономические вопросы. Минск : Наука и техника, 1975. 168 с.

References

[1] Results of the population census of the Republic of Belarus in 2019. Statistical collection. Vol. 2 / National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Minsk: «Altiora Forte», 2021. 487 p.

[2] *Rakov A. A.* Population of the BSSR. Minsk: Science and Technology, 1969. 224 p.

[3] *Shakhotko L. P.* Reproduction of the population of the Belarusian SSR / ed. A. A. Rakov. Minsk: Science and Technology, 1985. 128 p.

[4] *Shakhotko L. P.* Birth rate in Belarus (socio-economic issues). Minsk: Science and Technology, 1975. 168 p.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-15
УДК 331.101.262
JEL J24

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ЭКОНОМИКУ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ[1]

Н. З. Зотиков

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (г. Чебоксары, Россия)
https://orcid.org/0000-0001-5631-9123
Автор для корреспонденции: Н. З. Зотиков (Zotikovcontrol@yandex.ru)

Аннотация. *Из триады факторов производства «земля, труд, капитал» важнейшим является труд как основа существования и жизнедеятельности человека. Результатом труда в соединении со средствами производства являются материальные блага, необходимые для ведения расширенного воспроизводства. Труд имеет количественные и качественные показатели. Цель исследования — определить влияние трудовых показателей на экономические показатели деятельности предприятий, на экономику регионов, уровень (качество) жизни населения. По степени влияния на развитие способностей человека к труду важнейшими являются социально-экономические факторы, прежде всего уровень и качество жизни населения. В исследовании использованы общеэкономические методы: анализ, синтез, группировка, сравнение, обобщение, абстрактный, табличный и др. Информационной базой исследования послужили данные Росстата, Минфина РФ, рейтингового агентства РИА Рейтинг, Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Исследованием установлены взаимосвязь трудовых показателей и показателей социально-экономического развития регионов, различия в уровне социально-экономического развития регионов, уровне жизни населения. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практической деятельности органов власти и местного самоуправления при проведении социальной, демографической политики в регионах.*

Ключевые слова: занятые, инвестиции, ВРП, малые предприятия, качество жизни

The Impact of Human Capital on the Economy and Quality of Life

N. Z. Zotikov

I. N. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russia)
https://orcid.org/0000-0001-5631-9123
Corresponding author: N. Z. Zotikov (Zotikovcontrol@yandex.ru)

Abstract. *Among the factors of production (land, labour, capital), the most important is labour as the basis of human existence and life. The results of labour in combination with the means of production are the material goods necessary for conducting expanded reproduction. Labour has quantitative and qualitative indicators. The study aims to determine the impact of labour indicators on the economic performance of enterprises, on the regional economy, as well as on the quality of life of the population. According to the degree of influence on the development of*

[1] © Зотиков Н. З. Текст. 2022.

a person's ability to work, the most important are socio-economic factors, primarily, the level and quality of life of the population. The study used general economic methods: analysis, synthesis, grouping, comparison, generalisation, abstract and tabular methods, etc. The research analysed the data obtained from the Federal State Statistics Service, the Ministry of Finance of the Russian Federation, the rating agency RIA Rating, the Unified Register of Small and Medium-Sized Businesses. The study established the relationship between labour indicators and indicators of socio-economic development of regions, differences in the regional socio-economic development, the standard of living of the population. The findings can be used in the practical activities of authorities and local self-government in the implementation of social and demographic policy in the regions.

Keywords: employed; investment; gross regional product; small businesses; quality of life

Введение

Труд как один из важнейших факторов производства очень важен и актуален, так как использование труда означает участие человека в процессе производства, использование его профессиональных качеств, собственной энергии и потенциала. Показателем эффективности использования труда является производительность труда — количество произведенной продукции в определенный промежуток времени. Производительность труда зависит от ряда факторов. В процессе производства наравне с основным и оборотным капиталом используется человеческий капитал — физические и умственные способности человека. Процесс производства можно определить следующим понятием: процесс производства есть соединение живого (труд человека) и овеществленного труда (средства производства) с применением сырья и материалов. Персонал предприятия является совокупным общественным работником, непосредственно воздействующим на производство. Поэтому конечные результаты производства должны служить критериальным показателем эффективности деятельности персонала. В качестве таких показателей принимаются численные значения конечных результатов работы предприятий на микроуровне, таких как объем продукции, доход предприятия, заработная плата, общая численность персонала, выработка на одного работающего, на макроуровне — валовый региональный продукт, доходы бюджетов и др.

«Под уровнем жизни принято понимать степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения. Для измерения уровня жизни наиболее часто используются следующие группы индикаторов: ВВП на душу населения, заработная плата, показатели распределения населения по уровню среднедушевого дохода, общий уровень потребления материальных благ и услуг, общий уровень безработицы» [1, с. 144].

Актуальность исследуемого вопроса заключается в том, что, как указывает автор, «в систему экономической безопасности входит такой элемент, как рынок труда, который является мощным фактором, воздействующим на экономику. Явление на рынке труда, уровень безработицы выступают

в роли усилителя стабильности экономической безопасности, или же, наоборот, фактором увеличения угроз и рынков» [2, с. 241]. В исследовании использованы общеэкономические методы: анализ, синтез, группировка, сравнение, обобщение, абстрактный, табличный и др. Информационной базой исследования послужили данные Росстата, Минфина РФ, рейтингового агентства РИА Рейтинг, Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства.

Объектом исследования являются регионы Уральского федерального округа (УрФО), в состав которого входят один аграрно-промышленный регион (Курганская область), два промышленных региона (Свердловская и Челябинская области), три экспортоориентированных региона (Тюменская область, ХМАО, ЯНАО).

Результаты исследования

Вначале исследования приведем социально-экономические показатели регионов УФО за 2010–2020 гг. (табл. 1).

Из данных таблицы 1 следует, что в 2020 г. по сравнению с 2010 г.:

— численность населения увеличилась по РФ на 2,3 %, УрФО на 2,0 %, в т. ч. по Тюменской области на 14,9 %, ХМАО на 9,8 %, уменьшилась по Курганской области на 9,9 %;

— регионы УрФО в общей численности населения по РФ занимают 8,5 %, в численности населения округа доля Свердловской области 35,6–34,8 %, Челябинской области 28,8–27,9 %, незначительна доля ЯНАО (4,4 %), Курганской области (7,5–6,6 %);

— среднегодовая численность занятых уменьшилась по РФ на 2,7 %, УрФО на 4,4 %, в т. ч. по Курганской области на 19,1 %, Свердловской области на 10,1 %, увеличилась по ХМАО на 4,2 %;

— доля занятых в общей численности населения уменьшилась с 50,0 % до 47,6 %, по УрФО с 53,4 % до 50,0 %, в т. ч. по Курганской области с 42,0 % до 37,8 %;

— уровень безработицы увеличился по РФ на 20,8 %, УрФО на 17,0 % и во всех регионах округа, уровень безработицы в Курганской области (8,0–8,2 %), Челябинской области (5,6–6,8 %) превышает уровень безработицы в УрФО (4,7–5,5 %) и по РФ (4,8–5,8 %);

— среднедушевые денежные доходы населения увеличились по РФ на 90,3 %, УрФО на 70,4 %, в т. ч. по ЯНАО в 2 раза;

— по величине показателя за 2020 г. УрФО занимает 4-е место в РФ, ЯНАО в округе 1-е место, Челябинская область 53-е место, Курганская область 77-е место;

— показатель по УрФО превышает показатель по РФ в 2010 г. на 15,2 %, в 2020 г. на 3,1 %;

— как в 2010 г., так и в 2020 г. среднедушевые денежные доходы населения в Свердловской области, ХМАО и ЯНАО превышают показатель по УрФО, так и по РФ, в Челябинской и Курганской областях — ниже;

Таблица 1

Социально-экономические показатели регионов УрФО

Год	РФ	УрФО	Значение показателя по областям и округам					
			Курганская	Свердловская	Тюменская	ХМАО	ЯНАО	Челябинская
Численность населения, тыс. чел.								
2010	142 865	12 087	909	4297	1343	1537	525	3476
2020	146 171	12 330	819	4290	1543	1688	547	3443
2020 / 2010, %	102,3	102,0	90,1	99,8	114,9	109,8	104,2	99,0
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.								
2010	71 493,1	6458,3	383,1	2174,7	758,8	1023,5	387,7	1730,5
2020	69 550,3	6177,7	309,8	1954,9	712,7	1066,1	417,3	1717,0
2020 / 2010, %	97,3	95,6	80,9	89,9	93,9	104,2	107,6	99,2
Уровень безработицы, %								
2018	4,8	4,7	8,0	4,8	4,5	2,5	2,1	5,6
2020	5,8	5,5	8,2	5,8	4,8	3,0	2,4	6,8
2020 / 2010, %	120,8	117,0	102,5	120,8	106,7	120,0	114,3	121,4
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.								
2010	18 958	21 832	13 499	22 194	н/д	32 385	43 367	16 821
2020	36 073	37 204	21 860	37 374	31 151	54 443	89 928	26 628
2020 / 2010, %	190,3	170,4	161,9	168,4	н/д	168,1	207,4	158,3
2020 г.	место	4	77	14	54	8	1	53
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, %								
2010	12,5	—	16,9	10,0	10,9	10,3	7,3	10,2
2020	12,1	—	19,3	9,0	14,0	8,4	4,9	12,6
2020 / 2010, %	96,8	—	114,2	90,0	128,4	81,6	67,1	123,5
ВРП, млрд руб.								
2010	37 687,7	5118,9	117,9	1046,6	547,4	1971,8	782,2	652,8
2019	94 831,1	13 227,7	233,4	2529,5	1255,4	4563,0	3100,5	1545,6
2019 / 2010, %	251,6	258,4	198,0	241,7	229,3	231,4	396,4	236,8
ВРП на душу населения, тыс. руб.								
2010	263,8	423,5	129,0	243,2	407,6	1282,9	1489,9	187,6
2019	646,1	1070,6	281,0	586,4	821,6	2733,6	5710,4	445,2
2019 / 2010, %	244,9	252,8	217,8	241,1	201,6	213,1	383,3	237,3
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.								
2010	9 152,1	1490,8	25,5	264,4	155,0	507,1	387,7	151,1
2020	20 118,3	3146,9	40,0	381,1	293,4	1034,8	1075,3	322,2
2020 / 2010, %	219,8	211,1	156,9	144,1	189,3	204,1	277,3	213,2
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.								
2010	64 068	123 340	27 988	61 462	115 413	331 663	739 125	43 442
2020	137 364	254 911	48 586	88 627	190 495	615 558	1 970 419	93 267
2020 / 2010, %	214,4	206,7	173,6	144,2	165,0	185,6	266,6	214,7
2020 г.	место	1	79	47	13	4	2	43

Окончание табл. 1 на след. стр.

Окончание табл. 1

Год	РФ	УрФО	Значение показателя по областям и округам					
			Курганская	Свердловская	Тюменская	ХМАО	ЯНАО	Челябинская
Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, млрд руб.								
2010	6537,3	720,5	30,1	161,2	145,6	167,4	106,8	109,4
2020	14 901,2	1392,1	60,2	349,0	192,1	324,5	226,7	239,6
2020 / 2010, %	227,9	193,2	200,0	216,5	131,9	193,8	212,3	219,0
Число предприятий, ед.								
2010	4 823 304	406 210	17 652	186 123	45 021	39 874	12 033	105 507
2020	3 517 446	285 125	12 491	119 138	38 126	30 919	8 728	75 723
2020 / 2010, %	72,9	70,2	70,8	64,0	84,7	77,5	72,5	71,8
Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ								
2010	место	1	65	8	4	3	5	14
2020	баллы	—	23,55	62,17	56,904	74,78	65,34	51,997
	место	—	74	7	11	3	6	19

Источник: [3, 4] и РИА Рейтинг. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2010 г.

— численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась по РФ на 3,2 %, в Свердловской области на 10,0 %, ХМАО на 18,4 %, ЯНАО на 32,9 %, увеличилась по Курганской области на 14,2 %, по Тюменской области — на 28,4 %, Челябинской области на 23,5 %;

— ВРП увеличился по РФ в 2,5 раза, УрФО в 2,58 раза, в т. ч. в ЯНАО в 4 раза, Курганской области на 98,0 %;

— доля регионов УрФО в ВВП по РФ составляет 13,6–13,9 %;

— в ВРП округа доля ХМАО составляет 38,5–34,4 %, Свердловской области 20,4–19,1 %, низка доля Курганской области (2,3–1,8 %).

«Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показывают, что производительность труда в России, несмотря на некоторый рост к 2017 г., все еще в разы отстает от уровня развитых стран, при этом у лидера по уровню производительности труда (Ирландии) этот показатель в 3,8 раза больше. Согласно данным Росстата, индекс производительности труда в целом по стране за период 2000–2019 гг. снизился с 106,5 до 102,0 %» [5, с. 124].

ВРП на душу населения увеличился по РФ в 2,45 раза, УрФО — в 2,53 раза, в т. ч. в ЯНАО в 3,83 раза, в Курганской области — в 2,18 раза, в Тюменской области — в 2 раза.

ВРП на душу населения по УрФО превышает показатель по РФ в 1,6 раза в 2010 г., в 1,66 раза в 2020 г., в Курганской, Свердловской и Челябинской областях показатель ниже показателя по УрФО и РФ как в 2010 г., так и в 2019 г.

ВРП на душу населения в ХМАО и ЯНАО превышают показатель по РФ и УФО (это связано с отсутствием в этих регионах постоянного населения).

Инвестиции в основной капитал увеличились по РФ в 2,2 раза, УрФО в 2,1 раза, в т. ч. в ЯНАО в 2,77 раза, Свердловской области в 1,44 раза, Курганской области в 1,57 раза;

Доля инвестиций в регионы УрФО составляет 16,3 % в 2010 г., 15,6 % в 2020 г. от показателя по РФ.

В величине инвестиций по УрФО доля инвестиций в ХМАО составляет 34,0–32,9 %, ЯНАО 26,0–34,2 %, ничтожна доля Курганской области (1,7–1,27 %).

Инвестиции в основной капитал на душу населения увеличились по РФ в 2,14 раза, УрФО в 2 раза, в т. ч. в ЯНАО в 2,67 раза, Свердловской области в 1,44 раза.

Инвестиции в основной капитал на душу населения по УФО превышают показатель по РФ в 1,92 раза, в 2020 г. в 1,85 раза, в Курганской, Свердловской и Челябинской областях инвестиции в основной капитал на душу населения ниже показателя по УрФО.

По итогам 2020 г. по данному показателю УрФО занимал 1-е место, ЯНАО 2-е место, ХМАО 4-е место, Челябинская область 43-е место, Курганская область 79-е место. «Человек — это некий капитал, который нужно инвестировать, так как без источников питания любой капитал начинает „тормозить". Работник — это звено в рабочем процессе, лишившись этого звена или постоянно не обновляем его, к примеру, как основные средства, такие как оборудование, мы не сможем достичь поставленных задач для достижения определенных финансовых результатов. Предприятие не может существовать без целостной связи между звеньями в процессе производства товаров и услуг в любой отрасли» [6, с. 126].

Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ увеличились по РФ в 2,28 раза, УрФО в 1,93 раза, в т. ч. в ЯНАО в 2,1 раза, Челябинской области в 2,2 раза, Свердловской области в 2,16 раза.

Доля регионов УрФО в федеральном бюджете уменьшилась с 11,0 % до 9,3 %, в величине доходов бюджета УрФО доля Свердловской области составляет 22,4–25,0 %, Челябинской области 15,2–17,2 %, Курганской области 4,2–4,3 %.

«Уровень заработной платы напрямую влияет на удельный вес НДФЛ в налоговых доходах конкретного региона. Заработная плата различна во многих субъектах, на ее размер, прежде всего, влияют такие составляющие, как уровень жизни в регионе, стоимость рабочей силы, спрос на работников, уровень заработной платы в регионе и в стране. Заработная плата, в свою очередь, влияет непосредственно на размер поступлений налога на доходы физических лиц» [7, с.132]. Сказанное подтверждается тем, что доля НДФЛ в региональных бюджетах составляет более 20 % доходов.

Число предприятий уменьшилось по РФ на 27,1 %, УрФО на 29,8 %, в т. ч. в Свердловской области на 36,0 %, в Челябинской области на 28,2 %.

Доля регионов УрФО в численности предприятий по РФ составляет 8,4–8,1 %, в количестве предприятий УрФО доля Свердловской области составляет 45,8–41,8 %, Челябинской области 26,6 %, Курганской области 4,3 %.

В рейтинге социально-экономического положения регионов, проводимом ежегодно рейтинговым агентством РИА Рейтинг, «Россия сегодня» регионы УрФО занимают высокие места, чем обеспечивается лидерство в целом федерального округа по РФ, за исключением Курганской области, которая занимает 74 место в 2020 г. с рейтинговым баллом 23,553.

Далее рассмотрим развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в округе (табл. 2–4).

Согласно данным таблицы 2, количество субъектов МСП на 10.03.2022 уменьшилось по РФ на 2,5 % по сравнению с 10.03.2019, в т. ч. ЮЛ на 14,9 %; число ИП увеличилось на 7,6 %; доля ЮЛ уменьшилась с 44,9 % до 39,2 %,

Таблица 2

Данные по субъектам МСП

Тип субъекта предпринимательства	РФ			УФО		
	10.03.2019	10.03.2022	%	10.03.2019	10.03.2022	%
Всего	6 107 774	5 955 869	97,5	523 426	501 378	95,8
из них:						
ЮЛ	2 742 497	2 334 378	85,1	234 445	201 472	85,9
микро-	2 502 174	2 131 639	85,2	214 984	184 860	86,0
Малое	221 936	185 104	83,4	18 024	15 210	84,4
среднее	18 387	17 635	95,9	1 437	1 402	97,6
ИП	3 365 277	3 621 491	107,6	288 981	299 906	103,8
микро-	3 337 800	3 594 515	107,7	286 278	297 257	103,8
малое	27 161	26 651	98,1	2 670	2 618	98,0
среднее	316	325	102,8	33	31	93,9

Источник: Единый реестр субъектов МСП.

Таблица 3

Количество субъектов МСП в регионах УрФО

Регион	Количество субъектов МСП					
	на 10.03.2019			на 10.03.2022		
	всего субъектов МСП	количество работников, чел.	на одном предприятии	всего субъектов МСП	количество работников, чел.	на одном предприятии
Курганская	22 830	64 331	2,8	20 813	57 231	2,75
Свердловская	205 024	532 187	2,59	199 505	506 449	2,54
Тюменская	67 120	183 704	2,74	67 336	172 461	2,56
ХМАО	62 450	158 960	2,54	60 182	145 861	2,42
ЯНАО	18 618	44 048	2,36	17 530	41 320	2,36
Челябинская	147 384	362 345	2,46	136 012	330 520	2,43
Итого	523 426	1 345 575	2,57	501 378	1 253 842	2,50

Источник: Единый реестр субъектов МСП.

Таблица 4

Субъекты МСП в регионах УрФО по типам предприятий

Показатель	Значение показателя					
	на 10.03.2019			на 10.03.2022		
	всего	ЮЛ	ИП	Всего	ЮЛ	ИП
Всего	523 426	234 445	288 981	501 378	201 472	299 906
количество работников	1 345 575	1 124 104	221 471	1 253 842	1 022 193	231 649
Микро	501 262	214 984	286 278	482 117	184 860	297 257
количество работников	629 362	482 535	146 827	584 605	427 814	156 791
Малые	20 694	18 024	2 670	17 828	15 210	2 618
количество работников	559 002	487 598	71 404	506 162	433 956	72 206
Средние	1 470	1 437	33	1 433	1 402	31
количество работников	157 211	153 971	3 240	163 075	160 423	2 652

Источник: Единый реестр субъектов МСП.

доля ИП увеличилась с 55,1 % до 60,8 %; доля микропредприятий в составе ЮЛ составляет 91,2 %, в составе ИП — 99,2 %.

Количество субъектов МСП по УФО уменьшилось на 4,2 %, в т. ч. количество ЮЛ уменьшилось на 14,1 %, количество ИП увеличилось на 3,8 %; доля ЮЛ с 44,8 % уменьшилась до 40,2 %, доля микропредприятий в составе ЮЛ составляет 91,7 %, в составе ИП — 99,1 %. Доля субъектов МСП в УФО в общем количестве субъектов МСП в РФ составляет 8,5 %.

Количество субъектов МСП в УрФО уменьшилось на 4,2 % и по всем регионам, кроме Тюменской области (рост на 0,3 %), в общем количестве субъектов МСП УФО доля Свердловской области составляет около 40 %, Челябинской области — 27–28 %, незначительна их доля в Курганской области (4,0 %).

Среднее количество работников на одном предприятии остается без значительных изменений и колеблется в пределах двух чел. на одном предприятии.

Как следует из данных таблицы 4, в составе юридических лиц преобладают микропредприятия (95,8–96,2 %), в т. ч. в составе ЮЛ 91,7 %, ИП — 99,1 %. Доля малых предприятий уменьшилась с 3,9 % до 3,6 %, их доля в составе ЮЛ 7,7 %, ИП — 0,9 % Незначительна доля средних предприятий (0,3 %).

Обсуждение

В целях исследования эффективности стимулирования труда, обеспечения взаимосвязи заработной платы с величиной ВРП составим таблицу 5, в которой используем данные среднемесячной заработной платы,

Таблица 5

Отношение заработной платы к ВРП на одного занятого (отношение), %

Регион	Показатель	2010	2015	2018	2019	2019 / 2010, %
РФ	Зарплата в год, тыс. руб.	251,4	408,3	524,6	574,3	228,4
	численность занятых, тыс. чел.	71 493,1	72 424,9	71 561,7	71064,5	99,4
	ВРП в год, млрд руб.	37 687,8	65 750,6	90 202,9	94831,1	251,6
	ВРП на одного занятого, тыс. руб.	527,1	907,8	1260,5	1334,4	253,1
	отношение, %	47,7	45,0	41,6	43,0	90,1
УрФО	Зарплата в год, тыс. руб.	300,3	469,0	573,6	613,1	204,1
	численность занятых, тыс. чел.	6458,3	6425,9	6353,0	6322,1	97,9
	ВРП в год, млрд руб.	5118,9	9063,0	13 035,6	13 227,7	258,4
	ВРП на одного занятого, тыс. руб.	792,6	1410,3	2051,9	2092,3	264,0
	отношение, %	37,9	33,2	27,9	29,3	77,3
Курганская обл.	Зарплата в год, тыс. руб.	158,6	264,7	337,9	367,5	231,7
	численность занятых, тыс. чел.	383,1	359,8	326,0	311,1	81,2
	ВРП в год, млрд руб.	117,9	179,4	215,6	233,5	198,0
	ВРП на одного занятого, тыс. руб.	307,7	498,6	661,3	750,6	243,9
	отношение, %	51,5	53,1	51,1	49,0	95,2
Свердловская обл.	Зарплата в год, тыс. руб.	237,0	368,2	456,6	493,3	208,1
	численность занятых, тыс. чел.	2174,7	2137,9	2038,0	2014,3	92,6
	ВРП в год, млрд руб.	1046,6	1822,8	2423,7	2529,5	241,7
	ВРП на одного занятого, тыс. руб.	481,3	852,6	1189,2	1255,8	260,9
	отношение, %	49,2	43,2	38,4	39,3	79,9
Тюменская обл.	Зарплата в год, тыс. руб.	268,1	430,4	538,9	583,3	217,6
	численность занятых, тыс. чел.	758,8	778,6	729,5	726,8	95,8
	ВРП в год, млрд руб.	547,5	905,6	1316,6	1255,5	229,3
	ВРП на одного занятого, тыс. руб.	721,5	1163,1	1804,8	1727,4	239,4
	отношение, %	37,1	37,0	29,8	33,8	91,1

Окончание табл. 5 на след. стр.

Окончание табл. 5 на след. стр.

Регион	Показатель	2010	2015	2018	2019	2019 / 2010, %
ХМАО	Зарплата в год, тыс. руб.	495,7	720,7	850,8	901,0	181,7
	численность занятых, тыс. чел.	1023,5	1037,4	1085,7	1081,4	105,6
	ВРП в год, млрд руб.	1971,9	3154,0	4506,7	4563,0	231,4
	ВРП на одного занятого, тыс. руб.	1926,6	3040,3	4151,0	4219,5	219,0
	отношение, %	25,7	23,7	20,5	21,3	82,9
ЯНАО	Зарплата в год, тыс. руб.	631,3	927,2	1166,4	1212,0	192,0
	численность занятых, тыс. чел.	387,7	393,8	417,7	423,0	109,1
	ВРП в год, млрд руб.	782,2	1791,8	3051,6	3100,5	396,4
	ВРП на одного занятого, тыс. руб.	2017,5	4550,0	7304,3	7329,8	363,3
	отношение, %	31,3	20,4	16,0	16,5	52,7
Челябинская обл.	Зарплата в год, тыс. руб.	208,4	355,7	422,6	449,2	215,5
	численность занятых, тыс. чел.	1730,5	1718,3	1756,2	1765,5	102,0
	ВРП в год, млрд руб.	652,9	1209,2	1521,3	1545,6	236,7
	ВРП на 1-го занятого, тыс. руб.	377,3	703,7	866,2	875,4	232,0
	отношение, %	55,2	50,5	48,8	51,3	92,9

Источник: [3, 8, 9].

умноженной на 12 месяцев, и ВРП на одного занятого (делением ВРП на численность занятых по данным источника 3).

«Одним из важных стимулов к трудовой деятельности, определяющих объем предложения на рынке труда и требующих в связи с этим постоянного контроля, выступает заработная плата» [10, с. 8].

Согласно данным таблицы 5, в 2019 г. по сравнению с 2010 г.:

— заработная плата по РФ увеличилась в 2,28 раза при росте ВРП на одного занятого в 2,53 раза, отношение заработной платы к ВРП на одного занятого (назовем этот показатель «зарплатоемкость», или затраты заработной платы на 1 рубль ВРП) уменьшилось на 9,9 %;

— заработная плата по УФО увеличилась в 2,04 раза при росте ВРП на одного занятого в 2,64 раза, что привело к снижению «зарплатоемкости» на 22,7 %;

— при этом в абсолютном выражении заработная плата по УрФО превышает показатель по РФ в 1,19 раза в 2010 г. (300,3 : 251,4), в 1,07 раза

в 2019 г., ВРП на одного занятого соответственно в 1,5 раза в 2010 г. (792,6: 527,1), в 1,57 раза в 2019 г. (2092,3: 1334,4).

Высокий показатель «ВРП на одного занятого» по УрФО обеспечен за счет ХМАО, ЯНАО, в которых данный показатель составляет 1926,6 тыс. руб. в 2010 г., 4219,5 тыс. руб. в 2019 г. по ХМАО, 2017,5 тыс. руб. и 7329,8 тыс. руб. по ЯНАО соответственно (по РФ — 792,6 тыс. руб. и 2092,3 тыс. руб.):

— при этом в величине ВРП по УрФО доля ХМАО составляет 38,5 % в 2010 г., 34,5 % в 2019 г., ЯНАО — соответственно 15,3 % и 23,4 %;

— в свою очередь, высокий показатель «ВРП на одного занятого» в экспортоориентированных сырьевых регионах обусловлен низкой численностью постоянного населения в этих регионах;

— в Курганской, Челябинской и Свердловской областях «зарплатоемкость» выше среднего значения по УФО.

Согласно данным таблицы 5, в 2019 г. затраты заработной платы на 1 руб. ВРП составляют по УрФО 29,3 коп. (по РФ — 43,0 коп), т. ч. в Курганской области 49,0 коп., Свердловской области 39,3 коп., ХМАО — 21,3 коп., ЯНАО — 16,5 коп., по Челябинской области 51,3 коп.

Приведенные данные свидетельствуют об имеющихся в регионах различиях в стимулировании труда работников. «Мотивация труда персонала является важным, актуальным аспектом в развитии качества трудовой жизни работников, от которой напрямую зависят результаты производственно-хозяйственной деятельности предприятий» [11, с. 65].

Рейтинг качества жизни — 2020

Рейтинг составлен на основании 70 показателей, объединенных в 11 групп, в т. ч.: уровень доходов населения (отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума), занятость населения и рынок труда (уровень безработицы), жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень развития малого бизнеса и др. [12].

Самый высокий балл — 100, минимальный — 1. Лидерами в рейтинге по итогам 2020 г. являются г. Москва, Московская область, республика Татарстан и др. Аутсайдеры — КБР, республика Ингушетия, КЧР, республика Тыва, Курганская область и др.

Практически все регионы УрФО, за исключением Курганской области, занимают высокие места в рейтинге: из 6 регионов 4 региона входят в первую двадцатку, в третью десятку — один регион, в частности, ХМАО — 9-е место, ЯНАО — 11-е место, Тюменская область — 14-е место, Свердловская область — 15-е место, Челябинская область — 25-е место, Курганская область — 79-е место.

Приведенные итоги Рейтинга качества жизни — 2020 незначительно отличаются от мест в рейтинге социально-экономического развития, проводимом рейтинговым агентством РИА Рейтинг (см. табл. 1).

Заключение

При увеличении численности населения численность занятых в УрФО сокращается, между тем в 2020 г. численность занятых в общей численности населения по УФО (50,1 %) превышает показатель по РФ (47,6 %). Округ, занимая по итогам 2020 г. в показателях по РФ (по численности населения 8,4 %, численности занятых 8,9 %), обеспечил 13,9 % ВВП, ВРП на душу населения 165,7 % к показателю по РФ, зарплата в УрФО превышает показатель по РФ лишь на 6,7 %, «зарплатоемкость» составила 29,3 % (против 43,0 % в РФ), что, по мнению автора, свидетельствует о недостаточном стимулировании, мотивации труда в регионах округа. В Курганской области в 2020 г. численность населения сократилась на 9,9 %, численность занятых на 19,1 %, увеличилась безработица (8,2 %), от показателя по УрФО среднедушевые денежные доходы населения составляют 58 %, 1/5 часть населения имеет доходы ниже ПМ, низка доля ВРП (1,7 %), ВРП на душу населения (26,2 %), инвестиции (1,3 %), доходы бюджета (4,3 %), зарплата (60 %). Регион занимает 74-е место в рейтинге РИА Рейтинг, 79-е место по качеству жизни.

В составе МСП преобладают микропредприятия, численность работающих на одном МСП незначительна.

Список источников

[1] *Шуняев А. В.* Уровень и качество жизни населения как основа формирования конкурентоспособности рабочей силы региона // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 3 (197). С. 142-150.

[2] *Трунькин В. Ю.* Рынок труда и безработица как фактор экономической безопасности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 24. С. 238-241

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32 Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 1112 с.

[4] Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2020 г. // РИА Рейтинг. URL: https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html? (дата обращения: 15.04.2022).

[5] *Леонидова Г. В., Ивановская А. Л.* Условия труда как фактор повышения его производительности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 118–134. http://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.7.

[6] *Палиенко М. А.* Инвестиции в человеческий капитал как фактор повышения производительности труда // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 2 (124). С. 121-126.

[7] *Корень А. В., Проценко Ю. А.* Роль налога на доходы физических лиц в обеспечении условий динамичного развития регионов Дальневосточного федерального округа // Фундаментальные исследования. 2015. № 6-1. С. 129-133.

[8] ВРП на душу населения по субъектам РФ в 1998–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://disk.yandex.ru/edit/disk/disk%2F%D0 %97 %D0 %B0 %D0 %B3 %D1 %80 %D1 %83 %D0 %B7 %D0 %BA%D0 %B8 %2Fdusha98-19.xlsx (дата обращения: 15.04.2022).

[9] Средняя заработная плата в России по годам и субъектам РФ (таблица) // Infotables. [Электронный ресурс]. URL: https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1190-zarplata-v-rossii-po-godam (дата обращения: 15.04.2022).

[10] *Лохтина Т. Н., Метелица В. И.* Рынок труда и социально — экономические проблемы населения России // Вестник Евразийской науки. 2019. Т. 11, № 1. С. 24.

[11] *Крулина К. В., Чибикова Т. В.* Мотивация труда как направление повышения качества трудовой жизни // Организационно-управленческие аспекты экономического развития предприятий и регионов. Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГУ, 2019. С. 57-66.

[12] Россия сегодня. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2020 // РИА Рейтинг. Москва, 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1649522741&tld=ru&lang=ru&name=life_2020.pdf&text=%25D0 %25BA%25D0 %25B0 %25 (дата обращения: 15.04.2022).

References

[1] *Shunyaev A. V.* The Standard of Living and Quality of Life of the Population as the Foundation for Building a Competitive Workforce in the Region // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2015. No. 3(197). Pp. 142-150.

[2] *Trunkin V. Yu.* Labor market and unemployment as a factor of economic security // Proceedings of Conferences of the Scientific Research Center Sociosphere. 2020. No. 24. Pp. 238-241.

[3] Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: R32 Stat. col. Rosstat. M., 2021. 1112 p.

[4] Rating of the socio-economic situation of the regions in 2020 // RIA Rating. URL: https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html? (accessed on 15.04.2022).

[5] *Leonidova G. V., Ivanovskaya A. L.* Working conditions as a factor of increasing its productivity in Russia's regions // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14, No 3. Pp. 118–134. http://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.7.

[6] *Palienko M. A.* Investments in human capital as a factor of increasing productivity // Vestnik of Samara State University of Economics. 2015. No. 2(124). Pp. 121-126.

[7] *Koren A. V., Procenko Yu. A.* The role of taxes on personal income to provide the conditions of dynamic development of the Far East // Fundamental research. 2015. No. 6-1. Pp. 129-133.

[8] GRP per capita by constituent entities of the Russian Federation in 1998-2019. URL: https://disk.yandex.ru/edit/disk/disk%2F%D0 %97 %D0 %B0 %D0 %B3 %D1 %80 %D1 %83 %D0 %B7 %D0 %BA%D0 %B8 % 2Fdusha98-19.xlsx (accessed on 15.04.2022).

[9] Average salary in Russia by years and subjects of the Russian Federation (table) // Infotables. URL: https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1190-zarplata-v-rossii-po-godam (accessed on 15.04.2022).

[10] *Lokhtina T. N., Metelitsa V. I.* Labor market and socio-economic problems of the Russian population // The Eurasian Scientific Journal. 2019. Vol. 11, No. 1. P. 24.

[11] *Krulina K. V., Chibikova T. V.* Labor motivation as a direction for improving the quality of working life // Organizational and managerial aspects of the economic devel-

opment of enterprises and regions. Materials of the All-Russian scientific and practical. conf. 2019. Pp. 57-66.

[12] Russia today. The rating of regions of the Russian Federation on quality of life — 2020 // RIA Rating. Moscow, 2021. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1649522741&tld=ru&lang=ru&name=life_2020.pdf&text=%25D0 %25BA%25D0 %25B0 %25 (accessed on 15.04.2022).

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-16
УДК 314.3+314.17(470.1/.2)
JEL J13

СВЯЗЬ ДИНАМИКИ РОЖДАЕМОСТИ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СЕВЕРА РОССИИ ПОСЛЕ 2010-Х ГГ.[1]

М. А. Зырянова

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Республика Коми, Сыктывкар). http://orcid.org/0000-0002-3567-3470
Автор для корреспонденции: М. А. Зырянова (zyryanova.1809@mail.ru)

Аннотация. *В последние годы в стране мы видим ухудшение экономической ситуации, процессы рецессии и стагнации сменяют друг друга с 2014 г. В 2020 г. удар по экономике нанес коронавирус. С 2016–2017 гг. в стране и ее регионах начался спад рождаемости, прежде всего, из-за фактора возрастной структуры. В то же время рождаемость определяет еще такой фактор, как репродуктивное поведение, которое тесно связано с условиями жизни. Поэтому целью исследования стало выявление связи динамики общего коэффициента рождаемости с перечнем социально-экономических индикаторов. Гипотеза: современный тип репродуктивного поведения характеризуется высокой рациональностью, поэтому негативные изменения в экономической ситуации влекут за собой снижение показателей рождаемости. В основу работы был положен метод линейного корреляционного анализа. По результатам исследования была выявлена значимая связь рождаемости с рядом экономических индикаторов, включенных в анализ, описаны характер и величина этой связи. Вывод: с учетом нового витка экономических санкций от 2022 г. государству потребуется реализовать значительную часть финансовых резервов для поддержи населения и создания условий для его сохранности.*

Ключевые слова: рождаемость, факторы рождаемости, северные регионы России, пандемия COVID-19, экономическая ситуация, уровень жизни

The Link between the Dynamics of Fertility and Socio-Economic Factors in Regions of the European Part of the Russian North after the 2010s

M. A. Zyranova

Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia) http://orcid.org/0000-0002-3567-3470
Corresponding author: M. A. Zyryanova (zyryanova.1809@mail.ru)

Abstract. *In recent years, Russia is characterised by a worsening economic situation, where the processes of recession and stagnation have been replacing each other since 2014. In 2020, coronavirus caused damage to the economy. From 2016–2017, a decline in the birth rate began in the country and its regions, primarily due to the age structure factor. At the same time, fertility is determined by reproductive behaviour, which largely depends on living conditions. Therefore, the purpose of the study was to identify the relationship between the dynamics of the total fertility rate and the list of socio-economic indicators. It is hypothesised that the modern type of repro-*

[1] © Зырянова М. А. Текст. 2022.

ductive behaviour is characterised by rationalism, therefore, the negative changes in economic situation entail a decrease in birth rate. The study was based on linear correlation method. The research results show a significant link between fertility and the list of economic indicators, which were included in analysis. Taking into account the new round of economic sanctions from 2022, the state will need to use a significant part of the financial reserves to support the population and create conditions for its saving.

Keywords: fertility; factors of fertility; the northern regions of Russia; COVID-19 pandemic; economic situation; standard of living

Введение

Внутренняя экономическая ситуация в России приобрела с 2014 г. устойчивые отрицательные явления, за период 2014–2022 гг. стагнация сменялась рецессией и наоборот. В январе 2020 г. по всему миру и в стране началась пандемия коронавируса, что вызвало рост заболеваемости и ухудшение состояния здоровья значительной части населения, привело к избыточной смертности и спровоцировало всплеск смертности от других заболеваний в следствие «перетягивания» внимания медицины на COVID 19. Пандемия 2020–2021 гг. нанесла значительный урон мировой и национальным экономикам, в том числе в России, ввергнув ее снова в состояние рецессии. Обвал мирового фондового рынка, кризис почти всех отраслей экономики, особенно контактоемких, снижение международного взаимодействия и уровня потребительского спроса внутри страны, падение производства, сокращение рабочих мест, ухудшение качества жизни населения — вот только некоторые негативные последствия распространения новой вирусной инфекции.

По всей стране с 2016–2017 гг. наблюдается сокращение рождаемости, которое усилилось за годы пандемии. В 2021 г. в России естественная убыль превысила 1 млн чел. за счет критического роста смертности и снижения рождаемости. По стране общий коэффициент рождаемости к 2021 г. сократился до 9,6 ‰. В большинстве регионов европейской части Севера России, куда входят республики Карелия и Коми, Архангельская область, Ненецкий АО и Мурманская область, ситуация с рождаемостью тоже тяжелая. Усугубляется эта ситуация постоянным миграционным оттоком населения детородных возрастов за пределы этих регионов. Лучшая демографическая ситуация среди пяти этих регионов в Ненецком АО, которой способствует относительно молодая возрастная структура населения, наличие коренного этноса, более успешная по уровню жизни ввиду сырьевой направленности экономика. Поэтому целью исследования стал статистический анализ текущей ситуации с рождаемостью в европейской части Севера России и установление экономических факторов, сопутствующих динамике общего коэффициента рождаемости.

Обзор литературы

Оценка того, как отражаются изменения в экономике и социальной жизни общества на показателях рождаемости, осуществленная

эконометрическими методами, представлена в трудах А.А. Брюшинкиной и А.В. Грозиной [1], А.В. Кашепова [2], А.В. Трынова, С.Н. Костиной, Г.А. Банных [3], В.П. Чичканова, А.А. Куклина, Г.П. Быстрая, А.В. Васильевой [4], Е.Д. Мяготиной и В.П. Невежиной [5].

Особую актуальность с 2020 г. приобрели исследования, изучающие причинно-следственные связи изменений демографической ситуации в новых беспрецедентных условиях ухудшения эпидемиологической и, как следствие, экономической ситуации. Оценке степени и характера ухудшения социально-экономических условий жизни семей с детьми и изучению особенностей нового витка демографического кризиса в России и ее регионах в условиях распространения коронавируса в 2020–2021 гг. посвящены труды А.Г. Аганбегяна [6], Е.Е. Гришиной [7], И.А. Кульковой [8], Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева и В.К. Левашова [9], Л.Л. Рыбаковского, В.И. Савинкова, Н.И. Кожевниковой [10]. Полный обзор экономической ситуации 2014–2021 гг. дан в статье А.Г. Аганбегяна, Б.Н. Порфирьева, А.А. Широва «О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России» [11], также в данной работе уделяется внимание проблеме и способах обеспечения сохранности российского народа.

В виду наблюдаемых явлений — сменяющие друг друга стагнация и рецессия после 2014 г., падение рождаемости после 2016–2017 гг., усугубление экономической ситуации в следствие эпидемиологического кризиса после 2020 г. — актуализируется исследование по выявлению факторов, сопутствующих негативной динамике рождаемости в европейской части Севера России для определения восприимчивости репродуктивного поведения к социально-экономическим переменам в жизни общества. Гипотеза: современный тип репродуктивного поведения характеризуется высокой рациональностью, поэтому негативные изменения в экономической ситуации влекут за собой снижение показателей рождаемости.

Методика исследования

Исследование базируется на статистическом анализе временных рядов показателей, отражающих демографическую ситуацию европейской части северных регионов России — суммарного (СКР) и общего коэффициентов рождаемости (ОКР), показателя естественного прироста (убыли) населения, общего коэффициента смертности. Также был проведен корреляционный анализ взаимосвязи общего коэффициента рождаемости (первые разности) и социально-экономических показателей, в состав которых были включены общий коэффициент смертности, уровень безработицы, реальные доходы населения, потребительские расходы на душу населения, оборот розничной торговли на душу населения (в годовом исчислении), уровень бедности (численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума), среднедушевые денежные доходы населения, реальная заработная плата. Данные демографической и экономической статистики взяты из ЕМИСС (федеральной службы

государственной статистики)[1], сайта «Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ»[2] и статистического сборника «Регионы России: социально-экономические показатели»[3]. Для сравнения статистических показателей, выражаемых в денежном выражении, было произведено их инфлирование с помощью индекса изменения потребительских цен на товары и услуги с целью приравнивания их к ценам 2020 г. Ввиду доступности более широкого объема статистики данные по Архангельской области включают в себя данные по Ненецкому автономному округу.

Хронометраж исследования составляет период 2010–2020 гг. для социально-экономических показателей и 2011–2021 гг. для общего коэффициента рождаемости, поскольку целью исследования было оценить влияние особенностей рефлексии населения, реализующего свои планы рождаемости, на социально-экономическую действительность, было решено сдвинуть хронологию общего коэффициента рождаемости на один год вперед. Оценка достоверности связи проводится с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к результатам исследования, обратимся к описанию актуальных демографических тенденций, сформировавшихся в последние годы в регионах европейской части Севера России, в которых за последние годы сложилась экстренная, критическая демографическая ситуация. В Республике Карелия общий коэффициент рождаемости существенно начал сокращаться с 2017 г. За все годы действия современной демографической политики наилучшим образом ОКР выглядел в 2012 г. (12,6 ‰), а СКР — в 2014–2016 гг. (1,74, 1,77 и 1,76). За годы пандемии ОКР сократился на 4,5 % (с 8,9 до 8,5 ‰). Естественная убыль наблюдалась весь исследуемый период 2011–2021 гг., но в 2021 г. она достигла своего максимального значения, увеличившись с 5,3 ‰ в 2019 г. до 12,1 ‰ в 2021 г. Среди всех регионов европейской части Севера России Республика Карелия характеризуется самым высоким уровнем смертности. И без того высокий общий коэффициент смертности дополнительно критически возрос за пандемию на 45 % (с 14,2 ‰ в 2019 г. до 20,6 ‰ в 2021 г.) — это самый большой темп прироста в рамках рассматриваемых регионов. На 06.04.2022 г. в Карелии погибло 1 332 чел. от COVID-19, уровень летальности — 1,31 %[4].

В Республике Коми лучшее состояние ОКР было в 2012–2014 гг. (чуть более 14,0 ‰). Суммарный коэффициент рождаемости в 2014–2015 гг.

[1] ЕМИСС // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.fedstat.ru.

[2] Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. Ст. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204.

[4] Статистика развития пандемии коронавируса COVID-19 в Республике Карелия. URL: https://coronavirus-monitor.info/country/russia/respublika-kareliya.

даже немного приблизился к норме, приемлемой для простого воспроизводства, составив 2,02–2,00. В 2020 г. СКР составил всего 1,57. В Республике Коми с 2011 г. по 2016 г. даже удалось выйти на небольшой естественный прирост населения, но с 2017 г. он снова стал отрицательным. Естественная убыль с 2,4 ‰ в 2019 г. увеличилась до 7,2 ‰ в 2021 г. Общий коэффициент рождаемости сократился к 2021 г. до 8,9 ‰. Самое тревожное в плане рождаемости для Республики Коми то, что сокращения ОКР до такого низкого значения за историю республики не наблюдалось никогда ранее. Всплеск в условиях распространения новой коронавирусной инфекции показателя общего коэффициента смертности составил в этом регионе 34,2 %: с 12,0 ‰ до 16,1 ‰, или на 3 168 умерших человек больше. На 06.04.2022 г. общий уровень летальности от коронавируса был в Республике Коми на порядок выше, чем в других рассмотренных регионах и занимал по уровню 2-е место после Мурманской области — 2,54 %[1].

В Архангельской области так и не удалось выйти на естественный прирост за годы действия новой просемейной демографической политики. СКР выглядел наилучшим образом в 2014–2016 гг. (1,84; 1,85; 1,83), но это очень далеко от нормы, приемлемой для замещения поколений. Далее он стал сокращаться и в 2021 г. составил всего 1,43. ОКР сократился к 2021 г. по сравнению с 2019 г. на 10,0 %: с 9,0 ‰ до 8,1 ‰ — это самый низкий уровень рождаемости и самый высокий темп ее сокращения за пандемию среди рассмотренных регионов. Естественная убыль за эти два года увеличилась с 4,0 до 9,5 чел. на 1000 чел. населения, а смертность возросла на 33,3 %: с 13,2 ‰ в 2019 г. до 17,6 ‰ в 2021 г. Коэффициент летальности от COVID-19 на апрель 2022 г. — 1,05 %[2].

Ненецкий АО — малочисленный регион, с наличием коренного этноса, еще полностью не утратившего свою роль в формировании более высокой рождаемости. Ненецкий АО более богат по уровню жизни (так как имеет сырьевую направленность). Это также молодой по возрастной структуре населения регион. Поэтому демографическая ситуация в нем выгодно отличается в сравнении с другими регионами. Все время там еще сохраняется естественный прирост, но за годы пандемии он существенно сократился, так как в 2019 г. он составлял 4,7 ‰, в 2020 г. — 3,3 ‰, в 2021 г. — всего 0,5 ‰. СКР достиг максимума после 2000-х гг. в 2016 г. — 2,77, далее сокращался, но все равно и в 2021 г. выше нормы, необходимой для замещения поколений (2,15–2,17) — 2,26. Общий коэффициент рождаемости у него тоже самый высокий среди регионов европейской части севера России. С 2017 г. идет его сокращение, в 2021 г. он составил 12,5 ‰, сократившись по сравнению с 2019 г. на 6,0 %. Общий коэффициент смертности,

[1] Статистика развития пандемии коронавируса COVID-19 в Республике Коми. URL: https://coronavirus-monitor.info/country/russia/respublika-komi.

[2] Статистика развития пандемии коронавируса COVID-19 в Архангельской области. URL: https://coronavirus-monitor.info/country/russia/arhangelskaya-oblast.

наоборот, самый низкий, но в условиях COVID-19 его увеличение было значительным — на 35,5 %. Летальность от COVID-19 — 2,09 %[1].

В Мурманской области СКР тоже увеличивался с 2007 г., как и в других регионах европейской части Севера России, максимальное значение — 1,71 — было достигнуто в 2015 г., в 2012–2015 гг. даже удалось выйти на естественный прирост, но с 2016 г. снова наблюдается естественная убыль. Общий коэффициент рождаемости выглядел наилучшим образом в 2012–2015 гг., далее началось его снижение. В 2021 г. он занимает 2-е место среди регионов европейской части Севера по самому низкому общему коэффициенту рождаемости — 8,3 ‰. Смертность за период пандемии в Мурманской области тоже значительно возросла: с 11,4 ‰ в 2019 г. до 15,8 ‰ в 2021 г. Летальность от COVID-19 здесь самая высокая среди рассмотренных регионов — 2,90 %[2].

Обратимся к краткому описанию состояния экономических показателей, которые были включены в корреляционный анализ. Максимальный уровень бедности в регионах европейской части Севера России был зафиксирован в 2010–2011 гг. и 2015–2017 гг. Усредненный за 2010–2020 гг. уровень бедности показал, что самых низких значений он достигает в Ненецком АО — в среднем 8,8 % среди всего населения граждан с душевыми доходами ниже величины прожиточного минимума, а самых высоких — в Республике Карелия — 15,2 %. Интересно, что в 2020 г. по сравнению с 2019 г. показатель бедности не сократился во всех регионах, может быть, это связано с государственными экономическими мерами поддержки уязвимых категорий населения, осуществляемых в период пандемии. Но с точностью можно сказать одно: людей, приблизившихся к черте бедности, уровень и качество жизни которых значительно ухудшилось за 2020 г., достаточно много. По результатам трех проведенных в мае, октябре и декабре 2020 г. социологических исследований российскими учеными выявлено, что «распространение коронавирусной инфекции негативно повлияло на благосостояние населения: об ухудшении материального положения своей семьи за 2020 г. сообщила половина опрошенных» [7, с. 16].

Рассмотрим состояние реальных денежных доходов населения — относительного показателя, исчисленного путем деления индекса номинального размера денежных доходов населения на индекс потребительских цен за соответствующий временной период[3]. Переломный момент в ухудшении ситуации с реальными денежными доходами населения как в целом по РФ, так и в европейской части Севера России стал 2014 г., с которого началось снижение реальных доходов населения и продолжилось вплоть

[1] Статистика развития пандемии коронавируса COVID-19 в Ненецком автономном округе. URL: https://coronavirus-monitor.info/country/russia/nenetskij-avtonomnyj-okrug.

[2] Статистика развития пандемии коронавируса Covid-19 в Мурманской области. URL: https://coronavirus-monitor.info/country/russia/murmanskaya-oblast.

[3] Динамика реальных денежных доходов. URL: https://www.fedstat.ru/opendata/7708234640-fiveasevenazeroafourathree.

до 2016 г., с 2017 г. ситуация более или менее нормализовалась, но рост мы видели только в 2017–2018 гг., в период 2019–2020 гг. мы вновь наблюдаем их сокращение. Существенное падение реальной заработной платы пришлось в стране на 2015 г., то есть почти сразу, когда произошло введение экономических санкций от зарубежных стран и резкое ослабление российского рубля по отношению к иностранным валютам. Причем сокращение этого показателя продолжилось в Ненецком АО, имеющем добывающую направленность экономики, и в 2016 г., хотя у других рассмотренных регионов в 2016 г. ситуация уже стала спокойней. В 2018 г. состояние реальной заработной платы было уже на уровне докризисного 2012 г., но в 2019–2020 гг. снова наблюдается падение этого показателя.

Усредненные за 2010–2020 гг. данные показали, что уровень безработицы в европейской части северных регионов России выше, чем в среднем по России (5,6 %). Самый высокий усредненный показатель — в Республике Карелия (8,4 %). По динамике уровень бедности всех рассмотренных регионов различается год от года, но на самых низких уровнях он был зафиксирован в 2010–2011 гг. в большинстве из них, а также в 2016 г. В 2020 г. уже в условиях пандемии по сравнению с 2019 г. безработица увеличилась в России (с 4,6 % до 5,8 %), в Республике Карелия (с 7,4 % до 8,7 %), в Республике Коми (с 6,8 % до 7,8 %), в Архангельской области (с 6,3 % до 7,4 %), в Ненецком АО (с 7,9 % до 8,8 %), в Мурманской области (с 5,4 % до 7,7 %) — это самое большое увеличение — на 2,3 п. п. Зарубежные ученые приходят к выводу, что рост безработицы закономерно ведет к сокращению рождаемости. М. Пейдж, Ж. Шаллер и Д. Саймон, анализируя взаимосвязь между уровнем безработицы и уровнем рождаемости обнаружили, что «увеличение уровня безработицы в годовом исчислении на 1,0 % связано со снижением уровня рождаемости на 0,9–2,2 %» [12]. Рост безработицы «увеличивает экономическую неопределенность, влияя на динамику развития домохозяйств и формирование семьи» [13].

Анализ потребительских расходов (на душу населения) показал, что за период 2010–2020 гг. в 2010–2012 гг. они были на низком уровне, что является последствием экономического кризиса России 2008–2009 гг. Далее в 2013 г. было значительное повышение потребительских расходов, потом с 2015 г. новые экономические реалии нашей страны повлекли за собой снижение трат населения. После трех лет падения, в 2018–2019 гг. прослеживался рост потребительских расходов, с приходом пандемии коронавируса потребительские расходы снова сократились в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Хотя во всех регионах европейской части Севера России пониже было меньше, чем в целом по стране (на 8,7 %), оно также зафиксировано на достаточно высоком уровне в Республике Коми — на 8,0 % (с 26 363 руб. до 24 249 руб.) и в Мурманской области — на 6,7 % (с 33 842 руб. до 31 581 руб.). В 2020 г. ниже, чем в среднем по России (27 276 руб.), объем потребительских расходов зафиксирован у жителей Республики Карелия (26 337 руб.) и Республики Коми (24 249 руб.).

По усредненному показателю среднедушевых денежных доходов населения (СДД) за период 2010–2020 гг. наиболее благополучным является Ненецкий АО с превалирующим в экономике добывающим сектором (87 500 руб.), потом идет, но с существенным отрывом от него, Мурманская область — 45 471 руб. В остальных регионах европейской части Севера России СДД немногим выше среднероссийского уровня (36 662 руб.). Ниже СДД только в Республике Карелия (31 563 руб.). После 2010-х по СДД наилучшей ситуация была в 2013 г., наихудшей в 2010 г. и в 2016–2017 гг. Доходы населения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. сократились не во всех регионах европейской части Севера — слабый положительный прирост был в Ненецком АО и Мурманской области. В России, республиках Карелия и Коми, Архангельской области этот показатель сократился. Значительнее, чем у других, спад был в Республике Коми — на 3,0 %, даже выше, чем в среднем по стране (2,4 %).

Показатель годового оборота розничной торговли очень важен в оценке уровня жизни населения, потому что фактически он свидетельствует о покупательной способности населения. Кроме Мурманской области (249 608 руб.), во всех регионах европейской части Севера России усредненный показатель розничного товарооборота (на душу населения, за год) ниже, чем в среднем по России (233 910 руб.), и находится в пределах 203 701 руб. (Республика Карелия) — 230 324 руб. (Архангельская область). Если рассматривать в динамике, во всех изученных регионах более низкий розничный товарооборот наблюдался в 2010 г., более благоприятно выглядела ситуация в 2013–2014 г. В 2016–2020 г. почти не прекращающийся (исключение 2019 г.) наблюдается в Республике Коми, хотя в других рассмотренных регионах в 2017–2019 гг. было видимое повышение показателя. За год пандемии в России и в регионах европейской части Севера России розничный товарооборот на душу населения сократился, за исключением Республики Карелия. Сокращение было наиболее значительным в Республике Коми (на 4,1 %), и оно было даже выше, чем в среднем по России (3,8 %).

Обратимся к результатам эконометрического анализа связи общего коэффициента рождаемости с социально-экономическими индикаторами уровня жизни населения. Так, в Республике Карелия при наблюдении этих индикаторов за 2010–2020 гг. и ОКР за 2011–2021 гг. удалось установить наличие заметной положительной связи между общим коэффициентом рождаемости и оборотом розничной торговли на душу населения:

$$r = 0{,}64 \text{ (}t\text{-критерий Стьюдента равен 2,33).}$$

В Архангельской области также была установлена заметная положительная корреляционная связь между оборотом розничной торговли на душу населения и общим коэффициентом рождаемости:

$$r = 0{,}58 \text{ (}t\text{-критерий Стьюдента равен 2,01).}$$

То есть, если населению приходилось урезать свои потребительские расходы, ограничивать себя в трате денежных средств, то это приводило к снижению рождаемости. Также в Архангельской области установлена заметная положительная корреляционная связь между среднедушевыми денежными доходами и общим коэффициентом рождаемости:

$r = 0{,}59$ (t-критерий Стьюдента равен 2,05).

Интересно, что в Ненецком автономном округе — малочисленном и в то же время более молодом по возрастной структуре населения, благополучном по индикаторам социально-экономического развития, ориентированном на добывающий сектор экономики регионе не получилось установить какой-либо корреляционной связи заложенных в исследование индикаторов с общим коэффициентом рождаемости. Более выгодное экономическое положение компактного Ненецкого АО на фоне других регионов влияет на то, что процессы рождаемости не столь восприимчивы к колебаниям показателей уровня жизни. Немалую роль в Ненецком АО играет этническая компонента, которая продолжает вносить вклад в формирование более высоких показателей рождаемости [14, с. 369–370]. По результатам переписи 2010 г. в Ненецком АО проживало 66,1 % русского населения с рождаемостью 1 644 на тысячу женщин, при этом рождаемость у ненцев, составляющих 18,6 % населения, была существенно выше — 2 146 и у проживающего населения коми национальности (9,0 % от населения) тоже — 2 255 на 1000 женщин[1].

В Республике Коми была выявлена заметная отрицательная связь между общим коэффициентом рождаемости и уровнем безработицы (показателя, полученного по данным выборочных обследований рабочей силы):

$r = -0{,}57$ (t-критерий Стьюдента равен –1,99).

Обратная связь данных показателей свидетельствует о том, что в период 2011–2021 гг. рождаемость в регионе сокращалась вместе с тем, как доля лиц, не занятых в экономике, росла.

Также общий коэффициент рождаемости в Республике Коми имеет заметную положительную связь с показателем розничного товарооборота на душу населения:

$r = 0{,}56$ (t-критерий Стьюдента равен 1,90).

Следовательно, снижение рождаемости является своеобразным ответом населения на сокращение покупательной способности их доходов, которую отражает розничный товарооборот. Причем надо отметить, что в Республике Коми уровень розничного товарооборота является самым низким среди всех рассмотренных регионов. Любопытно, что до 2015 г. включительно по этому показателю республика выглядела весьма успешно

[1] Всероссийская перепись населения 2010. Т. 10. Рождаемость. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

в сравнении с другими регионами, однако с 2016 г. потеряла свои позиции по этому показателю.

В ходе исследования в Мурманской области была также выявлена тесная положительная корреляционная связь между общим коэффициентом рождаемости и розничным товарооборотом на душу населения:

$$r = 0{,}63 \text{ (}t\text{-критерий Стьюдента равен 2,31).}$$

В Мурманской области также была установлена тесная положительная корреляционная связь между ОКР и показателем потребительских расходов на душу населения:

$$r = 0{,}57 \text{ (}t\text{-критерий Стьюдента равен 1,99),}$$

что свидетельствует о высокой роли повышения уровня и качества жизни населения для благоприятного демографического развития.

Заключение

Таким образом, эконометрический анализ показал, что почти во всех регионах европейской части Севера России (за исключением Ненецкого АО) в 2011–2021 гг. динамика розничного оборота имеет положительную связь с общим коэффициентом рождаемости. В Республике Коми также установлена отрицательная связь рождаемости и уровня безработицы, то есть рост одного показателя влечет сокращение другого. В Мурманской области рождаемость и потребительские расходы также имеют значительную положительную взаимосвязь. И, наконец, в Архангельской области динамика среднедушевых денежных доходов населения отражается на динамике общего коэффициента рождаемости. В условиях увеличения рационального фактора при формировании и реализации стратегий репродуктивного поведения важно учитывать, что экономические тенденции, происходящие на уровне всей России и ее отдельных домохозяйств, прямым образом воздействуют на перспективы рождаемости. Сейчас мы видим снижение общего коэффициента рождаемости в России и во всех северных регионах ее европейской части (отличается в выгодную сторону по демографической ситуации Ненецкий АО) и одновременно — ухудшение значимых индикаторов уровня жизни, негативная динамика которых усилились в годы пандемии COVID-19 с 2020 г.

Рекомендовать, что можно сделать для улучшения демографической ситуации, становится очень сложно, главным образом из-за обрушившегося нового пакета санкций в начале 2022 г. из-за рубежа. Населению предстоит реализовывать свои репродуктивные планы в ситуации множественных рисков и неопределенности. Конечно, нужны дополнительные меры поддержки уязвимых категорий населения. Но в условиях высокой инфляции, беспрецедентного роста цен на товары и услуги, закрытия предприятий и торговых точек, которое спровоцирует в дальнейшем сокращение рабочих мест и рост безработицы, девальвации рубля, перекрывания

возможностей для международного торгово-промышленного оборота это потребует от государства как никогда масштабного поворота к потребностям населения и огромных усилий, особенно для бедных регионов страны. Главное, чтобы люди, принимающие решения, были действительно заинтересованы в благополучии народа. Пришло время, когда настала пора накопленные резервы финансовой системы государства расходовать на социальные нужды. Исследование показало, что репродуктивное поведение весьма чувствительно к условиям жизни, а значит, стоит ожидать дальнейших негативных тенденций в рождаемости, если продолжится сохранение и усугубление экономических проблем у нас в стране.

Благодарности

Работа выполнена по теме НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ государственного учета 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

Список источников

[1] *Брюшинкина А. А., Грозина А. В.* Эконометрический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень рождаемости в регионах Российской Федерации // Хроноэкономика. 2019. № 2 (15). С. 53-57.

[2] *Кашепов А. В.* Прогнозирование рождаемости на основе экономических факторов // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 1 (211). С. 48-58. https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10053.

[3] *Трынов А. В., Костина С. Н., Банных Г. А.* Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных // Экономика региона. 2020. Т. 16, Вып. 3. С. 807-819. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020–3-10.

[4] Выявление социально-экономических причин репродуктивного кризиса и прогнозирование воспроизводства населения России методами нелинейной динамики / В. П. Чичканов, А. А. Куклин, Г. П. Быстрай, А. В. Васильева // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 11 (126). С. 125-134.

[5] *Мяготина Е. Д., Невежин В. П.* Влияние уровня безработицы на рождаемость в России // Международный научно-исследовательский журнал. № 4 (94). Ч. 2. С. 30-35. https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.94.4.028.

[6] *Аганбегян А. Г.* Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 2. С. 4-18. https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1.

[7] *Гришина Е. Е.* Эпидемиологический кризис 2020 г. Материальное положение населения и меры поддержки // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 1. С. 15-23. https://doi.org/10.19181/ population.2021.24.1.2.

[8] *Кулькова И. А.* Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. Т. 6, вып. 1 (янв. — март). URL: http://progress-human.com/images/2020/Tom6_1/Kulkova.pdf, свободный. https://doi.org/DOI 10.34709/IM.161.5.

[9] Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / В. К. Левашов [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021.

[10] *Рыбаковский Л. Л., Савинков В. И., Кожевникова Н. И.* Особенности демографического развития России. Прошлое, настоящее, будущее // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43(2). С. 8-18. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-43-2-8-18.

[11] *Аганбегян А. Г., Порфирьев Б. Н., Широв А. А.* О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды ВЭО России. Т. 227. С. 193-213. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-193-213.

[12] *Page M., Schaller J., Simon D.* The Effects of Aggregate and Gender-Specific Labor Demand Shocks on Child Health // The Journal of Human Recourses. 2017. No. 54(1). https://doi.org/10.3368/jhr.54.1.0716.8045R.

[13] *Kreyenfeld M., Andersson G.* Socioeconomic differences in the unemployment and fertility nexus: Evidence from Denmark and Germany // Advances in Life Course Research. 2014. Vol. 21. P. 59–73. https://doi.org/10.1016/j.alcr.2014.01.007.

[14] Зырянова (Шишкина) М. А. Детерминанты рождаемости в северных регионах России: результаты всероссийских переписей населения // Регионология. 2018. Т. 26, № 2 (103). С. 358-383. https://doi.org/10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383.

References

[1] *Bryushinkina A. A., Grozina A. A.* Econometric analysis of the influence of socio-economic factors on the birth rate in the regions of the Russian federation// HronoEconomics. 2019. No. 2(15). Pp. 53-57.

[2] *Kashepov A. V.* Forecasting Fertility Based on Economic Factors // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2019. No. 1(211). Pp. 48-58. https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10053.

[3] *Trynov A. V., Kostina S. N., Bannykh G. A.* Examination of Socio-economic Determinants of Fertility based on the Regional Panel Data Analysis // Economy of Region. 2020. Vol. 16(3). Pp. 807-819. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020–3-10.

[4] Identification of social and economic causes of reproductive crisis and projection of population reproduction in Russia with the help of nonlinear dynamics methods / V. P. Chichkanov, A. A. Kuklin, G. P. Bystray, A. V. Vasiliyeva // Transbaikal State University Journal. 2015. No. 11(126). Pp. 125-134.

[5] *Myagotina E. D., Nevezhin V. P.* Influence of the level of unemployment on birth rate in Russia // International Research Journal. No. 4(94). Part 2. Pp. 30-35. https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.94.4.028.

[6] *Aganbegyan A. G.* How to restore the safety of the people of Russia // Population. 2021. Vol. 24, No. 2. Pp. 4-18. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.1.

[7] *Grishina E. E.* Epidemiological crisis of 2020: financial situation of the population and social support // Population. 2021. Vol. 24, No. 1. Pp. 15-23. https://doi.org/10.19181/ population.2021.24.1.2.

[8] *Kulkova I. A.* The coronavirus pandemic influence on demographic processes in Russia // Human Progress. 2020. Vol. 6(1). January — March. https://doi.org/10.34709/IM.161.5.

[9] Pandemic challenges and the strategic agenda for society and the state: the socio-political situation and demographics in 2021 [monograph] / V. K. Levashov [et al.]; eds. V. K. Levashov, G. V. Osipov, S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya. M.: FCTAS RAS, 2021. 558 p. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021.

[10] *Rybakovsky L. L., Savinkov V. I., Kozhevnikova N. I.* Demographic development in Russia: past, present, future // Social & labour research. 2021. No. 43(2). Pp. 8-18. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-43-2-8-18.

[11] *Aganbegyan A. G., Porfiryev B. N., Shirov A. A.* Recovery from the current crisis and development paths of the Russian economy // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. Vol. 227. Pp. 193-213. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-193-213.

[12] *Page M., Schaller J., Simon D.* The Effects of Aggregate and Gender-Specific Labor Demand Shocks on Child Health // The Journal of Human Recourses. 2017. No. 54(1). https://doi.org/10.3368/jhr.54.1.0716.8045R.

[13] *Kreyenfeld M., Andersson G.* Socioeconomic differences in the unemployment and fertility nexus: Evidence from Denmark and Germany // Advances in Life Course Research. 2014. Vol. 21. Pp. 59–73. https://doi.org/10.1016/j.alcr.2014.01.007.

[14] Zyryanova (Shishkina) M. A. Determinants of birth rate in the Northern regions of Russia: results of the all-Russian population censuses // Regionology. 2018. Vol. 26, No. 2(103). Pp. 358-383. https://doi.org/10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-17
УДК 314
JEL J11, J14, O15

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНЕ И РОССИИ[1]

Е. Г. Калабина [а)], М. Р. Газизова [б)]
[а)] Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия)
[а, б)] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)
[а)] https://orcid.org/0000-0002-3952-7665
[б)] https://orcid.org/0000-0002-7149-5130
Автор для корреспонденции М. Р. Газизова (gazizova-maiya@mail.ru).

Аннотация. *В настоящее время процесс демографического старения населения становится актуальным для Беларуси, Казахстана и России. Предметом исследования выступил процесс старения населения. Гипотеза исследования заключалась в выявлении однонаправленности процессов демографического старения при разнице экономических и социальных условий. Методология исследования состояла в проведении пространственно-временной оценки старения населения на основе данных национальных статистических служб стран с 2014–2020 гг. Особое внимание уделено анализу показателей старения населения: показатели процесса демографического старения населения, показатели причин старения населения, показатели последствия старения населения. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о нарастании демографического старения населения в Беларуси, Казахстана и России. На основе анализа показателей старения населения выявлены различия в интенсивности и причинах процесса старения в странах.*

Ключевые слова: демографическое старение населения, население старших возрастов, масштабы старения, причины старения

Features of Demographic Ageing of the Population in Belarus, Kazakhstan and Russia

E. G. Kalabina [a)], M. R. Gazizova [b)]
[a)] Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)
[a, b)] Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
[a)] https://orcid.org/0000-0002-3952-7665
[b)] https://orcid.org/0000-0002-7149-5130
Corresponding author: M. R. Gazizova (gazizova-maiya@mail.ru).

Abstract. *Currently, the demographic ageing of the population is becoming relevant for Belarus, Kazakhstan and Russia. The present research analyses the process of population ageing. The hypothesis of the study was to identify the unidirectional nature of the processes of demographic ageing in different economic and social conditions. The research methodology includes the spatial and temporal assessment of population ageing based on the data of the national statistical services of the countries for 2014–2020. Particular attention is paid to the analysis of population ageing*

[1] © Калабина Е. Г., Газизова М. Р. Текст. 2022.

indicators: indicators of demographic population ageing, indicators of the causes of population ageing, indicators of the consequences of population ageing. The conducted research demonstrated an increase in demographic population ageing in Belarus, Kazakhstan and Russia. Based on the analysis of population ageing indicators, the differences in the intensity and causes of the ageing process in the countries are revealed.

Keywords: demographic ageing of the population; elderly population; scale of ageing; causes of ageing

Введение

Сегодня в мире происходят процессы демографического старения населения, обусловленные ростом численности старших возрастных групп. Следует отметить, что группа населения 65+ является самой быстрорастущей и, согласно прогнозам экспертов Организации Объединенных Наций, к 2050 г. доля данной возрастной когорты может увеличиться до 21 % [1].

Демографические трансформации в сторону увеличения численности населения старших возрастов наблюдаются не только в развитых странах, но и развивающихся, в том числе и в странах Таможенного союза Евразийского экономического союза (рис. 1–3).

Статистические данные свидетельствуют о росте численности населения старших возрастов, тем самым актуализируя демографическое старение населения в исследуемых странах. Динамические изменения численности населения 65+ в Беларуси и России значительнее, чем в Казахстане. Нельзя не подчеркнуть, что процесс старения населения — относительно новое явление для Казахстана [2], при этом сегодня доля людей старшего поколения в общей численности населения Казахстана показывает устойчивый рост и, согласно прогнозам экспертов ООН, в 2030 г. данный индикатор будет на уровне более 14 %, а к 2050 г. составит около 18 %.

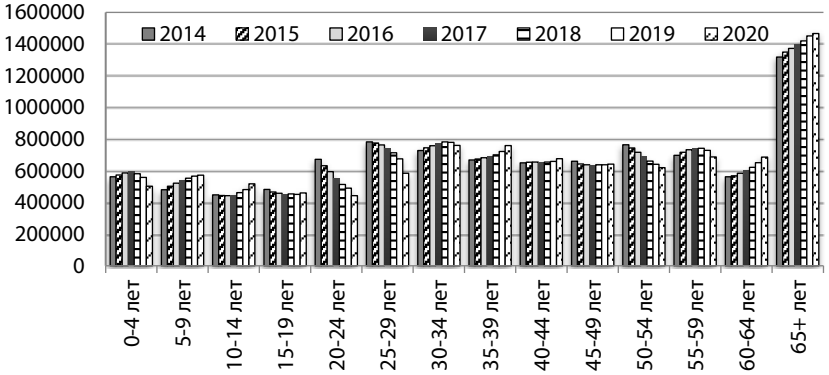


Рис. 1. *Распределение населения Республики Беларусь по возрастным группам за 2014–2020 гг., чел. (источник: Официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 15.04.2022))*

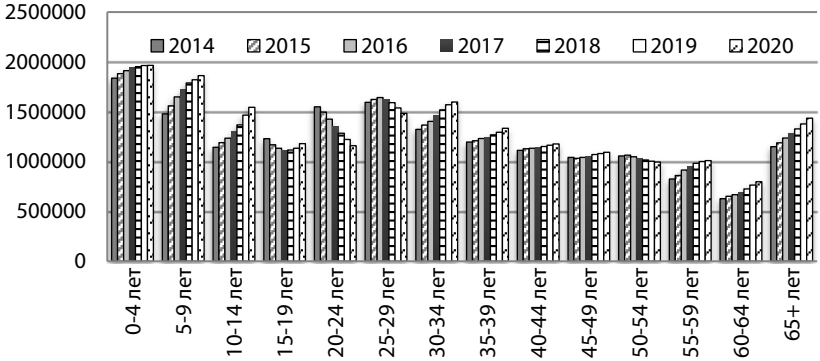


Рис. 2. *Распределение населения Республики Казахстан по возрастным группам за 2014–2020 гг., чел. (источник: Официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 15.04.2022))*

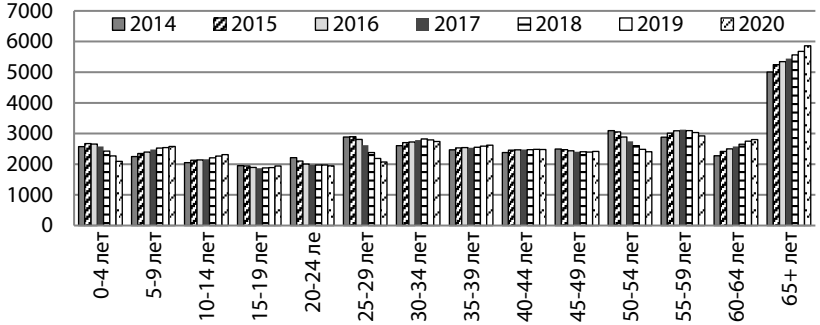


Рис. 3. *Распределение населения Российской Федерации по возрастным группам за 2014–2020 гг., тыс. чел. (источник: Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.04.2022))*

Таким образом, демографические изменения порождают необходимость выявления особенностей старения населения в Беларуси, Казахстане и России.

Цель исследования — изучение особенностей старения населения в Беларуси, Казахстане и России на основе пространственно-временной оценки масштабов и интенсивности данного процесса.

Обзор литературы

В потоке научных публикаций, посвященных исследованию процесса старения населения, можно выделить направления, которые охватывают социально-экономические аспекты старения населения

(Р.И. Капелюшников, И.Е. Калабихина, С.И. Кузин, Н.Н. Пономарева, А.В. Юревич и др.), методологию оценки масштабов старения населения (В.А. Черешнев, Е.В. Чистова, Е.А. Антипова и др.), особенности трудовой деятельности населения старших возрастов (В.Е. Гимпельсон, В.Ю. Ляшок, А.Н. Челомбитко, В.Н. Барсуков, М.Г. Колосницына и др.).

Работы российских и зарубежных ученых, посвященные исследованию демографического старения населения, охватывают широкий спектр вопросов, тем не менее, сравнительный анализ особенностей старения населения по странам Таможенного союза ЕАЭС недостаточно изучен.

Материалы и методы

Исследования опирались на изучение показателей старения населения: показатели процесса демографического старения населения, показатели причин старения населения, показатели последствия старения населения.

Для измерения демографического старения населения используются различные показатели, одним из них является определение доли пожилого населения в общей численности [3]:

$$k_x = \frac{P_x}{P}100, \tag{1}$$

где k_x — коэффициент старения населения; x — возраст начала старости, лет; P_{x+} — численность лиц в возрасте x лет и старше, чел.; P — общая численность населения, чел.

Условной границей принимается возрастной рубеж старше 60 или 65 лет. Для оценки процесса демографического старения населения использовались следующие показатели:

1) шкала, разработанная Ж. Боже-Гарнье и Э. Россетом, где в качестве измерения используется доля населения 60 лет и старше;

2) трехступенчатая шкала ООН, где для оценки старения населения используется доля лиц старше 65 лет;

3) для оценки интенсивности процессов демографического старения применен синтетический коэффициент, который разработал З. Длугож. Данный показатель отображает изменения доли населения возрастных групп 0–14 и 65+ в исследуемом периоде [4]:

$$W_{SD} = \left[U_{(0-14)t} - U_{(0-14)t+n}\right] + \left[U_{(>65)t+n} - U_{(>65)t}\right], \tag{2}$$

где W_{SD} — индекс старения; $U_{(0\text{-}14)t}$ — доля населения 0–14 лет в начале исследуемого периода; $U_{(0-14)t+n}$ — доля населения 0–14 лет в конце исследуемого периода; $U_{(>65)t+n}$ — доля населения 65+ в конце исследуемого периода; $U_{(>65)t}$ — доля населения 65+ в начале исследуемого периода;

4) классификация стадий демографического старения от ранней молодости до очень глубокой старости, разработанная Г. Пеневым на основе

значений 5 показателей (средний возраст, доля населения до 20 лет, доля населения до 40 лет, доля населения 60+, индекс старения) [5];

5) традиционные показатели старения населения: индекс старения, индекс глубины старения, индекс Биллетера, доля самых старых, соотношение полов старших возрастов [6].

Для определения причин старения населения проанализированы такие факторы, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, суммарный коэффициент рождаемости (число детей на одну женщину) и показатели миграции населения.

В качестве показателей последствий старения рассмотрены коэффициенты общей демографической нагрузки и коэффициенты нагрузки пожилыми.

Информационной базой исследования являются данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан и Федеральной службы государственной статистики РФ, а также официальные данные Евразийской экономической комиссии, Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам населения, отчеты Всемирного банка по вопросам старения населения.

Результаты

Согласно шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье — Э. Россета, Казахстан с 12,0 % в 2020 г. населения старше 60 лет находится собственно в преддверии старости, для Беларуси и России характерен очень высокий уровень демографической старости в 2020 г. (22,4 и 23,2 % соответственно).

Согласно демографической шкале ООН, население Казахстана находится на пороге старости, в 2020 г. доля населения 65+ составила 7,7 %, а Беларусь (15,8 %) и Россия (15,5 %) являются странами со «старым населением», что превышает установленную шкалу демографического старения на 8 %.

Показатели старения населения в рассматриваемых странах демонстрируют устойчивый рост. Нельзя не отметить высокие, по сравнению с другими странами, позиции показателей Беларуси. Так, в 2020 г. индекс старения в Беларуси составил 92,2 %, в России 68,2 %, в Казахстане 26,7 %. Коронавирусная пандемия внесла свои коррективы, и, как следствие, в 2020 г. в России наблюдается снижение показателей старения населения, так как данная возрастная группа подвергается большему риску заболевания от COVID-19. Следует подчеркнуть, что в Казахстане самые низкие показатели старения населения и по сравнению с другими странами имеет положительный индекс Биллетера, то есть доля населения 0–14 лет превышает доли населения 50+ (табл. 1).

Анализ показателей демографического старения населения согласно, классификации Г. Пенева, в Беларуси, Казахстане и России за 2014–2020 гг.

Таблица 1

Динамика показателей старения населения в Беларуси, Казахстане и России за 2014–2020 гг.

Год	Доля населения 60+, %	Доля населения 65+, %	Доля самых старых (80 лет и старше), %	Индекс глубины старения (80+/65+)	Индекс Биллетера	Индекс старения, %	Число женщин на 100 мужчин в возрастах 65 лет и старше
Беларусь							
2014	20,0	14,1	3,5	0,249	–40,2	88,7	213
2015	20,4	14,3	3,5	0,246	–40,9	88,7	197
2016	20,8	14,3	3,6	0,248	–38,7	88,4	209
2017	21,3	14,7	3,6	0,247	–41,8	87,7	207
2018	21,8	15,0	3,7	0,250	–41,8	88,6	205
2019	22,4	15,3	3,8	0,251	–42,5	90,2	203
2020	29,5	20,1	4,9	0,247	–43,1	92,2	202
Казахстан							
2014	10,3	6,7	1,1	0,169	9,2	25,8	183
2015	7,1	6,8	1,1	0,166	10,0	25,7	182
2016	7,3	7,0	1,1	0,163	10,7	25,8	182
2017	7,4	7,1	1,2	0,172	11,5	25,8	181
2018	7,6	7,3	1,3	0,182	12,0	26,0	180
2019	7,8	7,5	1,4	0,191	12,4	26,2	229
2020	8,0	7,7	1,5	0,196	13	26,7	179
Россия							
2014	19,6	13,3	3,0	0,227	–37,1	81,1	212
2015	20,1	13,7	3,1	0,223	–37,3	81,3	210
2016	20,5	14,1	3,2	0,224	–37,3	81,6	207
2017	21,0	14,4	3,3	0,231	–3,73	82,4	205
2018	21,5	14,8	3,6	0,240	–37,2	83,9	203
2019	21,8	15,0	3,7	0,245	–37,5	84,7	202
2020	18,9	12,1	3,9	0,321	–30,8	68,2	179

Источники: Официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.04.2022).

позволяет сделать следующие выводы: за исследуемый период в Беларуси и в России преобладала глубокая старость, а в Казахстане стадия старения — зрелость (табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателей демографического старения населения по Г. Пеневу в Беларуси, Казахстане и России за 2014–2020 гг.

Год	Средний возраст населения	Доля населения до 20 лет, %	Доля населения до 40 лет, %	Доля населения 60+, %	Индекс старения	Стадии старения
Беларусь						
2014	39,9	20,9	50,8	20,0	0,88	Старость
2015	40,0	21,6	51,2	20,4	0,88	Глубокая старость
2016	40,1	21,3	50,5	20,8	0,88	Глубокая старость
2017	40,2	21,4	50,1	21,3	0,88	Глубокая старость
2018	40,3	21,6	49,8	21,8	0,89	Глубокая старость
2019	40,5	21,8	49,5	22,4	0,90	Глубокая старость
2020	40,7	28,1	63,1	29,5	0,92	Старость
Казахстан						
2014	31,5	33,1	66,1	10,3	0,26	Порог старости
2015	31,6	33,3	66,0	7,1	0,26	Зрелость
2016	31,6	33,5	65,8	7,3	0,26	Зрелость
2017	31,7	33,9	65,6	7,4	0,26	Зрелость
2018	31,8	34,3	59,1	7,6	0,26	Порог старости
2019	31,9	34,7	65,3	7,8	0,26	Зрелость
2020	31,9	35,2	65,1	8,0	0,27	Порог старости
Россия						
2014	39,4	21,2	52,1	19,6	0,81	Старость
2015	39,5	21,5	51,9	20,1	0,81	Глубокая старость
2016	39,6	21,8	51,7	20,5	0,82	Глубокая старость
2017	39,7	22,1	51,4	21,0	0,82	Глубокая старость
2018	39,8	22,3	51,1	21,5	0,84	Глубокая старость
2019	40,0	22,4	50,9	21,8	0,85	Глубокая старость
2020	40,2	22,6	50,5	18,9	0,68	Глубокая старость

Окончание табл. 2 на след. стр.

Окончание табл. 2

Источники: Официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.04.2022).

В результате комплексной оценки синтетического коэффициента старения населения (З. Длугож) за 2014–2020 гг. позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования:

— в Беларуси индекс старения составил *WSD* = 11,9, что означает тенденцию и интенсивность старения;

— в Казахстане индекс старения составил *WSD* = –1,9, что означает тенденцию и интенсивность омоложения;

— в России индекс старения составляет *WSD* = 0,42 что означает тенденцию и интенсивность старения.

Существует несколько основных факторов, которые влияют на процесс демографического старения населения: рост продолжительности жизни и уменьшение рождаемости. Такие факторы, как улучшение условий жизни, улучшение гигиены, профилактическое медицинское обслуживание и медицинские достижения, частично объясняют рост ожидаемой продолжительности жизни (рис. 4).

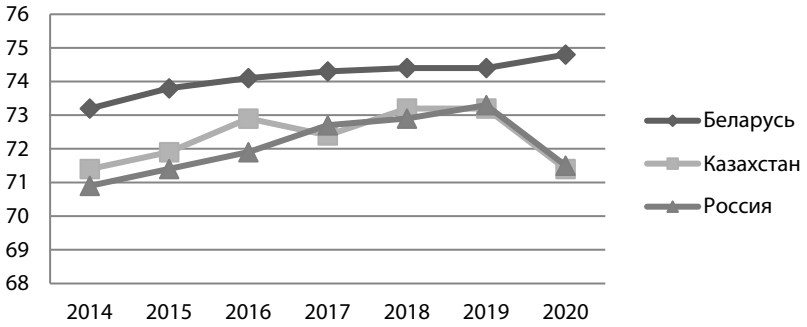


Рис 4. *Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Беларуси, Казахстана и России за 2014– 2020 гг. (источники: Официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.04.2022))*

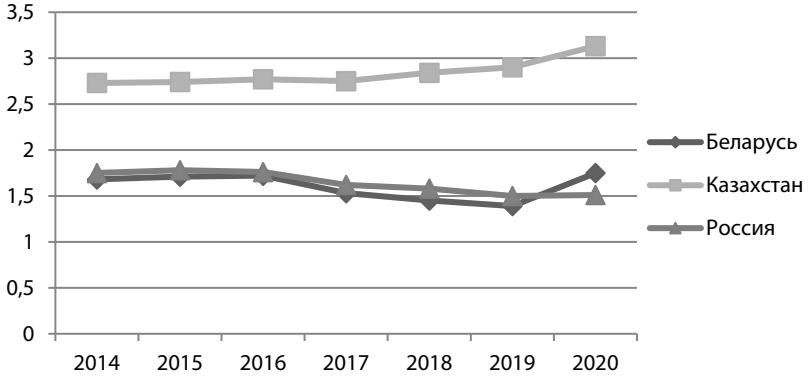


Рис 5. *Динамика суммарного коэффициента рождаемости (число детей на одну женщину) в Беларуси, Казахстана и России за 2014–2020 гг. (источники: Официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.04.2022))*

Старение население связано с заметным снижением рождаемости и снижением смертности в старших возрастных группах. Снижение рождаемости обычно является основной причиной старения, а снижение смертности усугубляет этот эффект. Показатели рождаемости являются факторами, обуславливающими демографическое старание населения (рис. 5).

Показатели рождаемости в данных странах отличаются. Так, в Казахстане общий коэффициент рождаемости выше, чем в других странах Таможенного союза. Для России и Беларуси характерна одинаковая тенденция данного показателя. Таким образом, на процесс старения населения в России и Беларуси значительно влияют явные более негативные тенденции в динамике рождаемости, чем в Казахстане.

Кроме вышеназванных факторов, на уровень старения населения влияют миграционные процессы (рис. 6).

Нельзя не отметить, что в Казахстане наблюдается отрицательное сальдо миграции, в идет значительный отток населения в трудоспособном возрасте, и с каждым годом данный показатель возрастает, тем самым увеличивая долю населения старших возрастов в стране.

Снижение доли рабочей силы в общей численности населения влечет за собой увеличение нагрузки экономически неактивного населения на активное [7] (рис. 7).

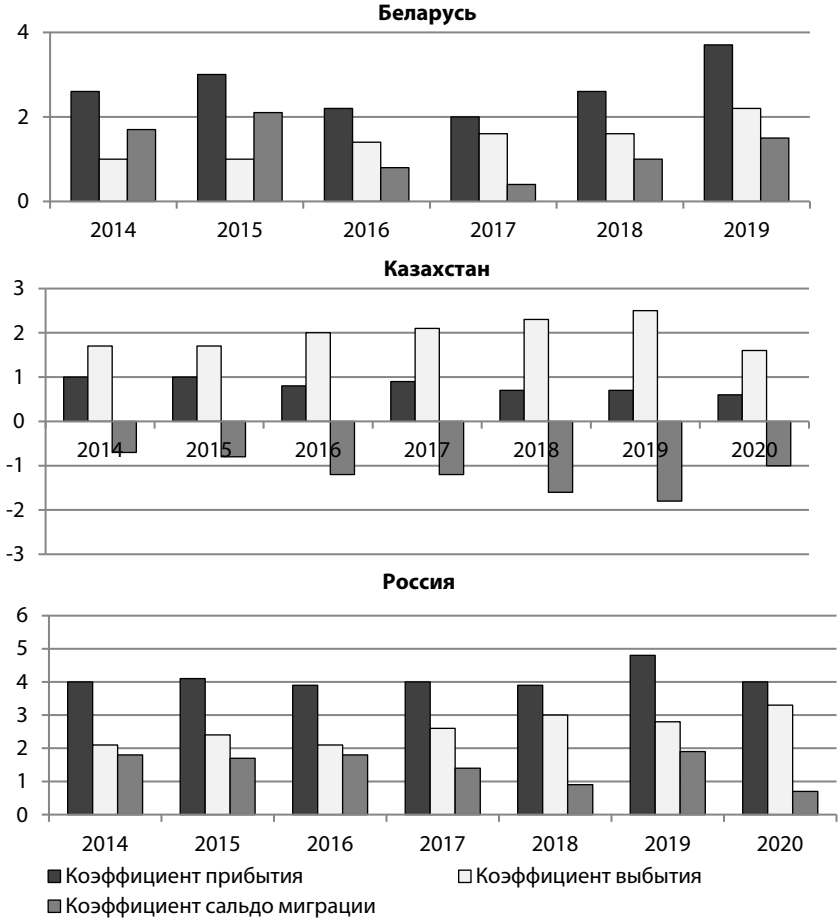


Рис. 6. *Динамика коэффициентов прибытия, выбытия, сальдо внешней миграции (чел. на 1000 чел. населения) в Беларуси, Казахстане и России за 2014–2020 гг. (источники: Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. 70 с.; Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2019. 42 с.)*

За исследуемый период наблюдается рост демографической нагрузки на трудоспособное население, обусловленные повышением численности населения старших возрастов.

Таким образом, можно выделить следующие особенности демографического старения населения в Беларуси, Казахстане и России:

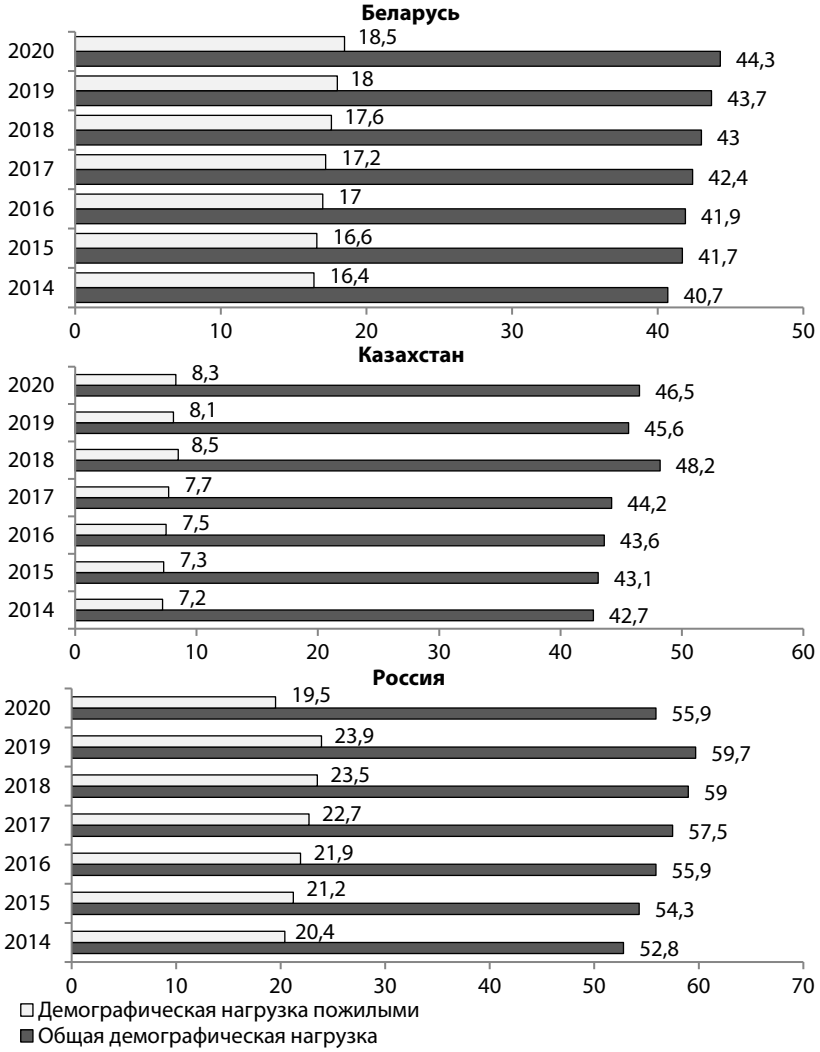


Рис. 7. *Динамика показателей демографической нагрузки в Беларуси, Казахстане и России за 2014–2020 гг. (источники: Официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 15.04.2022); Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.04.2022))*

— масштабы демографического старения населения в Беларуси, Казахстане и России возрастают, что является отражением глобальных тенденций;

— интенсивность старения населения в трех странах дифференцирована, так, население Беларуси и России стареет быстрее, чем население Казахстана;

— на процесс старения населения в России и Беларуси значительно влияют негативные тенденции в динамике рождаемости, а в Казахстане отрицательное — сальдо миграции населения в трудоспособном возрасте, увеличивающее долю населения старших возрастов во всех трех странах.

Заключение

Изменение возрастной структуры общества в сторону увеличения доли пожилого населения в общем его составе — тенденция, характеризующая демографическую ситуацию во всех развитых странах. Процесс этот долговременный, отражающий объективную реальность, и наиболее значительный по своим социальным и экономическим последствиям. Рассматривая процесс старения населения как в целом прогрессивное явление в жизни общества, следует полнее учитывать все последствия происходящих демографических изменений, чтобы сделать этот процесс фактором общественного развития страны, способным влиять на ускорение социально-экономического прогресса. Поэтому основная задача сегодняшнего дня — поиск путей для учета этого процесса в общественной практике при планировании и прогнозировании социального развития и социальной политики на ближайшую и долгосрочную перспективу. Старение населения ставит перед обществом необходимость решения многих социальных проблем [8]. Напрямую они связаны с необходимостью активного вовлечения в продуктивную трудовую деятельность населения старших возрастов. Продуктивная трудовая занятость населения старших возрастов становится драйвером решения вопросов, возникающих с демографическим старением населения. Возрастание значимости населения старшего возраста на рынке труда обусловливает создание благоприятных условий для реализации его ресурсного потенциала [9].

Список источников

[1] *Bussolo M., Koettl J., Sinnott E.* Golden Aging: Prospects for Healthy, Active, and Prosperous Aging in Europe and Central Asia. Washington, DC: World Bank, 2015. https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0353-6.

[2] *Сарсембаева Р. Б., Кусмангалиева Ж. Д.* Положение пожилых людей в Казахстане: текущее состояние и перспективы // Central Asian Economic Review. 2010. № 5. С. 419-425.

[3] *Черешнев В.А., Чистова Е.В.* Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 12

(471). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-regionalnyh-osobennostey-stareniya-naseleniya-rossii (дата обращения: 31.03.2022).

[4] *Антипова Е.А.* Демографическое старение населения Республики Беларусь: пространственно-временная динамика и региональные тренды в контексте устойчивого развития // Белорусский экономический журнал. 2017. № 4. С. 129-146.

[5] *Чистова Е.В.* Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне / Е. В. Чистова // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 489-496.

[6] Демографическое старение в Республике Беларусь: вызовы и новые возможности: Аналитический обзор / И. Калабихина, Н. Красовская, Н. Калмыкова; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». Минск: Белсэнс, 2018. 47 с.

[7] Population and labour force projections for 27 European countries, 2002-052: impact of international migration on population ageing / J. Bijak, D. Kupiszewska, M. Kupiszewski et al. // Eur J Population. 2007. Vol. 23(1). https://doi.org/10.1007/s10680-006-9110-6.

[8] Государственная социальная поддержка пожилых граждан. [Электронный ресурс]. URL: http://mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/gosudarstvennaja-sotsialnaja-podderzhka-pozhilyx-grazhdan-_2882 (дата обращения: 19.03.2022).

[9] *Калабина Е. Г., Газизова М. Р., Хусаинова Ж. С.* Структурная динамика занятости населения старшего возраста стран — участниц Евразийского экономического союза // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 842-854. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-9.

References

[1] *Bussolo M., Koettl J., Sinnott E.* Golden Aging: Prospects for Healthy, Active, and Prosperous Aging in Europe and Central Asia. Washington, DC: World Bank, 2015. https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0353-6.

[2] *Sarsembayeva R. B., Kusmangalieva Zh. D.* The situation of elderly people in Kazakhstan: current state and prospects // Central Asian Economic Review. 2010. No. 5. Pp. 419-425.

[3] *Chereshnev V. A., Chistova E. V.* Determination of regional aspects of population aging in Russia // Economic analysis: theory and practice. 2017. No. 12(471). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-regionalnyh-osobennostey-stareniya-naseleniya-rossii (accessed on 31.03.2022).

[4] *Antipova E. A.* Demographic aging in the republic of Belarus: space-temporal dynamics and regional trends in the context of sustainable development // Belarusian Economic Journal. 2017. No. 4. Pp. 129-146.

[5] *Chistova E. V.* The approach to defining the stage of demographic aging of the population of region // Proceedings of the VIII Ural Demographic Forum “Demographic potential of the EAEU countries” (vol. 2). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. Pp. 489-496.

[6] Demographic ageing in the Republic of Belarus: Challenges and new opportunities: analytical report / I. Kalabikhina, N. Krasovskaya, N. Kalmykova; Project “Support

for the implementation of the National Demographic Security Program of the Republic of Belarus". Minsk: Belsens, 2018. 47 p.

[7] Population and labour force projections for 27 European countries, 2002-052: impact of international migration on population ageing / J. Bijak, D. Kupiszewska, M. Kupiszewski et al. // Eur J Population. 2007. Vol. 23(1). https://doi.org/10.1007/s10680-006-9110-6.

[8] State social support for senior citizens. URL: http://mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/gosudarstvennaja-sotsialnaja-podderzhka-pozhilyx-grazhdan-_2882 (accessed on 19.03.2022).

[9] *Kalabina E. G., Gazizova M. R., Khusainova Zh. S.* Structural Dynamics of Employment of Older People in the Eurasian Economic Union Countries // Economy of region. 2021. Vol. 17, No. 3. Pp. 842-854. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-9.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-18
УДК 331.5
JEL J11, J13

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ РОССТАТА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОЙ ЗАНЯТОСТИ НА РОЖДАЕМОСТЬ[1]

В. А. Катаев [а], Н. В. Тонких [б], А. В. Бабинцева [в]
УрГЭУ (г. Екатеринбург, Россия)
[а] https://orcid.org/ 0000-0003-4844-5378
[б] https://orcid.org/0000-0003-2957-7607
[в] https://orcid.org/0000-0002-4012-7132
Автор для корреспонденции: Н. В. Тонких (nvvorob1@mail.ru)

Аннотация. *Предметом исследования является статистическая практика Росстата по измерению занятости населения. Целевой фокус направлен на вычленение метрик, возможных к использованию при разработке модели анализа влияния цифровой занятости на рождаемость населения. В работе представлены авторское толкование понятия «цифровая занятость» и группировка цифровой занятости по формам. Авторская позиция послужила концептуальной основой выполнения цели. Основной метод исследования — критический контент-анализ методологических, нормативно-справочных и информационных ресурсов по предмету исследования. В результате работы определены основные метрики цифровой занятости, измеряемые в российской практике обследования рабочей силы. Выделены два блока метрик по укрупненным формам цифровой занятости (стандартная и нестандартная). Выдвинута гипотеза о разнонаправленном влиянии разных форм цифровой занятости на показатели рождаемости.*

Ключевые слова: цифровая занятость, рождаемость, государственная статистика, демография, женская занятость

Critical Assessment of the Capabilities of Rosstat to Create a Model for Analysing the Impact of Digital Employment on Fertility

V. A. Kataev [a], N. V. Tonkikh [b], A. V. Babintseva [c]
Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)
[a] https://orcid.org/0000-0003-4844-5378
[b] https://orcid.org/0000-0003-2957-7607
[c] https://orcid.org/0000-0002-4012-7132
Corresponding author: N. V. Tonkikh (nvvorob1@mail.ru).

Abstract. *The paper examines the statistical practice of the Federal State Statistics Service (Rosstat) in measuring employment. The study aimed to determine the metrics that can be used to develop a model for analysing the impact of digital employment on fertility of the population. The paper presents the authors' interpretation of the concept of «digital employment», grouping it into forms. This position served as a conceptual basis for achieving the goal. The main research method is a critical content analysis of relevant methodological, reference and information re-*

[1] © Катаев В. А., Тонких Н. В., Бабинцева А. В. Текст. 2022.

sources. As a result, the main metrics of digital employment, measured in the Russian practice of labour force surveys, were determined. Two blocks of metrics were identified, measured by two aggregated forms of digital employment: standard and non-standard. A hypothesis has been put forward about the multidirectional influence of various forms of digital employment on fertility.

Keywords: digital employment; fertility; state statistics; demography; female employment

Введение

Развитие цифровых технологий коммуникаций, управления занятостью и другими экосистемами жизнедеятельности человека существенно отражается на ценностях и мотивационно-поведенческих установках народонаселения. Пандемия стремительно ускорила цифровую трансформацию. Цифровые технологии обсуждаются двояко: в плюсовом и минусовом значении. В первом случае цифровизация воспринимается как инструмент научно-технологического прогресса, роста производительности труда и эффективности экономики. Во втором случае в цифровизации видят угрозу, заключающуюся в социально-психологических рисках для благополучия жизнедеятельности человечества.

Современные исследования демографической ситуации в регионах России показывают обострение ситуации в области рождаемости в связи с пандемией, свидетельствуют о высокой роли поведенческих факторов в дальнейшем разворачивании демографических событий [1].

По авторской гипотезе цифровизация занятости может привести к изменениям стиля жизни родителей (потенциальных родителей), а следовательно, может отразиться на механизме формирования репродуктивного поведения.

Данное влияние скорее всего будет разнонаправленным в зависимости от вида и типа цифровой занятости. Если речь идет о дистанционной или частично дистанционной (гибридной) занятости, то влияние будет скорее положительным, в сторону роста рождаемости. Наши предыдущие исследования подтверждают вероятность такого развития демографических событий [2]. Если мы говорим о росте занятых в IT-секторе, о цифровой трансформации содержания работы в других секторах без изменения ее характера (трудовой договор стандартный, с рабочим местом на территории работодателя), то в данном случае влияние будет либо минимальным, либо отрицательным.

Целью настоящего исследования является критическая оценка, отбор основных статистических метрик цифровой занятости, которыми располагает Росстат для дальнейшей разработки модели анализа влияния цифровой занятости на рождаемость.

Обзор литературы и статистики

Анализ публикаций по цифровой занятости выявил, что вопросы организации статистического наблюдения за цифровой занятостью являются

слабо разработанной областью научных исследований. К примеру, поисковый запрос на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru «статистика цифровой занятости» отобразил 34 публикации из 39 304 490, находящихся в базе данных библиотеки на момент запроса (15.05.2022). Контент анализ размещенных полных текстов и аннотаций «закрытых» текстов позволил сделать вывод, что по существу ни одна из этих 34 публикаций вопросы методики и методологии статистического учета цифровой занятости не раскрывает. Запрос «статистическое измерение цифровой занятости» отобрал 5 публикаций, среди которых не обнаружилось тех, где бы действительно раскрывалась запрашиваемая тематика. По запросу «состояние статистики цифровой занятости» найдено 4 публикации (контент запрашиваемый вопрос не отражает). Внушительный список публикаций получен по результатам запроса «Цифровые профессии»: 1677 из 39 304 490. Выборочный контент-анализ названий и аннотаций каждой тридцатой публикации показал, что в основном обсуждаются следующие темы: новые цифровые компетенции; цифровизация традиционных профессий (например: бухгалтер, экономист, специалист по управлению персоналом), появляющиеся и будущие цифровые профессии, «умирающие» цифровые профессии, обучение новым цифровым навыкам, структурная перестройка занятости и безработица в связи с цифровизацией. Публикаций по методологическим вопросам статистического наблюдения занятости по цифровым профессиям не обнаружилось.

Методологические вопросы статистического наблюдения занятости отражены в нормативно-справочной информации Федеральной службы государственной статистики России в разделе «Совершенствование методологии по отраслям статистики», подраздел «Труд и занятость». Для целей нашего исследования наибольший интерес представляют «методология статистического наблюдения за численностью работников, заработной платой и использованием рабочего времени» и «основные методологические и организационные положения по проведению выборочного обследования рабочей силы».[1] Вопросы статистического наблюдения и учета цифровой занятости в обозначенных документах пока отражены крайне слабо. Однако Федеральная служба государственной статистики России находится в состоянии системной цифровой трансформации. Пользователи официального сайта Росстата получают широкий доступ к основным результатам статистических обследований населения, рабочей силы, предприятий и других объектов статистического наблюдения. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) в цифрах: 8140 показателей, 65 ведомств, 5726 посетителей в день, 21 825 посетителей в неделю.[2] Сайт обновляется, появились цифровые инструменты отбора данных, появился раздел BI статистики.

---

[1] Методологические разработки Росстата // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://gks.ru/bgd/free/meta_2010/Main.htm (дата обращения 15.05.22).

[2] Информационное общество // Федеральная служба государственной статистики.

Развитие цифровых технологий работы службы государственной статистики продолжается, действуют секции научно-методических советов. В частности, на заседании секции статистики науки, инноваций, образования и информационного общества 09.04.2021 обсуждались вопросы совершенствования измерения рынка труда в связи с цифровизацией экономики. В докладе директора Центра статистики труда и заработной платы Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ А.В. Демьяновой обозначены проблемы и предложения по совершенствованию статистического измерения влияния цифровизации на рынок труда[1]. Положения данного доклада отражены в результатах нашего исследования.

Материалы и методы

Критический анализ наблюдаемых в статистическом учете метрик цифровой занятости проводился методом кабинетного исследования. А именно, применялся контент-анализ методологических, нормативно-справочных и информационных ресурсов, опубликованных на официальном электронном сайте Федеральной службы государственной статистики. Применялись методы логического и социально-экономического анализа материалов статистических сборников: «Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)» [3]; сборников «Цифровая экономика: краткий статистический сборник» [4–8]. Выбор метрик цифровой занятости проводился с использованием материалов доклада А.В. Демьяновой [9]. При проведении критической оценки указанных материалов мы исходили из следующего понимания сущности термина «цифровая занятость». Цифровая занятость — это занятость при которой в организации труда для получения / передачи объемов работ применяются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и / или ИКТ являются результатом и / или инструментом выполнения трудовой функции. То есть, способы применения ИКТ могут отличаться в зависимости от формы занятости. В формате дистанционной занятости ИКТ применяются для получения и передачи выполненного объема работ, содержание самой работы может быть не связанным с созданием IT-продуктов (программ, информационных систем, и т. д.). В формате стандартной занятости (рабочее место у работодателя, 40-часовая рабочая неделя, бессрочный трудовой договор) к цифровой занятости относится рабочая сила, у которой информационно-коммуникационные технологии являются результатом труда или применяются как инструмент выполнения рабочей функции.

URL:https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity/publications (дата обращения 15.05.2022).

[1] Как оценить стоимость информации и измерить рынок труда: международные сопоставления и российский опыт // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12943/document/120346 (дата обращения 15.05.2022).

Результаты

В открытых источниках официальной статистики были отобраны метрики, которые можно использовать для оценки объемов и гендерной структуры цифровой занятости, а также метрики, применение которых возможно при проведении сопоставительной оценки среднего уровня семейного благополучия занятых в экономике с уровнем семейного благополучия занятых в цифровой экономике (табл. 1).

В строке 1 таблицы 1 включены показатели занятости, относящиеся только к двум видам экономической деятельности, где высока интенсивность использования ИКТ. По другим видам деятельности необходимо уточнение доли занятых с использованием ИКТ. По нашему мнению, для оценки уровня цифровой занятости больше подходит показатель занятых по группам занятий (строчка 2), в докладе А. В. Демьяновой отмечается, что для определения «цифровой зрелости» экономики целесообразно совершенствование методики оценки использования ИКТ по профессиональным группам. В настоящее время оценка возможна на совместных данных форм 1–3 и 1-ИТ, но есть ограничения, связанные с тем, что доступные практики использования ИКТ не позволяют выделить действия, выполняемые на работе. Предлагается выбрать меру ИКТ-интенсивности, определить частоту разработки данных. К профессиональным группам интенсивного использования ИКТ относятся группы ОКN№-2014: Специалисты по ИКТ (133, 251, 252, 2152, 2153, 2166, 2434, 351, 352, 3114, 742), другие профессии, связанные с интенсивным использованием ИКТ (121, 122, 134, 215, 216, 231, 241, 242, 243) [9].

За последнее время все больше россиян выбирает профессии, связанные с цифровыми технологиями. По результатам опросов ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2020 г. в ИКТ-интенсивных профессиях были заняты 9,2 млн чел. (13 % от общей численности занятых). За год показатель вырос более чем на 6 %. Среди них почти каждый пятый (19,3 %) специализируется на ИКТ. 80,7 % — другие специалисты, интенсивно использующие ИКТ. В России доля специалистов по ИКТ в общей численности занятых выросла в 2020 г. до 2,5 % (+0,2 п. п.), других специалистов, интенсивно использующих ИКТ — до 10,5 % (+0,8 п. п.). Несмотря на продолжающийся рост, отставание по данному показателю от большинства европейских стран значительное.

Основная возрастная группа специалистов по ИКТ приходится на возраст 15–29 лет (27,9 %) и 30–39 лет (39,5 %). Это означает, что социальный портрет рабочей силы цифровой экономики в основном определяют люди поколения *Z* (малочисленные поколения 1990–2000 года рождения).

Больше всего занятых в ИКТ-профессиях специалистов финансовой деятельности, специалистов в области администрирования и специалистов по маркетингу (табл. 2).

Согласно данным статистического справочника Цифровая экономика: 2022, Россия находится на первом месте в сравнении с другими странами

Таблица 1

Перечень метрик, возможных к включению в модель анализа влияния цифровой занятости на рождаемость

	Показатель	Применение в аналитической модели
1	Занятость по видам экономической деятельности. — численность занятых в деятельности в области информации и связи, тыс. чел. всего; мужчины; женщины — доля занятых в деятельности в области информации и связи, % всего; мужчины; женщины — численность занятых в деятельности финансовой и страховой, тыс. чел. — доля занятых в деятельности финансовой и страховой, % — доля занятых в деятельности финансовой и страховой, %	Данные виды экономической деятельности относятся к видам с интенсивным применением ИКТ. Показатель возможно применять в модели для выявления зависимостей между уровнем распространенности занятости в области информации и связи с уровнем рождаемости Возможно проведение гендерных оценок Более того, возможно проведение повозрастных особенностей, так как есть разбивка состава численности по возрастам Однако в составе показателя есть численность занятых, которые слабо используют ИКТ в своей работе. Например, в издательскую деятельность, входящую входит печатная форма издания
2	Численность и структура занятых по полу и группам занятий, тыс. чел., % — специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) высшего и среднего уровня квалификации	Численность данной категории занятых можно отнести к цифровой занятости на 100,0 %. Это специалисты, чья работа связана с интенсивным использованием ИКТ. Численность специалистов и служащих других групп занятий, где высока вероятность применения ИКТ может относиться к цифровой занятости частично
3	Численность занятых на основе трудового договора о дистанционной работе, тыс. чел.	Дает оценку цифровой занятости относимой к нестандартным формам занятости. Показатель не совершенен, не отражает реальную численность занятых удаленно. В 2018 году лишь 0,011 % трудовых договоров были оформлены официально как дистанционные
4	Структура занятых по семейному положению, % всего; мужчины; женщины	Показатель позволит выявить возможные отклонения в семейном статусе в группы занятых в цифровой экономике. Возможно проведение гендерных оценок

Источник: [3].

по количеству специалистов ИКТ моложе 35 лет и на втором месте по количеству выпускников по направлениям подготовки, связанным с информационно-коммуникационными технологиями [4]. Цифровизация с каждым годом глубже проникает в различные виды деятельности, список профессий с интенсивным использованием ИКТ должен обновляться.

Таблица 2

Занятые в профессиях, связанных с интенсивным использованием ИКТ (по группам занятий), тыс. чел.

Профессия	Численность занятых в профессии по годам					Прирост, %	
	2016	2017	2018	2019	2020	2020 / 2019	2020 / к *
Всего	1050	1077	8045,4	8626,7	9148,9	6,1	771, 3
Разработчики и аналитики программного обеспечения и приложений	603	598	654,6	674,5	761,5	12,9	26,3
Специалисты по базам данных и сетям	226	251	249,7	311,8	332,4	6,6	47,1
Инженеры-электроники	—	—	—	161,4	159,4	–1,2	—
Инженеры по телекоммуникации	—	—	—	88,5	92,2	4,1	—
Специалисты по сбыту ИКТ	—	—	—	11,5	15,9	4,2	—
Графические и мультимедийные дизайнеры	—	—	—	27,1	36,0	32,8	—
Преподаватели по обучению компьютерной грамотности		—	—	7,0	10,8	54,2	—
Специалисты — техники по эксплуатации ИКТ и по поддержке пользователей ИКТ	145	154	126,7	94,4	78,9	–16,4	–45,6
Специалисты — техники по телекоммуникациям и радиовещанию	76	74	68,6	65,0	66,2	1,8	–12,9
Техники-электроники	—	—	—	50,2	43,1	–14,1	—
Физики, химики и специалисты родственных занятий	—	—	96,9	118,4	109,9	–7,1	13,4
Архитекторы, проектировщики, топографы и дизайнеры	—	—	393,5	448,2	471,0	5,1	19,7
Профессорско-преподавательский персонал университетов и других организаций высшего образования	—	—	271,6	244,9	206,6	–15,6	–23,9
Специалисты по финансовой деятельности	—	—	2474,7	2217,0	2293,2	3,4	–7,3
Специалисты в области администрирования	—	—	1145,6	1112,0	1236,2	11,2	7,9
Специалисты по сбыту и маркетингу продукции и услуг и связям с общественностью	—	—	531,3	1185,7	1456,3	22,8	174,1

* год, в котором появляются данные по конкретной профессиональной группе впервые.
Источники [4–8].

Целесообразно в практику статистического измерения внести оценку интенсивности использования ИКТ занятых в разных профессиях.

Цифровизация экономики дает возможность развитию различных нестандартных гибких видов занятости: дистанционной и частичной дистанционной (гибридной), платформенной.

Статистическая практика обследований рабочей силы на основе формы № 1–3 позволяет измерить объем удаленной занятости. В нее включаются занятые на дому с использованием сети «Интернет», занятые в своем доме, занятые без фиксированного рабочего места и занятые на основе трудового договора о выполнении работы дистанционно на дому с использованием сети «Интернет». Практики статистического измерения платформенной занятости нет, нет возможности оценить частичное выполнение работы на дому [9]. Из перечисленных видов к цифровой занятости можно отнести занятых на дому с использованием сети «Интернет», занятых на основе трудового договора о выполнении работы дистанционно, платформенную занятость.

Заключение

Результаты исследования позволили определить основные метрики цифровой занятости, измеряемые в российской практике обследований рабочей силы. Совокупный объем цифровой занятости состоит из двух форм. Первую назовем стандартной цифровой занятостью, к ней отнесем численность специалистов по ИКТ и численность занятых в других ИКТ-интенсивных профессиях. Вторая форма нами определена как нестандартная цифровая занятость. Она объединяет занятых на дому с использованием сети «Интернет» и занятых на основе трудового договора о выполнении работы дистанционно. Данные о платформенной и гибридной занятости пока отсутствуют. В расчетах совокупного объема цифровой занятости необходимо избежать «двойного счета». Например, часть специалистов по ИКТ работает дистанционно, эта часть учтена и в группе специалистов ИКТ и в группе нестандартных форм занятости.

В составе цифровой занятости высока доля поколения Z, рожденных с 1990 г. по 2000 г. Представители именно этого поколения в настоящий момент являются потенциальными родителями, оно малочисленно, при этом мотивация к рождению детей в нем, как правило, низка. Разрабатывая аналитическую модель влияния цифровой занятости на рождаемость, целесообразно предусмотреть возможность оценки вклада каждой формы цифровой занятости, так как они могут оказывать разнонаправленное влияние.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00614).

Список источников

[1] Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2021 / Т. К. Ростовская, А.А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021.

[2] *Тонких Н. В.* Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 92-104. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.8.

[3] Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат. сб. Росстат. М., 2020. 145 с.

[4] Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 124 с. URL: https://issek.hse.ru/news/551331807.html (дата обращения 01.05.2022).

[5] Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 124 с. URL: https://issek.hse.ru/news/420475066.html (дата обращения 01.05.2022).

[6] Цифровая экономика: 2020: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с. URL: https://issek.hse.ru/digec2020 (дата обращения 01.05.2022).

[7] Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 96 с. URL: https://www.hse.ru/primarydata/ice2019kr (дата обращения 01.05.2022).

[8] Цифровая экономика: 2018: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 96 с. URL: https://www.hse.ru/primarydata/ice2018kr (дата обращения 01.05.2022).

[9] *Демьянова А. В.* Статистическое измерение влияния цифровизации экономики на занятость // Секция статистики науки, инноваций, образования и информационного общества НМС Росстата. Москва, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ryCC4yXJ/Demyanova.pdf.

References

[1] Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report 2021 / T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova et al.; eds. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova; FCTAS RAS. M.: FCTAS RAS., 2021. 138 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021.

[2] *Tonkikh N. V.* Distance employment and parenthood: women's opinions // Population. 2021 Vol. 24, No. 3 Pp. 92-104. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.8.

[3] Labor force, employment and unemployment in Russia (according to the results of a sample survey of the labor force). 2020 Stat. col. Rosstat. M., 2020. 145 p.

[4] Digital economy: 2022: a brief statistical collection / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovsky, K. O. Vishnevsky et al.; National research University «Higher School

of Economics». M.: NRU HSE, 2022. 124 p. URL: https://issek.hse.ru/news/551331807.html (accessed on 01.05.2022).

[5] Digital economy: 2021: a brief statistical collection / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gohberg et al.; National research University «Higher School of Economics». M.: NRU HSE, 2021. 124 p. URL: https://issek.hse.ru/news/420475066.html (accessed on 01.05.2022).

[6] Digital economy: 2020: a brief statistical collection / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gohberg et al.; National research University «Higher School of Economics». M.: NRU HSE, 2020. 112 p. URL: https://issek.hse.ru/digec2020 (accessed on 01.05.2022).

[7] Digital economy: 2019: a brief statistical collection / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gohberg et al.; National research University «Higher School of Economics». M.: NRU HSE, 2019. 96 p. URL: https://www.hse.ru/primarydata/ice2019kr (accessed on 01.05.2022).

[8] Digital Economy: 2018: A Brief Statistical Collection / G. I. Abdrakhmanova, L. M. Gokhberg, A. V. Demyanova et al.; National research University «Higher School of Economics». M.: NRU HSE, 2018. 96 p. URL: https://www.hse.ru/primarydata/ice2018kr (accessed on 01.05.2022).

[9] *Demyanova A. V.* Statistical measurement of the impact of digitalization of the economy on employment // Section of Statistics of Science, Innovation, Education and the Information Society of the NMS of Rosstat. Moscow, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ryCC4yXJ/Demyanova.pdf.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-19
УДК 332.1, 314.5
JEL J11, J21, R11

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТОЯЩЕЙ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА[1]

О. А. Козлова [а], М. Н. Макарова [б]

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация)
[а] https://orcid.org/ 0000-0002-0448-3519
[б] https://orcid.org/0000-0001-6144-6178
Автор для корреспонденции: М. Н. Макарова (makarova.mn@uiec.ru).

Аннотация. *В статье представлен авторский методический подход к оценке продолжительности предстоящей трудовой жизни населения регионов и ее компонентов как характеристики трудового потенциала региона, а также к оценке потерь трудового потенциала в виде недоработанных лет. Апробация проведена на примере Свердловской области. Полученные оценки показали положительную динамику трудового потенциала региона в период стабильного социально-экономического развития (до 2019 г.), а также отразили негативное влияние пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) в данной сфере. Полученные результаты могут быть использованы при разработке инструментов социально-экономического политики в регионе на среднесрочную и долгосрочную перспективу.*

Ключевые слова: продолжительность жизни, предстоящая трудовая жизнь, трудовой потенциал, потери

Methodological Approach to Assessing the Working Life Expectancy of the Population in a Region

O. Kozlova [b], M. Makarova [a]

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Yekaterinburg, Russian Federation)
[a] https://orcid.org/ 0000-0002-0448-3519
[b] https://orcid.org/0000-0001-6144-6178
Corresponding author: M. Makarova (makarova.mn@uiec.ru).

Abstract. *The article presents the author's methodological approach to assessing the working life expectancy of the population in a region and its components characterising regional labour potential, as well as to estimating labour losses in the form of non-working years. The methodology was tested in Sverdlovsk oblast. The obtained estimates showed positive dynamics of the labour potential in the re-gion during the period of stable socio-economic develop-ment (until 2019), and reflected the negative impact of the COVID-19 pandemic (2020-2021) in this area. The findings can be used for developing the socio-economic policy tools in the region for the medium- and long-term perspective.*

Keywords: life expectancy; working life expectancy; la-bour potential; losses; region

[1] © Козлова О. А., Макарова М. Н. Текст. 2022.

Введение

Трудовой потенциал региона является одним из ключевых факторов его динамичного социально-экономического развития. Формирование количественных показателей трудового потенциала определяется динамикой демографических процессов, в первую очередь, смертности населения в экономически активном возрасте, а эффективность использования — степенью вовлеченности населения в хозяйственную деятельность преимущественно на рынке труда. Указанные выше соображения обусловливают необходимость оценки запасов трудового потенциала населения, а также тех потерь, которые сопровождают процесс его использования в экономике региона. Этот вопрос особенно актуален в периоды высокой неопределенности (экономический кризис, пандемия, военные действия т.п.). Таким образом, представленное исследование посвящено компаративной оценке предстоящей продолжительности трудовой жизни населения до и после пандемии как индикатора трудового потенциала региона.

Методы и данные

Следует отметить, что в научной литературе сложилось достаточно широкое разнообразие подходов как к определению сущности и содержания трудового потенциала, так и к его измерению и оценке. Не останавливаясь подробно на данном вопросе, отметим, что в нашем исследовании мы рассматриваем только одну количественную характеристику трудового потенциала — продолжительность предстоящей трудовой жизни, под которой понимается то количество лет, которое может проработать среднестатистический житель региона при вступлении в возраст экономической активности (15 лет) при сохранении текущих повозрастных показателей смертности. При этом под потерями трудового потенциала мы, вслед за исследователями [1, 2], будем понимать то количество лет, которое мог бы дополнительно отработать среднестатистический занятый при отсутствии преждевременной смертности.

Авторский методический подход к оценке предстоящей трудовой жизни населения региона и потерь трудового потенциала основан на расчете таблиц дожития для населения конкретного региона на основе повозрастных показателей смертности в соответствующем году для населения в возрасте экономической активности (15–72 лет). Акцентируя внимание на исследовании именно трудового потенциала, мы корректируем полученные таблицы дожития на соответствующие повозрастные уровни занятости населения, что позволяет исключить из анализа часть населения, не вовлеченную в экономическую жизнь региона.

В результате выполнения указанных расчетов для анализа доступны следующие показатели:

— потенциальная продолжительность предстоящей трудовой жизни, то есть запас лет для экономически активного населения в регионе в случае 100 % занятости населения;

— предположительная продолжительность предстоящей трудовой жизни отражает запас трудовых лет для экономически активного населения в регионе при отсутствии преждевременной смертности населения в этом возрасте;

— средняя ожидаемая продолжительность предстоящей трудовой жизни включает запас трудовых лет для экономически активного населения в регионе при сложившемся уровне преждевременной смертности населения в возрасте старше 15 лет;

— потери трудового потенциала от преждевременной смертности населения в экономически активных возрастах показывают число лет, которые мог бы дополнительно отработать среднестатистический занятый при отсутствии преждевременной смертности.

Полученные значения позволяют анализировать как запасы трудового потенциала региона и уровень его использования, так и потери трудового потенциала, связанные с особенностями возрастной структуры смертности населения, а также эффективностью политики народосбережения в регионе. Кроме того, такая оценка может осуществляться как во временном, так и территориальном срезах, что создает дополнительные возможности для пространственных и динамических сравнений.

В представленном исследовании нами использованы данные Росстата о численности и уровне занятости, а также смертности населения Свердловской области за 2013, 2019 и 2021 гг., позволяющие получить сравнительную оценку предстоящей трудовой жизни населения региона и потерь трудового потенциала и определить тенденции формирования трудового потенциала с учетом влияния прямых и косвенных эффектов кризисных ситуаций (в нашем случае — пандемии новой коронавирусной инфекции).

Результаты и обсуждение

Рассматривая вопросы оценки предстоящей трудовой жизни, необходимо, в первую очередь, анализировать динамику демографических процессов как источника формирования трудового потенциала. В Свердловской области за период 2013–2020 гг. наблюдалось сокращение численности населения на 20,6 тыс. чел., причем основное сокращение пришлось на последний год (около 13 тыс. чел.), что безусловно связано с негативными последствиями пандемии COVID-19 (табл. 1). При этом, следует отметить, что основным источником сокращения численности жителей региона выступает естественная убыль населения, сложившаяся в результате высокого уровня смертности населения, в первую очередь, в трудоспособном возрасте. Однако, несмотря на это в области наблюдается положительная тенденция увеличения средней ожидаемой продолжительности жизни: в период 2013–2019 гг. этот показатель вырос практически на 2 года.

Существенное падение продолжительности жизни в 2020 г. было ожидаемо в связи со стремительным ростом смертности в этот период

Таблица 1

Динамика демографических показателей в Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам		
	2013	**2019**	**2020**
Численность населения, тыс. чел.	4321,0	4313,2	4300,4
Коэффициент естественного прироста на 1000 чел.	0,7	–2,6	–8,4
Коэффициент миграционного прироста на 10000 чел.	4	15	7
Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	69,81	71,78	70,15

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2013. Москва: Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2020. Москва : Росстат, 2021; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2021. Москва : Росстат, 2022.

в результате как непосредственно распространении новой коронавирусной инфекции, так и отсутствия своевременной медицинской помощи, а также социального стресса, вызванного падением качества жизни, ухудшением экономического положения населения, психологической перегрузки в период локдауна и т. д. В 2021 г. наметилось некоторое улучшение показателей демографической динамики в Свердловской области, однако восстановительный период ожидается продолжительным в связи с глубиной падания рассматриваемых показателей в результате пандемии, с одной стороны, и ухудшения социально-экономического и психологического положения российского общества в 2022 г., с другой.

Показатели использования трудового потенциала Свердловской области в период 2013–2020 гг. демонстрируют тенденцию к ухудшению (табл. 2). Во-первых, отмечается сокращение абсолютных показателей занятости населения, что, безусловно, связано с сокращение численности населения в целом, с одной стороны, и снижением уровня занятости населения, с другой. Кроме того, в кризисный период 2020 г. существенно выросли показатели безработицы. Так численность безработных достигла

Таблица 2

Динамика показателей трудового потенциала Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам		
	2013	**2019**	**2020**
Численность занятых, тыс. чел.	2033,0	2014,3	1954,9
Уровень занятости, %	65,5	57,7	56,6
Численность безработных, тыс. чел.	136,0	89,4	122,2
Уровень безработицы по МОТ, %	5,9	4,2	5,8
Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, %	н/д	6,4	8,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2013. Москва: Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2020. Москва : Росстат, 2021; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2021. Москва : Росстат, 2022.

Таблица 3

Динамика показателей предстоящей трудовой жизни населения Свердловской области, лет

Показатель	Значение показателя по годам		
	2013	2019	2021
Потенциальная продолжительность предстоящей трудовой жизни (при 100 % занятости)	56,20	57,92	54,83
Предположительная продолжительность предстоящей трудовой жизни (при отсутствии потерь от преждевременной смертности)	34,24	34,04	33,56
Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей трудовой жизни	30,84	31,31	30,42
Потери трудового потенциала населения от преждевременной смертности	3,40	2,73	3,14

Источник: рассчитано автором по Регионы России. Социально-экономические показатели, 2013. Москва: Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2020. Москва : Росстат, 2021; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2021. Москва : Росстат, 2022; Труд и занятость в Свердловской области в 2013: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2014; Труд и занятость в России 2021 г. Москва : Росстат, 2022 г.

122,2 тыс. чел., что сопоставимо с уровнем 2013 г. и в 1,4 раза больше, чем в 2019 г. Уровень общей безработицы в 2020 г. также вернулся на уровень 2013 г. и составил 5,8 %, что в 1,4 раза выше, чем в 2019 г. Аналогичная динамика касается и совокупного показателя безработицы и потенциальной рабочей силы.

Сокращение трудового потенциала Свердловской области также выражается и в динамике компонентов предстоящей трудовой жизни населения (табл. 3). Так, если в период 2013–2019 гг. потенциальная и средняя ожидаемая продолжительность предстоящей трудовой жизни росли, то в 2020 г. отмечается существенное сокращение обоих показателей (на 3,1 и 0,9 лет соответственно относительно 2019 г.).

Кроме того, отдельно обратим внимание на существенное сокращение показателя предположительной предстоящей трудовой жизни в 2020 г. (на 0,7 лет по сравнению с 2013 г.), косвенно отражающего падение уровня общественного здоровья и качества жизни, поскольку он снимает влияние потерь от преждевременной смертности (фактора внешних причин).

Также отметим, позитивную динамику показателя потерь трудового потенциала: он снизился на 0,7 лет за период 2013–2019 гг. В 2020 г. влияние пандемии и в этом аспекте трудового потенциала сказалось негативно — произошел откат практически до уровня 2013 г.

В 2021 г. произошло некоторое восстановление показателей рынка труда, однако 2022 г. и растущее санкционное давление на российскую экономику не позволяет ожидать дальнейшего улучшения рассматриваемых показателей.

Таблица 4

Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей трудовой жизни занятого населения Свердловской области соответствующего возраста, лет

Возрастная группа	Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей трудовой жизни в группе по годам		
	2013	2019	2021
15-19	30,84	31,31	30,42
20-24	30,70	31,21	30,28
25-29	27,96	27,64	26,94
30-34	24,27	24,18	23,70
35-39	20,59	20,30	19,87
40-44	16,71	16,51	16,14
45-49	12,67	12,56	12,27
50-54	8,66	8,52	8,30
55-59	4,93	5,34	5,26
60-64	2,21	2,04	2,08
65-69	1,23	1,20	1,24
70+	0,05	0,10	0,11

Источник: рассчитано автором по: рассчитано автором по Регионы России. Социально-экономические показатели, 2013. Москва: Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2020. Москва : Росстат, 2021; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2021. Москва : Росстат, 2022; Труд и занятость в Свердловской области в 2013: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2014; Труд и занятость в России 2021 г. Москва : Росстат, 2022 г.

Таким образом, можно говорить, что в Свердловской области в целом сложилась положительная динамика в сфере формирования трудового потенциала в виде числа лет предстоящей трудовой жизни и снижения потерь трудового потенциала, однако период пандемии вернул анализируемые показатели на уровень 2013 г., что в комплексе с сокращением численности населения и числа занятых свидетельствует скорее о сокращении трудового потенциала региона.

Более полную картину сокращения трудового потенциала региона позволит получить анализ динамики средней ожидаемой продолжительности предстоящей трудовой жизни в разрезе 5-летних возрастных групп (табл. 4).

Следует отметить, что если в период 2013–2019 гг. наблюдался прирост средней ожидаемой продолжительности предстоящей трудовой жизни в молодых возрастах (15–19 лет и 20–24 года), а также в предпенсионном возрасте (55–59 лет), то за два пандемийных года (2020–2021 гг.) произошло сокращение данного показателя для всех возрастных групп в трудоспособном возрасте (15–59 лет), причем в среднем в два раза больше, чем за предыдущие 7 лет (рис.).

Таким образом, выполненные расчеты позволяют оценить динамику трудового потенциала Свердловской области до 2019 г. как положительную:

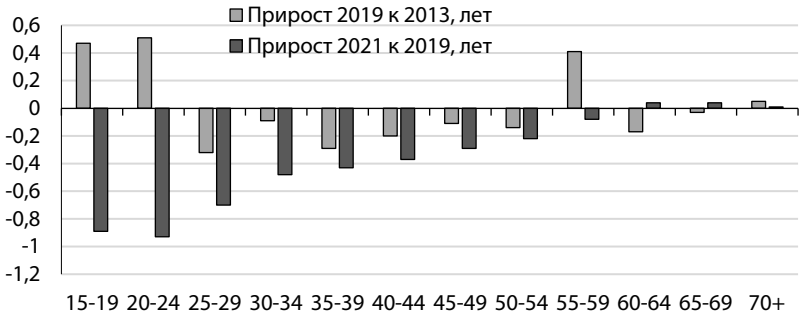


Рис. *Прирост средней ожидаемой продолжительности предстоящей трудовой жизни населения Свердловской области (источник: рассчитано автором по Регионы России. Социально-экономические показатели, 2013. Москва: Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2020. Москва : Росстат, 2021; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2021. Москва : Росстат, 2022; Труд и занятость в Свердловской области в 2013: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Свердловской области. Екатеринбург, 2014; Труд и занятость в России 2021 г. Москва : Росстат, 2022 г.)*

наблюдался рост потенциальной и средней ожидаемой продолжительности предстоящей трудовой жизни населения, особенно в молодых возрастах, а также сокращались потери трудового потенциала. И наоборот, в период высокой нестабильности и неопределенности (пандемии новой коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг.) динамика трудового потенциала носила отрицательный характер: в результате резкого роста избыточной смертности сокращалась продолжительность предстоящей трудовой жизни населения во всех возрастных группах, формирующих трудоспособное население, а также возросли потери трудового потенциала в виде недоработанных лет. Причем за два кризисных года потери были выше, чем положительный прирост за предыдущие семь лет.

Заключение

В заключение подведем итоги выполненной оценки продолжительности предстоящей трудовой жизни населения регионов и ее компонентов как характеристики трудового потенциала региона, а также оценки потерь трудового потенциала в виде недоработанных лет. На примере Свердловской области показано, что в период поступательного экономического развития, несмотря на сокращение численности населения, в первую очередь, в трудоспособном возрасте, наблюдалась положительная динамика трудового потенциала региона в виде увеличения продолжительности предстоящей трудовой жизни населения и ее компонентов, а также потерь трудового потенциала. Однако период пандемии, характеризовавшийся высоким уровнем преждевременной смертности населения,

сломил установившийся позитивный тренд, а потери за два года превысили весь накопленный эффект предыдущих семи лет. Полученные результаты могут быть использованы при разработке первоочередных мер социально-экономической и демографической политики в регионе, направленных на преодоление негативных последствий пандемии, а разработанный инструментарий может быть использован для оценки динамики трудового потенциала населения в периоды нестабильности любой природы (экономической, эпидемиологической, политической и т. п.).

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Список источников

[1] *Oliva-Moreno J., Trapero-Bertran M., Maria Pena-Longobardo L.* Gender Differences in Labour Losses Associated with Smoking-Related Mortality // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16(19). Article Number: 3644. DOI: 10.3390/ijerph16193644.

[2] Years of potential life lost and productivity costs due to premature mortality from six priority diseases in Tanzania, 2006–2015 / Rumisha S. F., George J., Bwana V. M., Mboera L. E. G. // PLOS ONE. 2020. № 15(6). Article Number: e0234300. DOI: 10.1371/journal.pone.0234300.

References

[1] *Oliva-Moreno J., Trapero-Bertran M., Maria Pena-Longobardo L.* Gender Differences in Labour Losses Associated with Smoking-Related Mortality // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16(19). Article Number: 3644. DOI: 10.3390/ijerph16193644.

[2] *Rumisha S. F., George J., Bwana V. M., Mboera L. E. G.* Years of potential life lost and productivity costs due to premature mortality from six priority diseases in Tanzania, 2006-2015 // PLOS ONE. 2020. № 15(6). Article Number: e0234300. DOI: 10.1371/journal.pone.0234300.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-20
УДК 316.34
JEL J14, Z13

ТИПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО СООТНОШЕНИЮ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ[1]

А. В. Короленко

Вологодский научный центр РАН (г. Вологда, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-7699-0181
Автор для корреспонденции: А. В. Короленко (coretra@yandex.ru)

Аннотация. *Цель исследования заключалась в выделении групп (типов) населения по соотношению внешних и внутренних факторов активного долголетия. Информационную базу составили данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2021 г. Основные методы — индексный метод (расчет индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия) и типология по соотношению величин индексов. Результаты проведенной типологии говорят о преобладании благоприятных внутренних и внешних условий для поддержания долгой и активной жизни у большей части населения Вологодской области (61 %). У 12 % жителей региона наблюдается самая неблагополучная ситуация, при которой и внешние условия, и внутренние ресурсы не способствуют поддержанию активного долголетия. В остальных случаях наблюдалось рассогласование соотношения внешних и внутренних факторов активного долголетия. Выявлены половозрастные различия в выделенных типах населения. Произведенная типология позволяет разработать релевантные управленческие механизмы для реализации социальной политики с учетом существующих типов населения, а предложенная индексная методика может лечь в основу мониторингового исследования активного долголетия населения.*

Ключевые слова: активное долголетие, внутренние факторы, внешние факторы, типы населения, Вологодская область

Typology of the Population According to the Ratio of Internal and External Factors of Active Longevity

A. V. Korolenko
Vologda Research Center of RAS (Vologda, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-7699-0181
Corresponding author: A. V. Korolenko (coretra@yandex.ru)

Abstract. *The study aims to identify groups (types) of the population according to the ratio of external and internal factors of active longevity. The research analysed data from a sociological survey of the adult population of Vologda Oblast conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2021. The main methods applied are the index method (calculation of indices of internal and external factors of active longevity) and the typology according to the ratio of index values. The resulting typology indicates the predominance of favourable in-*

[1] © Короленко А. В. Текст. 2022.

ternal and external conditions for maintaining a long and active life for the majority of Vologda Oblast's population (61%). 12% of the region's residents have the most unfavourable situation, in which both external conditions and internal resources do not contribute to maintaining active longevity. In other cases, there was a mismatch in the ratio of external and internal factors of active longevity. Gender and age differences in the selected types of the population were revealed. The obtained typology can be used to develop relevant management mechanisms for the implementation of social policy taking into account existing types of population, and the proposed index methodology can be the basis of a monitoring study of active longevity of the population.

Keywords: active longevity; internal factors; external factors; population types; Vologda Oblast

Введение

Демографическое старение населения представляет собой цивилизационный вызов, требующий от «стареющих» государств поиска оптимальных вариантов для преодоления всего спектра его негативных социально-экономических последствий [1]. В этой связи приобретает востребованность и актуальность исследование феномена активного долголетия и его факторов, в том числе и в контексте реализации государственных стратегических приоритетов (нацпроекта «Демография», Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения). Для получения информации о текущем состоянии, тенденциях и факторах активного долголетия требуются инструменты, позволяющие получить достоверную и релевантную информацию о нем. В рамках проекта РФФИ № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения» был разработан и апробирован инструментарий оценки активного долголетия населения и его факторов. Одной из гипотез исследования выступило предположение о том, что население модельного региона — Вологодской области дифференцировано по соотношению внутренних (поведенческих) и внешних (условий среды) факторов активного долголетия. Часть населения может обладать как внутренними, так и внешними ресурсами для ведения долгой и активной жизни, часть — напротив, не обладать ни теми, ни другими. У другой части населения имеются необходимые для активного долголетия поведенческие паттерны, но нет подходящих для этого условий, и, наоборот, располагая необходимыми внешними ресурсами, представители этой части не имеют внутренних ресурсов. То есть возможны разные варианты сочетания внутренних и внешних факторов и, следовательно, разные объекты государственной политики активного долголетия. Цель данной статьи заключалась в выделении групп (типов) населения по соотношению внешних и внутренних факторов активного долголетия на основании данных социологического опроса населения.

Обзор литературы

Основным инструментом оценки политики в рамках реализации концепции активного долголетия в настоящее время выступают интегральные

индексы. Так, с 2012 г. специалистами Европейской Экономической комиссии ООН разработан и рассчитывается для стран Евросоюза Индекс активного долголетия (*Active Ageing Index — AAI*). Он измеряет, насколько реализован вклад старших поколений в экономическую и социальную жизнь и насколько внешние условия содействуют этому [2]. Индекс *AAI* включает 4 блока показателей, характеризующих отдельные компоненты активного долголетия: занятость пожилых людей на рынке труда, участие в жизни общества, независимая, здоровая и безопасная жизнь, создание благоприятного пространства (среды) для жизни. Первые три компонента характеризуют непосредственно активное долголетие, последний — потенциал для улучшения ситуации в данной сфере [3–5]. Кроме того, если показатели занятости, участия в жизни общества, независимости (автономии), здоровой и безопасной жизни больше отражают поведенческие практики активного и здорового старения, то показатели блока «обеспечение благоприятных условий для активного и здорового старения» — внешние условия для ведения долгой и активной жизни. В ряде отечественных исследований активного долголетия методика расчета индекса *AAI* была апробирована и для России [6–8].

Несмотря на авторитетность и релевантность методики *AAI*, в ней присутствуют определенные ограничения. В частности, данная методика рассчитывается исключительно для населения старших возрастов и не учитывает возможности активного долголетия для остальных возрастных групп. Так же практическое применение *AAI* в России осложняется тем, что данные по РФ есть не во всех волнах *European Social Survey* (*ESS*) и отсутствуют в трех других европейских обследованиях, на которых базируется оригинальный индекс активного долголетия — Европейского исследования рабочей силы (*LFS*), исследования доходов и условий жизни (*SILC*), исследования качества жизни (*EQLS*) [9]. Индекс *AAI* интегрирует в себе как компоненты активного старения (долголетия), так и его внутренние (поведенческие) и внешние (условия среды) факторы, не позволяя рассмотреть их обособленно друг от друга (например, отделить внутренние факторы от компонентов активного долголетия). Кроме того, как отмечают М. Барслунд, М. вон Вердер и А. Заиди, индекс *AAI* рассчитывается на данных, полученных из разных источников (то есть не принадлежащих одному и тому же человеку), что не позволяет судить об индивидуальных различиях в активном долголетии, в том числе об индивидуальном неравенстве в опыте активного долголетия, а дает представление лишь об усредненной по стране ситуации. Решить данную проблему может лишь построение индекса активного старения на основе данных из одного источника опроса [10].

Материалы и методы

В рамках проекта РФФИ № 20–511–00036 Бел_а был предложен авторский подход к оценке факторов активного долголетия, согласно которому

большое значение для понимания роли разнообразия проявлений взаимодействия поведенческих стратегий и окружающей среды в приверженности активному долголетию имеет учет соотношения его внутренних и внешних факторов [11]. До сих пор основное внимание исследователей было сосредоточено на самих параметрах активного долголетия и выделении перечня определяющих его факторов. Но научная проблема выявления соотношения внутренних и внешних факторов ставится впервые. Ее решение позволяет разработать релевантные управленческие механизмы для реализации социальной политики с учетом существующих у населения поведенческих стратегий активного долголетия. Преимущество предлагаемого подхода состоит в том, что он предоставляет возможность дифференцировать влияние внутренних и внешних факторов активного долголетия, типологизировать население по их соотношению. Согласно ему внутренние факторы активного долголетия связаны с поведением человека (установки, мотивы и действия), тогда как внешние факторы отражают условия среды (доступность инфраструктуры, общественное одобрение, уровень жизни).

Авторским коллективом разработана индексная методика внутренних и внешних факторов активного долголетия. В основу расчета обоих индексов заложены ответы респондентов на вопросы анкеты социологического опроса взрослого населения «Активное долголетие и его факторы», проведенного в 2021 г. в Вологодской области (табл. 1). Сбор эмпирических данных осуществлялся методом раздаточного анкетирования населения на территории городов Вологды, Череповца и восьми муниципальных районов области. Объем выборки составил 1500 респондентов.

Для обеспечения возможности расчета индексов ответы были закодированы в интервальные шкалы, а именно в пятибалльную шкалу, позволяющую учесть степень изменчивости признака от крайнего отрицательного к крайнему положительному значению. В состав индекса внутренних и внешних факторов вошло по три субиндекса. В первом случае — субиндексы установок, мотивов и действий, во втором случае — субиндексы доступности инфраструктуры, общественного одобрения и самооценок уровня жизни. Расчет субиндексов осуществлялся исходя из общепринятой в прикладной социологии формулы вычисления аналитических (обобщенных) индексов с пятичленной шкалой градации признака [12]:

$$I = \frac{n_1 + 0,5n_2 - 0,5n_4 - n_5}{n_1 + n_2 + n_3 + n_4 + n_5}, \quad (1)$$

где n_1 — доля респондентов, выбравших варианты ответа с крайними положительными значениями, а n_5 — доля респондентов, выбравших варианты ответа с крайними отрицательными значениями.

Сводные индексы внутренних и внешних факторов активного долголетия вычислялись как среднее арифметическое всех трех входящих в их

Таблица 1

Вопросы анкеты для конструирования индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия

Субиндекс	Вопрос анкеты	Варианты ответа
Индекс внутренних факторов активного долголетия		
Установок	Как Вы думаете, если взвесить все: Ваше здоровье, условия и образ жизни, до какого примерно возраста Вам удастся дожить? (напишите число лет)	Открытый вопрос*
Мотивов	Для чего бы Вы хотели прожить именно столько лет? (оцените значимость каждого из перечисленных обстоятельств по 5-балльной шкале: 1 — фактор совсем не значим, а 5 — имеет очень большое значение)	1. Хочу как можно дольше наслаждаться жизнью. 2. Не хочу терять свои накопления, хочу полностью их использовать. 3. Хочу воспользоваться положенными с возрастом правами и преимуществами (льготы и прочие преференции). 4. Продолжать трудиться на любимой работе. 5. Помогать своим детям, внукам. 6. Общаться с внуками, правнуками. 7. Интересно увидеть, как изменится мир в будущем. 8. Боюсь умирать. 9. Увидеть, каких успехов добьются мои дети. 10. Не хочется расставаться со своими родными и близкими. 11. Хочу успеть реализовать дело всей моей жизни.
Действий	Что Вы делаете в настоящее время для того, чтобы прожить долгую и активную жизнь? (оцените частоту по шкале от 1 — никогда этого не делаю» до 5 — всегда это делаю):	1. Поддерживаю оптимальную физическую активность. 2. Правильно питаюсь. 3. Посещаю врачей с профилактической целью. 4. Стараюсь избегать стрессов. 5. Отказываюсь от вредных привычек. 6. Повышаю профессиональную квалификацию. 7. Получаю дополнительное образование 8. Поддерживаю интеллектуальную активность 9. Занимаюсь любимым делом, хобби. 10. Поддерживаю хорошие отношения с членами семьи.

Субиндекс	Вопрос анкеты	Варианты ответа
		11. Регулярно общаюсь с друзьями, знакомыми. 12. Посещаю учреждения культуры (театры, кинотеатры, библиотеки). 13. Ничего не делаю.
Индекс внешних факторов активного долголетия		
Доступности инфраструктуры	Оцените, пожалуйста, насколько доступны для Вас основные объекты и услуги в следующих сферах жизнедеятельности (отметьте один вариант ответа в каждой строке по шкале от 1 — совсем недоступны до 5 — полностью доступны)	1. Здравоохранение. 2. Культура (музеи, театры). 3. Общественный транспорт. 4. Информация и связь. 5. Образование. 6. Социальная защита. 7. Спорт и физкультура. 8. Служба занятости. 9. Жилой фонд. 10. Торговля, бытовые услуги. 11. Суды, органы прокуратуры, внутренних дел. 12. Банки.
Общественного одобрения	Насколько Вы согласны с перечисленными утверждениями? (отметьте один вариант ответа в каждой строке по шкале от 1 — категорически не согласны до 5 — полностью согласны)	1. Долголетие граждан — залог развития государства и общества. 2. Старшее поколение — носители ценного опыта, знаний, традиций. 3. Пожилые сотрудники в организации — опора в самых сложных рабочих ситуациях. 4. Пожилые люди — незаменимые помощники в воспитании младшего поколения. 5. Пожилой возраст — много свободного времени, мудрость, стабильность. 6. Жизненный опыт пожилых людей помогает им избежать многих ошибок. 7. В пожилом возрасте открывается много новых возможностей для досуга (хобби, общение, поездки и т. д.).

Окончание табл. 1 на след. стр.

Окончание табл. 1 на след. стр.

Субиндекс	Вопрос анкеты	Варианты ответа
Самооценок уровня жизни	Достаточен ли для перечисленных занятий уровень Ваших доходов (оцените в каждой строке по шкале от 1 — абсолютно недостаточен до 5 — абсолютно достаточен)	1. Получение образования и саморазвития. 2. Занятия физкультурой и спортом. 3. Посещение учреждений культуры. 4. Занятие любимыми увлечениями, хобби. 5. Обеспечение здорового питания. 6. Путешествия, туризм. 7. Поддержание внешнего вида (приобретение одежды, услуги парикмахерских, салонов красоты). 8. Использование платных медицинских услуг.

[*] Полученные числовые данные об ожидаемой продолжительности жизни в дальнейшем были разделены на 5 равных отрезков по линии возраста: 1) 59 лет и менее, 2) 60–69 лет, 3) 70–79 лет, 4) 80–89 лет, 5) 90 лет и более.

Источник: составлено авторским коллективом проекта.

состав субиндексов, исходя из предположения о равноценном вкладе каждого в детерминацию активного долголетия:

$$\text{Ф} \quad \frac{I_1 + I_2 + I_3}{} \qquad (2)$$

Максимальное значение всех субиндексов и сводного индекса — 1, тогда как минимальное — –1. Положительное значение индексов свидетельствует о преобладании наиболее выраженных (позитивных) ответов над наименее выраженными (негативными). Тогда как отрицательное значение свидетельствует об обратном. Значение индексов, равное 0, демонстрирует равенство таких ответов [11].

Кроме того, сильной стороной данной методики является тот факт, что индексы внутренних и внешних факторов активного долголетия рассчитаны для каждого респондента, а следовательно, для каждого человека становится возможным определение его типа по их соотношению, что позволяет определить роль внутренних ресурсов и внешних условий в поддержании долгой и активной жизни. Единая методика конструирования интегральных индексов и общая шкала их измерения (от –1 до 1) также выступают преимуществами исследования.

Результаты

На рисунке представлена диаграмма распределения респондентов по соотношению значений индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия. С помощью диаграммы рассеяния можно определить потенциальные взаимосвязи между количественными переменными, в данном случае между двумя индексами, в плоской системе координат (оси *x* и *y*). Каждая точка на диаграмме отражает отдельного респондента. Можно заметить, что больше всего точек сконцентрировано в правом верхнем квадранте диаграммы, что свидетельствует о преобладании положительных значений индексов внешних и внутренних факторов активного долголетия.

Однако важно понимать более точное (в количественном отношении) распределение населения по группам в зависимости от соотношения значений индексов внешних и внутренних факторов активного долголетия.

В ходе произведенной группировки выделено 9 типов респондентов по соотношению внутренних и внешних факторов активного долголетия (табл. 2). Самой многочисленной оказалась группа с положительными значениями обоих индексов (61 % опрошенных, 9 тип), что свидетельствует как о наличии у них необходимых для активного долголетия внутренних поведенческих ресурсов (установок на долголетие, мотивации на него и конкретных практик), так и о благоприятствующих ему условий жизни (доступной инфраструктуры, общественного одобрения, достаточного уровня жизни). В 12 % случаев (1-й тип), напротив, респонденты характеризуются отрицательными значениями обоих индексов, что говорит

Таблица 2

Типология населения по соотношению индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия

		Значения индекса внешних факторов АД (ИВнешнФ)		
Значения индекса внутренних факторов АД (ИВнутрФ)		Отрицательное ($-1 \le x < 0$)	Равное 0	Положительное ($0 < x \le 1$)
	Отрицательное ($-1 \le x < 0$)	Тип 1 160 чел. (12 %)	Тип 2 3 чел. (<1 %)	Тип 3 156 чел. (12 %)
	Равное 0	Тип 4 0 чел. (0,0 %)	Тип 5 1 чел. (<0,1 %)	Тип 6 22 чел. (2 %)
	Положительное ($0 < x \le 1$)	Тип 7 170 чел. (13 %)	Тип 8 8 чел. (<1 %)	Тип 9 797 чел. (61 %)

Источник: рассчитано и составлено автором.

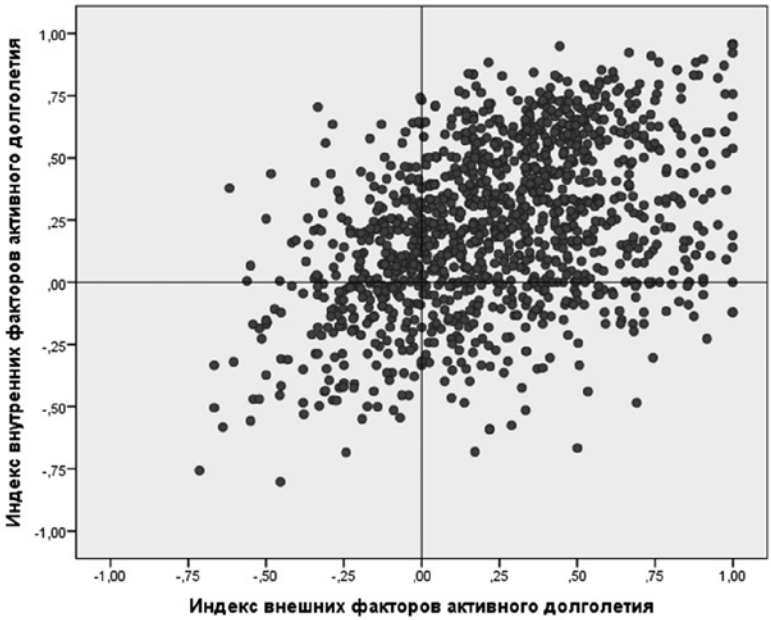


Рис. *Диаграмма распределения респондентов по соотношению значений индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия (диаграмма рассеяния) (примечание: выборка «очищена» от пропусков необходимых для расчёта индексов ответов и составила 1317 респондентов; источник: диаграмма построена автором в программе IBM SPSS Statistics 22)*

и о недостаточности внутренних ресурсов для активного долголетия, и о преобладании неблагоприятных условий жизни. У 13 % опрошенных (7-й тип) индекс внутренних факторов имеет положительное значение, тогда как индекс внешних факторов — отрицательное, то есть, несмотря

Таблица 3

Типы населения по соотношению индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия в разрезе пола и возраста (%*)

Индекс	Пол		Возраст						
	Мужчины	Женщины	18–22	23–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70+
Тип 1	58,8	41,3	5,6	7,5	18,1	17,5	21,3	26,9	3,1
Тип 3	53,2	46,8	3,2	12,8	30,8	17,9	23,1	9,0	3,2
Тип 7	38,8	61,2	3,5	7,6	19,4	12,4	23,5	25,9	7,6
Тип 9	41,5	58,5	5,4	10,9	19,2	19,9	20,5	20,1	4,0

* 100 % по строке (отдельно по полу и возрасту).

Типы 2, 4, 5, 6, 8 не рассмотрены ввиду малой представленности (менее 3 %).

Источник: рассчитано автором.

на благоприятные параметры поведения в отношении активного долголетия, сложившиеся внешние условия, напротив, ему не способствуют. Для 12 % опрошенных (3-й тип) сложилась обратная ситуация, когда благоприятные для активного долголетия внешние условия жизни сопровождаются недостаточным для этого внутренним ресурсом (неблагоприятными параметрами поведения). Остальные типы встречались среди респондентов значительно реже, однако их выделение представляется важным для понимания соотношения внутренних и внешних факторов активного долголетия.

К 1-му типу по соотношению внутренних и внешних факторов активного долголетия чаще всего относились мужчины (59 %) и население в возрасте 60–69 лет (27 %; табл. 3). Среди представителей 2-го и 3-го типов доминируют мужчины (100 и 53 % соответственно), также в рамках этих групп заметно чаще представлены люди в возрасте 30–39 лет (67 и 31 % соответственно). К 4-му типу не был отнесен ни один из респондентов, тогда как к 5-му типу — один мужчина 60–69 лет. 6-й тип в большей степени представлен женщинами (59 %) и людьми в возрасте 30–39 лет (27 %). К 7-му типу чаще относились женщины (61 %) и респонденты 60–69 лет (26 %). Среди тех, кто попал в 8-ю группу, в равной степени представлены мужчины и женщины, и преобладает возрастная категория людей 30–39 лет (38 %). Среди представителей 9-го типа оказалось больше женщин (59 %), тогда как самые распространенные возрастные группы в равной степени представлены людьми 30–39 лет (19 %), 40–49 лет (20 %), 50–59 лет (21 %) и 60–69 лет (20 %).

Примечательно, что среди женщин заметно чаще, чем среди мужчин, распространены самый благоприятный тип по соотношению внутренних и внешних факторов активного долголетия (тип 9, 64 % против 56), а также тип 7, характеризующийся положительным значением индекса внутренних факторов, но отрицательным индексом внешних факторов (14 % против 11), тогда как для мужчин оказались более свойственны модели, при которых либо оба индекса имеют отрицательные значения (тип 1,

Таблица 4

Группы населения по полу и возрасту в разрезе типов по соотношению индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия (%*)

Индексы	Пол		Возраст						
	Мужчины	Женщины	18–22	23–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70+
Тип 1	15,9	9,1	14,1	9,0	10,6	11,7	12,2	16,0	8,6
Тип 3	14,0	10,1	7,8	14,9	17,5	11,7	12,9	5,2	8,6
Тип 7	11,2	14,3	9,4	9,7	12,0	8,8	14,3	16,4	22,4
Тип 9	56,0	64,2	67,2	64,9	55,8	66,3	58,4	59,7	55,2

* 100 % по столбцу.

Типы 2, 4, 5, 6, 8 не рассмотрены ввиду малой представленности (менее 3 %).

Источник: рассчитано автором.

16 % против 9), либо отрицательное значение приобретает индекс внутренних факторов при положительном индексе внешних факторов (тип 3, 14 % против 10; табл. 4). Данный факт позволяет заключить, что женское население по сравнению с мужским обладает бóльшими внутренними ресурсами для активного долголетия, тогда как мужчины заметно уступают в данном параметре.

Самый благоприятный тип по соотношению факторов активного долголетия оказался наиболее распространен среди молодежи 18–22 лет (67 %), а также среди респондентов 40–49 лет (66 %). Больше всего респондентов с самым неблагополучным соотношением факторов активного долголетия наблюдается среди группы 60–69-летних (16 %). Тип населения с положительными значениями индексов внешних факторов активного долголетия, но отрицательными индексами внутренних факторов чаще встречался среди респондентов 23–29 лет (15 %) и 30–39 лет (18 %). В самых старших группах населения в возрасте 60–69 лет и 70 лет и старше наибольшее распространение получил 7 тип, характеризующийся наличием положительного внутреннего ресурса для активного долголетия, но отсутствием внешних условий, необходимых для него (16 и 22 % соответственно).

Обсуждение

Таким образом, проведенная типология по соотношению индексов внутренних и внешних факторов активного долголетия позволяет говорить о преобладании благоприятных условий для поддержания долгой и активной жизни у большей части населения Вологодской области (61 %). Однако у 12 % жителей региона, напротив, наблюдается самая неблагополучная ситуация, при которой и внешние условия, и внутренние ресурсы не способствуют поддержанию активного долголетия. В остальных случаях наблюдалось рассогласование соотношения внешних и внутренних факторов активного долголетия. Например, 13 % населения, обладая достаточным внутренним (поведенческим) ресурсом для поддержания

долгой и активной жизни, не имеют необходимых для этого условий среды. Напротив, у других 12 % жителей при наличии необходимых внешних условий, благоприятствующих активному долголетию, для этого недостаточен внутренний ресурс.

В ходе исследования выявлены половозрастные различия в типах населения по соотношению внутренних и внешних факторов активного долголетия. Так, самый благоприятный тип по соотношению внутренних и внешних факторов активного долголетия наиболее распространён среди женщин, молодежи 18–22 лет и населения 40–49 лет, тогда как самый неблагоприятный тип — среди мужчин и населения 60–69 лет. Все это свидетельствует о необходимости учета типологии соотношения внутренних и внешних факторов активного долголетия, в том числе в половозрастном разрезе, при разработке мероприятий государственной политики активного долголетия в России.

Заключение

Произведенная типология населения по соотношению внутренних и внешних факторов активного долголетия обладает выраженной научной новизной, опирается на данные, полученные из одного источника, и позволяет разработать релевантные управленческие механизмы для реализации социальной политики с учетом существующих типов населения. Кроме того, предложенная индексная методика может лечь в основу мониторингового исследования активного долголетия населения, что становится важным инструментом отслеживания эффектов от реализации мероприятий политики активного долголетия в стране, государственной стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста, нацпроекта «Демография» (в т. ч. федерального проекта «Старшее поколение»).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

Список источников

[1] *Барсуков В. Н., Калачикова О. Н.* Территориальные особенности распространенности активного долголетия // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9. № 2. URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/28893 (дата обращения: 14.04.2022) https://doi.org/10.15838/tdi.2021.2.57.3.

[2] Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 352 с.

[3] *Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M. M.* Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. Research Memorandum. Methodology Report, European Centre Vienna. 2013. URL: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

[4] *Zaidi A., Howse K.* The Policy Discourse of Active Ageing: Some Reflections // Population Ageing. 2017. No 10. P. 1–10. https://doi.org/10.1007/s12062-017-9174-6.

[5] *Zaidi A.* Active Aging and Active Aging Index // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / eds. D. Gu, M. Dupre. Springer, Cham, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_208-1.

[6] *Zasimova L., Sheluntcova M.* Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia // Working papers by NRU Higher school of economics. Series PA "Public administration", 2014. 30 p.

[7] *Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O.* Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia // Population Ageing. 2017. Vol. 10. Pp. 41–71. https://doi.org/10.1007/s12062-016-9164-0.

[8] *Barysheva G. A., Frolova E. A., Malanina V. A., Taran E. A.* Active Ageing Index: A Russian Study // Building Evidence for Active Ageing Policies / eds. A. Zaidi, S. Harper, K. Howse, G. Lamura, J. Perek-Białas. Palgrave Macmillan, Singapore, 2018. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19.

[9] *Фролова Е. А., Маланина В. А.* Индекс активного долголетия в регионах Сибири // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 209–222. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16.

[10] *Barslund M., Von Werder M., Zaidi A.* Inequality in active ageing: evidence from a new individual-level index for European countries // Ageing and Society. 2017. Vol. 39. P. 1–27. https://doi.org/10.1017/S0144686X17001052.

[11] *Короленко А. В.* Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 1. URL: http://socialarea-journal.ru/article/29201 (дата обращения: 19.04.2022) https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2.

[12] *Кулаков А. П.* Измерение в социологии: учеб. пособие. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2005. 124 с.

References

[1] *Barsukov V. N., Kalachikova O. N.* Territorial Features of Active Longevity Prevalence // Territorial development issues. 2021. Vol. 9, No. 2. URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/28893?_lang=en (accessed on 14.04.2022) https://doi.org/10.15838/tdi.2021.2.57.3.

[2] Russia's Population in 2018: 26th Annual Demographic Report / ed. S. V. Zakharov; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 352 p.

[3] *Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M. M.* Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. Research Memorandum. Methodology Report, European Centre Vienna. 2013. URL: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf (accessed on: 14.04.2022).

[4] *Zaidi A., Howse K.* The Policy Discourse of Active Ageing: Some Reflections // Population Ageing. 2017. No 10. Pp. 1–10. https://doi.org/10.1007/s12062-017-9174-6 .

[5] *Zaidi A.* Active Aging and Active Aging Index // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / eds. D. Gu, M. Dupre. Springer, Cham, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_208-1.

[6] *Zasimova L., Shelunttsova M.* Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia. Working papers by NRU Higher school of economics. Series PA «Public administration», 2014. 30 p.

[7] *Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O.* Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia // Population Ageing. 2017. Vol. 10. Pp. 41–71. https://doi.org/10.1007/s12062-016-9164-0.

[8] *Barysheva G. A., Frolova E. A., Malanina V. A., Taran E. A.* Active Ageing Index: A Russian Study // Building Evidence for Active Ageing Policies / eds. A. Zaidi, S. Harper, K. Howse, G. Lamura, J. Perek-Białas. Palgrave Macmillan, Singapore, 2018. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19.

[9] *Frolova E. A., Malanina V. A.* Active Ageing Index in Siberian Regions // Economy of Region. 2021. Vol. 17, No 1. Pp. 209-222. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16.

[10] *Barslund M., Von Werder M., Zaidi A.* Inequality in active ageing: evidence from a new individual-level index for European countries // Ageing and Society. 2017. Vol. 39. Pp. 1–27. https://doi.org/10.1017/S0144686X17001052.

[11] *Korolenko A. V.* Active Ageing in the Life Practices of the Vologda Oblast Population // Social area. 2022. Vol. 8, No. 1. URL: http://socialarea-journal.ru/article/29201?_lang=en (accessed on 19.04.2022) https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2

[12] *Kulakov A. P.* Measurement in sociology: studies. stipend. scholarship. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2005. 124 p.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-21
УДК 338.439
JEL I31 R10 Q13

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ФАКТОР НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРИЧИН БЕДНОСТИ[1]

Н. Н. Минеева

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация)
https://orcid.org/0000-0002-0103-0389
Автор для корреспонденции: Н. Н. Минеева (9220350757@mail.ru)

Аннотация. *Проблема бедности населения весьма актуальна для сельских территорий России, поскольку причины этого явления в нашей стране весьма специфичны и имеют как экономическую, так и социальную основу. Объект исследования — агропродовольственная система Уральского федерального округа (АПС УрФО). Предмет исследования — диверсификация экономики сельскохозяйственных территорий промышленного региона как фактор нейтрализации экономических причин бедности населения. Цель исследования: нейтрализация экономических причин бедности населения сельских территорий УрФО. Гипотеза исследования: диверсификация экономики сельских территорий промышленных регионов сокращает уровень бедности.*

Ключевые слова: сельские территории, диверсификация, бедность

Diversification of the Rural Economy as a Factor in Eliminating the Causes of Poverty

N. Mineeva

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
https://orcid.org/0000-0002-0103-0389
Corresponding author: N. N. Mineeva (9220350757@mail.ru)

Abstract. *Poverty is an acute and urgent problem for Russian rural regions, since the causes of this phenomenon in the country are very specific, and have both an economic and a social basis. The study examines the agricultural territories of the Ural Federal District, considering the diversification of the economy of an industrial region as a factor for eliminating the economic causes of poverty. The purpose of the research is to develop measures aimed at eliminating the economic causes of poverty in rural areas of industrialised regions. It was hypothesised that the diversification of the economy of rural areas of industrial regions reduces poverty.*

Keywords: rural areas; diversification; poverty

Введение

Согласно, ст. 7 Конституции РФ, политика государства имеет социальную направленность, цель которой — достойная жизнь и свободное развитие граждан [1].

[1] © Минеева Н. Н. Текст. 2022.

Таблица 1

Показатели уровня бедности

Показатель	Значение показателя по годам			
	2000	2010	2015	2020
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума:				
млн чел.	42,3	17,7	19,6	18,1
доля от общей численности населения, %	29,0	12,5	13,2	12,3
Работающие бедные:				
млн чел.	34,9	15,2	11,7	8,8
доля от общей численности населения, %	23,9	10,4	8,0	6,0
Низкий уровень оплаты труда (ниже 2/3 медианы почасового заработка) — доля занятых:				
по экономике в целом, %	*	29,0	27,3	24,7
в сельском хозяйстве, %	*	54,8	52,6	49,4
Повышенная нагрузка на персонал — доля занятых:				
с чрезмерной продолжительностью рабочего времени (более 48 часов в неделю), %;	7,3	4,7	4,5	3,0
с повышенной интенсивностью труда (более 10 %), %	6,2	8,6	12,9	18,4
Среднемесячная заработная плата, руб.	2223	20952	34030	51344
в сельском хозяйстве, руб.	1267	11109	20670	31319

* Расчет не проводился.

Источник: Росстат (gks.ru).

Вместе с тем, до настоящего времени фиксируются значительные проблемы в обеспечении достойного уровня жизни, наблюдается бедность работающего населения.

Причинами бедности в Российской Федерации являются отраслевые и региональные диспропорции развития экономики, высокая дифференциация доходов различных социальных групп и политическая, экономическая и социальная нестабильность.

Специфика экономической бедности в России обусловлена, в основном, региональными и отраслевыми диспропорциями в оплате труда, которая является основным видом доходов большей части населения. Уровень оплаты труда зависит, в основном, от фиксированного МРОТ, а также от уровня экономического развития региона и преобладающих отраслей. Средний уровень оплаты труда выше в урбанизированных, промышленных регионах, особенно если в структуре их экономики преобладают сырьевые, металлургические и металлообрабатывающие отрасли. Самая низкая заработная плата выплачивается преимущественно на сельских территориях. Прямая взаимосвязь между показателем уровня оплаты труда и количеством и качественными характеристиками труда и рабочей силы практически отсутствует. Кроме того, модальная заработная плата в исследуемый период почти на 30 % ниже медианной, что однозначно

свидетельствует: большинство населения имеет доходы ниже среднего уровня. Кроме того, ограниченная ценовая, качественная и физическая доступность основных потребительских товаров (включая продукты питания) и социально значимых услуг приводит к специфической бедности значительной части работающего населения России. А отсутствие мотивации к низкооплачиваемой работе в сочетании с низкой покупательной способностью способствует росту социальной напряженности и вторичному замедлению темпов развития экономики.

Нейтрализация причин бедности и повышение качества жизни наряду с экономическим ростом являются основными национальными приоритетами России [2].

Однако несмотря на проводимые в этом направлении мероприятия, уровень бедности не снижается сколь-либо значимо, а лишь переходит в новые формы и категории. Так, в 2021 г. проведена реформа системы расчета бедности. Ранее уровень бедности определялся как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, определяемого на основе стоимости потребительской корзины, то есть «абсолютная черта бедности». С 2021 г. рассчитывается «относительная черта бедности» — величина прожиточного минимума равная 44,2 % медианы среднедушевого дохода [3].

Материалы и методы

При проведении исследования в целях обеспечения сопоставимости данных и единой научной логики расчеты проводились по методикам расчета Федеральной службы государственной статистики.

Исследуемый период — 2000–2020 гг. с контрольными точками анализа и оценки результатов каждые 5–10 лет — 2000, 2005, 2010, 2015 и 2020 гг.

В целях данного исследования сельской территорией промышленного региона определен муниципальный район с преобладанием сельскохозяйственного производства на большей части территории и занятости населения в сельском хозяйстве, даже если административный центр является промышленным городом / городским поселением (моногородом или городом с диверсифицированной экономикой), независимо от доли сельского хозяйства в ВВП и ВРП.

Детальная апробация результатов исследования и верификация расчетов проведена по данным муниципальных районов Свердловской области.

Заработная плата составляет около 60 % всех доходов населения страны (табл. 2). В УрФО этот показатель превышает среднее значение, что связано со спецификой климатических и экономических условий — население округа не может иметь таких типичных для жителей курортных регионов России доходов, таких, как, например, сдача жилья в аренду, и т. п. Тем более острой становится здесь проблема соответствия уровня заработной платы характеристикам и условиям труда.

При этом существуют также отраслевые диспропорции в оплате труда, они оцениваются на уровне средних значений по Российской Федерации.

Таблица 2

Структура денежных доходов населения по основным источникам их формирования в целом по РФ и по субъектам РФ за 2020 г.

Субъект РФ	Оплата труда	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Доходы от предпринимательства и пр.
Российская Федерация	57,5	21,5	5,8	15,2
Центральный ФО	60,0	17,1	8,7	14,2
Северо-Западный ФО	62,3	22,2	7,4	8,1
Южный ФО	45,7	22,3	3,2	28,8
Северо-Кавказский ФО	34,4	24,8	1,1	39,7
Приволжский ФО	53,7	25,2	4,1	17,0
Уральский ФО	64,0	22,4	4,6	9,0
Курганская область	55,0	35,8	2,1	7,1
Свердловская область	57,5	21,5	5,3	15,7
Тюменская область (всего)	72,5	18,8	3,5	5,2
ХМАО	73,0	19,3	3,6	4,1
ЯНАО	82,5	12,7	1,9	2,9
Тюменская область	61,2	24,0	5,0	9,8
Челябинская область	59,7	28,7	6,0	5,6
Сибирский ФО	60,1	27,6	3,6	8,7
Дальневосточный ФО	67,5	22,2	3,5	6,8

Источник: Росстат (gks.ru).

На территории УрФО преобладают черная и цветная металлургия и тяжелое машиностроение, а также добыча, переработка и транспортировка полезных ископаемых — отрасли с объективно высокими показателями оплаты труда. В связи с чем отраслевая дифференциация в оплате труда несколько сглаживается территориальными критериями. При этом наблюдаются диспропорции в обеспечении и доступности социальных благ для населения сельских и городских территорий. Как и повсеместно, наиболее значимые объекты образования, здравоохранения, культуры, спорта, транспортно-логистической инфраструктуры и т. п. расположены в крупных городских агломерациях, а по мере удаления от них практически исчезают [4]. В УрФО эта проблема усугубляется удаленностью городских и сельских поселений друг от друга (по сравнению, например, с территориями Центральной России с высокой плотностью размещения населенных пунктов).

В процессе исследования на основе объединения всех показателей социально-экономической безопасности сельских территорий составлен рейтинга районов области по 50 экономическим факторам, объединенным в 9 групп:

*I*1 — экономический, природный, ресурсный и производственно-технический потенциал;

*I*2 — характеристики основных источников доходов населения (труд, занятость, заработная плата и пр.);

*I*3 — социально-демографические показатели;

*I*4 — социально-культурные факторы (включая уровень образования);

*I*5 — показатели здравоохранения;

*I*6 — показатели территориальной экономической безопасности;

*I*7 — показатели отраслевой экономической безопасности;

*I*8 — уровень налогово-бюджетной обеспеченности;

*I*9 — показатели качества транспортной инфраструктуры;

I — совокупный интегральный показатель.

Для расчета рейтинга использован метод многомерной средней: индекс по каждого муниципального района определен от среднего значения по области, принятого за единицу.

Уровень безопасного функционирования сельских территорий [5] определен как сводный рейтинг районов методом многомерного сравнительного анализа, рассчитанный как среднее арифметическое частных значений.

Результаты

Полученные в результате проведенных расчетов данные позволяют делать выводы об уровне обеспеченности продовольствием, доступности образования и другим социально-экономическим показателям по каждому району. В целом, сводный индекс социально-экономической безопасности районов Свердловской области не превышает 0,7 (табл. 3).

Практически все сельские территории Свердловской области характеризуются ограниченным ресурсным и инфраструктурным потенциалом и имеют крайне низкие значения индексов социально-демографического благополучия и отраслевой экономической безопасности (рис.). Таким образом, основной причиной бедности населения сельских территорий является неразвитость экономики. В большей степени на сельских территориях это касается низкой эффективности деятельности основных отраслей ядра АПС — растениеводство, животноводство и т. п. В период 2010–2020 гг. значительно увеличились объемы производства сельскохозяйственной продукции, но при этом финансовые показатели практически не имеют положительной динамики. Среди причин — и неблагоприятные природно-климатические условия, и недостаточная ресурсная база.

УрФО входит в число территорий с низкой обеспеченностью сельскохозяйственными угодьями и пахотными землями, что косвенно указывает на отсутствие возможностей роста производственного потенциала за счет земельных ресурсов.

Состояние материально-технической базы АПС УрФО в исследуемый период также характеризуется как неудовлетворительное по причине физического и морального износа. Любое повышение производительности

Таблица 3

Рейтинг сельских территорий Свердловской области по результатам социально-экономического мониторинга (2000–2020 гг.)

Районы	*I*1	*I*2	*I*3	*I*4	*I*5	*I*6	*I*7	*I*8	*I*9	*I*
Алапаевский	0,4	0,7	0,5	0,6	0,4	0,6	0,5	0,5	0,6	0,5
Артемовский	0,5	0,6	0,3	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3	0,7	0,4
Артинский	0,4	0,5	0,5	0,7	0,3	0,3	0,5	0,4	0,7	0,5
Ачитский	0,4	0,5	0,4	0,3	0,5	0,5	0,4	0,2	0,8	0,4
Байкаловский	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4
Белоярский	0,6	0,5	0,5	0,9	0,3	0,6	0,5	0,7	0,6	0,6
Богдановичский	0,6	0,5	0,5	0,8	0,3	0,4	0,4	0,6	0,5	0,5
Верхнесалдинский	0,3	0,6	0,5	0,7	0,6	0,3	0,4	0,9	0,7	0,6
Верхотурский	0,3	0,4	0,5	0,7	0,4	0,3	0,4	0,3	0,6	0,4
Гаринский	0,3	0,4	0,4	0,6	0,4	0,2	0,3	0,6	0,7	0,4
Ирбитский	0,8	0,8	0,4	0,9	0,5	0,4	0,5	0,3	0,4	0,6
Каменский	0,3	0,6	0,4	0,3	0,6	0,2	0,3	0,6	0,3	0,4
Камышловский	0,4	0,8	0,4	0,6	0,6	0,2	0,4	0,4	0,5	0,5
Красноуфимский	0,4	0,8	0,5	0,6	0,7	0,8	0,5	0,4	0,4	0,6
Невьянский	0,4	0,6	0,4	0,7	0,6	0,3	0,4	0,7	0,5	0,5
Нижнесергинский	0,4	0,7	0,5	0,8	0,7	0,7	0,5	0,7	0,6	0,6
Новолялинский	0,3	0,6	0,4	0,4	0,5	0,6	0,4	0,8	0,7	0,5
Пригородный	0,7	0,8	0,6	0,9	0,8	0,9	0,6	0,4	0,9	0,7
Пышминский	0,5	0,6	0,5	0,8	0,6	0,5	0,5	0,9	0,8	0,6
Режевской	0,3	0,5	0,4	0,7	0,1	0,4	0,4	0,8	0,9	0,5
Серовский	0,3	0,8	0,5	0,8	0,4	0,3	0,5	0,7	0,5	0,5
Слободо-Туринский	0,3	0,5	0,6	0,5	0,5	0,4	0,4	0,8	0,6	0,5
Сухоложский	0,3	0,6	0,5	0,7	0,6	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5
Сысертский	0,5	0,7	0,6	0,9	0,7	0,8	0,6	0,9	0,9	0,7
Таборинский	0,3	0,4	0,4	0,6	0,3	0,2	0,3	0,8	0,6	0,4
Тавдинский	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,2	0,3	0,7	0,5	0,4
Талицкий	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,2	0,4	0,8	0,6	0,5
Тугулымский	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,3	0,3
Туринский	0,3	0,5	0,5	0,8	0,5	0,7	0,5	0,9	0,5	0,6
Шалинский	0,3	0,4	0,4	0,5	0,4	0,2	0,3	0,8	0,4	0,4

Источник: расчеты автора.

труда является следствием непосредственного увеличения физической нагрузки на персонал.

При этом отмечается превышение предложения рабочей силы над спросом, что вызвано сокращением объемов традиционных производств на сельских территориях, отсутствием вакантных рабочих мест, слабым развитием несельскохозяйственных отраслей экономики. Условия труда, организационно-техническое оснащение и квалификационные требования предприятий не соответствуют уровню предлагаемой оплаты

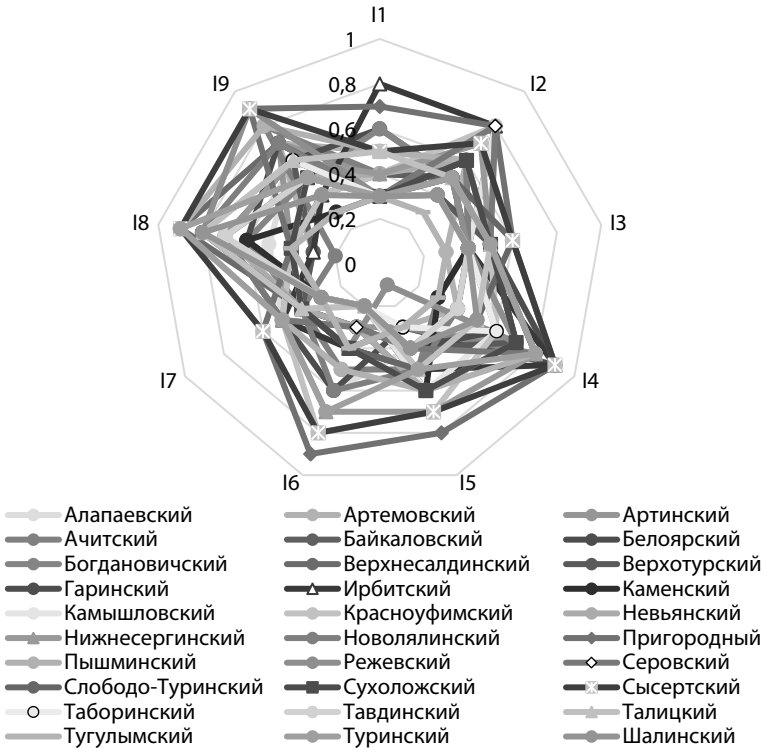


Рис. *Индексы социально-экономической безопасности сельских территорий Свердловской области (источник: составлено по данным таблицы 3)*

труда. Все имеющиеся на сегодняшний день достижения сельского хозяйства, обеспечиваются за счет избыточного использования труда и повышенной эксплуатации человеческого капитала. При росте производства продукции практически в 2 раза, и при снижении влияния других факторов, оплата труда в сельском хозяйстве выросла незначительно, и так и не достигла среднего уровня по экономике. Также ниже средних оцениваются и другие индикаторы качества жизни населения сельских территорий.

Таким образом, имеющийся на сегодняшний день потенциал обеспечения продовольственной безопасности оценивается как недостаточный [6].

Дискуссия

В ходе проведенного исследования сделан вывод, что практически единственным вариантом развития экономики сельских территорий УрФО в существующих условиях может стать диверсификация деятельности экономических субъектов АПС.

Диверсификация сглаживает традиционную сезонность сельскохозяйственного производства, и за счет эффекта масштаба, синергетических эффектов, ослабления прямой зависимости результатов производства от территориальных, отраслевых и природно-климатических факторов обеспечивает большую финансовую устойчивость [7].

Процесс диверсификации в той или иной степени затрагивает до 44 % агропредприятий. В большинстве случаев (88 %) — в виде увеличения видов сельскохозяйственной продукции в рамках избранной специализации, реже — путем новых отраслей, которые так или иначе сопряжены с основным производством, но не подвержены специфическим природно-климатическим рискам.

Наиболее приемлемыми организационно-правовыми формами в диверсифицируемых отраслях сельского хозяйства являются предприятия малого и среднего бизнеса (по примеру стран Евросоюза), а перспективными направлениями деятельности — отрасли и подотрасли агропроизводства, не имеющие прямой зависимости от природно-климатических условий (переработка, торговля, сельскохозяйственные услуги, и т. п.)

Результатами диверсификации сельскохозяйственного производства прогнозируемо становится улучшение показателей экономической и социальной безопасности [8].

Ограниченность собственных ресурсов и высокие риски отрасли практически полностью исключают возможность развития диверсификации в аграрной сфере за счет средств частных инвесторов, а привлечение средств из бюджетов разного уровня ограничивается экономическими приоритетами сырьевых и нефтегазовых отраслей в регионе [9].

Заключение

Положительные экономические результаты диверсификации наблюдаются у всех экономических субъектов, независимо от масштабов деятельности и формы собственности. При этом диверсификация приводит и к улучшению социальных показателей: доступность продовольствия при росте доходов устраняет основную причину бедности населения сельских территорий.

Ограничением диверсификации в АПС УрФО можно назвать недостаточность собственных средств и экономическую недоступность заемных источников финансирования. В связи с чем можно сделать вывод, что проблема бедности в силу глубины и массовости распространения не может быть решена лишь на уровне субъектов бизнеса — она требует целенаправленного участия органов государственного и муниципального управления [10].

Список источников

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2022).

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.04.2022).

[2] О Стратегии национальной безопасности. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 25.04.2022).

[3] Об утверждении Правил определения бедности в целом по РФ и по субъектам РФ, используемых в оценках показателя «Уровень бедности» в целом по РФ и по субъектам РФ, и о внесении изменений в Федеральный план статистических работ. Пост. Правительства РФ от 26.11.2021 № 2049. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401369 (дата обращения: 25.04.2022).

[4] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 25.04.2022).

[5] О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38809 (дата обращения: 25.04.2022).

[6] Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20. URL: http:// kremlin.ru/events/president/news/6752 (дата обращения 25.04.2022).

[7] Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы. Пост. Правительства РФ от 25.08.2017 № 996. URL: http://garant.ru/product/ipo/prime/doc/56599536 (дата обращения: 25.04.2022).

[8] Об утверждении Прогноза научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 12.01.2017 № 3. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71499570 (дата обращения: 25.04.2022).

[9] О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2016 № 350. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607220024?rangeSize=20 (дата обращения 25.04.2022).

[10] Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года. Минсельхоз России; НИУ Высшая школа экономики. Москва : НИУ ВШЭ, 2017. 140 с.

References

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by national referendum on 12 December 1993, with amendments approved during the national vote on 1 July 2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 25.04.2022).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 “On the National Security Strategy”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed on 25.04.2022).

[3] Decree of the Government of the Russian Federation dated November 26, 2021 No. 2049 “On approval of the Rules for determining poverty in the whole of the Russian Federation and in the constituent entities of the Russian Federation, used in the assessment of the indicator “Poverty rate” in the whole of the Russian Federa-tion and in the constituent entities of the Russian Federation, and on amendments to the Federal plan of statistical work” URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401369(accessed on 25.04.2022).

[4] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federa-tion for the period of 2024”. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (accessed on 25.04.2022).

[5] Decree of the President of the Russian Federation of August 6, 2014 No. 560 “On the application of certain special economic measures in order to ensure the security of the Russian Federation”. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38809 (accessed on 25.04.2022).

[6] Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation” URL: http://kremlin.ru/events/president/news/6752 (accessed on 25.04.2022).

[7] Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2017 No. 996 “On Approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Develop-ment of Agriculture for 2017-2025” URL: http://garant.ru/product/ipo/prime/doc/56599536 (accessed on 25.04.2022).

[8] Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated January 12, 2017 No. 3 “On approval of the Forecast of scientific and technological develop-ment of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030”. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71499570 (accessed on 25.04.2022).

[9] Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2016 No. 350 “On measures to implement the state scientific and technical policy in the interests of the development of agriculture”. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607220024?rangeSize=20 (accessed on 25.04.2022).

[10] Forecast of scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030. Ministry of Agriculture of Russia; NRU Higher School of Economics. M.: NRU HSE, 2017. 140 p. (ac-cessed on 25.04.2022).

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-22
УДК 314
JEL J10, J18

МЕТОДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: ОБЗОР КЛАССИФИКАЦИЙ[1]

Н. П. Неклюдова

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-5026-1394
Автор для корреспонденции: Н. П. Неклюдова (neklyudova.np@uiec.ru)

Аннотация. *Целью настоящей статьи являются обзор примеров проектной деятельности в сфере народонаселения и классификация их методов. Материалом исследования послужили научные статьи зарубежных исследований по тематике «demographic engineering», содержащие в полном тексте статьи те или иные упоминания о видах и методах демографического проектирования. Рассматриваются классификации методов демографического проектирования в зарубежной литературе. Приведены структурные схемы классификаций. Дана краткая характеристика методов относительно параметра классификации. Предлагается авторская концепция краткой классификации методов демографического проектирования для целей демографического развития регионов России.*

Ключевые слова: демографическое проектирование, демографическое конструирование, демографическая инженерия

Methods of Demographic Engineering: a Review of Classifications

N. Neklyudova
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Yekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-5026-1394
Corresponding author: N. Neklyudova (neklyudova.np@uiec.ru)

Abstract. *The aim of the paper is to review methods of demographic engineering and their classifications. For that purpose, the research analyses foreign studies on «demo-graphic engineering», containing in the full text of the article certain references to the types and methods of demograph-ic engineering. The classifications of demographic engineer-ing methods in foreign literature are considered. Structural schemes of classifications are presented. The study pro-vides a short description of the methods according to the classification parameter. The author's brief classification of demographic engineering methods for the purposes of de-mographic development of Russian regions is proposed.*

Keywords: demographic engineering

Введение

Демографическое проектирование — целенаправленное воздействие органов государственного управления, общественных организаций и социальных институтов на демографические установки населения, демографическое поведение и демографические процессы с целью обеспечения

[1] © Неклюдова Н. П. Текст. 2022.

демографической безопасности, демографического благополучия и демографической устойчивости на определенной территории.

Идея управляемого демографического развития не нова. Существует насколько подходов к вопросу об управляемости демографических процессов. Исторически первым научным трудом, поднимающим вопрос регулирования численности населения, в середине XVIII в. был трактат немецкого теолога Иоганна Петера Зюсмильха «Божественный порядок изменений в роде человеческом, подтверждаемый данными о происходящих в нем процессах рождаемости, смертности, размножения» [1]. В своем труде Зюсмильх объяснял демографические закономерности выражением «божественного духа». Второй подход — это подход, в котором демографические процессы рассматриваются в качестве самоорганизующихся систем. И, прежде всего, здесь, конечно, нужно упомянуть Томаса Мальтуса, который в своем «Опыте о законе народонаселения» вывел статистический оптимум населения, перейдя который начинают действовать «разрушительные факторы» (войны, эпидемии, голод и др.), корректирующие рост численности населения [2]. Мальтус впервые указал на возможность негативных последствий роста населения и выдвинул идею регулирования численности населения. Еще один ученый, который считал, что численность населения саморегулируется и поддерживается в равновесии, — это Герберт Спенсер [3]. То есть у Зюсмильха о поддержании демографического равновесия заботится Бог, Мальтус пытался возложить эту заботу на самих людей, Спенсер верил в регуляторные механизмы природы. И третий подход — это подход, в котором демографическое развитие рассматривается в качестве сферы, за которую несет ответственность правительство. То есть здесь признается, что на качественный и количественный состав населения возможно влиять целенаправленно. При этом одни считают, что это недопустимо и аморально, другие считают, что в целях социально-экономического благополучия можно и нужно этим пользоваться. В российской истории в качестве первых документов подобного рода можно назвать письмо М.В. Ломоносова И.И. Шувалову «О размножении и сохранении народа» от 1 ноября 1761 г. [4] и Манифест от 4 декабря 1762 г., в котором содержалось приглашение всем желающим европейцам переезжать и селиться в России [5]. На данный момент доступны исследования, посвященные формированию демографического оптимума [6, 7], репродуктивному регулированию рождаемости [8], конструированию нового человека [9], вопросам социального программирования [10, 11].

Что касается демографического проектирования (*demographic engineering*), то до настоящего времени это явление не удостаивалась внимания исследователей, хотя в зарубежной литературе накоплен некоторый опыт подхода к управлению и развитию демографических процессов с точки зрения их проектирования [12].

Целью настоящей статьи являются обзор примеров проектной деятельности в сфере народонаселения и классификация их методов. Как отмечают

В. И. Якунин и соавторы, «государственное управление, политическая и общественная практика вполне могут существенно влиять на демографические процессы. Страновой и исторический опыт свидетельствуют об этом достаточно убедительно. Примеры подтверждают и позитивные итоги, и отрицательное (неудачное) воздействие. Поучительный опыт помогает увидеть возможности управления демографическим развитием и предостеречь от ложных, неэтичных или безнравственных способов государственного управления» [13].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили научные статьи зарубежных исследований по теме демографического проектирования (*demographic engineering*), содержащие в полном тексте статьи те или иные упоминания о вида и методах демографического проектирования. Поиск проводился по базе Web of Science и в поисковом сервисе Google Scholar. На первом этапе был выполнен количественный анализ посредством выявления общего числа публикаций, содержащих в названии или в ключевых словах термин «*demographic engineering*». Область поиска была ограничена общественными науками (*Social sciences*). На втором этапе были отобраны те работы, в которых встречается классификация методов демографического проектирования. На третьем этапе проведен анализ этих классификаций по качественным и количественным характеристикам.

Результаты и обсуждение

Одна из наиболее оформленных классификаций методов демографического проектирования приведена Милицией Букман в ее статье «Demographic Engineering and the Struggle for Power» (Демографическое проектирование и борьба за власть) [14]. Как видно из названия публикации, автор рассматривает методы влияния на демографические характеристики населения региона в контексте борьбы за власть между этническими группировками. В качестве примеров чаще всего приводятся те методы, которые применялись на территории бывшей Югославии в 1990-х гг. М. Букман выделяет следующие методы демографического проектирования:

- Манипуляции с демографической статистикой.
- Пронаталистская политика:
  - активная;
  - пассивная.
- Ассимиляция:
  - активная (насильственная);
  - пассивная (добровольная).
- Изменение административно-территориальных границ.
- Экономические стимулы:
  - прямые;

  — косвенные.
— Перемещения населения:
  — этническое ослабление (размывание);
  — этническая консолидация;
  — этническая чистка.

Манипуляции с демографической статистикой (в том числе с данными переписи населения). М. Букман справедливо отмечает, что если численность населения важна для определения политического и экономического статуса этнической группы, то определение численности этой группы имеет решающее значение. Таким образом, процесс сбора, компиляции, анализа и интерпретации статистических данных становится политизированным. Если вдруг выяснится, что правящая этническая группа на самом деле не является демографически доминирующей, ее власть становится слабой [14]. При этом если этнические группы, не входящие в руководство, более многочисленны, то может возникнуть политическая нестабильность. Перепись населения как инструмент нациестроительства также рассматривается в работе отечественных исследователей И. И. Краснопольской и Г. С. Солодовой, которые также полагают, что «государство как инициировавший перепись субъект имеет большой набор инструментов для проведения собственных идей» [15].

Пронаталистская демографическая политика предполагает увеличение численности населения посредством стимулирования уровня рождаемости. М. Букман выделяет пассивную и активную пронаталистскую политику. Пассивная ограничивается лозунгами и призывами политических или религиозных лидеров к деторождению. В качестве примера приводит известное высказывание Я. Арафата: «Лучшее оружие палестинцев — чрево арабской женщины». Активная пронаталистская политика влечет за собой прямую денежную компенсацию, финансовые стимулы (например, снижение пенсионного возраста для матери за каждого рожденного ребенка) и запрет контроля над рождаемостью (запрет абортов). К пронаталистской политике относятся также мероприятия по искоренению антинаталистских (негативно оценивающих возникновение новой жизни) идей из средств массовой информации; пропаганда социальных установок, превозносящих роль материнства, увеличение пособий на детей, изменение налоговой структуры таким образом, чтобы принести пользу семьям с детьми и препятствовать семьям с одним ребенком или без детей, попытка усложнить разводы и др.

Ассимиляция подразумевает устранение различий между этническими группами, поскольку ожидается, что малочисленные (или более слабые) этнические группы будут подстраиваться под большую, доминирующую или титульную группу. Легче всего это происходит в сферах религии и языка. Как и в случае с пронаталистской политикой, ассимиляция может быть пассивной или активной. В первом случае население поощряют и стимулируют к обращению в другую веру или приобщению к другой

культуре на добровольной основе. Наградой может быть встраивание (вливание) в доминирующее общество или финансовая выгода. В случае же активной ассимиляции обращение в другую веру реализуется насильно под угрозой смерти. Массовое обращение в этом случае воспринимается как насильственный переход в иную веру в обмен на право жить на своем нынешнем месте. Отказ принять участие в массовых обращениях обычно влечет за собой изгнание или убийство не подчинившихся лиц.

Изменение административно-территориальных границ. На численный и этнический состав населения государства или региона внутри государства можно повлиять изменением границ, независимо от того, была корректировка границ произведена путем войны, в результате мирных переговоров или внутриполитическим решением. Существуют многочисленные этнические (или религиозные) группы населения, разбросанные по разным странам и желающие объединить свои территории для создания нового государства, например, испанские и французские провинции басков или курдские регионы в Иране, Ираке и Турции. Создание Израиля имело целью объединить рассеянные народы, а объединение Западной и Восточной Германии было направлено на объединение немцев в одно государство.

Экономические стимулы. Используя экономические стимулы, правительства могут повышать или снижать нынешнее и будущее благосостояние конкретных групп населения и таким образом прямо или косвенно влиять на демографические переменные. Прямые экономические стимулы — это стимулы, которые непосредственно влияют на численность населения (в том числе этническую), побуждают людей к размножению, ассимиляции и переселению. Примерами таких стимулов являются единовременные выплаты родителям при рождении каждого ребенка, пособия на детей, которые будут выплачиваться в течение ряда лет, учет лет воспитания детей в пользу трудового стажа для начисления пенсионных выплат, кредиты по низким процентным ставкам, жилищные сертификаты и благоприятная налоговая структура. Сюда же относятся экономические стимулы для увеличения числа людей, которые ассимилируются в доминирующую культуру. Наиболее эффективным экономическим стимулом в отношении ассимиляции является участие в доминирующей экономике. Действительно, ассимиляция в отношении языка, религии и гражданства позволяет людям стать экономически и социально более мобильными и, таким образом, влечет за собой ожидание более высоких экономических выгод в виде заработной платы, продвижения по службе и тому подобного. Экономические стимулы также используются для побуждения населения к переселению. Иногда страны платят другим государствам непосредственно за переселение населения.[1] М. Букман отмечает, что хотя не вся экономическая политика напрямую влияет на демографическую

[1] Недавний пример Великобритании, которая заплатила Раунде 120 миллионов фунтов за перевозку и адаптацию мигрантов (https://www.ng.ru/world/2022-06-14/6_8460_britain.html).

структуру, политика, которая заставляет этническую группу чувствовать себя менее благополучно, ограничивает ее права и ущемляет ее экономические возможности, может косвенно привести к тому же результату. Такие косвенные экономические стимулы могут, например, включать дискриминацию в вопросах труда, избирательную налоговую политику, избирательность в проектах развития, этническую дискриминацию в образовании и манипулирование доступом к природным ресурсам. Подобные меры нацелены на дискриминацию между этническими группами внутри общества. В качестве примера приводится использование конституции для публичного определения доминирующей этнической группы (или расы) и предоставления ее языку официального статуса. Подобное явное выражение этнической или языковой иерархии в условиях межэтнической вражды не сулит ничего хорошего «нетитульному» населению (это относится, в частности, к конституциям прибалтийских постсоветских государств). Конституция Малайзии, например, содержит поправку, которая предоставляет правительству право устанавливать квоты для малайцев на должности на государственной службе, стипендии, разрешения и лицензии [14].

Насильственные перемещения носят принудительный характер; они применяются либо во время войны, либо когда считается необходимым немедленное изменение демографического состава. М. Букман выделяет 3 типа насильственных перемещений в зависимости от целей. Этническое ослабление, или размывание, предполагает переселение людей в ту или иную местность с целью размывания ранее существовавшего населения. Этническая консолидация — это переселение людей в определенную местность с целью укрепления желаемой этнической группы. Этническая чистка — это изгнание людей с территории, чтобы избавить существующее население от «нежелательных лиц».

Еще одной работой, в которой рассматривается классификация методов демографического проектирования, является книга Пола Морланда «Demographic Engineering: Population Strategies in Ethic Conflict» («Демографическое проектирование: стратегии демографического развития в условиях этнических конфликтов»), изданная в 2014 г. Под демографическим проектированием П. Морланд понимает «целенаправленное осуществление конфликтующими этническими группировками стратегий, направленных на увеличение их демографической мощи, либо как самоцель, либо как средство достижения военной или политической власти, чтобы обеспечить присутствие, сохранение и распространение группы на определенной территории» [16][1]. Автор выделяет «жесткое» (*hard*) и «мягкое» (*soft*) демографическое проектирование. Жесткие методы — это методы, направленные на изменение численности населения путем рождения, перемещения или уничтожения людей. Эти методы включают селективную демографическую политику, влияющую на рождаемость,

[1] Перевод цитаты Н. П. Неклюдовой.

иммиграцию, эмиграцию и геноцид. К «мягким» методам демографического проектирование П. Морланд относит недемографические инструменты, такие как смещение административно-территориальных границ, изменения в определении национальных или этнических групп и т. д.

И, наконец, еще один вариант видения методов демографического проектирования представлен Керемом Ёктемом в его исследовании, посвященном взаимосвязи демографического и топонимического проектирования осуществлявшихся на территории бывшей Османской империи [17]. Для Ёктема методы демографического проектирования — это всевозможные способы влияния на численный и этнический состав населения, которые государства проводят в собственных интересах. С точки зрения нациестроительства он делит их на конструктивные и деструктивные. К деструктивным относит такие методы, как ассимиляция, расселение, депортация, массовые убийства, к конструктивным — политику идентичности, политику в области культуры и государственное строительство.

Как видно из приведенного обзора, демографическое проектирование чаще всего воспринимается как система управления демографическими процессами, основанная на численном или политическом превосходстве одной этнической группы над другой. Соответственно, методы демографического проектирования также в основном представляют собой меры по изменению численного состава того или иного этноса на определенной территории. Таким образом, основной акцент делается на одном или нескольких ключевых демографических факторах (численность, этнический состав, расселение населения) и упускаются из вида другие важные смыслы демографического проектирования. Представляется, что понятие демографического проектирования гораздо шире, которое может рассматриваться как инструмент обеспечения демографической безопасности, демографической устойчивости и демографического благополучия, который при умелом использовании может принести положительные результаты как для государства в целом, так и для всей совокупности этнических и демографических групп населения.

Заключение

Методология демографического проектирования представляет собой изучение методов целенаправленного преобразования качественных и количественных характеристик населения региона. Эти методы отличаются значительным разнообразием, что создает предпосылки для их классификации. Ниже приводятся критерии, на базе которых, в свою очередь, в дальнейшем можно будет выделить специфические методы проектирования для разных видов демографической политики и демографических групп.

Критерии классификации методов демографического проектирования:

— виды демографического поведения (репродуктивное, миграционное, матримониальное (брачное), самосохранительное);

— степень охвата объекта проектирования (локальные, региональные, национальные);
— степень гуманности / этичности;
— степень легальности;
— степень открытости для объекта проектирования (явные / неявные);
— степень воздействия (принудительные / добровольные);
— сила воздействия (мягкие / жесткие);
— скорость воздействия (быстрые / медленные (долгосрочные)).

В дальнейшем на основе предложенных критериев планируется выделить специфические методы проектирования для разных видов демографической политики и демографических групп.

Список источников

[1] *Süßmilch J.P.* Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, Tod, und Fortpflanzung desselben erwiesen: 2 Teile. Berlin, 1741. 539 p.

[2] *Malthus T. R.* An essay on the principle of population, as it affects the future imporvement of society, with remarks on the speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and other writers. The Lawbook Exchange, Ltd., 1998. 126p.

[3] *Spencer H.* A Theory of population, deduced from the general law of animal fertility // The Westminster Review. 1852. No 57. P. 468-501. [New Series, I(II)].

[4] *Ломоносов М. В.* О сохранении и размножении российского народа. Ч. II // Андрология и генитальная хирургия. 2018. Т. 19. №. 1. С. 81-85.

[5] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. СПб., с 28 июня 1762 г. 1764 г. Т. 16 (1830). URL: https://www.prlib.ru/item/358609 (дата обращения:07.05.2022).

[6] *Притула О. Д., Давыдова С. Г., Фетисова Г. В.* Демографический оптимум. Понятие, критерии, подходы к определению и прогнозированию // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2019. Т. 9. №. 1-1. С. 98-110.

[7] *Ирих И. С.* Демографический оптимум как цель экономической и демографической политики // Самарский научный вестник. 2014. № 1(6). С. 58-60.

[8] Русанова, Н. Е. Репродуктивные возможности демографического развития: дисс. … д-ра экон. наук. Москва. 2010. 415 с.

[9] *Меренков А. В.* Конструирование «нового человека». Разрушение связей природного и социокультурного // Koinon. 2021. Т. 2, No 2. С. 7-22. http://doi.org/10.15826/koinon.2021.02.2.013.

[10] Уши машут ослом. Современное социальное программирование / Гусев Д. Г., Матвейчев О. А., Хазеев Р. Р., Чернаков С. Ю. Пермь: ООО «Студия Зёбра», 2006. 192 с.

[11] *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. Москва : Родина, 2018. 432 с.

[12] *Неклюдова Н. П.* Демографическое проектирование как инструмент социально-экономического развития региона // Human Progress. 2021. Т. 7, вып. 4. С. 8. URL: http://progresshuman.com/images/2021/Tom7_4/Neklyudova.pdf, свободный. http://doi.org/10.34709/IM.174.8.

[13] Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Якунин В. И. и др. Directmedia, 2013. С. 198.

[14] *Bookman M.* Demographic Engineering and The Struggle for Power // Journal of International Affairs. 2002. Vol. 56 (1). Pp. 25-51.

[15] *Краснопольская И. И., Солодова Г. С.* Перепись населения как инструмент строительства наций // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. №. 1. С. 55-78.

[16] *Morland P.* Demographic Engineering: Population Strategies in Ethnic Conflict Famham. UK: Ashgate Publishing, 2014. 212 p.

[17] Öktem, K. The Nation's imprint: Demographic engineering and the change of toponymes in Republican Turkey. European Journal of Turkish Studies // Social Sciences on Contemporary Turkey. 2008. № 7. https://doi.org/10.4000/ejts.2243.

References

[1] *Süßmilch J. P.* Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, Tod, und Fortpflanzung desselben erwiesen: 2 Teile. Berlin, 1741. 539 p.

[2] *Malthus T. R.* An essay on the principle of population, as it affects the future imporvement of society, with remarks on the speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and other writers. The Lawbook Exchange, Ltd., 1998. 126 p.

[3] *Spencer H.* A Theory of population, deduced from the general law of animal fertility // The Westminster Review. New Series, I(II). 1852. No. 57. Pp. 468-501.

[4] *Lomonosov M. V.* On the preservation and reproduction of Russian people multiplication. Part II // Andrology and Genital Surgery. 2018. Vol. 19(1). Pp. 81-85.

[5] The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection of the 1st St. Petersburg, from June 28, 1762 to 1764, 1830. Vol. 16. URL: https://www.prlib.ru/item/358609 (accessed on 07.05.2022).

[6] *Pritula O. D., Davydova S. G., Fetisova G. V.* Demographic optimum: concept, criteria, approaches to determination and forecasting // Bulletin of the Novgorod branch of RANEPA. 2019. Vol. 9, No. 1-1(11). Pp. 98-110.

[7] *Irikh I. S.* Demographic optimum as the objective of economic and demographic policy // Samara Journal of Science. 2014. No. 1(6). Pp. 58-60.

[8] *Rusanova N. E.* Reproductive opportunities of demographic development: specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy: dissertation for the degree of Doctor of Economics. Moscow. 2010. 415 p.

[9] *Merenkov A. V.* Constructing a "new man": the destruction of natural and socio-cultural connections // Koinon. 2021. Vol. 2, No. 2. Pp. 7-22. http://doi.org/10.15826/koinon.2021.02.2.013.

[10] Ears wave a donkey. Modern social programming / D. G. Gusev, O. A. Matveychev, R. R. Khazeev, S. Yu. Chernakov. Perm: Zebra Studio, 2006. 192 p.

[11] *Kara-Murza S. G.* Manipulation of consciousness. M: Rodina. 2018. 432 p.

[12] *Neklyudova N. P.* Demographic engineering as a method for socio-economic development of a region // Human Progress. 2021. Vol. 7(4). URL: http://progresshuman.com/images/2021/Tom7_4/Neklyudova.pdf, http://doi.org/10.34709/IM.174.8.

[13] State policy of Russia's withdrawal from the demographic crisis / V. I. Yakunin et al. Directmedia, 2013. 198 p.

[14] *Bookman M.* Demographic Engineering and The Struggle for Power // Journal of International Affairs. 2002. Vol. 56 (1). Pp. 25-51.

[15] Krasnopol'skaya I. I., Solodova G. S. National Census as an Instrument of Na-tion Buildingin the Postindustrial Age // Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2016. Vol. 25, No. 1. Pp. 55-78.

[16] *Morland P.* Demographic Engineering: Population Strategies in Ethnic Conflict Famham. UK: Ashgate Publishing, 2014. 212 p.

[17] *Öktem K.* The Nation's imprint: Demographic engineering and the change of toponymes in Republican Turkey // European Journal of Turkish Studies. Social Sciences on Contemporary Turkey. 2008. No. 7. https://doi.org/10.4000/ejts.2243.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-23
УДК 332.05, 378
JEL I21, I24

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В ПЕРИОД ДИНАМИЧНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ[1]

О. А. Пышминцева

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
https://orcid.org/0000-0003-1288-7511
Автор для корреспонденции: О. А. Пышминцева (pyshmintseva.oa@uiec.ru)

Аннотация. *В статье представлен авторский методический подход к оценке устойчивости развития региональной системы высшего образования в период динамических изменений. На основе разработанного методического подхода проведена типологизация регионов по уровню устойчивости развития. Выявлены положительно неустойчивые регионы с экстремально высокими значениями интегрального индекса устойчивости системы высшего образования, что свидетельствует о высокой концентрации инфраструктуры высшего образования в данных регионах и вымывании человеческих ресурсов из ближайших регионов. А также выявлены отрицательно неустойчивые регионы, что отражает острую нехватку образовательных учреждений высшего образования и, соответственно, снижение человеческого потенциала региона. Полученные результаты могут быть использованы в качестве инструментария при разработке региональных социально-экономических программ.*

Ключевые слова: устойчивость, высшее образование, динамические изменения

Assessing the Sustainability of the Development of the Higher Education System in Russian Regions in the Period of Dynamic Changes

O. Pyshmintseva

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0003-1288-7511
Corresponding author: O. A. Pyshmintseva (pyshmintseva.oa@uiec.ru)

Abstract. *The article presents the author's methodological approach to assessing the sustainability of the development of regional higher education systems in the period of dynamic changes. Based on the developed methodology, the regions were classified according to the sustainability of their development. Positively unstable regions with extremely high values of the integral index of stability of the higher education system were identified, indicating a high concentration of higher education infrastructure in these regions and the movement of human resources from the nearest regions. Negatively unstable regions were also identified, reflecting the acute shortage of higher education institutions and, accordingly, a decrease in the human potential of the region. The obtained results can be used to develop regional socio-economic programmes.*

Keywords: sustainability; higher education; dynamic changes

[1] © Пышминцева О. А. Текст. 2022.

Введение

Устойчивое развитие регионов России должно быть ориентировано на сбалансированное развитие человеческого потенциала и повышение качества жизни населения при позитивной динамике основных их компонентов. Для достижения данной цели необходимо оценить вклад российской системы высшего образования в снижение региональных проблем неравенства доступа к образованию. Важность устойчивого развития также была отмечена на Генеральной Ассамблее ООН, где была подписана резолюция от 25 сентября 2015 г. A/Res/70/L1[1] о достижении к 2030 г. целей устойчивого развития в мире. Одна из 17 рассматриваемых целей направлена на повышение качества и доступности образования.

Под устойчивостью региональной системы высшего образования автором понимается, что те региональные системы высшего образования, которые находились в сбалансированном состоянии, при негативном влиянии внешних факторов, кризисов способны через некоторое время вернуться в прежнее сбалансированное состояние.

Таким образом, актуальностью данного исследования является разработка методического подхода к оценке устойчивости развития системы высшего образования в регионах. Данный авторский методический подход позволит выявить потенциальные риски несбалансированности региональной образовательной системы высшего образования. Полученные результаты могут быть использованы в качестве инструментария при разработке региональных социально-экономических программ.

Материалы и методы

Оценка системы высшего образования как фактора устойчивого развития регионов России проводилась на основании трех индикаторов:

1. Доступность образования. Одним из ключевых аспектов оценки развитости образовательной системы региона является высшее образование. Поэтому следует проанализировать обеспеченность высшим образованием в регионе через показатель «численность студентов вузов в регионе на 10 000 чел. населения». Этот показатель важен, во-первых, с точки зрения оценки обеспеченности региона вузами, а во-вторых, как показатель привлекательности этих вузов для молодежи страны и данного региона.

2. Цифровизация образования. Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс расширяет рамки обучения студентов. Внедрение дистанционного обучения, дает возможность получить образование населению отдаленных территорий. Для оценки цифровизации образования взяли показатель «число персональных компьютеров, используемых

[1] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сент. 2015 г. A/Res/70/L1 URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 06.05.2020).

в учебных целях, в организациях высшего образования на 1000 обучающихся (студентов)».

3. Развитость рынка образовательных услуг. Использовали показатель «доля платных услуг в образовании», который позволяет оценить объем потребления платных услуг в сфере образования. Данный показатель отражает, насколько население пользуется не только гарантированным бесплатным образованием, но и повышением уровня своего образования через ресурсы дополнительного образования.

Механизм оценки индикаторов основан на нормализации по методу минимакс, позволяющему оценить интегральный показатель устойчивости системы высшего образования регионов России:

$$x_{norm} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}.$$

При кластеризации регионов регионы с устойчивым развитием попадали в диапазон среднего значения показателей плюс (минус) среднеквадратическое отклонение ($x \pm \sigma$). Те регионы, которые не попали в данный диапазон, относятся к регионам с неустойчивым развитием:

1. Регионы, в которых значения показателя выше пороговых значений, что свидетельствует о переизбытке ресурсов и риск вымывания их из соседних регионов.

2. Регионы, в которых значения показателя ниже пороговых значений, характеризуются острой нехваткой ресурсов в регионе по сравнению со средними значениями по стране, и представляют существенный риск для социальной инфраструктуры региона в целом.

Результаты

За анализируемый период 2005–2020 гг. показатели образования в России имели отрицательную динамику и стагнирующий тренд. Численность студентов сократилась на 1,8 раза. На протяжении 14 лет доля платных услуг в образовании составляла в пределах 6,6–6,7 % от общего объема платных услуг. В 2020 г. данный показатель вырос на 107 % по сравнению с 2019 г. и составил 7,2 %, однако рост вызван общим сокращением объемов платных услуг населения в стране на фоне экономического кризиса, связанного с пандемией новой короновирусной инфекции. Однако в некоторых регионах — а именно Москва, Санкт-Петербург и Республика Крым — наблюдался рост расходов на образование на общем фоне их снижения по стране, это проявление активного адаптационного механизма населения на воздействие негативных внешних факторов. В период пандемии COVID-19 часть населения активно осваивала дистанционный вид работы и учебы, из-за роста безработицы возросли спрос на онлайн-курсы по различным направлениям и востребованность онлайн-театров, концертов и музеев. По данным онлайн-платформы SimilarWeb, отмечается стремительный рост количества посещений

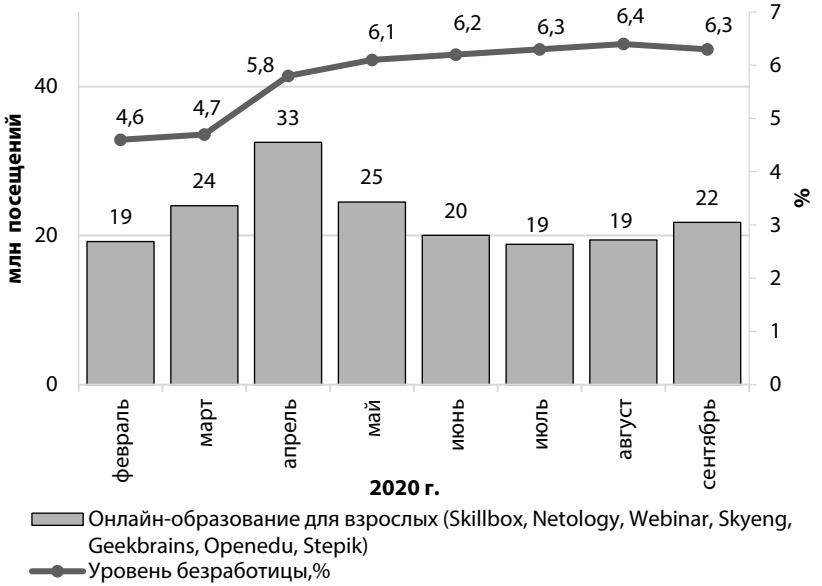


Рис. 1. *Влияние институционального фактора на рынки труда и онлайн-образование в период ограничительных мер по коронавирусу (источник: SimilarWeb. URL: https://www.similarweb.com (дата обращения: 02.10.2020); Срочные информации и справки по актуальным вопросам (по темам) / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B09_03/Main.htm (дата обращения 02.11.2020))*

сайтов дополнительного образования с марта по апрель 2020 г. почти в 2 раза [7, с. 257] (рис. 1).

Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, выросло с 2010 г. по 2020 г. в 1,5 раза (табл. 1). Положительная динамика в оснащении вузов компьютерными технологиями происходит благодаря заинтересованности самих высших учебных заведений, а также активной государственной политике в области цифрового образования. С 25 октября 2016 г. разработана программа «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»[1], которая ориентирована на создание условий для непрерывного образования всех граждан РФ за счет развития онлайн-курсов.

Отрицательное влияние в сфере высшего образования имеют факторы: во-первых, негативные демографические процессы в стране,

[1] Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» от 25 окт. 2016 г. № 9 // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

Таблица 1

Показатели образования в России за 2005–2020 гг.

Показатель	Значение показателя образования по годам			
	2005	2010	2015	2020
Доля платных услуг в образовании, % от общего объема платных услуг	6,7	6,6	6,7	7,2
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в организациях высшего образования на 1000 обучающихся (студентов)	н/д	177	164	267
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 чел. населения	493	497	325	277

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 06.05.2022). Платное обслуживание населения в России. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_78/Main.htm (дата обращения: 20.05.2022).

отразившиеся в снижении количества поступающих в вузы, во-вторых, проводимая в 2013 г. оптимизация высшего образования, направленная на выявлении «неэффективных вузов» и их последующую реорганизацию. Так, за период 2010–2020 гг. сократилось количество вузов на 405 учреждения, при этом профессионально-педагогический состав сократился на 133,7 тыс. чел.[1]

Вместе с тем, одним из ключевых рисков для образовательной системы является, помимо снижения количественных показателей, их существенная дифференциация по регионам (табл. 2).

По всем показателям к 2020 г. усиливается неоднородность регионов, поскольку коэффициент вариации растет. А также в региональном разрезе резко изменились статистические значения показателей: максимальное значение численности студентов на 10000 чел. населения в 2005 г составило1097 чел., к 2020 г. данный показатель снизился до 577чел., соответственно среднее значение за анализируемый период тоже снизилось в 2 раза — с 418 до 230 чел. При этом по-прежнему есть регионы, где отсутствуют учреждения высшего образования. Число персональных компьютеров в организациях высшего образования, наоборот, увеличилось, максимальное значение с 318 в 2005 г. до 2126 компьютеров на 1000 студентов в 2020 г. На существенный прирост показателя оказала влияние пандемия новой короновирусной инфекции в 2020 г., когда все образовательные учреждения перешли на дистанционное обучение.

Для комплексной оценки состояния образовательной системы был рассчитан интегральный индекс устойчивости системы высшего образования. На рисунке 2, на показано неравномерное распределение регионов

[1] Образование в цифрах — 2021. Краткий стат. сб. / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ, 2021. С. 51.

Таблица 2

Статистическая характеристика индикаторов образования в регионах России за 2005, 2010, 2015 и 2018 гг.

Показатель	Год	Характеристика ряда данных			
		максимум	минимум	среднее значения	коэффициент вариации, %
Доля платных услуг в образовании, % от общего объема платных услуг	2005	10,8	1,6	6,9	36
	2010	11,0	1,6	6,3	32
	2015	11,2	3,3	6,6	43
	2020	12,1	2,9	6,5	41
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в организациях высшего образования на 1000 обучающихся (студентов)*	2010	318	0	169	33
	2015	608	0	162	46
	2020	2126	0	302	73
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения	2005	1097	0	418	40
	2010	1106	0	424	41
	2015	616	0	279	38
	2020	577	0	230	45

* Показатель стали рассчитывать только с 2010 г.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 20.05.2022); Платное обслуживание населения в России. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_78/Main.htm (дата обращения: 20.05.2022).

по значениям этого индекса. Большинство регионов в России находятся в зоне устойчивого развития: 2005 г. — 58 регионов, 2010 г. — 72, 2015 г. — 57 и 2020 г. — 63 региона. Самым сбалансированным годом был 2010-й, поскольку 72 региона находились в зоне устойчивого развития и 11 регионов — в зоне несбалансированного развития. При этом коэффициент вариации в этом году был наиболее низким, но все равно показывал неоднородность регионов по показателям системы высшего образования. Причиной столь положительной динамики того периода являлся экономический рост в стране. В последующие годы ухудшается ситуация по дифференциации регионов, но по сравнению с 2005 г. наблюдается перекос несбалансированности регионов в сторону неустойчивых регионов с низким уровнем интегрального индекса образования: в 2005 г. было 9 неустойчивых регионов с низким пороговым значением показателя, а 2015 и 2020 гг. стало 14 и 9 регионов.

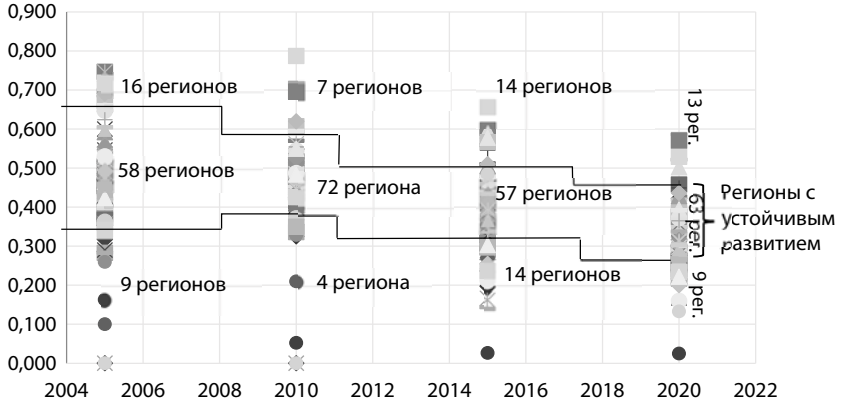


Рис. 2. *Интегральный индекс высшего образования, 2005, 2010 гг., без учета Республики Крым и Севастополя (источник: сост. автором)*

Неустойчивые регионы с низким интегральным индексом устойчивости системы высшего образования, как видно из табл. 3, можно разбить на несколько групп. К первой группе относятся неустойчивые регионы (Московская и Ленинградская области), которые подверглись вымыванию образовательного потенциала региона в ближайшие образовательные кластеры. Тенденция низких показателей образовательной системы держится на протяжении всего анализируемого периода.

Ко второй группе неустойчивых регионов с экстремально низким индексом устойчивости системы высшего образования относятся регионы Крайнего Севера, в которых неразвита образовательная инфраструктура высшего образования. В 2005 г. было всего 3 региона Крайнего Севера, а к 2015 г. их число увеличилось до 6, в 2020 г. стало 4 региона. Доступность высшего образования для регионов Крайнего Севера остается по-прежнему проблематичной, несмотря на развитие дистанционных форм обучения. В некоторых регионах существует проблема обеспечения интернет соединения удаленных территорий.

Так, например, в 2011 г. в Чукотском АО открылся филиал Северо-Восточного федерального университета, что позитивно отразилось на увеличении числа студентов в регионе и усилении процесса цифровизации образования в регионе, в 2015 г. Чукотский АО вышел из одного неустойчивого состояния неразвитости образовательной системы в другое — дисбаланс с высоким уровнем индекса. Однако к 2020 г. в значение индекса Чукотского АО обратно вернулось в рейтинг неустойчивых регионов с низким уровнем индекса из-за существенного сокращения числа студентов и уменьшение количества компьютеров.

В третью группу вошли регионы Северо-Кавказского ФО. В 2005 г. 4 из 7 регионов Северо-Кавказского ФО имели низкий уровень

Таблица 3

Рейтинг неустойчивых регионов с низким уровнем интегрального индекса образования

Субъект РФ	Индекс 2005	Субъект РФ	Индекс 2010	Субъект РФ	Индекс 2015	Субъект РФ	Индекс 2020
Московская обл.	0,29	Московская обл.	0,33	Московская обл.	0,2	Московская обл.	0,21
Ленинградская обл.	0,28			Ленинградская обл.	0,24	Ленинградская обл.	0,15
НАО	0,16	НАО	0,05	НАО	0,03	НАО	0,01
Чеченская Респ.	0,1	Чеченская Респ.	0,21	Чеченская Респ.	0,27		
ЯМАО	0,28			ЯМАО	0,14		
Чукотский АО	0	Чукотский АО	0			Чукотский АО	0,13
Кабардино-Балкарская Респ.	0,29			Костромская обл.	0,27	Костромская обл.	0,15
Карачаево-Черкесская Респ.	0,26			Мурманская обл.	0,28	Мурманская обл.	0,21
Респ. Дагестан	0,28			Камчатский край	0,21	Камчатский край	0,16
				Магаданская обл.	0,25	Магаданская обл.	0,20
				Сахалинская обл.	0,24	Псковская обл.	0,20
				Тульская обл.	0,28		
				Вологодская обл.	0,27		
				Владимирская обл.	0,26		
				Респ. Крым	0,17		

Источник: сост. автором.

Таблица 4

Рейтинг неустойчивых регионов с высоким уровнем интегрального индекса образования

Субъекты РФ	Индекс 2005	Субъекты РФ	Индекс 2010	Субъекты РФ	Индекс 2015	Субъекты РФ	Индекс 2020
г. Москва	0,7	г. Москва	0,72	г. Москва	0,56	г. Москва	0,59
г. Санкт-Петербург	0,75	г. Санкт-Петербург	0,7	г. Санкт-Петербург	0,6	г. Санкт-Петербург	0,57
Томская обл.	0,72	Томская обл.	0,79	Томская обл.	0,66	Томская обл.	0,53
Омская обл.	0,69	Омская обл.	0,62	Омская обл.	0,51	Омская обл.	0,44
Самарская обл.	0,67	Самарская обл.	0,61	Самарская обл.	0,57	Респ. Башкортостан	0,52
Респ. Татарстан	0,67			Респ. Татарстан	0,6	Респ. Татарстан	0,5
Новосибирская обл.	0,66	Новоси-бирская обл.	0,6	Респ. Тыва	0,58	Курская область	0,43
Воронежская обл.	0,66			Воронежская обл.	0,49	Воронежская обл.	0,43
Белгородская обл.	0,69			Чукотский АО	0,48	Белгородская обл.	0,42
Чувашская Респ.	0,75			Астраханская обл.	0,55	Астраханская обл.	0,45
Удмуртская Респ.	0,7	Ростовская обл.	0,59			Ростовская обл.	0,42
Курская обл.	0,65			Курская обл.	0,51	Орловская обл.	0,42
Респ. Марий Эл	0,68			Респ. Башкортостан	0,51		
Кировская обл.	0,67			Саратовская обл.	0,51	Саратовская обл.	0,43
Хабаровский край	0,66			Респ. Северная Осетия — Алания	0,48		
Свердловская обл.	0,65						

Источник: сост. автором.

интегрального индекса устойчивости системы высшего образования. И хотя к 2020 г. не осталось ни одного региона в данной группе, но регионы Северо-Кавказского ФО находятся на нижней границе группы устойчивых регионов. При этом значения интегрального индекса так из года в год оставались на одном уровне, поэтому можно сделать вывод, что улучшений не было, но данные регионы ушли в группу регионов устойчивого развития за счет снижения показателя индекса образования в других регионах, и интервальное значение устойчивости регионов сместилось ниже, как видно на рисунке 2. Низкий уровень показателя индекса устойчивости системы высшего образования характеризуется плохим материально-техническим обеспечением образовательного процесса, развитость платных услуг в образовании и количество высших учебных заведений в большинстве субъектов Северо-Кавказского ФО ниже среднероссийского уровня и у вузов региона очень низкие рейтинги среди вузов страны, что приводит к оттоку студентов в другие регионы.

Неустойчивые регионы с высоким интегральным индексом образования, как показывают данные таблицы 4, можно разбить на несколько групп. К первой группе отнесем регионы со сверхразвитой образовательной инфраструктурой высшего образования. В данной группе показатель численности студентов в вузах превышает среднее значение в 1,5–2 раза. К таким регионам относятся г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Воронежская, Томская и Омская области.

Ко второй группе отнесем регионы, в которых доля платных услуг в образовании превышает среднее значение в 1,5–2 раза. Особенность регионов в данной группе: они в состоянии неустойчивости проявлялись разово в анализируемые годы. В данную группу вошли следующие регионы: Башкирская, Чувашская, Тыва, Марий Эл и Удмуртская Республики, Кировская и Свердловская области.

К третьей группе относятся те регионы, в которых 2 из 3 показателей, входящих в интегральный индекс образования, превышал среднее значение на 20–30 %. К таким регионам мы отнесли 9 субъектов РФ — Самарская, Саратовская, Новосибирская, Белгородская, Орловская и Астраханская области, республики Калмыкия и Северная Осетия, Хабаровский край.

Перекос регионов в сторону неустойчивого развития с экстремально высокими показателями в образовательной системе связан, во-первых, с концентрацией потребителей данной сферы, во-вторых, высоким уровнем социально-экономического развития данных территорий, а значит, с высоким уровнем покупательской способности населения, и, в-третьих, с высокой концентрацией образовательных учреждений на территории.

Заключение

Проведенная оценка устойчивости региональной системы образования в условиях динамических изменений выявила несколько тенденций.

Во-первых, анализ динамики интегрального индекса устойчивости системы высшего образования показал, что за 15 лет в целом по стране его значения снижаются. В 2005 г. максимальное значение индекса составляло 0,75, а к 2020 г. данный показатель снизился до 0,59.

К 2020 г. количество устойчивых регионов увеличилось до 63 регионов, но значения индекса существенно снизились и состояли в интервале от 0,21 до 0,4. Что свидетельствует о низком потенциале системы высшего образования в целом по России из-за демографических и социально-экономических проблем возникшие последние годы.

Во-вторых, к 2020 г. усиливается неоднородность регионов по развитию высшего образования, что усиливает региональные проблемы неравенства в доступности высшего образования, усиливаются диспропорции в территориальном размещении образовательных учреждений и концентрация потребителей образовательных услуг в социально-экономических развитых регионах.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Список источников

[1] *Алферова Т. В.* Устойчивое развитие региона: подходы к отбору показателей оценки // Вестник Пермского университета. 2020. Т. 15. No 4. С. 494–511. (Экономика). http://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-4-494-511.

[2] *Антропов В. А., Воронина Л. Н.* Концептуальные основы развития образовательного потенциала региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. № 2. С. 26-36.

[3] *Волошина Л. В., Харина Н. В.* Критерии устойчивого развития разных типов региональных образовательных систем // Научно-педагогическое обозрение. 2015. № 4(10). С. 75-84.

[4] *Краковецкая И. В., Воробьева Е. С., Далибожко А. И.* Устойчивое развитие университетов: концепции и подходы к оценке. Ч. 1. Теоретические аспекты // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 2. С. 207-224. http://doi.org/10.18334/ce.14.2.100555.

[5] *Леонидова Г. В., Головчин М. А.* Тенденции развития сферы образования в регионах России // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз 2013. № 4 (28). С. 43-52.

[6] *Мыслякова Ю. Г., Усова Н. В.* Цифровая трансформация образовательных услуг вузов в условиях глобальных вызовов. Региональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 326-353. http://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10105.

[7] Региональные модели экономической и социальной адаптации населения к изменениям внешней среды / Под общ. ред. д. э. н. Козловой О. А. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. 346 с. http://doi.org/10.17059/978-5-94646-651-6.

References

[1] *Alferova T. V.* Sustainable development of the region: Approaches to selecting evaluation indicators // Perm University Herald. Economy. 2020. Vol. 15, No. 4. Pp. 494–511. http://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-4-491-511.

[2] *Antropov V. A., Voronina L. N.* Conceptual basis for the development of the regional educational potential // Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2018. No. 2. Pp. 26-36.

[3] *Voloshina L. V., Kharina N. V.* The criteria of the sustained development of different types of regional educational systems // Pedagogical Review. 2015. No. 4 (10). Pp. 75-84.

[4] *Krakovetskaya I. V., Vorobyeva E. S., Dalibozhko A. I.* Sustainable development of universities: concepts and approaches to evaluation. Part 1. Theoretical aspects // Creative economy. 2020. No. 14 (2). Pp. 207-224. http://doi.org/10.18334/ce.14.2.100555.

[5] *Leonidova G. V., Golovchin M. A.* Trends in the development of education sphere in Russian regions // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2013. No. 4. Pp. 37-45.

[6] *Myslyakova Yu. G., Usova N. V.* Digital Transformation of Educational Services of Higher Education Institutions in the Conditions of Global Challenges: Regional Aspect // Public Administration. E-Journal. 2020. No. 82. Pp. 326-353. http://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10105.

[7] Regional models of economic and social adaptation of the population to changes in the external environment / ed. O. A. Kozlova. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. 346 p. http://doi.org/10.17059/978-5-94646-651-6.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-24
УДК 314.335.044

ПРОКРЕАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПАНДЕМИЮ КОРОНАВИРУСА: ОТ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ ДО ВЫБОРА РОДОВ[1]

Н. Е. Русанова
Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
Автор для корреспонденции: Н. Е. Русанова (ninrus238@mail.ru)

Аннотация. *Одним из компонентов репродуктивного здоровья является прокреативное поведение, т. е. поведение, направленное на рождение детей, включающее медицинские (биологические) и социальные элементы. Медикализация репродуктивного поведения, связанная с развитием вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), усилилась в период пандемии коронавируса, оказав влияние и на репродуктивные намерения, и на выбор места родов: 88 % опрошенных отдают предпочтения родильным домам, остальные — домашним родам. Цель статьи: определить особенности партуриентных, т. е. связанных с беременностью и родами намерений российских женщин репродуктивного возраста в период пандемии коронавируса. Исследование проведено на основе анализ официальных статистических данных (Росстат и МЗ РФ), информации, собираемой и публикуемой профессиональными отраслевыми сообществами, а также социологического опроса 54 женщин, проведенных электронным способом в апреле 2022 г.*

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, пандемия коронавируса, прокреативные и семейные намерения населения, вспомогательные репродуктивные технологии, роды, доула

Procreative Behaviour during the Coronavirus Pandemic: from Reproductive Intentions to the Choice of Childbirth

N. Rusanova
Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (Moscow, Russia)
Corresponding author: N. E. Rusanova (ninrus238@mail.ru)

Abstract. *One of the components of reproductive health is procreative behaviour or behaviour aimed at the birth of children, including medical (biological) and social elements. The medicalisation of reproductive behaviour associated with the development of assisted reproductive technologies (ART) intensified during the coronavirus pandemic, affecting both reproductive intentions and the choice of the place of birth: 88% of respondents prefer maternity hospitals, while the rest chose home childbirth. The article aims to determine the features of parturient (pregnancy and childbirth-related) attitudes of Russian women of reproductive age during the coronavirus pandemic. To this end, the research analysed official statistical data (Federal State Statistics Service and the Ministry of Health of the Russian Federation), information collected and published by professional industry communities, as well as a sociological survey of 54 women conducted electronically in April 2022.*

Keywords: reproductive health; coronavirus pandemic; procreative and family attitude; assisted reproductive technologies; childbirth; doula

[1] © Русанова Н. Е. Текст. 2022.

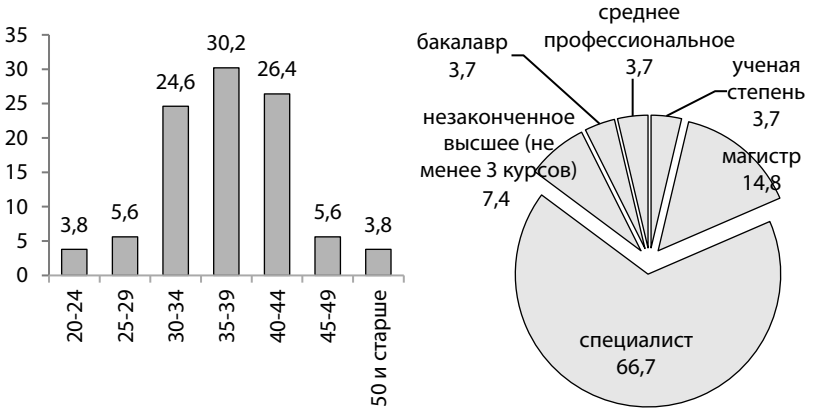
Введение

Репродуктивное здоровье, по определению ВОЗ, — это состояние физического, умственного и социального благополучия по всем пунктам, относящимся к репродуктивной системе на всех стадиях жизни. Важным его компонентом является репродуктивное поведение, детерминируемое репродуктивными установками, зависящими от экономического состояния и индивидуальных физиологических возможностей деторождения: например, в самом начале пандемии международные и национальные организации здравоохранения рекомендовали приостановить процедуры ЭКО для понимания клинической картины и влияния коронавируса на успешность зачатия и течение беременности, но вскоре эту рекомендацию отменили. Итогом стала пандемийная и постпандемийная рождаемость, формируемая за счет естественных и медико-ассоциированных зачатий, вероятность которых во многом определяется доступностью неэпидемической репродуктивной помощи [6]. Ответы на некоторые из этих вопросов дают результаты пилотажного интернет-опроса пациенток и сотрудников репродуктивных центров г. Москвы, цель которого состояла в изучении современных практик подготовки к родам, реализующихся после двух лет пандемии.

Результаты

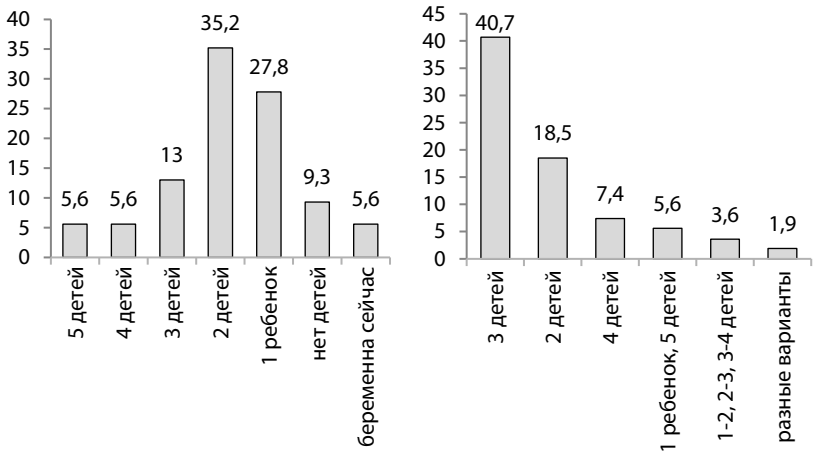
Репродуктивные и «прородовые» стратегии москвичек, сформировавшиеся в пандемийные годы. Совокупность респондентов состоит из женщин, обратившихся в московские клиники в связи с невозможностью забеременеть без медицинской помощи, причем все они ориентированы на активное применение методов народной и нетрадиционной медицины, йоги, религиозных практик (принять участие в опросе было предложено тем пациенткам репродуктивных центров, кто занимается в соответствующих группах), а также немедицинского персонала, сопровождающего роды или проводящему вышеуказанные занятия в этих группах). 75,5 % опрошенных находится в возрасте 30–44 лет, вклад которого в рождаемость в последние годы заметно выросла (рис. 1а), 85,2 % имеют образование уровня специалитета и выше (рис. 1б); 83,3 % состоит в браке, 9,3 % разведены, 7,4 % называют себя незамужними. Работа 55,6 % опрошенных не связана с репродуктивной сферой, 20,4 % — доулы, 7,4 % — перинатальные психологи, 5,7 % — ведущие курсов подготовки к родам, 3,7 % — акушерки, среди остальных — консультант по грудному вскармливанию, медицинский журналист, остеопат.

Среди опрошенных лишь 9,3 % бездетных и 5,6 % беременных (одна из них третьим ребенком), у остальных от одного до пяти детей (рис. 2а). При этом 40,7 % респондентов хотели бы иметь троих детей, 18,5 % — двоих, 7,4 % — четверых, у остальных желаемое число дифференцируется от 0 до 16 (рис. 2б).



а) *б)*

Рис. 1. *Распределение респондентов по возрасту (а) и уровню образования (б), %*



а) *б)*

Рис. 2. *Распределение респондентов по числу биологических детей (а) и желаемому числу детей (б), %*

64,7 % респондентов считают, что здоровье позволит родить им столько детей, сколько они сами хотят, 5,5 % надеются на это, но 20,3 % считают, что проблемы со здоровьем не дадут им такой возможности.

59,3 % опрошенных считают вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) самыми эффективными методами лечения бесплодия, 55,6 % на первое место ставят психотерапию, по 25,9 % — остеопатию или китайскую медицину, 20,4 % — гомеопатию, каждый из остальных предложенных

методов (превентивная медицина, продукты питания без ГМО, пальмового жира, консервантов, эмульгаторов, химии и Е-добавок, антибиотиков, гормонов, физическая активность, реабилитация) набрал по 1,9 % сторонников.

ВРТ известны неодинаково: если ЭКО знают почти все (98,1 %), то донорство яйцеклетки — чуть больше половины (58,1 %) (табл. 1).

При этом лишь 14,8 % респондентов ответили, что не знают среди своих родных и знакомых тех, кто на собственном опыте обращался к практике ВРТ, остальные знают тех, кто делал ЭКО однократно (14,7 %), дважды (16,6 %), трижды (9,7 %), даже 10 раз и больше (7,4 %). Почти половина самих респондентов отметила, что не готова использовать ЭКО, если окажется, что естественная беременность и роды им противопоказаны или физически невозможны (табл. 2).

Таблица 1

Известность программ ВРТ (% от всех респондентов)

Программа ВРТ	% ответивших положительно
ЭКО	98,1
Донорство спермы	94,3
Суррогатное материнство	90,6
Криоконсервация	73,6
Искусственная инсеминация	71,7
Донорство эмбрионов	71,7
Донорство яйцеклетки	58,5
ИКСИ	58,5

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие программы ВРТ готовы использовать, если окажется, что естественная беременность и роды им противопоказаны или физически невозможны» (% от всех респондентов)

Программа ВРТ	% ответивших положительно
Никакие	48,1
ЭКО	42,6
ИКСИ	31,5
Криоконсервация	25,9
Искусственная инсеминация	24,1
Использование донорской спермы	9,3
Суррогатное материнство	7,4
Использование донорских ооцитов	5,6
Использование донорских эмбрионов	3,7

Таким образом, актуальный опрос показал, что репродуктивные намерения женщин возраста активной репродуктивности (30–40 лет) в сегодняшней России остаются медикализированными и учитывают возможности ВРТ даже в условиях пандемии. Это в целом коррелирует с результатами, полученными во время электронного опроса студентов и аспирантов московского и новосибирского вузов в апреле-мае 2021 г., которые отразили значимость ВРТ в репродуктивных намерениях молодежи (2/3 опрошенных студентов были в возрасте 18–20 лет). Однако лишь 64,7 % женщин более старших возрастов считают, что здоровье позволит родить им столько детей,

Рис. 3. *Распределение респондентов по числу ответов на вопросы, что (кто) является для них ценным источником знаний о беременности и родах биологических детей (а) и какие формы подготовки к родам считают необходимыми (б)), %*

сколько они сами хотят, 5,5 % надеются на это, тогда как среди студентов таких было 91,8 %. 3/4 студентов не имеют среди своих родных и знакомых реальных примеров обращения к ВРТ, но 56,5 % из них готовы сами использовать ЭКО, если естественная беременность и роды будут им противопоказаны или физически невозможны [5]; по опросу 2022 г. таких было 42,6 % (табл. 2). Существенная доля женщин, отрицающих возможность применять ВРТ лично для себя, может быть связана с тем, что респонденты изначально мотивированы на нетрадиционную медицину и немедицинские практики.

Выбор организационных прородовых стратегий (места родов, медицинской помощи, обслуживающего персонала и проч.) также во многом определяется доверием респондентов этим практикам: одним из основных источников знаний о беременности и родах для них является доула (рис. 3а), но при подготовке к родам 81,4 % ориентируется на комплекс, содержащий медицинскую, информационную, физическую и психологическую подготовку (рис. 3б). Комплекс включает занятия медицинской стороной вопроса (анализы, обследования и т. д.), организационную подготовку (поиски врача, акушерки, роддома), информационную подготовку (знание о беременности, физиологии и патологии родов), физическую подготовку (гимнастика, плавание, дыхательные упражнения, закаливание, диета и др.), психологическую подготовку (отношение к боли, положительный настрой, настрой на ребенка, на «женские проблемы»). По 3,6 % респондентов выбрали лишь части этого комплекса: информационную и психологическую подготовку или организационную, информационную, физическую и психологическую подготовку. «Другие» ответы в равных долях (по 1,9 %) включают такие варианты, как медицинская и информационная подготовка, только медицинская подготовка, информационная и физическая подготовка, информационная, физическая и психологическая подготовка, физическая и подготовка, либо мнение, что «можно не готовиться и родить прекрасно. А можно все вышеперечисленное „сдать на отлично" и в родах получить травму».

Прородовые стратегии, т. е. выбор места, способа и участников процесса родовспоможения как минимум у 81,7 % опрошенных предполагают роддом, хотя в разных вариантах (табл. 3). 96,3 % респондентов выступают за естественные (физиологические) роды даже в тех случаях, когда зачатие произошло с помощью ЭКО, и лишь 1,9; из них считают, что ЭКО-дети должны появляться на свет только посредством кесарева сечения. Такой подход, кроме прочего, означает, что противоэпидемические ограничения не помешали реализации сформированных прородовых стратегий, хотя эксперты Минздрава РФ, учитывая рекомендации международных профессиональных сообществ, посоветовали женщинам, планирующим ЭКО, отложить искусственное оплодотворение до лучших времен. Позднее были выпущены разъяснения по проведению процедуры ЭКО в условиях пандемии, которые включали требование

Таблица 3

Предпочтительный вариант организации родов для респондентов

Вариант организации родов	% ответов	
1	в роддоме по контракту с врачом, акушеркой и доулой	31,5
2	в роддоме по ОМС с доулой	9,3
3	в роддоме по контракту с врачом и акушеркой	9,3
4	в роддоме по контракту с индивидуальной акушеркой	7,4
5	в роддоме по ОМС с мужем	5,6
6	в роддоме по ОМС	5,6
7	в роддоме по контракту с врачом	3,7
8	в роддоме по конракту с врачом, акушеркой, доулой и мужем	3,7
9	в роддоме по контракту с врачом	3,7
10	в роддоме по контакту с врачом и доулой	1,9
11	по контракту с врачом, акушеркой, доулой и мужем	1,9
12	по контракту с врачом доулой и мужем	1,9
13	домашние роды	22,2
14	домашние или по ДМС с акушеркой и мужем	1,9

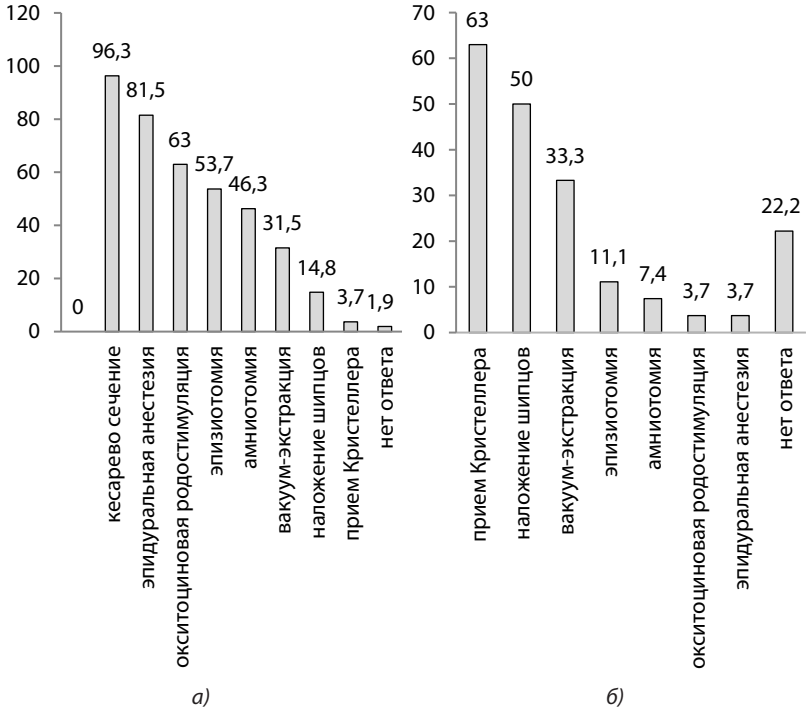
тестирования партнеров на SARS-CoV-2 и отсутствие контактов с инфицированными. Сохранялось и право женщины на партнерские роды, прописанное в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: в соответствии со ст. 51 женщина может взять с собой на роды по полису ОМС отца ребенка или иного члена семьи[1]. Это отвечало рекомендациям Всемирной организации здравоохранения по реформированию акушерской помощи 2018 г. о праве женщин на выбор сопровождающего: «Принятие подхода, ориентированного на женщину и основанного на правах человека, открывает возможности для реализации множества форм заботы, в которых заинтересованы женщины, таких как право выбора сопровождающего на протяжении всего периода родов, свободу передвижений во время схваток и свободу в выборе положений тела в родах» [8], хотя во время пандемии во многих странах многим сопровождающим был закрыт доступ в родовые отделения больниц [7]. В России доступ разрешался в условиях пандемии при отрицательным ПЦР-тесте на COVID-2019)[2].

В России предусмотрен единственный легальный и периодически обновляемый порядок оказания медицинской помощи в период родов, которая реализуется в общем случае на территории лицензированных медицинских организаций с участием аккредитованных специалистов — врачей разных специальностей и среднего специального персонала

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации.

[2] Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н; Методические рекомендации Минздрава России от 25.01.2021.

здравоохранения (акушерок и медицинских сестер) [2]. Опрос показал, что, несмотря на пандемию, женщины по-прежнему могут самостоятельно решать, где и с кем рожать, и обращает на себя внимание тот факт, что 50,2 % респондентов отметили желательность присутствия при родах доул. Доулы (от греческого *doule* — служанка, помощница) — новая профессиональная группа, чьей задачей считается оказание физической, эмоциональной и информационной поддержки женщине в перинатальный период (перед, во время и после родов). В России доулы появились около десяти лет назад, но уже успели достичь узнаваемости как независимые перинатальные специалисты, деятельность которых не подлежит сертификации и не входит в официальный перечень профессий [3]. Идеология интенсивного материнства побуждает матерей не только вкладывать много сил и времени в воспитание детей, но и правильно заботиться о себе как элемента заботы о ребенке [5, с. 197]. Эту нишу занимают новые категории «заботящихся» профессий и занятий, среди которых доулы, инструкторы по подготовке к родам и женской йоге, консультанты по грудному вскармливанию и пр. Традиционно функцию заботы в родовспоможении



а) *б)*

Рис. 4. *Допустимость (а) и недопустимость (б) медицинских манипуляций при родах, %*

выполняла акушерка, и в этом качестве ее труд противопоставлялся профессиональной роли врача, решавшего исключительно медицинские задачи [1].

Развитие традиционных практик родовспоможения в их современных вариантах способствует снижению популярности медикализации родов, что объясняет различную допустимость медицинских манипуляций у респондентов: наиболее благосклонное отношение вызывают кесарево сечение и эпидуральная анестезия, а хуже всего относятся к приему Кристеллера и наложению щипцов как к манипуляциям, потенциально рассматриваемым как небезопасным для новорожденного (рис. 4).

Заключение

Социально-экономические условия пандемий влияют на репродуктивное поведение населения, корректируя не только репродуктивные установки, но и выбор места родов. Исследование выявило предпосылки формирования современных «прородовых» норм и возможностей их реализации в условиях поиска баланса между развивающимися тенденциями медикализации зачатий, гуманизации родов и сохраняющейся эпидемической опасностью. Рациональное решение в условиях массовой малодетности и осознанного выбора возраста деторождения находится в точке равновесия между обязательными стандартами врачебно-акушерской медицинской помощи и индивидуализированными услугами немедицинского «персонала заботы» на протяжении всего партуриентного периода.

Список источников

[1] *Бороздина Е.* Забота в родовспоможении: выгоды и издержки профессионалов // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 479–492.

[2] *Кукса Т. Л.* Доульское сопровождение родов. Генезис, дискурсы и практики эмоциональной и физической немедицинской заботы // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 226-249. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1902.

[3] *Ожиганова А. А.* Труд доулы, публичный и интимный: профессиональная забота, самоорганизация и активизм // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 200-225. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1903.

[4] *Русанова Н. Е., Исупова О. Г.* Социально-демографические особенности прокреативного поведения в условиях рутинизации вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 361–369. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-361-369.

[5] *Сивак Е.* Бебиситтеры. Уберизация заботы о детях // Критическая социология заботы. Перекрестки социального неравенства / под ред. Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 193-315.

[6] The COVID-19 pandemic and human fertility / Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Livi Bacci M. // Science. 2020. 24 Jul. Vol. 369. Iss. 6502. URL: https://science.sciencemag.org/content/369/6502/370 (access on 24.09.2020).

[7] *Johnson-Searcy J., Castaneda A.* On the Outside Looking In: A Global Doula Response to COVID-19 // Frontiers of Sociology. 2021. 6:613978. https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.613978.

[8] Making Childbirth a Positive Experience: New WHO Guideline on Intrapartum Care // World Health Organization. 2018. February 15. URL: https://www.who.int/reproductivehealth/intrapartum-care/en/ (accessed on 19.05.2021).

References

[1] *Borozdina E. A.* Professional care in maternity hospitals: benefits and challenges // The Journal of Social Policy Studies. 2016. Vol. 14, No. 4. Pp. 479-492.

[2] *Kuksa T. L.* Doula Support During Childbirth: Genesis, Discourses, and Practices of Emotional and Physical Non-Medical Care // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2021. No. 3. Pp. 226–249. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1902.

[3] *Ozhiganova A. A.* Doula's Work, Public and Intimate: Professional Care, Self-Organization and Activism // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal.2021. No. 3. Pp. 200–225. https:// doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1903.

[4] *Rusanova N. E., Isupova O. G.* Socio-demographic features of procreative behavior in the routine use of assisted reproductive technologies // Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology". 2021. No. 3. Pp. 361–369. DOI: https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-361-369.

[5] *Sivak E.* Babysitters: Uberizing Child Care // The Critical Sociology of Caring: The Crossroads of Social Inequality / ed. E. A. Borozdin, E. A. Zdravomyslov, A. A. Temkin. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg. 2019. Pp. 193-315.

[6] The COVID-19 pandemic and human fertility / A. Aassve, N. Cavalli, L. Mencarini, S. Plach, M. Livi Bacci // Science. 2020. Vol. 369, No. 6502. URL: https://science.sciencemag.org/content/369/6502/370 (accessed on 24.09.2020).

[7] *Johnson-Searcy J., Castaneda A.* On the Outside Looking In: A Global Doula Response to COVID-19 // Frontiers of Sociology. 2021. https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.613978.

[8] Making Childbirth a Positive Experience: New WHO Guideline on Intrapartum Care // World Health Organization. 2018. February 15. URL: https://www.who.int/reproductivehealth/intrapartum-care/en/ (accessed on 19.05.2021).

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-25
УДК 314.015
JEL J18, I38, L82

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СМИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ПОДДЕРЖКИ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ[1]

Д. Г. Саитова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). https://orcid.org/0000-0002-0265-074X
Автор для корреспонденции: Д. Г. Саитова (dgsaitova@urfu.ru).

Аннотация. *Потенциально средства массовой информации могут использоваться для содействия стимулированию рождаемости в Российской Федерации. В статье представлена методика исследования средств массовой информации как социального института поддержки пронаталистской политики. Для применения этой методики необходимо использовать предлагаемые в статье типологию источников информации о мерах пронаталистской политики по уровню управления и по способу размещения информации, а также типологию самих средств массовой информации. В статье рассмотрена реализация предложенной методики на примере текста публичного выступления на федеральном уровне и регионального печатного средства массовой информации. Полученные результаты свидетельствуют о слабом использовании потенциала средств массовой информации для поддержки пронаталистской политики в Российской Федерации.*

Ключевые слова: средства массовой информации, СМИ, институт, пронаталисткая политика, меры поддержки рождаемости

Media as a Social Institution for Supporting the Pronatalist Policy: Research Methodology

D. Saitova
Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-0265-074X
Corresponding author: D. G. Saitova (dgsaitova@urfu.ru).

Abstract. *Media is expected to be used for promoting fer-tility in the Russian Federation. The paper presents a meth-odology for studying media as a social institution for sup-porting pronatalist policies. To apply this methodology, it is proposed to use typologies of sources of information about the measures of pronatalist policy in terms of the level of management and the method of publishing information, as well as the typology of the media themselves. The paper considers the implementation of the proposed methodology on the example of the text of a public speech at the federal level and the regional print media. The obtained results tes-tify to the weak use of the potential of mass media to sup-port the pronatalist policy in the Russian Federation.*

Keywords: mass media; media; institution; pronatalist pol-icy; fertility support

[1] © Саитова Д. Г. Текст. 2022.

Введение

Информационно-коммуникационная поддержка пронаталистской политики необходима для ее успешной реализации, что обусловлено сегодня рядом объективных причин. Во-первых, большая часть мер пронаталистской политики распространяется на определенные категории граждан в зависимости от уровня дохода, возраста и количества детей, семейного статуса и др., то есть носит адресный характер [1], поэтому родителям необходимо знать о существовании тех или иных мер поддержки и оценить свою принадлежность к льготной категории граждан. Во-вторых, политика становится публичной, когда о ней говорят в публичном пространстве, когда она становится частью общественно-политической повестки. И, в-третьих, социологические исследования показывают, что в обществе существует запрос на получение информации о семейно-демографической политике [2].

Такого рода поддержку пронаталистской политики, в первую очередь, могут оказать СМИ как один из привычных для граждан социальных институтов [3, с. 1]. В статье предлагается методика исследования СМИ как института поддержки пронаталистской политики и отдельные практические аспекты ее реализации.

Источники информации о мерах пронаталистской политики для СМИ и их типология

Меры пронаталистской политики преимущественно инициируются и принимаются на федеральном уровне власти, однако вопросы защиты семьи и создания условий для достойного воспитания детей в семье относятся к вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72 в [4]), поэтому регионы могут инициировать и принимать региональные меры пронаталистской политики, например, региональный материнский капитал и ряд других [5, с. 202–204]. Получатели мер пронаталистской политики проживают на территории конкретных муниципальных образований, и, безусловно, органы местного самоуправления также заинтересованы в повышении уровня благосостояния и качества жизни семей с детьми на территории своих муниципалитетов. В результате источники информации для СМИ о мерах пронаталистской политики можно разделить по трем уровням управления, на которых функционируют органы, ответственные за реализацию и поддержку пронаталистской политики на конкретной территории: федеральный, региональный и муниципальный.

Вторым основанием для классификации источников информации о мерах пронаталистской политики для СМИ является способ размещения информации органами власти: 1) публичные мероприятия и выступления, открытые для СМИ, 2) официально опубликованные нормативно-правовые акты, 3) пресс-релизы для СМИ, 4) публикации на официальных сайтах органов власти и управления, 5) публикации на официальных аккаунтах органов власти в социальных сетях.

В целом важно отметить, что все источники информации о мерах пронаталистской политики должны быть открыты, интересны и доступны для средств массовой информации. То есть материалы должны быть написаны простым и понятным языком, их формат должен быть понятен и доступен для их ретрансляции СМИ.

Типология СМИ, распространяющих информацию о мерах пронаталистской политики

Изучая СМИ как институт поддержки пронаталистской политики, в первую очередь, необходимо оценивать, насколько активно средства массовой информации ретранслирую сообщения, полученные ими из различных источников информации о мерах пронаталистской политики. В научной и учебной литературе существует множество классификаций СМИ по различным основаниям [6, с. 3–4], однако для целей нашего исследования СМИ как института поддержки конкретного вида политики предлагаем использовать следующие основания: 1) уровень ареала распространения (федеральный, региональный, муниципальный), 2) форма собственности СМИ (государственные, муниципальные и частные), 3) виды СМИ (ТВ и радио, печатные и Интернет-СМИ), 4) тематика СМИ (универсальные, специализированные). При этом практически у всех СМИ сегодня публикации дублируются в их официальных аккаунтах в социальных сетях, что также может стать дополнительной площадкой размещения информации о мерах пронаталистской политики.

Основа методики исследования СМИ как социального института поддержки пронаталистской политики

Исследование СМИ как института поддержки пронаталистской политики, на наш взгляд, необходимо начинать с исследования их публикаций, посвященных проблемам поддержки семьи, материнства и детства, а также с выяснения, насколько часто информация о мерах пронаталистской политики из различных источников попадает в СМИ. Таким образом, методика исследования СМИ как социального института поддержки пронаталистской политики предусматривает два направления:

1) качественный и количественный контент-анализ публикаций средств массовой информации;

2) анализ частоты появления информации органов власти о мерах пронаталистской политики в СМИ.

Для проведения контент-анализа необходимо построение системы семантических единиц, отражающей сущность пронаталистской политики (например, в нее могут быть включены такие ключевые слова, как демография, семья, детство, дети, ребенок, материнство, мама, родитель, рождаемость, естественный прирост и другие) и основные меры поддержки рождаемости (включая материнский капитал, льготную ипотеку, жилищные условия, выплаты на ребенка, пособие на ребенка, детский сад, ясли и другие) [7, с. 79].

Таблица

Характеристика выборочной совокупности источников информации о мерах пронаталистской политики и публикаций СМИ для проведения контент-анализа

Показатель	2014	2017	2020
Региональное СМИ			
Количество выпусков	243	245	246
Частота упоминания семантических единиц	1318	490	765
Источник информации о мерах пронаталистской политики			
Количество слов в источнике	7662	7422	7610
Количество слов в абзаце с семантическими единицами	341	193	2104
Частота упоминания семантических единиц	24	16	137

Источник: Рассчитано автором [8, 10].

Для исследования частоты появления информации органов власти о мерах пронаталистской политики в СМИ необходимо, в первую очередь, проанализировать источники информации о мерах пронаталистской политики, а затем провести сравнительный анализ появившихся публикаций в СМИ после размещения информации в анализируемых источниках. В данном случае необходимо дополнительно учитывать временной фактор анализа.

Реализация методики на региональном уровне

Последовательному применению методики по двум выделенным направлениям на всех уровнях и типах источников информации о пронаталистской политике можно посвятить целую монографию, поэтому в рамках данной статьи проиллюстрируем реализацию предложенной методики по отдельным типам СМИ и источникам информации о мерах пронаталистской политики на региональном уровне.

В качестве источника информации о мерах пронаталистской политики использованы Послания Президента РФ Федеральному Собранию [8], поскольку, начиная с 2019 г., присутствие этой темы в публичных выступлениях Президента РФ нарастает [9, с. 174–175]. Для анализа поддержки этой темы со стороны региональных СМИ нами было проведено исследование публикаций регионального печатного общественно-политического СМИ Свердловской области «Областная газета» за 2014, 2017 и 2020 гг.[1]. Так, нами был проведен контент-анализ источника информации о мерах пронаталистской политики и публикаций СМИ с использованием системы семантических единиц по двум категориям, указанным в предыдущем разделе. Характеристика выборочной совокупности, которая была использована для анализа представлена в таблице.

Соотношение слов в абзацах, содержащих анализируемые семантические единицы, и общего количества слов в тексте посланий подтверждает

[1] Областная газета. Архив. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oblgazeta.ru/ (дата обращения: 02.05.2022).

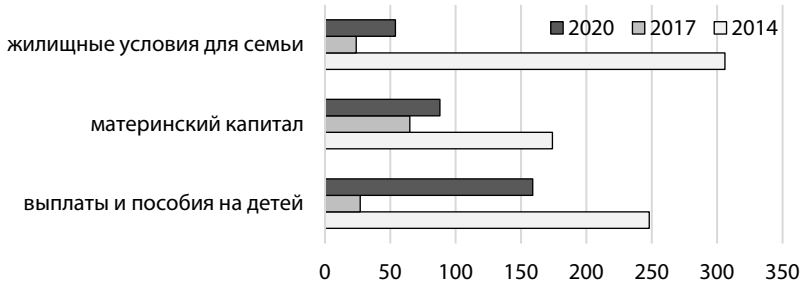


Рис. 1. *Динамика частоты упоминаний отдельных мер пронаталисткой политики в региональном СМИ, каждые три года, 2014–2020 гг. (шт.) (источник: рассчитано автором на основе [8, 10])*

выдвинутую нами гипотезу, предполагающую, что в целом в 2020 г. вопросам поддержки родительства и стимулирования рождаемости было уделено наибольшее внимание за весь период практики посланий Федеральному Собранию — почти треть текста Послания (27,6 % текста) были посвящены демографическим проблемам снижения рождаемости и новым мерам пронаталистской политики [9, с. 174]. В свою очередь, благодаря контент-анализу СМИ, удалось оценить степень информационной поддержки пронаталистской политики со стороны регионального СМИ. Динамика упоминаний отдельных мер поддержки рождаемости в региональном СМИ с 2014 г. по 2020 г. (каждые три года) представлена на рисунке 1.

Так, динамика частоты упоминания семантических единиц в анализируемом региональном СМИ не в полной мере поддерживает эту динамику. Сравнение упоминания ключевых слов, связанных с воспитанием детей и мерами пронаталистской политики, в одном документе в среднем на 29 страницах формата А4 и в 245 номерах ежедневной региональной газеты, безусловно, некорректно, однако нам хотелось бы проанализировать характер и направление изменения частоты упоминаний этих категорий в СМИ и в источнике информации о мерах пронаталистской политики, чтобы попытаться оценить уровень поддержки этих мер со стороны СМИ. Поэтому мы добавили диаграмму частотности мер пронаталистской политики, упомянутых в Послании Президента Федеральному Собранию, к диаграмме частоты упоминания категорий, связанных с рождаемостью, родительством и семьей в анализируемом региональном СМИ, полученные результаты представлены на рисунке 2.

На первый взгляд, графики выглядят одинаково, за исключением 2014 г., однако на самом деле степень региональной информационной поддержки федеральной пронаталистской политики увеличивалась в несколько раз медленнее. В 2020 г. по сравнению с 2017 г. общественное внимание на федеральном уровне к пронаталистской политике увеличилось

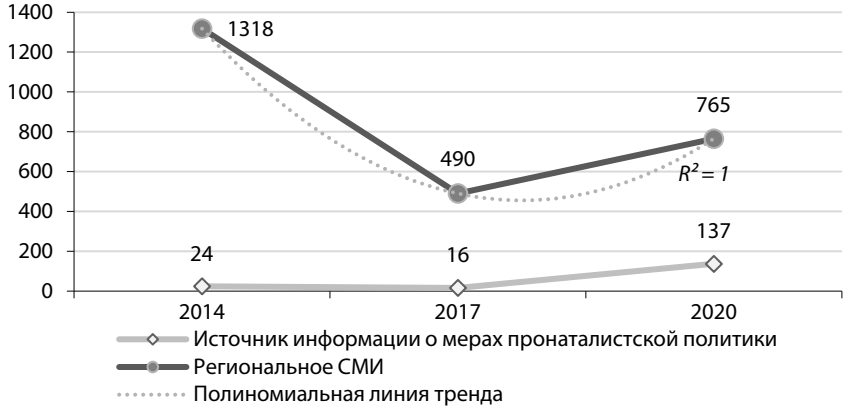


Рис. 2. *Частота региональной информационной поддержки пронаталистской политики, 2014–2020 гг. (источник: рассчитано автором по [8, 10])*

в 8,56 раза. При этом региональная информационная поддержка пронаталистской политики увеличилась лишь в 1,56 раза. Рассчитав коэффициент Спирмена, мы не обнаружили сильной достоверной связи между этими показателями ($r_s = -0{,}132$).

Заключение

В статье представлена методика исследования СМИ как социального института поддержки пронаталистской политики. На первом этапе приведена типология источников информации о мерах пронаталистской политики, которые должны быть открытыми, интересными и доступными для СМИ. Типология источников информации, а также типология СМИ сформированы по различным основаниям. Предложенная в статье методика исследования СМИ как института поддержки пронаталистской политики предусматривает два направления: 1) качественный и количественный контент-анализ публикаций СМИ, 2) анализ частоты появления информации из источников о мерах пронаталистской политики в СМИ. В рамках указанного подхода для каждого практического исследования, в зависимости от его целей, может быть построена своя система семантических единиц для контент-анализа, однако, в нее необходимо включать категории, отражающие сущность пронаталистской политики и конкретные меры поддержки рождаемости.

В качестве практической иллюстрации применения методики в статье приводится исследование регионального СМИ и федерального источника информации о мерах пронаталистской политики в 2014, 2017 и 2020 гг. Так, в 2020 г. по сравнению с 2017 г. общественное внимание на федеральном уровне к пронаталистской политике увеличилось в 8,56 раза. При этом региональная информационная поддержка пронаталистской политики

увеличилась лишь в 1,56 раза. Такие данные свидетельствуют о том, что потенциал СМИ как социального института поддержки пронаталистской политики слабо используется для содействия стимулированию рождаемости в Российской Федерации.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Список источников

[1] *Маликова А. Х.* Проблемы адресной социальной помощи // Российская наука. Актуальные исследования и разработки. Сб. ст. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2016. С. 221-223.

[2] База данных научного проекта «Демографическое самочувствие России на платформе IBM SPSS Statistics». Свидетельство о государственной регистрации № 2020670022 / Ростовская Т. К., Рязанцев С. В., Кучмаева О. В., Шабунова А. А. URL: http://демография2020.рф/sample-page/ (дата обращения:09.05.2022).

[3] *Собачкин А. Ю.* Общественная значимость института СМИ // Теория и практика общественного развития. 2019. № 12 (142). https://doi.org/10.24158/tipor.2019.12.6.

[4] Конституция Российской Федерации. Принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. С изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.05.2022).

[5] *Казенин К. И., Козлов В. А.* Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 2. С. 191-206. doi:10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206.

[6] *Жилавская И. В.* Классификация медиа. Проблемы, понятия, критерии // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. № 4. Т.2. С. 1-8.

[7] Саитова, Д. Г., Багирова А. П. Использование информационного ресурса пронаталистской политики в муниципальных образованиях Свердловской области // Муниципалитет. Экономика и управление. 2021. № 3 (36). С. 69-80. https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-3-69-80.

[8] Перечень ежегодных посланий и бюджетных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.05.2022).

[9] *Саитова Д. Г.* Изменение общественно-политического дискурса как ответ на снижение рождаемости // Мат.лы XII Уральского демографического форума (3–4 июня 2021 г.). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. Т. 2. 257 с. С. 169-177.

References

[1] *Malikova A. Kh.* Problem of targeted social assistance // Russian science: actual re-search and development: collection of articles. Samara: Samara State University of Economics. 2016. Pp. 221-223.

[2] Database of the scientific project «Demographic Wellbeing of Russia on the IBM SPSS Statistics Platform». Certificate of state registration No. 2020670022 / T. K. Rostovskaya, S. V. Ryazantsev, O. V. Kuchmaeva, A. A. Shabunova. URL: http: // demography2020.рф/sample-page/ (accessed on 09.05.2022).

[3] *Sobachkin A. Yu.* Social significance of the media institute // Theory and practice of social development. 2019. No. 12(142). https://doi.org/10.24158/tipor.2019.12.6

[4] The Constitution of the Russian Federation (adopted by national referen-dum on 12 December 1993, with amendments approved during the national vote on 1 July 2020). Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 09.05.2022).

[5] *Kazenin K. I., Kozlov V. A.* Regional measures of support for families with three and more children: an overview // The Journal of Social Policy Studies. 2020. No. 2. Pp. 191-206. doi: 10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206.

[6] *Zhilavskaya I. V.* Classification of media. Issues, definitions and criteria // Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev. 2016. Vol. 2, No. 4. Pp. 1-8.

[7] *Saitova D. G., Bagirova A. P.* The use of information resource of pronatal-ist policy in municipalities of the Sverdlovsk region // Municipality: economics and management. 2021. No. 3(36). Pp. 69-80. https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-3-69-80

[8] List of annual addresses and budget messages of the President of the Rus-sian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 09.05.2022).

[9] *Saitova D. G.* Changing public and political discourse as a response to re-ducing fertility // Collection of articles of the XII Ural Demographic Forum (June 3–4, 2021). Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2021. Vol. 2. 257 p. Pp. 169-177.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-26
УДК 314.17
JEL J10, J11

ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ[1]

О. О. Секицки-Павленко

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
https: https://orcid.org/0000-0002-1370-8724
Автор для корреспонденции: О. О. Секицки-Павленко (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Аннотация. *Цель данной статьи — оценить последствия трансформации возрастной структуры населения. Предметом исследования является взаимосвязь изменений в возрастной структуре с изменениями двух ключевых параметров: доли женщин репродуктивного возраста и демографической нагрузкой на трудоспособное население. Модификация этих параметров рассматривается нами как результат трансформации возрастной структуры. В статье подтверждается гипотеза о тесной взаимосвязи возрастных структурных сдвигов с изменением доли женщин репродуктивного возраста и с изменением демографической нагрузки. В исследовании использовались методы статистического и сравнительного анализа, логический метод и метод научной абстракции. Выявлено, что со снижением доли трудоспособного населения сокращается удельный вес женщин репродуктивного возраста с 50,7 % до 43,6 %. Подтверждено, что в период с 2000 г. по 2021 г. демографическая нагрузка на трудоспособное население приобрела тенденцию увеличения, главным образом за счет населения старших возрастных групп. Новизна исследования заключается в оценке развития двух параметров, отражающих последствия изменения возрастной структуры. Результаты работы могут служить основой для исследований в области старения населения, определения демографического потенциала, а также для исследований, направленных на социально-экономическую адаптацию.*

Ключевые слова: возрастная структура населения, женщины репродуктивного возраста, демографическая нагрузка

Consequences of the Transformation of the Population Age Structure

O. O. Sekicki-Pavlenko
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-1370-8724
Corresponding author: O. O. Sekicki-Pavlenko (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru)

Abstract. *The article aims to assess the consequences of the transformation of the population age structure. The research examines the relationship between changes in the age structure and two key parameters: the proportion of women of reproductive age and the demographic burden on the working-age population. The modification of these parameters is seen as a result of the transformation of the age structure. The article confirms the hypothesis that age structural shifts are closely interrelated with changes in the share of women of reproductive age and*

[1] © Секицки-Павленко О. О. Текст. 2022.

the demographic burden. The study used methods of statistical and comparative analysis, the logical method and the method of scientific abstraction. It was revealed that, along with the decline in the share of able-bodied population, the share of women of reproductive age decreased from 50.7% to 43.6%. In the period from 2000 to 2021, the demographic burden on the working-age population has tended to increase, mainly at the expense of the older population. The study assessed the development of two parameters reflecting the consequences of changes in the age structure. The obtained results can serve as a basis for research in the field of population ageing, determination of demographic potential, as well as for research aimed at socio-economic adaptation.

Keywords: population age structure; women of reproductive age; demographic burden

Введение

В апреле 2017 г. в ходе своей 50-й сессии Комиссия по народонаселению и развитию при ООН обозначила изменения в возрастной структуре населения в качестве универсальной черты последних демографических тенденций, определяющей дальнейшее развитие стран и регионов [1]. Такая характеристика трансформации возрастной структуры населения неслучайна. На протяжении последних лет последствия изменений в возрастной структуре становятся все более актуальными, что отражено в ряде международных документов [2, 3]. Изменения возрастной структуры населения создают как проблемы, так и новые возможности для успешного развития стран и регионов. Наша страна не является исключением. Наблюдающееся в последние годы перемены в возрастной структуре населения России представляют собой закономерный процесс и являются неотъемлемой частью демографического перехода [4]. Долговременный и устойчивый характер трансформации возрастной структуры населения на долгие годы предопределит развитие всех демографических процессов. Это порождает новые вызовы и необходимость поиска оптимальных механизмов адаптации к новой демографической и социально-экономической реальности. В частности, последствия изменений в возрастной структуре сказываются на характере рождаемости и смертности, на возможности пенсионного и социального обеспечения граждан, на обеспечении потребности в рабочих местах и соответственно на определении желаемого уровня трудовой миграции. Изменение соотношения численности трудоспособного населения, пенсионеров и детей меняет экономическую нагрузку, приводит к переменам социально-экономического уклада общества. Особую актуальность исследования последствий трансформации возрастной структуры населения приобретают в свете реализации демографической политики. Неблагоприятные демографические тенденции, наблюдающиеся в Российской Федерации в последние годы, вынуждают научное сообщество и органы власти обратить пристальное внимание на необходимость принятия эффективных мер, для предотвращения дальнейшего ухудшения ситуации. В этой связи проведенное нами исследование позволит в определенной мере устранить пробел в части определения

демографических, социальных и экономических последствий трансформации возрастной структуры населения.

Основная цель данной статьи заключается в оценке последствий трансформации возрастной структуры населения. Оценка последствий производится на базе динамики двух ключевых параметров:

1) доли женщин репродуктивного возраста;
2) демографической нагрузки на трудоспособное население.

Первый параметр выступает как определяющий в части развития процесса рождаемости, а следовательно, демографического развития. Второй параметр — как определяющий будущее социально-экономическое положение страны.

В качестве гипотезы исследования мы выдвигаем положение о том, что снижение доли женщин репродуктивного возраста и увеличение демографической нагрузки являются следствием изменений в возрастной структуре населения. Кроме того, мы полагаем, что динамика этих двух показателей является не только результатом трансформации возрастной структуры, но и в значительной степени предопределит будущее социальное, экономическое и демографическое развитие российского общества.

Для достижения цели мы ставим перед собой следующие задачи:

1. Обосновать наличие взаимосвязи между трансформацией возрастной структуры населения, с одной стороны, с изменением доли женщин репродуктивного возраста и демографической нагрузки на трудоспособное население, с другой стороны.

2. Оценить динамику показателя удельного веса женщин в возрасте 15–49 лет и показателя демографической нагрузки на трудоспособное население.

Обзор литературы

Исследованию последствий трансформации возрастной структуры населения посвящено значительное число работ как отечественных, так и зарубежных ученых. Среди современных зарубежных исследователей эффект от трансформации возрастной структуры через призму старения населения рассматривают В. Лутц, У. Сандерсон и С. Щербов. Эти ученые в своих работах используют как традиционные, так и новые, альтернативные способы измерения старения населения, скорости и глубины данного процесса, строят прогнозы, подтверждающие увеличение темпов старения на ближайшую перспективу [5–7]. В исследовании Л. Шидло и Б. Шлохи рассматривается изменение трех основных возрастных групп в региональном фокусе на территории Чехии. В работе подчеркивается необходимость исследования трансформации возрастной структуры населения для будущего планирования и обеспечения доступности социальных, медицинских и образовательных услуг [8]. Последствия изменений в возрастной структуре населения через мультипликаторы бюджетной консолидации подробно освещены в работе Й. Копецки. Ученый

обосновал, что мультипликаторы консолидации бюджетного дефицита очень чувствительны к трансформации возрастной структуры населения и доказал зависимость фискальной политики от демографических изменений [9]. Влияние изменений возрастной структуры на экономическое развитие Китая отражено в статье коллектива китайских ученых, которые на основе модели перекрывающихся поколений рассмотрели корреляцию между возрастом и экономическим развитием и установили, что вклад стареющей рабочей силы в общий объем производства значителен и является важным источником устойчивого экономического роста. Кроме того, они подчеркнули необходимость использования потенциала старших поколений для увеличения демографического дивиденда [10].

Среди российских ученых, рассматривающих последствия трансформации возрастной структуры, необходимо выделить М.Б. Денисенко и В.А. Козлов [11]. В своих работах авторы на базе дефицита жизненного цикла оценивают вклад различных возрастных групп в формирование межпоколенческих счетов, в производство и последующее распределение национального дохода.

Ведущий российский демограф В.Н. Архангельский в соавторстве с С.Г. Шульгиным и Ю.В. Зинькиной оценивает последствия трансформации возрастной структуры населения через призму будущей численности населения и динамики демографических процессов [12]. Причем изменение возрастной структуры в перспективе рассматриваются данными учеными в двух расчетных сценариях и на межстрановом уровне. В других исследованиях этого научного коллектива демонстрируется взаимосвязь между меняющейся возрастной структурой и семейными, религиозными и политическими ценностями населения. Анализируются социальные последствия трансформации возрастной структуры как на глобальном, так и на региональном уровнях [13]. Л.А. Синица в качестве основных экономических последствий изменения возрастной структуры населения рассматривает снижение числа занятых в экономике, увеличение нагрузки на трудоспособное население, снижение объемов внутреннего рынка и как результат снижение уровня жизни российского общества [14].

Б.Н. Барсуков видит последствия деформации возрастной структуры в усилении процесса старения населения и нарастании социальной напряженности, что проявляет себя через усиление межпоколенческих конфликтов, эйджизма и геронтофобии [15].

Методы исследования

Основной инструментарий, с помощью которого осуществлялось исследование, составили логический метод, методы статистического и сравнительного анализа и метод научной абстракции. Статистическую базу исследований представляют данные Федеральной службы государственной статистики. В качестве временного интервала исследования был выбран период с 2000 г. по 2021 г.

Таблица 1

Динамика изменения возрастной структуры населения России в 2000, 2005, 2010, 2015, 2021 гг., %

Возрастная группа	Численность группы по годам				
	2000	2005	2010	2015	2021
Моложе трудоспособного возраста	19,4	16,3	16,2	18	18,7
В трудоспособном возрасте	60,2	63	61,5	57,4	54,7
Старше трудоспособного возраста	20,4	20,5	22,3	24,6	26,6

Источник: Демографический ежегодник России за 2002, 2005, 2010, 2015, 2021 гг.

Результаты

Сравнительный анализ динамики возрастной структуры населения России в период с 2000 г. по 2021 г. показывает наличие двух четких тенденций — сокращение доли трудоспособного населения и увеличение удельного веса населения старше трудоспособного возраста (табл. 1). За 21 год удельный вес населения в трудоспособном возрасте сократился на 5,5 % и составил 54,7 % от общей численности населения страны. Доля населения старше трудоспособного возраста напротив увеличилась на 6,2 %, это означает, что фактически каждый четвертый житель России находится в возрасте старше трудоспособного.

В отличие от категорий «в трудоспособном возрасте» и «старше трудоспособного возраста» динамика доли населения моложе трудоспособного возраста имеет несколько иную тенденцию. До 2010 г. наблюдается сокращение удельного веса населения моложе трудоспособного возраста с 19,4 % до 16,2 % (т. е. на 3,2 %), а с 2010 г. по 2021 г. рост на 2,5 %.

Такое развитие удельно веса населения моложе трудоспособного возраста не случайно, так как период с начала 2000-х гг. до 2021 г. является временем вступления в фертильный возраст женских поколений, рожденных в конце 70-х и в 80-х гг. Эти значительные по численности когорты женщин обеспечили постепенное повышение рождаемости максимум которого пришелся на 2013, 2014 гг. (когда общий коэффициент рождаемости составил 13,3 ‰). Кроме того, наблюдается некоторый эффект от демографической политики государства направленный на увеличение рождаемости, что позволило переломить тенденцию сокращения доли населения моложе трудоспособного возраста.

Представленная выше трансформация возрастной структуры населения свидетельствует об усиленном процессе старения населения как одной из характерных черт демографического перехода, и последующие сдвиги в возрастной структуре вполне закономерны и избежать их не удастся [16, 17]. Так, прогноз демографических изменений до 2035 г., представленный Росстатом, предусматривает снижение удельного веса детей до 15,2 %, в то время как доля населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста наоборот будет расти [18].

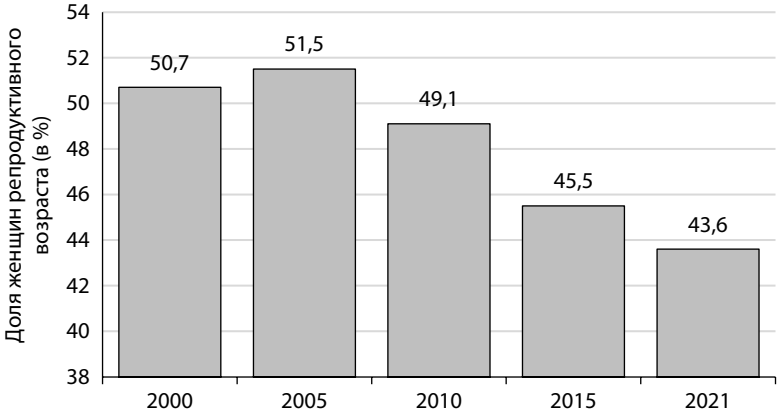


Рис. 1. *Динамика изменения доли женщин в возрасте 15–49 лет, % к общей численности женского населения (источник: Расчеты автора выполненные на основе данных о половозрастной структуре базы данных ЕМИСС (Росстат) https://fedstat.ru/)*

К наиболее острым последствиям трансформации возрастной структуры, на наш взгляд, следует отнести снижение доли женщин репродуктивного возраста (рис. 1).

Сокращение численности и удельного веса населения трудоспособного возраста привело к тому, что в течение исследуемого периода существенно уменьшилась доля женщин, находящихся в репродуктивном возрасте (15–49 лет). Развитие данного параметра в 2000–2021 гг. идет параллельно с развитием доли населения в трудоспособном возрасте. Это объясняется тем, что женщины репродуктивного возраста составляют значительную часть трудоспособного населения. В 2000 г. удельный вес женщин 15–49 лет составлял 50,7 % то есть чуть более половины от всего женского населения страны, а к 2021 г. данный показатель сократился на 7,1 % и составил 43,6 %. Наиболее высокая доля женщин репродуктивного возраста наблюдалась в 2005 г. (51 %), что связанно со вступлением в фертильный возраст больших по своей численности поколений женщин, рожденных в конце 70-х, начале 80-х гг. XX в. Это подтверждает тезис о том, что сдвиги в возрастной структуре населения обладают мощным потенциалом, оказывающим влияние на демографические события спустя годы. Снижение численности женщин репродуктивного возраста в результате трансформации возрастной структуры, закономерно приведет к сокращению рождаемости. При этом стоит учитывать, что суммарный коэффициент рождаемости продолжительное время находится на уровне, не обеспечивающем простого воспроизводства поколений. За период с 2000 г. по 2021 г. показатель суммарной рождаемости не превысил значения 1,7 рождений на одну женщину в возрасте 15–49 лет [19]. Показатели общего коэффициента рождаемости в последние годы также снижаются, что в совокупности

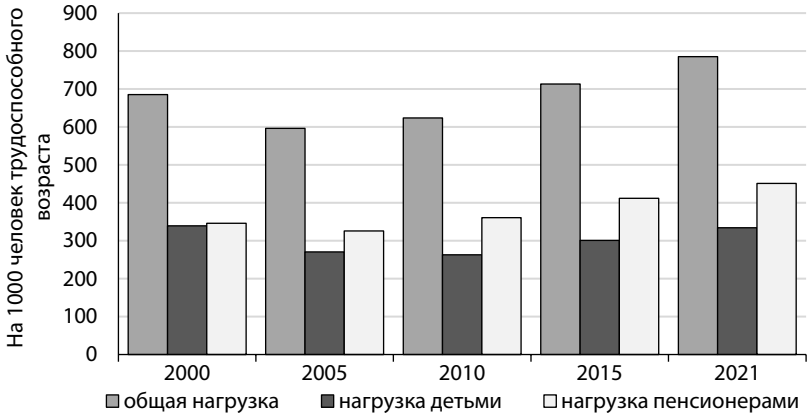


Рис. 2. *Динамика изменения демографической нагрузки, ‰ (источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года. Стат. бюлл. Федеральной службы государственной статистики (Росстат))*

с высокими показателями смертности приводит к естественной убыли населения. Снижение общего и суммарного коэффициентов рождаемости повлечет за собой дальнейшую деформацию возрастной структуры, усиление процесса старения населения, что не замедлит сказаться на демографическом и социально-экономическом развитии.

Вторым исследуемым нами параметром является увеличение нагрузки на трудоспособное население (рис. 2).

Изменение данного параметра обратно пропорционально изменению доли населения трудоспособного возраста. Самые низкие показатели демографической нагрузки, зафиксированы в 2005 г., что объясняется максимальной численностью и долей населения в трудоспособном возрасте, которая приходилась именно на этот год. С начала 2000 г. общая демографическая нагрузка возросла с 685 до 785 чел. нетрудоспособного возраста на 1000 чел. трудоспособного возраста. С 2005 г. коэффициент общей демографической нагрузки возрастал в среднем на 50–60 ‰, каждые 5 лет. На протяжении всего периода отмечается стабильное превышение нагрузки, составляемой пенсионерами, над демографической нагрузкой, составляемой детьми. Если в 2000 г. разница между демографической нагрузкой детьми и демографической нагрузкой пенсионерами составляла всего 7 чел., то к 2021 г. — 144 чел. Это свидетельствует о том, что основное социальное и экономическое давление на трудоспособное население оказывается населением старше трудоспособного возраста. В 2021 г. демографическая нагрузка пенсионерами составила 451 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста, в то время как демографическая нагрузка детьми 334 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста.

Таким образом мы подтвердили гипотезу, предполагающую, что снижение доли женщин репродуктивного возраста и увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население являются прямым следствием трансформации возрастной структуры населения нашей страны.

Обсуждение

Последствия трансформации возрастной структуры населения оказывают значительное влияние на демографическое и социально-экономическое развитие нашего общества. Становятся как никогда актуальными вопросы пенсионного, социального обеспечения и здравоохранения для пожилых людей [20, 21]. Особое место занимает вопрос снижения экономической нагрузки на трудоспособное население. Детальной проработки требует вопрос дальнейшего увеличения рождаемости на фоне сокращения женских репродуктивных когорт. Коренной трансформации подвергаются межпоколенческие и семейные отношения. Таким образом, существенные изменения в возрастной структуре населения в контексте социально-экономической адаптации приобретают все большую значимость. В этой связи возрастает необходимость детального изучения вопросов, касающихся минимизации негативных последствий изменения возрастной структуры населения.

Заключение

В своем исследовании мы обосновали взаимосвязь трансформации возрастной структуры населения с изменением двух ключевых параметров: долей женщин репродуктивного возраста и демографической нагрузкой на трудоспособное население. Доказано, что снижение удельного веса женщин в возрасте 15–49 лет находится в прямой зависимости от изменений элементов возрастной структуры в предшествующие годы. Обосновано положение о том, что увеличение общей демографической нагрузки и изменение ее отдельных составляющих (нагрузки детьми и нагрузки пенсионерами) также зависят от соотношения между элементами возрастной структуры. Научная новизна исследований заключается в рассмотрении изменений показателей демографической нагрузки и доли женщин репродуктивного возраста не как отдельных признаков, характеризующих демографическую ситуацию, а как прямого результата трансформации возрастной структуры населения.

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

Список источников

[1] Отдел населения. Комиссия по народонаселению и развитию, пятидесятая сессия (2017 год) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/events/CPD50 (дата обращения: 15.07.2022).

[2] Перспективы народонаселения мира, редакция 2017 года. Основные выводы и предварительные таблицы. Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам // Организация объединенных наций. Нью-Йорк. 2017. С. 53. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/WPP2017_KeyFindings.pdf (дата обращения 17.07.2022).

[3] Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам. Отдел народонаселения (2021 г.). Глобальный рост населения и устойчивое развитие // ООН. Нью-Йорк, 2021. С. 124. [Электронный ресурс] file:///C:/Users/User/Downloads/undesa_pd_2022_Global%20Population%20Growth.pdf (дата обращения 17.07.2022).

[4] *Вишневский А. Г.* Россия. Демографические вызовы ближайших десятилетий / А. Г. Вишневский // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2013. Т. 18, № 1. С. 35-41. EDN PZMISV.

[5] *Лутц В., Сандерсон В., Щербов С.* Грядущее ускорение глобального старения населения // Природа. 451. 2008. С. 716–719. https://doi.org/10.1038/nature06516.

[6] *Щербов С., Сандерсон В.* Новые подходы к концептуализации и измерению возраста и старения // Развитие демографического прогнозирования / под ред. Маццуко С., Кейлман Н. Серия Springer по демографическим методам и анализу населения. Т. 49. Springer, Cham. 2020. С. 245-258. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42472-5_12.

[7] *Sanderson W.* & Scherbov S. A unifying framework for the study of population aging // Vienna Yearbook of Population Research. 2016. № 14. P. 7–39. https://doi.org/10.1553/populationyearbook2016s007.

[8] *Шидло Л., Шпроха Б.* Изменения в возрастной структуре населения чешских районов в 1989–2019 гг. // Демография. 2020. № 62(4). С. 227–239.

[9] *Копецки Я.* Возраст для строгой экономии? Возрастная структура населения и мультипликаторы бюджетной консолидации // Журнал макроэкономики. ISSN: 0164-0704. 73. 2022. С. 36. https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2022.103444.

[10] *Лю З., Фан Ю.,* Ма, Л. Исследование влияния изменения возрастной структуры населения на экономический рост в Китае // Устойчивость. 2022. № 14 (7). С. 3711. https://doi.org/10.3390/su14073711.

[11] *Денисенко М. Б., Козлов В. А.* Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 4. С. 6-35. EDN VRQRGC.

[12] *Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г.* Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 18-33. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-2-02. EDN UWRDYS.

[13] Изменения в возрастной структуре населения и их социально-политические последствия / Архангельский В. Н., Шульгин С. Г., Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Москва: РАНХиГС, 2016.

[14] *Синица А. Л.* Некоторые экономические последствия изменения возрастной структуры населения России в условиях демографической волны // ЭКО. 2018. № 8(530). С. 44-62. EDN UVPLOI.

[15] *Барсуков В. Н.* Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств // Социальное пространство. 016. № 5(7). С. 1-14. EDN XEHFFF.

[16] *Капелюшников Р. И.* Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 2. С. 8-63. DOI 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63. EDN MIIXFN.

[17] *Вишневский А. Г.* Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8. № 4. С. 5–21.

[18] Демографический прогноз до 2035 года. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 16.07.2022).

[19] Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб./ Росстат. Москва, 2021. 256 с.

[20] *Колпина Л. В.* Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты. Ульяновск: Зебра, 2015. 128 с.

[21] *Новоселова Е. Н.* Тенденции и социально-экономические последствия трансформации возрастной структуры населения России // Известия Саратовского университета. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 383–387. (Социология. Политология). DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-383-387.

References

[1] United Nations. Population division. Commission on Population and Development, fiftieth session (2017) // UN. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/events/CPD50 (accessed on 15.07.2022).

[2] World Population Prospects The 2017 Revision. Key Findings and Advance Tables. Department of Economic and Social Affairs, Population Division // United Nations. New York, 2017. P. 53. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/WPP2017_KeyFindings.pdf (accessed on 17.07.2022).

[3] United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2021). Global Population Growth and Sustainable Development. United Nations New York, 2021. P. 124. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/undesa_pd_2022_Global%20Population%20Growth.pdf (accessed on 17.07.2022).

[4] *Vishnevsky A. G.* Demographic challenges in the coming decades // Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2013. Vol. 18, No. 1. Pp. 35-41.

[5] *Lutz W., Sanderson W., Scherbov S.* The coming acceleration of global population ageing // Nature 451, 2008. Pp. 716–719. https://doi.org/10.1038/nature06516.

[6] *Scherbov S., Sanderson W.* New Approaches to the Conceptualization and Measurement of Age and Ageing // Developments in Demographic Forecasting. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis, vol. 49 / eds. S. Mazzuco, N. Keilman. Springer, Cham. 2020. Pp. 245-258. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42472-5_12.

[7] *Sanderson W., Scherbov S.* A unifying framework for the study of population aging // Vienna Yearbook of Population Research. 2016. No. 14. Pp. 7-39. https://doi.org/10.1553/populationyearbook2016s007.

[8] *Šídlo L., Šprocha B.* Changes in the population age structure of the Czech districts in 1989–2019 // Demografie. 2020. No. 62(4). Pp. 227–239.

[9] *Kopecky J.* The age for austerity? Population age structure and fiscal consolidation multipliers // Journal of Macroeconomics. 2022. Vol. 73. P. 36. https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2022.103444.

[10] *Liu Z., Fang Y., Ma L.* A Study on the Impact of Population Age Structure Change on Economic Growth in China // Sustainability. 2022. No. 14 (7). P. 3711. https://doi.org/10.3390/su14073711.

[11] *Denisenko M. B., Kozlov V. A.* generational accounts and demographic dividend in Russia // Demographic Review. 2018. Vol. 5, No. 4. Pp. 6-35.

[12] *Arkhangelsky V. N., Zinkina Yu. V., Shulgin S. G.* Age structure as a factor of the future population dynamics // Population. 2018. Vol. 21, No. 2. Pp. 18-33. doi: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-02.

[13] Changes in the age structure of the population and their social and political consequences / V. N. Arkhangelsky, S. G. Shulgin, A. V. Korotaev, Yu. V. Zinkina. Preprint RANEPA. 2016. P. 27.

[14] *Sinitsa A. L.* Economic Consequences of the Age Distribution of the Population of Russia under the Demographic Wave // ECO. 2018. No. 8 (530). Pp. 44-62.

[15] *Barsukov V. N.* Causes and consequences of intergenerational conflict as a social issue of "ageing" countries // Social area. 2016. No. 5(7). Pp.1-14.

[16] *Kapelyushnikov R. I.* The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects // Economic policy. 2019. Vol. 14, No. 2. Pp. 8-63. doi: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63.

[17] *Vishnevsky A. G.* Demographic modernization of Russia and its contradictions // Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 1999. Vol. 8, No. 4. Pp. 5–21.

[18] Demographic forecast up to 2035. Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (accessed on 07.16.2022).

[19] The Demographic Yearbook of Russia. 2021: Statistical handbook. Rosstat. Moscow. 2021. 256 p.

[20] *Kolpina L. V.* Ageism in the service of older citizens by health care and social protection institutions: monograph. Ulyanovsk: Zebra. 2015. 128 p.

[21] *Novoselova E. N.* Trends and Socio-economic Consequences of the Population Age Structure Transformation in Russia // Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2016. Vol. 16, No. 4. Pp. 383–387. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-383-387.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-27
УДК 336.018(045)
JEL J14, J26

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННОГО КАПИТАЛА РАБОТНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА[1]

А. К. Соловьев

Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-8563-9836
Автор для корреспонденции: А. К. Соловьев (arksolov@yandex.ru).

Аннотация. *Демографические факторы являются базовыми условиями обоснования институциональной модели государственной пенсионной системы в условиях рыночных отношений. Поскольку как финансовые источники материального обеспечения пенсионеров, с одной стороны, так и размеры всех видов страховых пенсий в форме пенсионного капитала работника, с другой стороны, обеспечиваются в трудоспособный период жизни человека. В условиях глобальной цифровизации экономики идет вытеснение (а в дальнейшем полное исключение) человека как носителя человеческого потенциала — рабочей силы из трудовых отношений, на которых основано формирование его будущих пенсионных прав. В связи с этим резко ограничиваются условия для населения по формированию собственных пенсионных прав для реализации конституционных прав гражданина на материальное обеспечение при утрате трудоспособности по причине наступления старости, а также социально-страховых рисков инвалидности и потери кормильца. В исследовании обосновывается трансформация индивидуально-накопительной и солидарно-страховой пенсионных систем, основанных на демографических факторах, с учетом новых глобальных рисков, в первую очередь цифровой революции.*

Ключевые слова: пенсионная система государства, наемные работники, самозанятое население, пенсионный капитал работника, демографические факторы, рынок труда, пенсионный возраст, трудовой стаж

Demographic Factors of the Formation of an Employee's Pension Capital in the Context of Digitalisation

A. K. Solovyev

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-8563-9836
Corresponding author: A. K. Solovyev (arksolov@yandex.ru)

Abstract. *Demographic factors are the basic conditions for substantiating the institutional model of the state pension system in conditions of market relations. Both financial sources of material support for pensioners and the size of various insurance pensions (in the form of an employee's pension capital) are ensured during the able-bodied period of each person's life. In the context of the global digitalisation of the economy, the displacement and further complete exclusion of a person as a carrier of human potential or labour (a source of pension rights) from la-*

[1] © Соловьев А. К. Текст. 2022.

bour relations is possible. In this regard, the population's constitutional rights to receive pension, material support in case of disability due to old age, or social insurance due to disability and loss of the breadwinner become limited. The transformation of the individual-accumulative and joint-insurance pension systems is justified, considering the modern global challenges, primarily the digital revolution.

Keywords: state pension system; employees; self-employed population; employee's pension capital; demographic factors; labour market; retirement age; work experience

Введение

Демографические факторы традиционно считаются исходными для формирования институциональной модели государственного пенсионного обеспечения, поскольку в рамках современного механизма системы формирования пенсионных прав позволяют обосновать базовые условия и критерии для расчета государственных пенсионных обязательств: пенсионный возраст, продолжительность трудового (страхового) стажа и период реализации (выплаты) государственных пенсионных обязательств.

На новом этапе развития общества влияние демографических факторов на пенсионную систему существенно трансформируется. Глобальные экономические, эпидемические и экологические катастрофы, которые пришли на смену «демографическому кризису», который ожидали к началу нынешнего столетия, радикально сменили факторы риска развитию государственной пенсионной системы.

Обзор литературы

В современной научной литературе сохраняется традиционное представление о демографическом влиянии на государственную пенсионную систему, которое характеризуется как возрастание «нагрузки» на экономику и «неэффективное отвлечение» средств госбюджета и бизнеса на выполнение «экономически необоснованных» социальных функций государства [1–4].

Следует подчеркнуть, что демографические факторы государственной пенсионной системы позволяют формализовать продолжительность периодов трудоспособности и нетрудоспособности, которые в зависимости от социальной ориентации правительства законодательно устанавливаются как нормативные требования для получения государственного пенсионного обеспечения. В свою очередь, соотношение численности населения трудоспособного и нетрудоспособного возрастов активно используются для оценки эффективности государственной пенсионной системы с точки зрения снижения нагрузки на бизнес для обоснования условий экономического роста и ускорения социально-экономического развития страны [5–8]. Так, в «Стратегии 2020» непосредственно указано, что действующие нормативы пенсионного возраста негативно влияют на все сферы экономики и тормозят ее развитие [9].

Анализ западных исследований проблем пенсионного обеспечения свидетельствует, что демографические факторы (в первую очередь,

пенсионный возраст и период дожития) должны использоваться в системе бюджетно-стратегического планирования как базовые условия макроэкономического развития страны [10–12].

Результаты

В рыночной системе социально-трудовых отношений страховая пенсия рассматривается как отложенная часть заработка работника с целью материального обеспечения при утрате трудоспособности по старости, инвалидности или потери (смерти) кормильца. Таким образом, в политэкономическом плане страховая пенсия является полученной и неотъемлемой частью стоимости рабочей силы, которая в трудоспособный период жизни работника позволяет формировать его пенсионный капитал.

Однако новый этап цивилизации, основанной на цифровизации не только экономики и производства, но и всех сфер общественной жизни, радикально меняет институциональные основы государственной пенсионной системы. Современная пенсионная система государства основана на учете трудовой активности каждого работника и эффективности государственного регулирования социально-трудовых отношений на рынке труда, которые, в свою очередь, интегрированы в долгосрочную глобальную и национальную макроэкономическую динамику.

Участниками такой пенсионной системы являются наемные работники в качестве застрахованных лиц, работодатели в качестве страхователей и пенсионные фонды (государственные и негосударственные) в качестве страховщиков. В таком контексте пенсия как результат трудовых отношений является «отложенной» (недополученной для текущего потребления) частью заработка работника, которую государство в лице пенсионного фонда обязуется сохранить вплоть до наступления страхового случая: старости, инвалидности или утраты (иждивенцами) кормильца.

В условиях глобальной цифровизации экономики идет вытеснение и в дальнейшем полное исключение человека как носителя человеческого потенциала — рабочей силы из трудовых отношений, на которых основано формирование пенсионных прав. В связи с этим резко ограничиваются условия для населения по формированию собственных пенсионных прав для получения реализации конституционных прав каждого гражданина на материальное обеспечение при утрате трудоспособности по причине наступления старости, а также социально-страховых рисков инвалидности и потери кормильца.

Необходима трансформация индивидуально-накопительной и солидарно-страховой пенсионных систем с учетом глобальных вызовов текущего столетия, в первую очередь цифровой революции. Следует обратить особое внимание на то, что на Западе, в странах ОЭСР подготовка к трансформации государственной пенсионной системы в теоретическом плане началась еще в конце прошлого тысячелетия, а в текущем уже идут практические эксперименты. В то время как в нашей экономической науке

до сих пор обсуждаются институциональные основы пенсионного страхования.

Для поддержания адекватности уровня жизни пенсионеров их пенсионным правам современная пенсионная система предусматривает экономический механизм индексации / актуализации размера пенсии, который основан на эквивалентном учете инфляции (роста потребительских цен) и увеличения размера заработка

Как в каждой страховой пенсионной системе, экономическим инструментом осовременивания (актуализации) пенсионных прав застрахованных лиц является индексация всех видов пенсий. Индексация страховой пенсии в условиях инфляции и динамики макроэкономических параметров осуществляется ежегодно в соответствии нормами пенсионного законодательства и бюджетно-финансовыми характеристикам на соответствующий плановый период.

Методы индексации должны обеспечивать, в первую очередь, реализацию страховых принципов. Однако в связи с усилением внешних к пенсионной системе макроэкономических и демографических рисков современные экономические модели индексации должны учитывать их влияние на пенсионные права застрахованных лиц не только в текущий выплатной период, но и в течение всего страхового цикла.

Дополнительные риски поддержания достойного уровня материального обеспечения участников рынка труда возникли в результате изменений в пенсионном законодательстве 2015–2019 гг., которые были направлены на сокращение расходов федерального и региональных бюджетов на финансирование всех видов пенсий. В первую очередь это коснулось трансформации экономических механизмов индексации, а также секвестирования пенсионных прав работающих пенсионеров, которые теперь получают страховую пенсию и фиксированную выплату к ней без учета плановых индексаций. При этом следует уточнить, что в случае прекращения трудовой деятельности страховая пенсия выплачивается с учетом всех прошедших индексаций, имевших место в течение всего периода осуществления работы пенсионера (если пенсионер после прекращения работы вновь устроится на работу, восстановленная индексация не отменяется и размер его страховой пенсии уменьшен не будет).

Цифровизация экономики и общественной жизни вносит существенные изменения в долгосрочную стратегию развития пенсионной системы, и, в частности, потребует уточнения и дополнения ее целевых ориентиров, утвержденных решением Правительства в 2012 г. Комплекс целевых ориентиров долгосрочного развития пенсионной системы России был сформулирован в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России [13] на основе страховых принципов формирования пенсионных прав граждан по всем векторам государственной социальной политики, но главными из которых определены:

— повышение уровня жизни пенсионеров (до 2,5 ПМП к концу переходного периода);

— обеспечение эквивалентности размера страховой пенсии утраченному заработку за нормативный период трудовой деятельности с уплатой страховых взносов не менее 40 % (так называемый коэффициент замещения);

— достижение финансовой независимости бюджета ПФР от федеральных трансфертов и др.

Однако новый этап цивилизации, основанной на цифровизации не только экономики и производства, но и всех сфер общественной жизни, радикально меняет институциональные основы государственной пенсионной системы.

Наиболее неоднозначным этапом реализации пенсионной реформы в настоящее время признается комплекс мероприятий, осуществляемых правительством в 2019 г. в связи с изменением пенсионного законодательства, направленных на достижение одной из основных целей развития пенсионной системы — обеспечение текущей сбалансированности пенсионного бюджета и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы при дополнительном условии снижения и сохранения «приемлемого» уровня страховой нагрузки на работодателей.

Повышение возраста обосновывалось ответом на вызовы старения населения: по прогнозу Минэкономразвития России ожидалось увеличение численности занятых в экономики к 2036 г. почти до 75,8 млн. чел., то есть рост по сравнению с уровнем 2018 г. составит 4,9 %. При этом уровень безработицы в прогнозный период до 2036 гг. сократится на 0,5 п. п. и снизится до 4,3 %: общая численность безработных начиная с 2026 г. не должна превысить 3,4 млн чел. Поэтому в целях снижения нагрузки на рынок труда ограничение доступа старших поколений на рынок труда путем отмены индексации их страховых пенсий было «дополнено» повышением возрастных требований к назначению пенсии [14, 15].

Цифровизация экономики и общественной жизни оказывает все более непосредственное влияние на систему экономических отношений на рынке труда, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий во всех сферах производственной деятельности и личной жизни работника. В нашей стране с большим отставанием также начались негативные процессы трансформации трудовых отношений, которые создают дополнительные риски достойного материального обеспечения не только для трудоспособного населения, но и в большей степени для человека, утратившего трудоспособность.

В соответствии с государственной программой «Развитие цифровой экономики в России до 2035 г., цифровая экономика — совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации

производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государства[1]. Она позволяет снижать затраты, повышая при этом производительность и качество продукта.

В условиях цифровизации трудовых отношений нормативные требования к формированию пенсионных прав застрахованного лица по стажу, заработку и уплате страховых взносов в период трудовой деятельности должны сокращаться по причине автоматизации и повышения производительности труда. Одновременно будет сокращаться степень охвата трудоспособного населения возможностью формировать свои права в рамках государственной пенсионной страховой модели: наемный работник (застрахованное лицо) — работодатель (страхователь) — государственный страховщик.

При этом соответственно будет расширяться численность трудоспособного населения (в трудоспособном возрасте), которое в условиях действующего нормативно-законодательного регулирования должно самостоятельно формировать свои пенсионные права. Однако современная институциональная парадигма пенсионного обеспечения самозанятых категорий населения практически уравнивает их пенсионные права с социальными пенсионерами и не позволяет самостоятельно улучшать свое будущее материальное благосостояние как пенсионеры — наемные работники.

При этом, из-за роста продолжительности жизни все дальше возрастает число долгожителей.

Таким образом, необходимо ставить на повестку дня вопрос о пересмотре критериев утраты трудоспособности, когда и в каком возрасте наступает старость. Все эти понятия и критерии были приняты во время предшествующей промышленной эпохи.

Поскольку пенсионные права граждан как страхового, так и нестрахового характера формируются в течение трудоспособного периода жизни, а государство, со своей стороны, является конституционным гарантом их реализации в течение всего периода дожития гражданина.

Цифровизация экономики закономерно ведет к росту неформальной и неофициальной занятости, перекладывая всю полноту конституционной ответственности, включая страховые обязательства, на самого работника, который должен быть подготовлен к выполнению всех нормативно установленных требований как по формированию своих пенсионных прав, так и по перманентному контролю за их сохранением в адекватном размере.

В настоящее время не только неформальный сектор экономики, но и занятые в секторе наемного труда не обеспечены нормативно-методическим и информационно-технологическим инструментарием для активного участия в пенсионной системе. В результате возрастают социальные

[1] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р.

риски невыполнения самозанятыми работниками нормативных условий обязательного пенсионного страхования. В конечном итоге пенсионное обеспечение на основе страховых принципов будет нивелировано и сведено к социальной помощи, предоставляемой исходя из минимальных норм душевого потребления без учета дифференциации и вне зависимости от наличия трудовых прав.

В этой связи необходимо разрабатывать превентивные меры, смягчающие те или иные негативные последствия, которые неизбежно затронут самозанятый сектор рынка труда.

Внедряя цифровую экономику государство, перед российской пенсионной системой встает ряд проблем, требующих безотлагательного научного исследования и разработки мер по обеспечению ее социальной эффективности.

Для современного рынка труда цифровая экономика представляет такие риски, как сокращение наемных рабочих мест за счет внедрения новых технологий производства и рост неформальной и неофициальной занятости.

Формирование гибких трудовых отношений (дистанционная занятость, либо изменение формы занятости с полной до частичной) требует нормативной регламентации требований по формированию пенсионных прав не только наемных работников (по стажу и заработку), но и самозанятых граждан исходя из страховых принципов обеспечения достойного уровня жизни в пенсионный период.

Влияние рынка труда на пенсионную систему сказывается по двум направлениям: как в процессе формирования доходной части бюджета ПФР, так и в расходной части — при реализации государственных пенсионных обязательств.

Цифровизация экономики ставит перед отраслями и государством новые задачи, связанные с растущими социальными рисками сокращения периода трудовой занятости и безработицы и увеличения пенсионного периода.

Структурные сдвиги на рынке труда существенно усилили негативное влияние в части уменьшения числа плательщиков страховых взносов в ПФР, занятых в реальном секторе экономики. В связи с этим особенно актуальной в последнее время в России стала проблема оценки неформальной занятости в экономике населения трудоспособного возраста в целях поиска резервов увеличения доходной части бюджета ПФР, а также в целях предотвращения появления в перспективе значительного числа людей, не имеющих для назначения страховой пенсии пенсионных прав. Экспертные оценки уровня неформальной занятости варьируются в зависимости от метода расчета и использованных источников данных и доходят до 25–30 млн чел. [16].

В результате четверть занятых вообще не производит отчисления в ПФР или осуществляют в размере, недостаточном для формирования

пенсионных прав на собственную страховую пенсию и выполнения солидарных обязательств перед предшествующим поколением работников. В нашей стране данная тенденция дополняется и усугубляется растущим «теневым сектором» рынка труда.

Все категории самозанятости в производственной и непроизводственной сферах экономики плохо адаптированы к участию в системе государственного пенсионного страхования. Несмотря на то, что номинально действующее законодательство содержит отдельные нормы относительно индивидуальных предпринимателей по формированию их пенсионных прав, на практике, как показывает простейший статистический анализ большинство из них в условиях новых пенсионных отношений не смогут «заработать» себе даже минимальные права на страховую пенсию, не говоря уже о достойном уровне материального обеспечения в старости.

Закономерно возникают принципиально новые проблемы реализации конституционных прав этих категорий населения на уровень защиты, адекватный уровню защиты наемных работников, не только в трудоспособный период жизни, но и в нетрудоспособный период, в первую очередь, при наступлении пенсионного возраста и др. социальных рисках, предусмотренных действующим законодательством.

Следует подчеркнуть, что проблемы защиты экономических интересов самозанятых в трудоспособный период их жизни в той или иной степени решаются с помощью налоговых льгот и финансовых привилегий, проблемы их социальной защиты в нетрудоспособный период не решены. При этом ожидается, что количество различных форм самозанятости постоянно увеличивается, и к середине столетия половина всего трудоспособного населения будет занята в неформальном секторе экономики. Однако ни экономические, ни правовые условия для формирования пенсионных прав этого многочисленного в будущем отряда пенсионеров до сих пор не созданы.

Практически все нынешние индивидуальные предприниматели и большинство граждан, которые осуществляют до сих пор предпринимательскую и приравненную к ней (по условиям уплаты страховых взносов в ПФР) деятельность, до или после нее работали в наемном секторе экономики. При этом все более значительная часть этих самозанятых после выработки минимального пенсионного стажа полностью прекращает официальную трудовую деятельность и выходит из формального рынка труда.

Данный вывод подтверждается результатами анализа структуры общей численности застрахованных лиц, когда-либо в период с 2002 г. по 2012 г. формировавших пенсионные права в составе какой-либо категории самозанятых. Так, например, в 2002 г. из 755,6 тыс. общей численности самозанятого населения абсолютное большинство — 558 тыс. чел., не имели другой занятости (собственно индивидуальные предприниматели), а 197,4 тыс. чел. относились к одной или нескольким категориям (наемные

работники, адвокаты, нотариусы и т. п.) — назовем их «самозанятыми совместителями». Соответственно, на 100 «самозанятых совместителей» приходилось 283 предпринимателя. В 2003 г. еще сохранялось преобладание предпринимателей, но их число заметно уменьшилась — до 170 на 100 самозанятых совместителей.

Заключение

Исследование показывает, что синергетическое взаимодействие демографических факторов и цифровизации экономики требует радикального пересмотра базового критерия пенсионного обеспечения — утрата трудоспособности по причине наступления нормативного пенсионного возраста, на принципиально новый «цифровой» критерий реализации пенсионных прав каждого гражданина — невостребованность на рынке труда.

Благодарности

Статья подготовлена на основе материалов государственного задания Финансового университета при Правительстве РФ на 2022 г.

Список источников

[1] *Кудрин А. Л., Гурвич Е. Т.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4-36.

[2] *Гурвич Е. Т.* Развилки пенсионной реформы. Российский и международный опыт // Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 5-39.

[3] *Ляшок В. Ю., Назаров В. С., Орешкин М. С.* Факторы роста размера пенсий в России // Финансовый журнал. 2016. № 1. С. 7-22.

[4] *Горлин Ю., Ляшок В., Салмина А.* Индикаторы достаточности уровня пенсий. Международные подходы и предложения для России // РАНХиГС. URL: https://ipei.ranepa.ru/ru/sobytiya/1932-eksperty-rankhigs-issledovali-dostatochnost-pensij?ysclid=l2r5uqljwz (дата обращения: 26.10.2021).

[5] Gross pension replacement rates // OECD. URL: https://data.oecd.org/pension/gross-pension-replacement-rates.htm#indicator-chart (accessed on 26.10.2021).

[6] Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators. OECD Publishing, Paris. https://doi.org/10.1787/b6d3dcfc-en.

[7] Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators. OECD Publishing, Paris. http://doi.org/10.1787/pension_glance-2017-en.

[8] Пенсионный возраст в разных странах мира. [Электронный ресурс]. URL: https://kakdobratsyado.ru/pensionnyj-vozrast-v-raznyh-stranah-mira/ (дата обращения: 26.10.2021).

[9] Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года / Под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.

[10] *Соловьев А. К.* Теория и практика обязательного пенсионного страхования в России. Москва : Прометей, 2020. 708 с.

[11] *Соловьев А. К., Донцова С. А., Кучук С. Е.* Пенсионный возраст. Актуарно-статистическое обоснование. Москва : Прометей, 2020. 238 с.

[12] *Соловьев А. К.* Пенсионные права застрахованных лиц в России: проблемы формирования и риски реализации. Москва : Прометей, 2020. 324 с.

[13] Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Расп. Правительства РФ от 25 дек. 2012 г. № 2524-р. // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 2). ст. 8029.

[14] Российский статистический ежегодник 2020. Москва : ФСГС, 2020.

[15] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 // Министерство экономическиго развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2036_goda.html (дата обращения: 01.05.2022).

[16] *Соловьев А. К.* Коэффициент замещения. Проблемы теории и практики. Москва : Вариант, 2014. 303 с.

References

[1] *Kudrin A. L., Gurvich E. T.* A new growth model for the Russian economy // Voprosy ekonomiki. 2014. No. 12. Pp. 4-36.

[2] *Gurvich E. T.* The junctions of pension reforms: Russian and international experience // Voprosy ekonomiki. 2019. No. 9. Pp. 5-39.

[3] *Lyashok V. Yu., Nazarov V. S., Oreshkin M. S.* Factors of pension growth in modern Russia // Financial Journal. 2016. No. 1. Pp. 7-22.

[4] *Gorlin Yu., Lyashok V., Salmina A.* Pension level sufficiency indicators: international approaches and proposals for Russia // RANEPA. URL: https://ipei.ranepa.ru/ru/sobytiya/1932-eksperty-rankhigs-issledovali-dostatochnost-pensij?ysclid=l2r5uqljwz (accessed on 26.10.2021).

[5] Gross pension replacement rates // OECD. URL: https://data.oecd.org/pension/gross-pension-replacement-rates.htm#indicator-chart (accessed on 26.10.2021).

[6] Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris. https://doi.org/10.1787/b6d3dcfc-en.

[7] Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris. http://doi.org/10.1787/pension_glance-2017-en.

[8] Retirement age around the world. URL: https://kakdobratsyado.ru/pensionnyj-vozrast-v-raznyh-stranah-mira/. (accessed on 26.10.2021).

[9] Strategy 2020: A new model of growth – a new social policy. Final report on the results of expert work on actual problems of socio-economic strategy of Russia up to2020 / eds. V. A. Mau, Ya. I. Kuzminov. Moscow: Delo Publishing House, RANEPA, 2013. 430 p.

[10] *Solovyev A. K.* Theory and practice of compulsory pension insurance in Russia. M.: Prometheus. 2020. 708p.

[11] *Solovyev A. K., Dontsova S. A., Kuchuk S. E.* Retirement age: actuarial and statistical justification. M.: Prometheus. 2020. 238 p.

[12] *Solovyev A. K.* Pension rights of insured persons in Russia: formation problems and implementation risks. M.: Prometheus, 2020. 324 p.

[13] Strategy for the long-term development of the pension system of the Russian Federation / Order of the Government of the Russian Federation of December 25, 2012 No. 2524-r. // Collected Legislation of the Russian Federation. 12/31/2012. No. 53 (part 2). Art. 8029.

[14] Russian Statistical Yearbook 2020. M.: FSGS. 2020.

[15] Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2036. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2036_goda.html (accessed on 01.05.2022).

[16] *Solovyev A. K.* Replacement rate: problems of theory and practice. M.: Variant, 2014. 303 p.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-28
УДК 314.32
JEL J11, J13

ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН[1]

А. И. Субхонов, А. А. Бабаев

Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Автор для корреспонденции: Субхонов А. И. (a-subkhonov@list.ru)

Аннотация. *В данной статье отражены теоретические и практические аспекты рождаемости населения в Республике Таджикистан. Авторами сделана попытка показать динамику рождаемости с использованием официальных статистических данных и результатов медико-демографических исследований за 2012 и 2017 гг. Проведен сравнительный анализ уровня рождаемости населения стран, исповедующих ислам, чтобы сформировать модель рождаемости в странах, где наблюдается депопуляция среди коренного населения. Проведен анализ взаимосвязи рождаемости с урбанизацией, показателем ВВП на душу население, внешней трудовой миграцией населения. На основе шкалы старения ООН определено, что население республики является молодым. Поэтому нами предложены меры по сохранению нынешний уровень рождаемости населения.*

Ключевые слова: рождаемость, население, урбанизация, брачность, разводимость, демография

Fertility Trends in the Republic of Tajikistan

A. I. Subkhonov, A. A. Babaev
Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan
(Dushanbe, Republic of Tajikistan)
Corresponding author: A. I. Subkhobov (a-subkhonov@list.ru)

Abstract. *The present article reflects the theoretical and practical aspects of the study of fertility in the Republic of Tajikistan. The research attempts to show the dynamics of fertility using official statistics and data from the demographic surveys for 2012 and 2017. A comparative analysis of fertility among the countries professing Islam was conducted in order to create a model of fertility and apply it in countries characterised by indigenous depopulation. The relationships between fertility and urbanisation, gross domestic product per capita, external labour migration of the population are analysed. The UN methods for determining the ageing of the population were applied, revealing that the population of the republic remains young. Therefore, the measures to maintain the current fertility were proposed.*

Keywords: fertility; population; urbanisation; marriage; divorce; demography

Введение

Проблема рождаемости населения актуализируется во всех странах, будь то развитые или развивающие страны. При этом все нации

[1] © Субхонов А. И., Бабаев А. А. Текст. 2022.

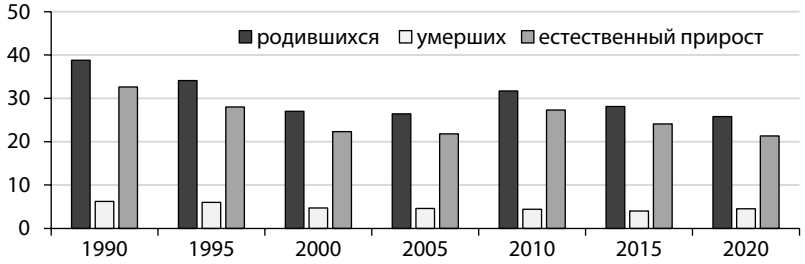


Рис. *Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения Республики Таджикистана за 30 лет (на 1000 чел.) (источник: [2, с. 176])*

и национальности желают, чтобы численность коренного населения увеличивалась, но, к большому сожалению, в развитых странах положительной динамики не наблюдается, хотя используются огромные бюджетные средства для улучшения демографической ситуации, разрабатываются различные концепции, программы и ведется в активная пропаганда расширения многопоколенной семьи, расширенной семьи, но зачастую все мероприятия остаются неэффективными.

Современные методы регулирования демографических процессов во всех странах применяются по-разному, исходя из социально-экономических соображений. В некоторых странах, особенно где высока доля религиозного населения, придерживающегося ислама, динамика рождаемости выше, несмотря на ограниченность денежных средств в поддержке многодетной семьи. Одна из таких стран, о которой пойдет речь, — Республика Таджикистан, численность населения которой на начало 2021 г. составляла 9506,3 тыс. чел., при этом темп прироста населения за 2010 г. по 2020 г. составил 2,3 % [1, с. 29]. На наш взгляд, в современном мире иметь такие темпы прироста населения — это роскошь. Для наглядности ниже приводится диаграмма динамики рождаемости, смертности и естественного прироста населения приводится (рис.).

На диаграмме видно, что за 30 лет уровень рождаемости населения снизился на 34,1 %, смертность на — 33,3 % и прирост населения на — 34,4 %, что означает некоторое снижение естественного прироста, хотя оно остается в положительной зоне.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что республика имеет большой демографический потенциал. К примеру, в 2021 г. из общей численности населения — 59,6 % составило трудоспособное население, 34,3 % — население моложе трудоспособного возраста, 6,1 % — старше трудоспособного возраста, что показывает, что демографический потенциал дает возможность увеличения числа рождений детей.

Обзор литературы

В Республике Таджикистан вопросы рождаемости населения были исследованы С. И. Исламовым в монографии «Рождаемость населения (на

материалах социологического опроса)», где он отмечает, что основные факторы, влияющие на уровень деторождения, — уровень развития производительных сил, степень развития урбанизации, уровень дохода населения, уровень образования населения и особенно женщин, уровень и структура занятости населения др. К мотивам деторождения относятся отношение человека к национальным традициям и обычаям, влияние религии, удовлетворенность доходом, работой, образом жизни, структура ценностных ориентаций, место детей в системе жизненных ценностей и др. [3, с. 35–36]

С выводами С. И. Исламова авторы согласны, поскольку все указанные факторы и мотивы относятся ко всем нациям и народностям. В Республике Таджикистан в 2021 г. ВВП на душу население составлял около 62 825 руб., что является одним из самых низких показателей среди стран СНГ, только 41,6 % трудовых ресурсов считались официально занятыми, доля городского населения составляла всего 26,3 %, а средняя заработная плата была на уровне 10079 руб. Однако все эти обстоятельства не препятствуют естественному приросту населения, поскольку экономическая, социальная, демографическая роль и значение детей в семьях до сих пор очень велики.

Г. Беккер и Г. Х. Льюис предлагают несколько иное понимание последствий влияния социально-экономических факторов, влияющих на рождаемость. Один из их основных выводов заключается в том, что поскольку процесс экономического развития увеличивает цену человеческого времени, оно становится самостоятельным фактором благосостояния семьи и отдельных ее членов, наряду с материальным благополучием. В результате каждое новое рождение объективно снижает «свою предельную полезность», что и является основной причиной снижения рождаемости. В то же время экономический прогресс предъявляет новые, все возрастающие требования к качеству детей, это побуждает к дополнительным, постоянно растущим затратам. В результате на уровне общества и отдельного хозяйства (семьи) происходит неизбежный выбор между количеством и качеством человеческого капитала.

Обсуждение

На наш взгляд, необходимо отметить роль ислама в формировании современных репродуктивных установок на рождаемость в республике. В исламе существуют два течения– суннизм и шиизм, и в этих течениях имеются отличия в установке на рождаемость (в Таджикистане большинство населения относится к суннитскому течению). У суннитов уровень рождаемости более высокий по сравнению с шиитами, но в целом ислам положительно влияет на уровень рождаемости населения.

Для Республики Таджикистан религия играет важную роль в увеличении рождаемости. Приведем одну цитату из интернет-сайта, где человек задает такой вопрос: как вы думаете, какова позиция шариата

относительно утверждения, что мусульмане бедны из-за слабости и отсталости вследствие демографического взрыва и множества детей, которые опережают экономический прогресс? Каков ваш совет тому, кто размышляет подобным образом?

Ответы были даны в сурах Корана: [4]

«*Если бы Аллах увеличил удел Своим рабам, они стали бы бесчинствовать на земле. Однако Он ниспосылает его в меру, как пожелает. Воистину, Он ведает о Своих рабах и видит их*». Коран. Сура «Совет» 42:27.

«*Нет на земле ни единого живого существа, которого Аллах не обеспечивал бы пропитанием*». Коран. Сура «Совет» 42:27.

«*Не убивайте своих детей, опасаясь нищеты, ведь Мы обеспечиваем пропитанием их вместе с вами. Воистину, убивать детей — тяжкий грех*». Коран. Сура «Ночное путешествие» 17:31.

«*Помните, что вас было мало, а Он приумножил ваше число*». Коран. Сура «Преграды» 7:86.

«*Затем Мы вновь даровали вам победу над ними. Мы поддержали вас богатством и сыновьями и сделали вас более многочисленными*». Коран. Сура «Ночное путешествие» 17:6.

«*Если бы жители селений уверовали и стали богобоязненны, Мы раскрыли бы перед ними благодать с неба и земли. Но они сочли это ложью, и Мы схватили их за то, что они приобретали*». Коран. Сура «Преграды» 7:96.

Если исследовать вопросы рождаемости в республике, то можно увидеть, что нынешняя социально-экономическая, финансовая, культурная и демографическая ситуация влияет на динамику рождаемости, что показывают данные о суммарном коэффициенте рождаемости населения за годы независимости.

Как показывают статданные, приведенные в таблице 1, в целом в республике наблюдается снижение уровня рождаемости с 5,1 в 1990 г. 1 до 2,98 в 2020 г. Приведенные данные свидетельствуют о снижающейся динамике

Таблица 1

Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения в Республике Таджикистана за 1990–2020 г., ‰

Год	Всего	город	село
1990	5,1	3,5	6
1995	4,4	3,6	4,7
2000	3,5	3,1	3,7
2005	3,3	2,8	3,4
2010	2,9	2,6	3
2015	3,1	2,4	3,1
2020	2,98	2,97	2,99
2009-2012 [6]	3,8	3,3	3,9
2013-2017 [7]	3,8	3,0	4,0

Источник: Медико-демографическое исследование Таджикистана — 2009–2012 (DHS); Медико-демографическое исследование Таджикистана — 2013–2017 (DHS); [5, С. 190–192].

коэффициента рождаемости в разрезе «город — село». К 2020 г. уровень рождаемости в городе и в селе уравнивается. Известно, что образ семей в городе сильно отличается от образа жизни семей в сельской местности (уровень образования, экономический статус, социальное, сексуальное, репродуктивное поведение, культура и др.). Однако сходство репродуктивного поведения населения в городе и на селе заключается в значительном влиянии религиозного фактора на репродуктивное поведение.

Во всех странах мира проводятся медико-демографические исследования (МДИ), отличающиеся высокой репрезентативностью. Таджикистан дважды участвовал в таких исследованиях. Как свидетельствуют результаты медико-демографических исследований, в которых республика участвовала, в 2012 и 2017 гг. уровень рождаемости сильно отличается. К примеру, по результатам МДИ 2017 г. суммарный коэффициент рождаемости в республике составил 3,8 ‰, 3,0 ‰ в городских местностях и 4,0 ‰ в сельских местностях.

На наш взгляд, здесь кроется другой фактор — это внешняя трудовая миграция населения, но сначала изучим структуры населения. С точки зрения шкалы демографического старения ООН, в структуре населения доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет в 2021 г. 3,6 %, это означает, что население страны является молодым. В связи с этим можно утверждать, что молодость населения в условиях экономической стагнации ведет к повышению уровня рождаемости, поскольку экономическая роль детей повышается в условиях, когда 73,7 % (2021 г.) населения проживает в сельских местностях (наблюдается положительная динамика доли сельского населения в республике Таджикистан: 73,4 % в 2010 г., 73,4 % в 2000 г., 67,9 % в 1990 г.). То есть официальные данные свидетельствуют о том, что идет процесс дезурбанизации, и это создает условия для повышения рождаемости. Как говорится, чем беднее население, тем больше детей, особенно в сельских местностях в целом. В то же время официальная статистика по динамике коэффициента суммарной рождаемости показывает снижение (табл. 2).

Известно, что для сохранения численности населения на одном уровне суммарный коэффициент рождаемости должен находится на уровне — 2,1 рождений на женщину в течение жизни. Отметим, что хотя динамика суммарного коэффициента рождаемости за период с 1990 г. по 2018 г. имела была неравномерной и существовала тенденция снижения, демографические показатели в Таджикистане не снижаются до простого режима воспроизводства населения. Данный тип режима воспроизводства населения считается традиционным (патриархальным) и полностью обеспечивает возобновление поколений, при том что Таджикистан не перешел от аграрной экономики к индустриальной.

Ухудшение социально-экономической ситуации в республике все-таки сказалось на снижении суммарного коэффициента рождаемости. Демографическая ситуация ухудшилась в результате гражданской войны,

Таблица 2

Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения 6 новых независимых государств, исповедующих ислам, за 1990–2018 гг., ‰

Год	Страна					
	Азербайджан	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан
1990	2,80	2,76	3,63	5,05	4,17	4,07
1995	2,30	2,22	3,12	3,77	3,40	3,59
2000	2,00	1,85	2,40	3,49	2,90	2,58
2005	2,30	2,10	2,50	3,27	2,40	2,20
2010	2,30	2,60	3,06	2,94	2,19	1,92
2015	2,10	2,73	3,19	3,80	2,30	2,40
2016	2,00	2,73	3,06	3,60	2,20	2,50
2017	1,90	2,73	2,95	3,40	3,20	2,50
2018	1,80	3,00	3,28	3,80	3,20	2,50

Источник: Демографические показатели по 15 новым независимым государствам // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng__tfr.php (дата обращения:16.05.2022).

мирового финансового кризиса в 2008 г., введения санкций в 2014–2015 г. США и рядом Европейских стран против Российской Федерации. Все эти факторы оказали влияние на снижение суммарного коэффициента рождаемости до ≈ 3,0 ‰, если официальные данные статистики показывают реальную картину.

Очень важные аспекты, которые необходимо было бы исследовать, — это безбрачие и многоженство, но, к сожалению, статистические данные отсутствуют, что затрудняет выявление степени влияния безбрачия и многоженства на рождаемость населения, хотя практика показывает, что в республике есть женщины, которые вообще не вступали в брак и наблюдается многоженство, которое запрещено в республике.

Второй по важности фактор, оказывавший на повышение или снижение рождаемости населения — внешняя трудовая миграция населения. По имеющимся данным, в 2021 г. внешняя трудовая миграция населения из страны составила 374 тыс. чел., из них 15 % составляли женщины.

Из всех выезжающих трудовых мигрантов 76 % составляет население из сельских местностей. [8, с. 45] Внешняя трудовая миграция оказывает положительное влияние на устойчивость семьи, оказывает финансовую и экономическую поддержку, но необходимо отметить, что внешняя миграция населения играет важную роль и в снижении рождаемости, но не сильно. Уровень влияния зависит от того, насколько общество придерживается норм и традиций в отношении роли семьи как в своем развитии, так и в развитии экономики страны.

Религиозный фактор является предпосылкой устойчивой динамики суммарного коэффициента рождаемости в странах, где население исповедует ислам. Установка на рождение как можно большего числа детей

прописана в аятах священного Корана и Хадисы Пророка Мухаммада (с. а. с.) и для подтверждения вышесказанного приведем следующую цитату: «*Создание мусульманской семьи и заключение брака влечет за собой важные социальные последствия. Мусульманин удовлетворяет свои потребности в продолжении рода. У супругов рождается ребенок, и это самая важная цель, ради которой создается семья в Исламе, благодаря чему они заслуживают довольство и благоволение Всевышнего Аллаха, поскольку рождение ребенка — это путь к сохранению человечества на земле, а это уже само по себе часть служения Аллаху. Рождение ребенка — это повод заслужить любовь Пророка Мухаммада (с. а. с.), поскольку это увеличивает его мусульманскую умму. Аллах благословляет семьи, которые рождают детей и воспитывают их по канонам Ислама, поскольку праведные дети после смерти своих родителей возносят дуа, мольбы к Аллаху за своих родителей. Если дети умирают в раннем возрасте, то по Исламу за тех родителей, которые довольствуются волей Аллаха и проявляют терпение, ребенок проявит заступничество в Судный день, и об этом Пророк Мухаммад (с. а. с.) говорил, что такой ребенок „вводит в Рай" своих родителей*». [7]

Статистические данные таблицы 2, подтверждают приведенные религиозные предпосылки рождаемости населения. В нашей таблице приведены данные тех стран, где огромная доля населения исповедует Ислам. Также мы изучали статистические данные другие страны, размещенные на интернет-сайте demoscope.ru. К примеру, в арабских странах наблюдается приблизительно такая же динамика рождаемости населения. Роль рождаемости в сохранении семьи очень высока в этих странах, хотя уровень урбанизации в них выше 50 %[1]. Ниже приведена таблица 3, данные которой свидетельствуют о роли детей и их количества в устойчивости семей в Республике Таджикистан.

Динамика разводимости населения по показателю общих детей при разводе свидетельствует: во-первых, число ежегодно увеличивается, и за 30 лет независимости страны процент расторгнутых браков повышался на 42,2 % в 2020 г., однако здесь одна загвоздка. Дело в том, что неизвестна доля в числе расторгнутых браков вступивших в первый брак или повторный брак. Как показывают данные, число разводов среди семей, не имеющих детей, и динамика разводов в последние годы повышается, и наоборот, семьи, которые имеют больше детей, не подвергаются разрушению. В целом, мы приходим к мнению, что по мере увеличения числа детей брачно-семейные отношения улучшаются. В перспективе уровень рождаемости населения, вероятно, сохранится или чуть-чуть может снизиться. Это делает необходимым разработать механизмы для сохранения ценности детей и семьи, иначе на место этих ценностей придут другие, что впоследствии приведет к деградации общества.

[1] Демографические показатели по 15 новым независимым государствам // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng__tfr.php (дата обращения:16.05.2022).

Таблица 3

Разводы по числу общих детей в Республике Таджикистан за 1990–2020 гг.

Годы	Разводы всего	В том числе:			
		Без детей (в %)	С одним ребенком (в %)	С двумя детьми и более (в %)	Всего общих детей в разводе
1990	7 409	43,0	33,1	23,9	4 521
1995	4 342	45,0	30,7	24,3	2 787
2000	2 373	48,4	22,0	29,6	2 386
2005	2 885	49,4	22,7	27,9	2 723
2010	6 019	62,2	19,6	18,3	3 937
2015	8 346	75,8	12,4	11,8	3 462
2020	10 532	68,0	13,7	18,3	5 112
Разница между 1990 и 2020 гг. в %	–42,2				–13,1

Источник: [8, с. 379].

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что впредь проблема рождаемости будет становиться все более актуальной из-за снижения рождаемости в развитых странах и усиления международной миграции населения в результате сокращения в развитых странах трудовых ресурсов, которые становятся дефицитными. Практика показывает, что часто разработанные меры повышения рождаемости не дают ожидаемого эффекта, потому что традиционные ценности семьи и детей заменены другими «временными» ценностями, бесполезность которых человек ощущает, достигая пожилого возраста.

Необходимо обменяться мнениями с учеными развитых и развивающихся стран о восстановлении традиционных норм и ценностей семей и детей и их совмещении во благо развития общества; разработать эффективные меры для адаптации трудовых мигрантов в странах прибытия, особенно в развитиях странах, где наблюдается снижение уровни рождаемости.

Список источников

[1] Демографический ежегодник РТ. 30-лет Государственной независимости статистический сборник. Душанбе, 2021. С. 29.

[2] Демографический ежегодник РТ. 30-лет Государственной независимости статистический сборник. Душанбе, 2021. С. 176.

[3] *Исламов С. И.* Рождаемость населения. На материалах социологического опроса населения. Душанбе : Ирфон, 2009. С. 35-36.

[4] Решение о том, кто говорит, что мусульмане бедны из-за того, что у них много детей // Ислам: вопрос и ответ. URL: https://islamqa.info/ru/answers/119955/ (дата обращения:16.05.2022).

[5] Демографический ежегодник РТ. 30-лет Государственной независимости статистический сборник. Душанбе, 2021. С. 190-192.

[6] *Бабаев А. А., Джуразода Т.* Возвращение трудящихся мигрантов — граждан Республики Таджикистан. Проблемы и новые вызовы. Душанбе, 2016. С. 45.

[7] Семья в Исламе // Медиана. URL: https://medinaschool.org/library/semya/semejnaya-zhizn/semya-v-islame (дата обращения: 16.05.2022).

[8] Демографический ежегодник РТ, 30-лет Государственной независимости статистический сборник. Душанбе, 2021. С. 379.

References

[1] Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan, 30th Anniversary of State Independence, statistical collection. Dushanbe, 2021. P. 29.

[2] Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan, 30th Anniversary of State Independence, statistical collection. Dushanbe, 2021. P. 176.

[3] *Islamov S. I.* Birth rate of the population (on the materials of a sociological survey of the population). Dushanbe, «Irfon», 2009. Pp. 35-36.

[4] The decision about who says that Muslims are poor because they have many children // Islam: Question and answer. URL: https://islamqa.info/en/answers/119955/ (accessed on 16.05.2022).

[5] Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan, 30th Anniversary of State Independence, statistical collection. Dushanbe, 2021. Pp. 190-192.

[6] *Babaev A. A., Jurazoda T.* Return of migrant workers - citizens of the Republic of Tajikistan: problems and new challenges. Dushanbe. 2016. P. 45.

[7] Family in Islam // Information portal «Median». URL: https://medinaschool.org/library/semya/semejnaya-zhizn/semya-v-islame (accessed on 16.05.2022).

[8] Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan, 30th Anniversary of State Independence, statistical collection. Dushanbe, 2021. P. 379.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-29
УДК 314.5
JEL J12

DIVORCE AND FAMILY RELATIONS DURING THE PANDEMIC IN KAZAKHSTAN

S. P. Tuleshova

JSC «Economic Research Institute» (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Corresponding author: Sh. P. Tuleshova (shinar-82@mail.ru)

Abstract. *The COVID-19 pandemic and corresponding quarantine measures affected family relations. In some countries divorce rate has increased during the pandemic. In other states, statistical data did not show any changes or demonstrated decline in divorce rates, which would be affected by divorce application delay because of social mobility restrictions. The obtained results demonstrated that in Kazakhstan divorce rate declined and self-isolation improved family relations during pandemic.*

Keywords: divorce, pandemic; family relations

Introduction

The COVID-19 pandemic, quarantine measures and self-isolation affected all spheres of human life including family dynamics such as family formation and dissolution.

The constant staying with family members, the need for spouses or one of them to work remotely, combining professional and domestic responsibilities would have some impact on family relations. In some countries, divorce rate has increased during the pandemic [1, 2, 3]. In other states, statistical data did not show any changes or demonstrated decline in divorce rates which would be affected by divorce application delay because of social mobility restrictions [4, 5].

The purpose of the study is to explore changes in divorce rate and family relations in Kazakhstan and its regions during the COVID-19 pandemic.

Literature review

Studies about the pandemic's influence on social-economic and other spheres of life in Central Asia including Kazakhstan were published [6, 7, 8, 9]. However, not all of them issued divorce or family relations during the pandemic.

According to the United Nations (UN) report, in Kazakhstan, one of the hotlines set up for victims of domestic violence reported a 50 % increase in calls in the first half of April alone as compared to February 2020. 50 % of girls are subjected to violent methods of discipline in the family, including 21 % subjected to physical punishment, while 45 % experienced psychological aggression and violence [10].

Results of a research based on the survey indicated that 12–13 % of respondents were worried about conflict cases in family relations, 1.8 % of cases led to divorce, 6 % — to alcoholism [11].

Materials and Methods

The main tools for collecting data are the method of statistical analysis of Crude Divorce Rate in the studied country and its regions for the period 2010–2020; secondary analysis of a survey which included persons aged 18+ ($n = 722$).

The survey was carried out in order to learn changes in social situation during the pandemic. It included a question "How isolation period affected your family relations?" which would indicate changes in family relations.

The sample is stratified by sex, age, place of residence, education level, and social position. According to gender indicators, 23 % were men, 77 % were women. 56.2 % were urban residents, 43.8 % were rural residents. The following groups were distinguished based on the education level: basic secondary — 7.8 %, general secondary — 10.2 %, secondary professional — 18.7 %, not complete higher — 6.5 %, higher — 56.8 %.

Study Results

In the years 2010–2019, the Crude Divorce Rate fluctuated between 2.6 and 3.2 per 1000 in Kazakhstan, in 2020 the rate notably declined (Fig. 1). In 2021, in urban areas, the value of rate did not change, while the rate declined from 1.8 to 1.7 per 1000 in rural areas.

It is important to observe that in Russia, the Crude Divorce Rate declined from 4.2 per 1000 in 2019 to 3.9 per 1000 in 2020. Uzbekistan, where divorce rate is one of the lowest, had the rate of 0.9 per 1000 in 2019 and 0.8 per 1000 in 2020.

Divorce rate in Kazakhstan is also characterised by regional differences. Historically, regions in northern, central, eastern parts of the country are mainly inhabited by European ethnic groups (Russians, Ukrainians, Belarusians, Germans, and others), southern and western parts — by Asian ethnic groups (Kazakhs, Uzbeks, Uighurs, and others).

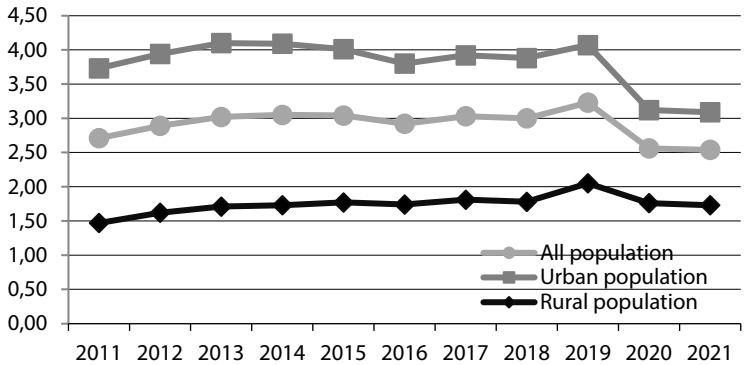


Fig. 1. *Crude Divorce Rate, per 1000 (source. Bureau of National Statistics, Republic of Kazakhstan)*

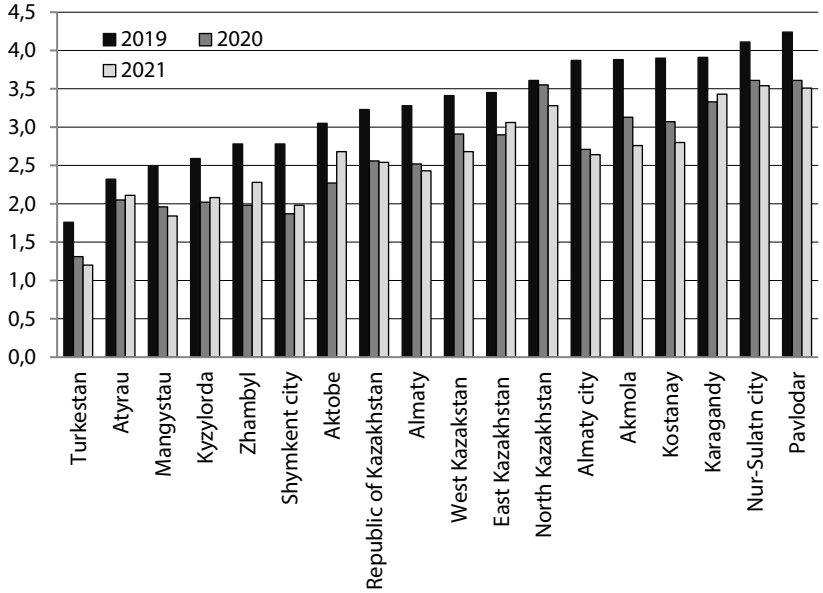


Fig. 2. *Crude Divorce Rate, per 1000, regions (source. Bureau of National Statistics, Republic of Kazakhstan)*

In 2019, the southern part regions such as Turkestan (1.8 per 1000), Kyzylorda (2.6 per 1000), Zhambyl (2.8 per 1000), Shymkent city (2.8 per 1000), and the western part regions Atyrau (2.3 per 1000), Mangystau (2.5 per 1000), Aktobe (3.1 per 1000) had divorce rate below the national level (3.2 per 1000) (Fig. 2).

The northern (North Kazakstan, Pavlodar, Kostanay), central (Akmola, Karagandy), eastern (East Kazakhstan) regions, municipal cities (Almaty city and Nur-Sultan city), and other southern (Almaty) and western (West Kazakhstan) regions demonstrated higher than national rate with the highest value in Pavlodar region (4.2 per 1000).

Cultural differences (according to their ethnic structure) and urbanisation level of regions would have some impact on regional differentiation of divorce rate.

Regions also had a decrease in divorce rate in 2020 in comparison with 2019. The decrease ranged from 0.1 in North Kazakhstan region to 1.2 in Almaty city. In 2021, not all regions had the reducing rate, in Aktobe, Zhambyl, Kyzylorda, Karagandy regions, and Shymkent city the value of divorce rate somehow increased.

We cannot surely suppose that divorce rate really decreased in the country, partially because of a divorce delay in the quarantine period. It is important to

Table 1

Marriage and divorce indicators

	2017	2018	2019	2020	2021
Number of marriages	141 791	137 797	139 504	128 839	140 256
Number of divorces	54 626	54 797	59 796	48 002	48 239
Ratio, %	38,5	39,8	42,9	37,3	34,4

Table 2

Question: "How isolation period affected your family relations?"

	Sex	
	Men, in %	Women, in %
I got closer to my family and learned more about it	48.8	44.1
I argued with my family more than earlier	3.6	4.3
I met abuse and violence	1.2	0.5
I have divorced	0.6	0.7
Nothing changed	45.8	50.4

note that quarantine measures in 2020 had impact on marriage delay. Apart from marriage, in the year 2021, the number of divorces did not return to the pre-pandemic period, influencing the reduction of ratio value (Table 1).

According to the survey results, about half of interviewed men (48.8 %) and women (44.1 %) got closer to their family and learned more about family members (Table 2). Other half, 45.8 % of men and 50.4 % of women answered that nothing changed in their family relations during pandemic.

Conflicts in family relations were indicated by 4.8 % of men and 4.8 % of women. 0.6 % of interviewed men and 0.7 % of women divorced during pandemic.

47.6 % of respondents aged 18–30, 39.9 % aged 31–45, 51.2 % aged 45–60 and 33.3 % aged 61+ answered that they got closer to their family. Other part of respondents at observed ages indicated that nothing changed in their family relations. Just few respondents indicated the negative effect of isolation on family relations.

The results of the survey by other parameters also demonstrated that in most cases, isolation made family members closer to each other or changed nothing in family relations.

Conclusion

Analysis of statistical data demonstrated that in Kazakhstan and its regions divorce rate declined in 2020 when quarantine measures were relatively strict. In 2021, the rate slightly declined in rural areas and some of regions, other regions indicated an increase in the rate.

Negative changes in family relations surely took place in society. However, the survey results demonstrated that pandemic restrictions had mainly positive effect on family relations. Similar results were indicated in Kyrgyzstan,

according to UN research: 56.9 % of interviewed youth got closer to their family, 47 % answered that nothing had changed during the pandemic [12].

The divorce delay, in some cases an improvement of family relations would have positive impact on divorce rate dynamics in the country.

References

[1] *Hesti Y., Sudjarat N. H.* Factors increasing Divorce Rates during the COVID-19 Pandemic in Lampung Province // Pranata Hukum. Vol. 16, No 2. Pp. 110-116.

[2] Divorce in Post-epidemic Society: Reasons and Consequences / O. V. Besschetnova et al. // Laplage em Revista (International). Vol. 7, No. 3D. Pp. 65-72.

[3] *Zhang H.* The Influence of the Ongoing COVID-19 Pandemic on Family Violence in China // Journal of Family Violence. 04 September. 2020.

[4] *Rais I.* The impact of COVID-19 pandemic on divorce rates among Indonesian Muslim societies. Indonesian // Journal of Islam and Muslim Societies. 2021. Vol. 11. No. 2. Pp. 271-297.

[5] *Manning W. D., Payne K. K.* Marriage and Divorce Decline during the COVID-19 Pandemic: A Case Study of Five States // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2021. Vol. 7. Pp.1-3.

[6] Kazakhstan and COVID-19: media, culture, policy. Almaty, Friedrich Ebert Foundation Kazakhstan, 2021.

[7] COVID-19 in in Northern and Central Asia: Influence, responsive measures and strategy for effective recovery. ESCAP, February, 2021.

[8] OECD. COVID-19 in countries of Central Asia: Economic Recovery and Forthcoming Difficulties. OECD, 2020.

[9] Report on Economy of Kazakhstan. 2020. World Bank Group.

[10] UN calls for peace at home during COVID-19 outbreak in Kazakhstan. URL: https://kazakhstan.unfpa.org/en/news/un-calls-peace-home-during-covid-19-outbreak-kazakhstan (accessed on 05.05.2022).

[11] COVID-19 in Kazakhstan: Problem scope, Healthcare and Social Protection Services Evolution. Sange Research Centre, Nur-Sultan, 2021.

[12] Report on the result of a survey on the impact of COVID-19 on youth in Kyrgyzstan. UN Kyrgyz Republic, 2020.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-30
УДК 614.2
JEL I18

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ДИСПАНСЕРИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ» ЗА 2018–2021 ГГ.[1]

М. А. Фельдман, В. И. Токарева

Уральский институт управления — филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Россия)
Автор для корреспонденции: М. А. Фельдман (feldman-mih@yandex.ru).

Аннотация. *В статье на основе анализа ежегодных отчетов «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» за 2018–2021 гг., рассмотрены результаты реализации диспансеризации в регионе как одного из основных инструментов реализации национального проекта «Здравоохранение». Впервые в научной литературе сделана попытка изучить ход диспансеризации в период пандемии в Свердловской области, способность системы здравоохранения к преодолению негативных ограничительных последствий. В процессе исследования использовались методы сравнительного анализа, обобщений, классификации, на основе которых были рассмотрены результаты реализации пяти основных направлений диспансеризации. Сделан выводы о том, что привлечение к проведению второго этапа диспансеризации узких специалистов, улучшение информированности граждан о причинах развития, симптомах и лечении злокачественных заболеваний позволили уменьшить негативное воздействие пандемии, о чем говорит статистика динамики впервые выявленных хронических заболеваний.*

Ключевые слова: диспансеризация, здравоохранение, заболевания, лечение, профилактика

On the Results of Medical Examination of the Population in Sverdlovsk Oblast in 2018-2021

M. A. Feldman, V. I. Tokareva
Ural Institute of Management, Branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)
Corresponding author: M. Feldman (feldman-mih@yandex.ru)

Abstract. *Based on the analysis of annual reports «The main results of the medical examination of certain groups of the adult population in Sverdlovsk oblast» for 2018-2021, the article considers the medical examination in the region as one of the main tools for the implementation of the Na-tional Project «Healthcare». For the first time in the scientific literature, an attempt was made to study the course of med-ical examination during the pandemic in the Sverdlovsk ob-last and the ability of the healthcare system to overcome negative restrictive consequences. The methods of compar-ative analysis, generalisation, classification were used to analyse the results of the implementation of five main direc-tions of medical examination. It is concluded that the in-volvement of narrow specialists at the second stage of med-ical examination, as well as an increase in awareness of citi-zens about the causes of development, symptoms and treatment of*

[1] © Фельдман М. А., Токарева В. И. Текст. 2022.

malignant diseases, led to the reduction of the negative impact of the pandemic, as indicated by the statis-tics on the dynamics of newly identified chronic diseases.

Keywords: medical examination; healthcare; diseases; treatment; prevention

Введение

В ряду главных задач развития сферы здравоохранения особое место занимает всеобщая диспансеризация населения. Качественные изменения в процессе диспансеризации были запланированы на 2020 г., однако пандемия внесла существенные изменения в намеченные планы. Результаты диспансеризации в допандемийный период, распределение обследованного населения по группам здоровья стали предметом изучения современных авторов [1]. В научной литературе отражена степень удовлетворенности населения организацией диспансеризации определенных групп взрослого населения на примере субъекта Российской Федерации [2], выделены основные направления совершенствования деятельности в области общественного здоровья и управления здравоохранением в современных условиях [3], вопросы кадрового обеспечения процесса диспансеризации [4, 5]. Внимание исследователей привлекла оценка эффективности профилактических мероприятий [6–8].

Особое значение имеют проекты по совершенствованию первичной медико-санитарной помощи в период пандемии [10].

Постановка проблемы

В научной литературе слабо освещена способность системы здравоохранения региона к преодолению негативных ограничительных последствий. В этой связи представляет особый интерес ход диспансеризации в период пандемии в Свердловской области — крупного промышленного региона России. Анализируя ежегодные доклады Министерства здравоохранения Свердловской области о состоянии здоровья населения региона, можно выявить динамику показателей общественного здоровья и основные тенденции развития здравоохранения Свердловской области, определить степень результативности и эффективности мероприятий диспансеризации.

Наше исследование построено на базе анализа ежегодных докладов Министерства здравоохранения Свердловской области о состоянии здоровья населения региона, ежегодных отчетов «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» в период 2018–2021 гг.

Основная часть

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 13 марта 2019 г. № 124н «Об утверждении порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения» предполагал существенные качественные изменения в процессе

диспансеризации. Однако пандемия нанесла удар по эти планам. Ход диспансеризации в допандемийный период и в 2020–2021гг. можно систематизировать по определенным направлениям.

Первым и основным направлением проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области является раннее выявление хронических неинфекционных заболеваний, являющихся основной причиной инвалидности и преждевременной смертности населения Российской Федерации, основных факторов риска их развития и других патологических состояний, а также потребления наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача. Целью данного направления является уменьшение масштаба хронических неинфекционных заболеваний, а основной задачей — увеличение охвата граждан, прошедших диспансеризацию. Для выполнения указанной цели организуется ряд мероприятий по совершенствованию инструментов регулирования данного процесса, а также выявлению его основных проблем.

Информатизация процесса проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации является основным инструментом, благодаря которому регулируется выполнение задач данного направления. Приложением № 4 Методических рекомендаций Министерства здравоохранения Российской Федерации от 03.02.2015 г. утверждена информация для любого субъекта РФ по диспансеризации определенных групп взрослого населения. Методику, изложенную в этом приложении, каждый субъект Российской Федерации адаптирует под свой регион, утверждая нормативно-правовым актом[1].

Министерство здравоохранения Свердловской области координирует работу Свердловского областного центра общественного здоровья и медицинской профилактики, которым совместно с общественными организациями региона была разработана система мониторинга диспансеризации во взаимодействии с надзорными органами.

Образовательная программа для населения по ограничению табакокурения, разработанная специалистами ЦОЗМП, стала победителем Всероссийского конкурса «Здоровье нации» и вошла в перечень 19 лучших проектов в сфере здравоохранения, рекомендуемых Росздравнадзором для использования во всех регионах страны[2].

Отдел организации первичной медицинской помощи Министерства здравоохранения Свердловской области содействовал проведению Уральского конгресса по здоровому образу жизни на базе Свердловского областного центра общественного здоровья и медицинской профилактики. Неоднократно в рамках Уральского конгресса проводились Всероссийские

[1] Приложение № 4 к Методическим рекомендациям Министерства здравоохранения Российской Федерации от 03.02.2015. URL: https://gnicpm.ru/wp-content/uploads/2020/01/dispanserizacia_-3-izd-dopoln.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

[2] Центр общественного здоровья и медицинской профилактики. URL: https://medprofural.ru/about/strategiya-na-profilaktiku/ (дата обращения 01.06.2022).

Таблица 1

Количество впервые выявленных ХНИЗ при проведении диспансеризации в 2018–2021 г.

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Впервые выявленные случаи заболеваний	105 754	89 166	48 630	68 590

Источник: Отчеты «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» за 2018–2021гг. на основе материалов формы статистической отчетности № 131 «Сведения о диспансеризации определенных групп взрослого населения» за 2018–2021 гг. // Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.

совещания с международным участием — «Здоровье или табак», «За здоровую жизнь» и др.

Принятые меры позволили добиться улучшения оснащения медицинских учреждений в рамках региональной программы Свердловской области «Модернизация первичного звена здравоохранения», утвержденной Распоряжением Правительства Свердловской области от 16.12.2020 № 686-РП, привлечения к проведению второго этапа диспансеризации узких специалистов, улучшения информированности граждан о причинах развития, симптомах и лечении злокачественных заболеваний.

Однако на ход диспансеризации повлияла пандемия, заставив сузить масштаб мероприятий и количество впервые выявленных хронических заболеваний (ХНИЗ) (табл. 1).

Без сомнения, на динамике показателей сказалось, то что медицинские организации работали в условиях неблагополучной санитарно-эпидемиологической обстановки в связи с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, а также роста числа ОРВИ, внебольничных пневмоний.

Кроме того, кадровый дефицит первичного звена здравоохранения из-за «перенаправления» специалистов на работу в «красную зону», работу с населением по вакцинопрофилактике против новой коронавирусной инфекции COVID-19 и гриппа[1].

Следующим важным направлением диспансеризации является определение группы здоровья и группы диспансерного наблюдения, необходимых профилактических, лечебных, реабилитационных и оздоровительных мероприятий для граждан с выявленными хроническими неинфекционными заболеваниями и факторами риска их развития, граждан с иными заболеваниями (состояниями), а также для здоровых граждан.

Цель данного направления диспансеризации — планирование тактики дальнейшего медицинского диспансерного наблюдения конкретного пациента и формирования всей системы профилактических мероприятий на участке. Министерством здравоохранения РФ разработаны

[1] О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2020 г. № 198н. URL: https://base.garant.ru/73769697/ (дата обращения 06.06.2022).

рекомендации, позволяющие решить задачу методической помощи и дать разъяснения к отдельным пунктам. Так как на момент вступления в силу приказа Минздрава России от 26.10.2017 г. № 869н «Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения» отраслевая статистическая форма отчетности не соответствовала порядку диспансеризации, что затрудняло сбор, предоставление достоверной информации и обработку данных[1].

Аналитические функции по данному направлению выполняет Отдел организации первичной медицинской помощи совместно с центром медицинской профилактики. ГАУЗ СО «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» ведет как еженедельную, так и ежемесячную отчетность по данному направлению перед руководителем отдела организации первичной медицинской помощи.

Министерство здравоохранения Свердловской области курирует деятельность Центра профилактик диспансерного наблюдения лиц с ХНИЗ, включая лабораторно-диагностические исследования и консультации специалистов[2]. Со сменой приказов, определяющих порядок диспансеризации определенных групп взрослого населения, вносились изменения и в технологию определения групп здоровья: например, приказ Минздрава России от 03.02.2015 привнес изменения, в формирование третьей группы здоровья, разделив ее на IIIа и IIIб.[3]

Динамика распределения обследованного населения по группам здоровья, представленная в таблице 2, характеризует результаты профилактической работы с населением региона. Еще в приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 03.12.2012 года № 1006н «Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения», отмечалось, что один из основных критериев эффективности диспансеризации взрослого населения — увеличение числа граждан, относящихся к группе I здоровья и уменьшение числа граждан, относящихся ко II и III группам здоровья»[4].

---

[1] Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26.10.2017 г. № 869н. URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/ (дата обращения 01.06.2022).

[2] Территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Свердловской области на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг.URL: https://minzdrav.midural.ru/uploads/document/6185/995 (дата обращения 06.06.2022).

[3] Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения. Приказ от 3 февраля 2015 г. № 36ан. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=297174 (дата обращения 06.06.2022).

[4] Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 03.12.2012 года № 1006н. URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/6553-prikaz-minz (дата обращения 01.06.2022).

Таблица 2

Структура групп здоровья граждан Свердловской области, из числа завершивших диспансеризацию в 2018–2021 гг.

Группа здоровья	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г. к 2018 в %
I	238 353	195 727	70 557	146 576	61
II	78 279	74 316	41 805	94 428	125
III а	225 357	379 782	170 588	209 526	93
III б	28 411	36 758	16 069	19 262	68

Источник: Отчеты «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» за 2018–2021 гг. на основе материалов формы статистической отчетности № 131 «Сведения о диспансеризации определенных групп взрослого населения» за 2018–2021 гг. // Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.

I группа здоровья — это граждане, у которых не установлены хронические неинфекционные заболевания, отсутствуют факторы риска развития таких заболеваний и которые не нуждаются в диспансерном наблюдении по поводу других заболеваний (состояний).

II группа здоровья — это граждане, у которых не установлены хронические неинфекционные заболевания, но имеются факторы риска развития таких заболеваний.

IIIа группа здоровья — это граждане, имеющие ХНИЗ, требующие установления диспансерного наблюдения или оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи, а также нуждающиеся в дополнительном обследовании.

IIIб группа здоровья — это граждане, не имеющие ХНИЗ, но требующие установления диспансерного наблюдения или оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи по поводу иных заболеваний, а также граждане, нуждающиеся в дополнительном обследовании.[1]

Но в условиях неблагополучной эпидемиологической обстановки по НКВИ в регионе мы с 2018 г. по 2021 г. мы видим уменьшение количества людей с I группой здоровья более чем на 15 % и увеличение процента граждан, относящихся к III группе здоровья, что говорит о том, что новая коронавирусная инфекция значительно ослабила состояние здоровья граждан.

Заметим, что динамика с 2018 г. по 2021 г. показывает, что лидирующие позиции на протяжении всех рассмотренных годов занимает именно третья группа здоровья, требующая повышенного внимания со стороны медицинского персонала, специализированной помощи, зачастую высокотехнологичной помощи, а значит, большего финансового вложения.

[1] Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 124н. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=383371 (дата обращения 01.06.2022).

Благодаря формированию групп здоровья удается добиться четких потоков пациентов, что разгружает специалистов первичного звена здравоохранения (участковых терапевтов).

Третьим направлением (в рамках проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения) является проведение краткого индивидуального профилактического консультирования граждан с выявленными хроническими неинфекционными заболеваниями или факторами риска их развития, здоровых граждан.[1]

Цель профилактического консультирования — это информирование и обучение пациента для повышения его приверженности к выполнению врачебных назначений и формированию поведенческих навыков, способствующих снижению риска заболевания (при отсутствии заболеваний) и осложнений заболеваний (при их наличии). В рамках профилактического консультирования решается задача диспансеризации по предупреждению развития заболевания. Достижению цели профилактического консультирования способствует принцип единства трех составляющих, являющихся обязательными при углубленном и групповом консультировании:

1) информирование пациента об имеющихся у него факторах риска развития ХНИЗ, методах их самоконтроля, необходимости выполнения рекомендации по оздоровлению поведенческих привычек, влияющих на риск развития заболевания и других врачебных назначений;

2) мотивирование пациента и побуждение к принятию с его стороны активных действий по отказу от вредных привычек, оздоровлению образа жизни и соблюдению других врачебных рекомендаций;

3) обучение пациента практическим навыкам с использованием преимущественно недирективных советов (рекомендаций) и активных форм их обсуждения с пациентом, что важно при обучении взрослых.

Сотрудниками ГАУЗ СО «ЦОЗМП» под руководством отдела организации первичной медицинской помощи Министерства здравоохранения Свердловской области был разработан в рамках национального проекта «Демография»[2] план мероприятий по укреплению общественного здоровья и профилактике хронических неинфекционных заболеваний, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Свердловской области от 18.03.2020 № 396-п[3]. Благодаря координирующей деятельности Министерства здравоохранения Свердловской области, на сегодняшний

---

[1] Методические рекомендации. МЗ РФ 22.10.2019 «Организация проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения». Ч. 2. «Профилактическое консультирование в рамках профилактического медицинского осмотра и диспансеризации взрослого населения». URL: https://base.garant.ru/73036994/ (дата обращения 01.06.2022).

[2] Национальный проект «Демография». URL: http://government.ru/info/35559/ (дата обращения 01.06.2022).

[3] Муниципальная программа «Укрепление общественного здоровья» на 2020-2024 годы». URL: https://minzdrav.midural.ru/ (дата обращения 01.06.2022).

день активно развиваются современные профилактические технологии. В области работают 25 центров здоровья, из них 19 центров для взрослого населения и 6 для детей, что существенно оказывает влияние на охват граждан, прошедших диспансеризацию и, следовательно, на выявляемость ХНИЗ, факторов риска их развития. Куратором работы данных центров является ГАУЗ СО «ЦОЗМП».

Министерство здравоохранения Свердловской области реализует 8 проектов и является участником региональных проектов, среди которых «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи (Свердловская область)», «Борьба с онкологическими заболеваниями (Свердловская область)» и др.[1].

В таблице 3 наглядно представлено процентное содержание каждой социальной группы, участвующей в диспансеризации. Анализируя структуру населения, прошедшего диспансеризацию, в период 2018–2019 гг. очевидно увеличение доли граждан, прошедших диспансеризацию в каждой категории. В первую очередь, это связано с оптимизацией Министерством здравоохранения процесса проведения профилактических медицинских осмотров, что сделало обследования максимально эффективным.

Данные изменения были осуществлены в рамках реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография». Уже сегодня Министерство здравоохранения Свердловской области реализует 8 и является участником двух региональных проектов, среди которых Концепция формирования здорового образа жизни и профилактики заболеваний в Свердловской области на период до 2020 г., программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 г. «Уральская семья», областная программа «Развитие здравоохранения Свердловской области на период до 2024 г.» и др.

В связи с пандемией COVID-19 доля взрослого населения, прошедшего диспансеризацию, снизилась как в целом по России, так и в отдельных ее регионах более чем в два раза в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года. Объяснить резкий спад в 2020 г. можно снижением объемов профилактических мероприятий, так как было временно приостановлено проведение диспансеризации и профилактических осмотров ввиду распространения новой коронавирусной инфекции.

В 2021 г. все стало работать в прежнем режиме; с 1 июля 2021 г. в Свердловской области началась диспансеризация жителей, перенесших коронавирусную инфекцию. В первую очередь, пройти углубленное медицинское обследование могут те, кто перенес COVID-19 в средней или тяжелой форме.

Согласно данным таблицы 3, основная доля населения, которая подлежит диспансеризации, — это работающие граждане, поскольку выявленные на ранних стадиях заболевания приводят к гораздо меньшим

[1] Министерство здравоохранения Свердловской области. URL: https://minzdrav.midural.ru/ (дата обращения 01.06.2022).

Таблица 3

Население Свердловской области, прошедшее диспансеризацию, по категориям в 2018–2021 гг. (%)

Категория населения	2018	2019	2020	2021	2021 г. к 2018 г., в %
Работающие граждане	326 226	394 095	163 145	468 495	149
Неработающие граждане	196 919	283 302	129 714	303 866	154
Обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме	17 255	24 714	6 160	46 685	271

Источник: Отчеты «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» за 2018–2021 гг. на основе материалов формы статистической отчетности № 131 «Сведения о диспансеризации определенных групп взрослого населения» за 2018–2021 гг. // Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.

затратам на лечение, больничные. Объемы, охваты и итоговый результат диспансеризации определенных категорий населения обусловливают целесообразность детального анализа качества планирования и проведения диспансеризации, а также качества учета ее результатов в целях дальнейшего совершенствования профилактической работы с населением [1].

Итогами проведения третьего направления диспансеризации являются повышение информированности граждан, прошедших диспансеризацию, относительно состояния их здоровья на текущий момент, выявления и профилактики индивидуальных факторов риска и выдача на руки документов с заполненными медицинскими характеристиками — карт здоровья.

Целью направления по определению групп диспансерного наблюдения граждан с выявленными хроническими неинфекционными заболеваниями и иными заболеваниями (состояниями) является достижение заданных значений обследования, а также коррекция факторов риска их развития. Для достижения поставленной цели в данном направлении выполняются задачи по установлению и уточнению диагноза, а также уменьшение числа случаев и количества дней временной нетрудоспособности граждан, находящихся под диспансерным наблюдением.

В ходе анализа было выяснено, что данное направление диспансеризации осуществляется благодаря использованию следующих инструментов: наличие необходимого материально-технического обеспечения в медицинских учреждениях и обеспеченность специалистами для проведения диспансеризации и диспансерного наблюдения в медицинских учреждениях. Организацией и проведением диспансерного наблюдения занимаются сотрудники ГУАЗ СО «Свердловского областного центра медицинской профилактики», которые анализируют процесс этой работы по ключевым критериям эффективности.

Наибольшая доля граждан, прошедших диспансеризацию, в целом, как по Российской Федерации, так и по Свердловской области относится

Таблица 4

Возрастная структура граждан Свердловской области, подлежащих диспансеризации, в 2018–2021 гг. (%)

Возраст	2018	%	2019	%	2020	%	2021	%
18-60 лет	473 730	67	510 962	74	538 692	73,6	511 086	62,4
старше 60	232 515	33	179 535	26	242 005	30,9	307 962	37,6

Источник: Отчеты «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» за 2018–2021 гг. на основе материалов формы статистической отчетности № 131 «Сведения о диспансеризации определенных групп взрослого населения» за 2018–2021 гг. // Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.

к возрастной группе 18–60 лет. Объяснить это можно, во-первых, большим возрастным диапазоном, охватываемым этой группой, а во-вторых, тем, что возрастной период от 40 лет — это время начала большинства заболеваний, относящихся к категории ХНИЗ. В связи с этим можно ожидать большей заинтересованности населения в обследовании, и, следовательно, большей активности в прохождении ДВН.

Результатом активного прохождения диспансеризации в возрастном диапазоне от 18 до 60 лет также стала активная реализация задач Нацпроекта «Здравоохранения», на основе которых был принят Приказ Минздрава № 124н, который вступил в силу с мая 2019 г. об изменении порядка проведения диспансеризации для граждан старше 40 лет.

Для поддержки граждан трудоспособного возраста, проходящих диспансеризацию, в 2019 г. в законодательном порядке было принято, что с 1 января 2019 г. работодатель обязан, в соответствии со ст. 185.1 ТК РФ, предоставлять оплачиваемые дни работнику для прохождения диспансеризации[1].

Правительство РФ, в свою очередь, скорректировало Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг. Так, региональные органы власти в сфере охраны здоровья обязаны организовать для граждан прохождение профилактических медицинских осмотров и диспансеризацию в вечерние часы и в субботу[2].

Именно поэтому на сегодняшний день идет активное введение «субботних диспансеризаций». Задачей руководителей всех медицинских учреждений является организация работы сотрудников для проведения

[1] Об утверждении порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_law_34683/ (дата обращения 01.06.2022).

[2] Об утверждении порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27 апр. 2021 г. № 404н. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=416801 (дата обращения 06.06.2022).

диспансеризации. Это проводится для того, чтобы люди могли пройти диспансеризацию или профилактический осмотр в выходной день. При этом ГАУЗ СО «ЦОЗМП» регулярно анализирует эффективность данного мероприятия.

Указанный выше пилотный проект уже успешно работал на ряде больниц города Екатеринбурга. Министерство здравоохранения вводит данное мероприятие и в ряде других медицинских организаций, а также оценивает их готовность к данному процессу, то есть проверяет наличие оборудования и специалистов[1].

Выполнение всех описанных задач позволит не только обеспечить качественное проведение диспансеризации, но и в совокупности с эффективной организацией диспансерного наблюдения привнести реальную профилактическую составляющую в практику. Таким образом, вышеописанное направление диспансеризации позволяет добиться четкой маршрутизации пациентов. Это обозначает четкий порядок действий относительно каждого проходящего диспансеризацию или находящегося на диспансерном наблюдении, что снижает нагрузку на поликлинические отделения по первичным приемам.

Пятое направление диспансеризации «Лечение и профилактика выявленных заболеваний в медицинских учреждениях» ставит главной целью деятельность, посредством которой удается добиться сохранения и улучшения индивидуального, группового или общественного здоровья. Задачами в данном случае значатся комплексы мероприятий, направленные на предотвращение у людей возникновения заболеваний, их обострений, социально-психологической и личностной дезадаптации.

Регулирование процесса диспансеризации на всех уровнях — это инструмент, благодаря которому выявляется уровень заболеваемости населения и, соответственно, осуществляются лечение и профилактика заболеваний.

Согласно государственной программе «Развитие здравоохранения Свердловской области до 2024 года», Министерство здравоохранения должно способствовать созданию условий для формирования здорового образа жизни граждан, а также обеспечению населения доступной и качественной медицинской помощью и доступностью для реабилитационной помощи.

Для повышения доступности медицинских осмотров и повышения охвата граждан, прошедших диспансеризацию, Министерством здравоохранения Свердловской области в рамках национального проекта «Здравоохранение» ежегодно создаются выездные формы проведения диспансеризации в отдаленных населенных пунктах Свердловской области, чтобы граждане смогли проверить свое здоровье, не выезжая для этого в город. Медики проводят выездную диспансеризацию, цель которой

[1] Министерство здравоохранения Свердловской области. URL: https://minzdrav.midural.ru/ (дата обращения 01.06.2022).

Таблица 5

Количество граждан, направленных на лечение в 2018–2021 г.

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Динамика 2018 г. к 2021 г. (%)
Количество граждан, направленных на лечение	105 754	89 166	48 630	68 590	–65 %

Источник: Отчеты «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» за 2018–2021гг. на основе материалов формы статистической отчетности № 131 «Сведения о диспансеризации определенных групп взрослого населения» за 2018–2021 гг. // Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.

— раннее выявление онкологических, сердечно-сосудистых, других неинфекционных заболеваний и рисков их развития[1]. Уже несколько лет выездные диспансеризации успешно осуществляются Свердловским областным центром медицинской профилактики совместно с Всероссийским общественным движением «Волонтёры-медики» при поддержке министерства здравоохранения РФ. В 2022 г. в Свердловской области они начались в апреле, когда стихла пандемия COVID-19.

Рассмотрим данные таблицы 5 по охвату населения, отправленного на лечение после прохождения диспансеризации и иных медицинских осмотров.

Количество граждан, у которых выявили заболевания на ранней стадии, практически полностью совпадает с количеством граждан, которых отправили на лечение. Небольшое различие между теми, кто приступил к лечению по направлениям медучреждений, и теми, кто отказался, зависит исключительно от мотивированности человека заниматься своим здоровьем.

Последствия появления новой коронавирусной инфекции прослеживаются в динамике показателей с 2018 по 2021 гг., где процент граждан, отправленных на лечение после выявления хронических неинфекционных заболеваний, стал меньше.

Если же говорить о профилактике после лечения хронических неинфекционных заболеваний и факторов риска их развития, то стоит отметить, что в силовых структурах, а также на предприятиях, связанных с опасным производством, например, ЗАТО (ядерных комбинатах), граждане, пошедшие лечение, в обязательном порядке направляются на профилактические процедуры. В остальных случаях профилактические мероприятия проводятся в свободном режиме.

В таблице 6 представлены статистические данные, отражающие основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения за последние четыре года.

[1] Национальный проект «Здравоохранение». URL: https://minzdrav.midural.ru/article/show/id/10433 (дата обращения 01.06.2022).

Таблица 6

Итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения в Свердловской области за 2018–2021 гг.

Год	План	Факт выполнения	%
2018	925 510	664 593	71,8
2019	690 497	691 507	100,1
2020	780 697	258 096	33,1
2021	819 048	386 252	47,2

Источник: Отчеты «Основные итоги диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области» за 2018–2021 гг. на основе материалов формы статистической отчетности № 131 «Сведения о диспансеризации определенных групп взрослого населения» за 2018–2021 гг. // Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.

Согласно данным мониторинга диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области (табл. 6), видна позитивная тенденция в период 2018–2019 гг., а именно, увеличение процентного охвата населения, прошедшего диспансеризацию согласно плану, что отражает желание людей пройти данное обследование, а значит, и определенную эффективность и действенность процесса диспансеризации.

Это можно объяснить следующим. На протяжении 2018–2019 гг. Министерством здравоохранения Свердловской области совместно со страховыми медицинскими организациями проводилась информационно-коммуникационная кампания по привлечению населения к прохождению профилактических медицинских осмотров, в том числе и диспансеризации.

Заключение

Таким образом, самой важной проблемой диспансеризации определенных групп взрослого населения на сегодняшний день является приоритет количественных показателей диспансеризации. При этом именно качественные показатели отражают в большей степени соответствие затраченных на данный процесс усилий и средств и полученного результата.

Тенденция к увеличению числа граждан, относящихся к первой группе здоровья и уменьшение числа граждан, относящихся ко второй и третьей группам здоровья, свидетельствует о положительной результативности работы по диспансеризации населения в Свердловской области. Вместе с тем, невысокие показатели охваченных профилактикой после заболеваний, свидетельствует о недостаточной эффективности действий учреждений системы здравоохранения Свердловской области. Существующая на сегодняшний день система проведения диспансеризации и других медицинских обследований оказалась уязвимым звеном в здравоохранении во время начала новой коронавирусной инфекции. Именно поэтому Министерство здравоохранения Российской Федерации вводит мероприятия по устранению этих последствий, а также совместно с субъектами

разрабатывает методику, благодаря которой система диспансеризации будет полноценно функционировать при любой эпидемиологической обстановке.

Список источников

[1] Результаты диспансеризации 2013–2017 гг. Распределение обследованного населения по группам здоровья / Сененко А. Ш. и др. // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 1. С. 67-90.

[2] *Ходакова О. В.* Удовлетворенность населения организацией диспансеризации определенных групп взрослого населения на примере субъекта Российской Федерации // Менеджер здравоохранения. 2019. № 5. С. 45-52.

[3] *Сквирская Г.* П, Волнухин А. В. Основные направления совершенствования деятельности в области общественного здоровья и управления здравоохранением в современных условиях Российской Федерации // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 2. С. 348-366.

[4] *Сененко А. Ш. Савченко Е. Д.* Кадровое обеспечение медицинской профилактики. Ч. 1. Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики 2019. № 4. С. 278-292. Ч. 2. Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 1. С. 335-352.

[5] *Толмачев Д. А.* Обеспеченность врачами функциональной диагностики в Российской Федерации в 2009–2018 гг. // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 4. С. 346-356.

[6] *Ходакова О. В., Кошевая Н. В.* Методика расчета показателя «Потерянные годы потенциальной жизни» и его применение для оценки эффективности профилактических мероприятий: учебное пособие. Чита : РИЦ ЧГМА, 2021. 49 с.

[7] *Кошевая Н. В.* Потерянные годы потенциальной жизни в стандартной популяции среди взрослого населения: сравнительная оценка // Мат-лы Первой международной научно-практической конференции молодых исследователей здравоохранения. Москва, 2020. С. 75-76.

[8] Динамика вклада предотвратимых причин смерти в снижение продолжительности жизни населения Красноярского края в 1999–2019 гг. / Астанин П. А. и др. // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2022. № 1. С. 15-34.

[9] Проекты по совершенствованию первичной медико-санитарной помощи в Москве / Безымянный А. С. и др. // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2022. № 2. С. 23-39.

[10] *Кривых Е. А.* Основные задачи и перспективы развития кадровой политики системы здравоохранения Российской Федерации и Ханты-Мансийского автономного округа-Югры // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 2. С. 324-332.

References

[1] The results of the prophylactic medical examination 2013-17 gg.: the distribu-tion in health groups / A. Sh. Senenko et al. // Current problems of health care and medical statistics. 2019. No. 1. Pp. 67-90.

[2] *Khodakova O. V.* Satisfaction of the population with the organization of clinical examination of certain groups of the adult population on the example of a constituent entity of the Russian Federation // Manager of health care. 2019. No. 5. Pp. 45-52.

[3] *Skvirskaya G. P., Volnukhin A. V.* Basic directions of improving scientific, educational and practical activities in the field of public health and health management in modern conditions in the Russian Federation // Current problems of health care and medical statistics. 2020. No. 2. Pp. 348-366.

[4] *Senenko A. S. Savchenko E. D.* Staffing of medical prevention. Part 1. Human resources of the health centers // Current problems of health care and medical statistics 2019. No. 4. Pp. 278-292; Staffing of medical prevention. Part 2. Human resources of the centers of medical prevention // Current problems of health care and medical statistics. 2020. No. 1. Pp. 335-352.

[5] *Tolmachev D. A.* Security of doctors of functional diagnostics in the Russian Federation, in 2009-2018 // Current problems of health care and medical statistics. 2019. No. 4. Pp. 346-356.

[6] *Khodakova O. V., Koshevaya N. V.* Methodology for calculating the indicator «Lost years of potential life» and its application for evaluating the effectiveness of preventive measures: textbook. Chita : RIC CHGMA, 2021. 49 p.

[7] *Koshevaya N. V.* The lost years of potential life in the standard population among the adult population: a comparative assessment // Materials of the First Interna-tional Scientific and Practical Conference of Young Health researchers. Moscow. 2020. Pp. 75-76.

[8] Dynamics of preventable mortality contribution to life expectancy decrease of Krasnoyarsk Krai's population between 1999 and 2019 / P. A. Astanin et al. // Current problems of health care and medical statistics. 2022. No. 1. Pp. 15-34.

[9] Projects to improve primary health care in Moscow, as a basis for choosing scientific directions of primary care specialists / A. S. Bezymyanny et al. // Current problems of health care and medical statistics. 2022. No. 2. From 23-39.

[10] *Krivykh E. A.* The main tasks and development prospects of the personnel poli-cy of the healthcare system of the Russian Federation and the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra // Current problems of health care and medical statistics. 2020. No. 2. Pp. 324-332.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-31
УДК 314.15
JEL I38, J12, J13

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (на примере Свердловской области)[1]

Ю. Д. Цыбенко, Э. И. Гараева

Уральский институт управления — филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Россия)
Автор для корреспонденции: Ю. Д. Цыбенко (ms.tsybenko01@mail.ru)

Аннотация. *В статье проанализирована демографическая ситуация в Свердловской области, выявлены такие демографические проблемы, как низкий уровень рождаемости, естественная убыль населения, общая тенденция на уменьшение количества заключенных браков. Целью исследования являются анализ направлений реализации семейной политики в Свердловской области и оценка эффективности предпринимаемых мер. Проанализированы статистические данные, результаты социологических опросов, документы, регулирующие реализацию семейной политики в Российской Федерации в целом и Свердловской области. В результате проведенного исследования выявлены недостатки в реализации семейной политики, сделаны общие выводы об эффективности принимаемых мер, а также даны некоторые рекомендации по повышению эффективности семейной политики в регионе. Проведенное исследование может быть применено при дальнейшем рассмотрении вопросов реализации семейной политики в Свердловской области.*

Ключевые слова: социальная политика, семейная политика, семья, демография, низкий уровень рождаемости, семейные ценности

Implementation of Family Policy as a Way to Solve Demographic Problems (the Case of Sverdlovsk Oblast)

J. D. Tsybenkoa, E.I. Garaevab

Ural Institute of Management, Branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia).
Corresponding author: J. D. Tsybenko (ms.tsybenko01@mail.ru)

Abstract. *The study analyses the demographic situation in Sverdlovsk oblast, identifies demographic problems such as low birth rate, natural population decline, and the general reduction in marriage rates. The purpose of the study is to examine the directions of implementation of family policy in Sverdlovsk oblast, as well as to assess the effectiveness of the measures taken. To this end, statistical data, the results of sociological surveys, documents regulating the implementation of family policy in the Russian Federation and Sverdlovsk oblast were analysed. The conducted research identified shortcomings in the implementation of family policy, made general conclusions about the effectiveness of the measures taken, and presented some recommendations for improving the effectiveness of family policy in the region. The findings can be applied to further consider the implementation of family policy in Sverdlovsk oblast.*

Keywords: social policy; family policy; family; demographics; low birth rate; family values

[1] © Цыбенко Ю. Д., Гараева Э. И. Текст. 2022.

Введение

Семья является важнейшей ячейкой общества, однако в современном мире институт семьи претерпевает значительные трансформационные процессы: семья становится более мобильной, многие традиционные ценности уходят на второй план. Кроме того, современные условия задают для молодых людей направление на самореализацию, построение карьеры, вследствие чего создание семьи уже не является приоритетом для многих молодых людей.

В Российской Федерации на современном этапе существует демографический кризис: наблюдаются значительное сокращение населения, низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности. Все перечисленные факторы являются обоснованием необходимости поддержки государством института семьи и брака в рамках реализации государственной социальной политики.

На основании сказанного можно сделать вывод о существовании демографических проблем в Российской Федерации на современном этапе. Среди важнейших демографических проблем, существующих в Российской Федерации в целом и в отдельных ее регионах, — низкий уровень рождаемости, утрата у граждан понимания основных традиционных ценностей семьи. В сложившейся ситуации основная задача государства — поддержка института семьи, создание комфортных условий для создания семей, заключения брака, рождения и воспитания детей. «В связи с тем, что семья является основой любого государства (что само по себе имеет абсолютную ценность), главным и ведущим условием сохранения и поддержания духовной истории народа, традиций, национальной безопасности, в качестве исходного направления укрепления ценности семьи выделяется повышение ее влияния среди других ориентиров социальной политики» [1, с. 134].

Каким образом реализация семейной политики может позволить решить данные демографические проблемы? Цель исследования заключается в выявлении задач семейной политики и механизмов ее воздействия на текущую демографическую ситуацию в стране.

Для достижения цели исследования необходимо изучить причины сложившихся демографических проблем, выявить основные направления государственной семейной политики, призванные устранить выявленные проблемы, проанализировать эффективность и результативность проводимых мероприятий, изучив статистические изменения демографической ситуации в регионе, а также сформулировать некоторые выводы и рекомендации по вопросам реализации государственной семейной политики в Свердловской области.

Реализация семейной политики на уровне Свердловской области в научной литературе подробно рассмотрена среди работ Ю. Ю. Антроповой, А. В. Ручкина, С. Н. Костиной, Г. А. Банных. В данных работах рассмотрены понятие, задачи, нормативно-правовые основы, основные

направления реализации семейной политики в Свердловской области. Работа С.Н. Костиной и Г.А. Банных представляет результаты опроса об эффективности семейной политики.

Обзор литературы

Реализация государственной семейной политики является достаточно актуальным и обсуждаемым вопросом, поэтому многие авторы обращаются к рассмотрению данного вопроса в своих научных трудах.

Семейная политика в целом рассматривается в научных статьях Е.В. Горбуновой. Научные работы Л.М. Прокофьевой, С.И. Рыбальченко, Г.И. Тюменцевой подробно рассматривают региональный аспект реализации семейной политики, поддержку института семьи и брака на уровне субъектов, а также разнообразие существующих мер поддержки.

В числе работ, раскрывающих теоретико-правовые основы реализации государственной семейной политики в Свердловской области, следует назвать научные работы А.В. Ручкина, Ю.Ю. Антроповой. В монографии А.В. Ручкина подробно рассматриваются нормативно-правовая основа государственной демографической политики в Свердловской области, вопросы предметно-содержательного анализа государственной политики поддержки семьи и повышения рождаемости.

Материалы и методы

Во время написания исследовательской работы применялись такие методы теоретического и эмпирического исследования, как описание, анализ, синтез, моделирование; также в качестве прикладных методов были использованы статистический метод, структурный анализ, контент-анализ.

Эмпирическую базу работы составляют:

1. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты» «Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы?».
2. Результаты социологических опросов, приведенных в расширенной подборке данных ВЦИОМ (к тематическому выпуску «Семья и родительство» № 2).
3. Данные социологического исследования об эффективности мер социальной поддержки семей с детьми в Свердловской области, проведенного С.Н. Костиной, Г.А. Банных в рамках написания научно-исследовательской работы в 2020 г. методом онлайн-опроса.
4. Официальные статистические данные, характеризующие современное состояние и динамику основных демографических показателей в Свердловской области.
5. Статистические и аналитические данные, размещенные на официальном сайте Министерства социальной политики Свердловской области.

Результаты

Необходимо разобраться, действительно ли в Свердловской области существуют демографические проблемы. Для этого авторами был проведен анализ статистических данных, приведенных на официальном сайте Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области.

Для анализа демографической ситуации очень важным показателем является численность населения. В таблице 1 представлена динамика численности населения Свердловской области. В сравнении с показателем 2003 г., в 2010 г. уже наблюдается спад численности населения, а к 2020 г. численность населения Свердловской области снизилась значительно больше, так как на данный показатель оказала достаточно сильное влияние пандемия коронавируса.

Данные, представленные в таблице 2 также демонстрируют резкий рост смертности в 2020 г., объясняющийся резким распространением коронавирусной инфекции. Однако в сравнении с 2003 г. ситуация по смертности улучшилась, что говорит об общей положительной тенденции в динамике смертности по Свердловской области.

Что касается показателей рождаемости, то в 2010 г. рождаемость значительно выросла по сравнению с показателем 2003 г. Это можно объяснить введением в Российской Федерации материнского капитала в 2007 г. Однако за последние годы рождаемость значительно сокращается, в 2020 г. рождаемость стала ниже уровня 2003 г., что в комплексе с достаточно высокими показателями смертности говорит о серьезных демографических проблемах. Стоит также отметить, что на протяжении многих лет в Свердловской области показатели смертности значительно выше показателей рождаемости, что говорит о естественной убыли населения.

Таблица 1

Динамика численности населения Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам			
	2003	**2010**	**2020**	**2021**
Численность населения Свердловской области (чел.)	4 477 552	4 308 472	4 310 681	4 290 067

Источник: [2].

Таблица 2

Динамика рождаемости и смертности в Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам				
	2003	**2010**	**2018**	**2019**	**2020**
Рождаемость в Свердловской области, чел.	46 340	57 540	50 254	46 039	43 827
Смертность в Свердловской области, чел.	77 005	61 486	58 511	57 392	67 643

Источник: [3].

Таблица 3

Динамика показателей брачности и разводимости по Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам				
	2003	2010	2018	2019	2020
Число браков	33003	38675	27772	29459	24164
Число разводов	24079	20262	19170	20525	18751

Источник: [4].

Данные из таблицы 3 демонстрирует сложившуюся в Свердловской области ситуацию по брачности и разводимости: существует общая тенденция на снижение количества заключенных браков и разводов. В 2020 г. показатели брачности и разводимости стали самыми низкими за последние несколько лет.

Стоит проанализировать основные тенденции и направления развития института семьи и брака в Российской Федерации. Так, согласно данным совместного аналитического доклада ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты», российская семья на современном этапе проходит через значительные трансформационные процессы. Среди ключевых трендов выделяется особая осознанность граждан при создании семьи, «решение о рождении ребенка ассоциируется с ограничением возможностей, остановкой карьерного роста и вынужденным изменением привычного образа жизни» [5, с. 13], существует тенденция откладывания рождения детей на более зрелый возраст, а также встречаются случаи осознанного отказа от рождения детей.

Данные опроса, проведенного ВЦИОМ в 2018 г., позволяют выделить некоторые причины осознанного отказа от рождения детей. Среди наиболее популярных ответов граждан можно выделить следующие: «недостаточно денег, дорого растить ребенка, не хочется плодить нищету (44 %); эгоизм, дети мешают личной свободе (25 %); слишком большая ответственность, неуверенность в себе, боязнь не дать должного воспитания (12 %)» [6, с. 64].

Сложившаяся в Свердловской области демографическая ситуация требует особого внимания со стороны органов власти. Именно поэтому в Российской Федерации и ее регионах на современном этапе проводится достаточно активная семейная политика.

Следует понимать, что понимается под семейной политикой в нормативно-правовых актах Российской Федерации. «Государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей» [7].

В Свердловской области существует государственная программа «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Свердловской области до 2024 года», в рамках которой действует Подпрограмма 4 «Счастливая семья». В соответствии с данной программой установлены основные направления государственной семейной политики, включающие в себя «укрепление и развитие института семьи, сохранение и восстановление традиционных семейных ценностей; улучшение положения семей с несовершеннолетними детьми; защиту семьи и оказание ей содействия в осуществлении ее основных функций» [8].

Для решения сложившихся проблем государственная семейная политика в основном воздействует именно на материальное положение семей. Так, в Свердловской области «с 2012 года началась выдача сертификатов на областной материнский (семейный) капитал. Расширяется перечень мер социальной поддержки многодетным семьям. В 2013 году была установлена ежемесячная денежная выплата многодетной семье в связи с рождением третьего ребенка и последующих детей, в 2018 — ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, в 2020 — ежемесячная денежная выплата на детей в возрасте от 3 до 7 лет включительно. Активно разрабатывались и внедрялись новые меры социальной поддержки семей» [9, с. 3].

Для анализа эффективности существующих мер следует обратиться к результатам социологического исследования, проведенного в Свердловской области в 2020 г. По результатам опроса было выявлено «незначительное влияние на экономическое положение семей существующих мер монетарной поддержки, что особенно важно при оценке экономического положения семей с детьми, чьи среднедушевые доходы в месяц составляют менее прожиточного минимума, предусмотренного в регионе» [10, с. 169]. Также стоит заметить, что «трудностей при получении мер государственной поддержки не возникло только у 1,5 % опрошенных» [10, с. 170].

Данные социологического опроса свидетельствуют о том, что при реализации государственной семейной политики в Свердловской области возникают существенные проблемы.

Обсуждение

В ходе проведенного исследования автором было выявлено наличие в Свердловской области значительных демографических проблем. Для устранения данных проблем Министерством социальной политики Свердловской области проводятся мероприятия по улучшению материального положения семей в обществе, однако граждане отмечают недостаточность существующих мер и значительные трудности, возникающие в процессе получения материальных выплат.

Возникшая в регионе пессимистичная тенденция состояния демографической ситуации в Свердловской области может продолжать

усугубляться, если государством не будут приняты меры, предусматривающие усиление поддержки института семьи и брака.

Результаты проведенного анализа не противоречат мнению большинства авторов, изучавших вопрос реализации семейной политики в Свердловской области ранее. Научные труды Ю.Ю. Антроповой, С.Н. Костиной, Г.А. Банных также содержат упоминания и анализ проблем реализации семейной политики в регионе.

Заключение

Таким образом, проведенное автором исследование подтверждает существование в Свердловской области серьезных демографических проблем, требующих незамедлительного решения. Государством проводится активная работа по поддержке института семьи и брака как на федеральном уровне, так и на уровне регионов. Однако не всегда проводимые мероприятия являются достаточно эффективными.

Основными рекомендациями для повышения эффективности реализации семейной политики в Свердловской области являются:

1. Перераспределение денежных средств бюджета с целью повысить финансирование социальной сферы, в том числе семейной политики региона.

2. Повышение информированности граждан об имеющихся мерах социальной поддержки семей в рамках проводимой семейной политики, повышение удобства поиска информации о выплатах и мероприятиях на официальном сайте Министерства социальной политики Свердловской области, сокращение сроков и упрощение процедур получения мер поддержки от государства.

Данные меры позволят постепенно сгладить наличие имеющихся проблем.

Дальнейшие исследования по теме могут содержать более подробный анализ денежных мер поддержки семей и способы повышения их эффективности

Список источников

[1] *Горбунова Е. В.* Формирование ценности семьи в контексте государственной семейной политики // Современная наука. 2010. № 1. С. 134-138.

[2] Численность населения Свердловской области // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (дата обращения: 13.05.2022).

[3] Динамика показателей естественного движения населения по Свердловской области // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (дата обращения: 13.05.2022).

[4] Динамика показателей брачности и разводимости по Свердловской области // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской

области и Курганской области. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (дата обращения: 13.05.2022).

[5] Российская семья. Как сохранить традиции и обрести новые смыслы? Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты». URL: https://doklad_family.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[6] К тематическому выпуску «Семья и родительство» (№ 2): Расширенная подборка данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/podborka_dannyh_wciom_092020.pdf (дата обращения: 13.05.2022).

[7] Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/70727660/ (дата обращения: 10.05.2022).

[8] Об утверждении государственной программы Свердловской области «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Свердловской области до 2024 года». Постановление Правительства Свердловской области от 05.07.2017 № 480-ПП // Министерство социальной политики Свердловской области. URL: https://msp.midural.ru/deyatelnost/programma.html (дата обращения: 13.05.2022).

[9] Меры социальной поддержки отдельных категорий граждан: Справочно-информационное издание Министерства социальной политики Свердловской области / Под ред. А.В. Злоказова; 21-е изд. испр. и доп. Екатеринбург, 2021.

[10] *Костина С. Н., Банных Г. А.* Проблемы получения государственной поддержки семьями с детьми в Свердловской области. Результаты социологического исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 165-172.

References

[1] *Gorbunova E. V.* Family value formation in the context of state family policy // Modern science. 2010. No. 1. Pp. 134-138.

[2] The population of the Sverdlovsk region: Office of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region and the Kurgan region. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (accessed on 13.05.2022).

[3] Dynamics of indicators of natural population movement in the Sverdlovsk region: Office of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region and the Kurgan region. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (accessed on 13.05.2022).

[4] Dynamics of marriage and divorce rates in the Sverdlovsk region: Department of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region and the Kurgan region. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (accessed on 13.05.2022).

[5] Russian family: how to preserve traditions and find new meanings? / Joint analytical report of VCIOM and ANO «National Priorities». URL: https://doklad_family.pdf (accessed on 10.05.2022).

[6] To the thematic issue «Family and Parenthood» (No. 2): An expanded selection of VCIOM data. URL: https://wciom.ru/podborka_dannyh_wciom_092020.pdf (accessed on 13.05.2022).

[7] On the approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-r // Garant. URL: https://base.garant.ru/70727660/ (accessed on 10.05.2022).

[8] About the approval of the state program of the Sverdlovsk region «Social support and social services for the population of the Sverdlovsk region until 2024»: Resolution of the Government of the Sverdlovsk region of 05.07.2017 No. 480-PP // The Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk region. URL: https://msp.midural.ru/deyatelnost/programma.html (accessed on 13.05.2022).

[9] Measures of social support for certain categories of citizens: Reference and information publication of the Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk Region / ed. A. V. Zlokazov; 21st ed., updated and revised. Ekaterinburg, 2021.

[10] *Kostina S. N., Bannykh G. A.* Problems of getting state support for families with children in Sverdlovsk region: results of a sociological research // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2020. No. 5(68). Pp. 165-172.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-32
УДК 314.3:334.02
JEL J13, M14

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС И ПОДДЕРЖКА РОЖДАЕМОСТИ: УСПЕШНЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ[1]

О. М. Шубат

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. (г. Екатеринбург, Россия). https://orcid.org/0000-0002-0929-8144
Автор для корреспонденции: О.М. Шубат (o.m.shubat@urfu.ru)

Аннотация. *Негативные демографические тенденции последних лет в России обусловливают необходимость поиска новых инструментов решения демографических проблем. В качестве такого инструмента рассматривается активное включение бизнеса в решение этих проблем. Целью статьи является исследование корпоративных практик и особенностей участия российского бизнеса в поддержке репродуктивного здоровья сотрудников и рождаемости в их семьях. В качестве источника информации использовались программы библиотеки корпоративных социальных практик Российского союза промышленников и предпринимателей за 2009–2021 гг. Применялся метод кейс-стади. В статье показаны наиболее успешные корпоративные практики в сфере поддержки репродуктивного здоровья и рождаемости в семьях сотрудников, показаны возможности активизации участия бизнеса в решении демографических проблем страны, обозначены направления дальнейших исследований в этой сфере (разработка механизмов оценки эффективности корпоративных практик бизнеса в сфере поддержки рождаемости, выявление наиболее эффективных инструментов такой поддержки и трансляции позитивного опыта). Полученные результаты показывают новые ориентиры для формирования государственной демографической политики, нацеленной на решение проблем низкой рождаемости.*

Ключевые слова: поддержка рождаемости, репродуктивное здоровье сотрудников, корпоративные практики

Russian Business and Fertility Support: Successful Corporate Practices

O. M. Shubat
Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-0929-8144
Corresponding author: O. M. Shubat (o.m.shubat@urfu.ru)

Abstract. *The negative demographic trends recently observed in Russia necessitate the search for new tools for solving demographic problems. Active involvement of business in solving these problems can be considered as such a tool. The purpose of the paper is to study corporate practices and features of the participation of Russian businesses in supporting the reproductive health of employees and fertility in their families. The programmes obtained from the library of corporate practices of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs for 2009-2021 were used as a source of information. The case study method was applied. The article shows the most successful*

[1] © Шубат О. М. Текст. 2022.

corporate practices in supporting the reproductive health and fertility in the families of employees, shows the possibilities for enhancing the participation of business in solving the demographic problems of the country. The study also identifies areas for further research: development of mechanisms for evaluating the effectiveness of corporate business practices in the field of fertility support, identifying the most effective tools for such support and transferring positive experience. The obtained results show new guidelines for the formation of the state demographic policy aimed at solving the problems of low birth rates.

Keywords: fertility support; reproductive health of employees; corporate practices

Введение

Последние несколько лет в России складываются негативные демографические тренды. Так, с 2019 г. сокращается общая численность населения начиная с 2016 г. непрерывно падает общий коэффициент рождаемости (в 2020 г. его значение было на 26 % ниже уровня 2015 г. и составляло 9,8 рождений на 1000 чел. населения), тренд суммарного коэффициента рождаемости также нисходящий (по сравнению с 2015 г., значение показателя в 2020 г. снизилось на 15 % и составило 1,5 ребенка на женщину) [1]. Такая ситуация актуализирует поиск новых инструментов решения демографических проблем, одним из которых может стать активное участие российского бизнеса в поддержке репродуктивного здоровья своих сотрудников и стимулировании рождаемости в их семьях. Такие программы поддержки могут разрабатываться и внедряться на предприятиях в рамках реализации корпоративной социальной ответственности.

Важно отметить, что научных кругах идеи вовлечения бизнес-структур в демографическую проблематику не являются чем-то исключительным. Так, М.А. Клупт, отмечая недостатки существующей в стране демографической политики, особо выделял недостаточное вовлечение работодателей в ее реализацию [2]. По мнению ученого, для успешной реализации стратегии демографического развития страны необходима критическая масса заинтересованных стейкхолдеров — не только собственно населения, но и работодателей и их ассоциаций, профсоюзов, неправительственных организаций [3].

Сегодня необходимость участия предпринимательства в решении демографических проблем все чаще становится предметом обсуждения представителей международного бизнес-сообщества, все более популярными становятся идеи развития корпоративной социальной ответственности (КСО) в демографической, репродуктивной сфере. Так, например, эксперт в области КСО Сьюзан Макферсон в своей статье, опубликованной на ресурсе Forbes, в числе важнейших направлений развития социальной ответственности бизнеса, которые будут развиваться уже в ближайшем будущем, называет поддержку репродуктивной свободы женщин [4].

Научные исследования, проводимые в разных странах, показывают наличие разнообразных позитивных эффектов для бизнеса от внедрения программ, ориентированных на поддержку репродуктивного здоровья сотрудников, стимулирование рождаемости в их семьях [5, 6]. К таким

эффектам часто относят повышение привлекательности организации, увеличение возможностей найма высококвалифицированных сотрудников, снижение текучести кадров, рост удовлетворенности работников условиями труда и повышение производительности труда [7, 8].

Исследования, нацеленные на выявление реальных и потенциальных положительных эффектов от реализации предприятиями программ поддержки рождаемости и репродуктивного здоровья сотрудников, проводятся не только отдельными учеными и исследовательскими группами, но и специализированными профильными организациями. Так, например, в 2021 г. компания Mercer (американская компания, специализирующаяся на управлении человеческими ресурсами, рисках и страховании) по заказу Национальной ассоциации по борьбе с бесплодием RESOLVE провела исследование по вопросам фертильности и рождаемости (The Survey on Fertility Benefits) среди 459 работодателей [9]. Его результаты показали, что по сравнению с предыдущими раундами исследований, заметно увеличилось число работодателей, включающих в программы медицинского страхования своих сотрудников расходы, связанные с лечением бесплодия и иных проблем репродукции. Среди основных причин, по которым работодатели включают такие виды поддержки сотрудников в программы медицинского страхования, назывались следующие: возможность нанимать и удерживать лучших специалистов (51 % опрошенных), признание в качестве компании, дружественной к семьям работников (50 %). Важным результатом, доказывающим эффективность таких программ, оказался следующий: в 2020 г. средний коэффициент текучести кадров на крупных предприятиях, включающих расходы на экстракорпоральное оплодотворение в программы медицинского страхования сотрудников, был ниже, чем на предприятиях, не покрывающих такие расходы. При этом 97 % работодателей, включающих такие расходы в программы медицинского страхования своих сотрудников, отметили, что это не привело к значительному увеличению стоимости медицинской страховки [9].

Компания Pepp, внедряющая на предприятиях Великобритании цифровую платформу (приложение) по сохранению здоровья сотрудников предприятий и их поддержке в периоды фертильности, родительства и менопаузы, также проводит собственные исследования. На сайте организации размещены их результаты и кейс-стади, свидетельствующие о наличии значимых позитивных эффектов для бизнеса, которые возникают вследствие реализации на предприятиях программ поддержки рождаемости, родительства, репродуктивного здоровья сотрудников [10].

В России исследования корпоративных практик демографической, репродуктивной направленности и их эффективности крайне немногочисленны. Так, например, в работе Т.К. Ростовской, А.А. Шабуновой и А.П. Багировой проведен анализ социальной политики семи крупных российских корпораций и представлено обоснование Концепции

Таблица 1

Среднесписочная численность работников организаций в России по формам собственности (млн чел.)

	Численность по годам					
	2015	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**
Всего	45,1	44,4	44,3	44,2	43,9	43,3
из них:						
государственная и муниципальная	18,2	17,7	17,3	17,2	17,1	16,9
частная	21,7	21,5	21,9	21,9	21,6	21,3
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
смешанная российская	2,1	2,1	2,0	2,0	1,9	1,9
иностранная, совместная российская и иностранная	2,8	2,8	2,7	2,7	2,9	2,8

Источник: [13].

корпоративной демографической политики предприятий [11]. В исследовании [12] для оценки программы стимулирования родительского труда, реализуемой на одном из крупных российских металлургических предприятий, были предложены специальные индексы социальной и экономической эффективности. Результаты этого исследования показали, что реализация данной программы имела следующие позитивные эффекты: рост уровня рождаемости в семьях сотрудников, существенное снижение числа осложненных и преждевременных родов, снижение показателей нетрудоспособности работников, связанных с болезнями их детей.

Бизнес-структуры в России являются важнейшим субъектом спроса на человеческие ресурсы и человеческий капитал. В таблице 1 показана среднесписочная численность работников организаций различных форм собственности.

Как можно заметить, практически половина всех работников сосредоточена на предприятиях и организациях частного сектора экономики России. Следовательно, бизнес должен нести паритетную с государством ответственность за сохранение, восполнение, развитие человеческого капитала, что особенно актуально в условиях негативных демографических трендов, складывающихся сегодня в России. Целью настоящей статьи является исследование корпоративных практик и особенностей участия российского бизнеса в поддержке репродуктивного здоровья сотрудников и рождаемости в их семьях.

Данные и методика исследования

В качестве источника информации для проведения исследования использовалась библиотека корпоративных социальных практик, которую аккумулирует и размещает в открытом доступе Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП).

Библиотека представляет собой банк данных электронных версий корпоративных практик социальной направленности компаний, действующих на территории страны. По состоянию на начало 2022 г. в библиотеке была представлена 1001 программа (корпоративных практик), реализуемых 232 компаниями [14]. Библиотека пополняется за счет добровольного размещения предприятиями информации об успешных программах КСО, реализуемых не менее года.

Здесь важно отметить, что обобщенное представление корпоративных практик в библиотеке не позволяет автоматически отобрать те предприятия, которые реализуют программы социальной ответственности, направленные на поддержку рождаемости, репродуктивного здоровья, родительства. Классификация программ не детализирована и выделяет лишь обобщенные группы программ:

— направленные на работников предприятия;

— направленные на внешнее сообщество;

— ориентированные на достижение целей устойчивого развития.

Корпоративные практики, связанные с поддержкой рождаемости, репродуктивного здоровья, родительства, представлены в разделе программ, направленных на работников компании. На начало 2022 г. в библиотеке корпоративных практик РСПП было 237 таких программ.

Согласно рекомендациям, в описание успешной программы следует включать ряд сведений, среди которых наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие:

— наличие утвержденной политики / стратегии, в рамках которой реализуется программа;

— мотивы принятия решения по запуску программы, ее цели и задачи, этапы и сроки реализации, бюджет, целевая аудитория;

— планируемые и полученные результаты, перспективы дальнейшего развития;

— проблемы и препятствия, возникающие в ходе реализации программ.

Дополнительно рекомендуется прилагать статистические таблицы и диаграммы [14].

Такое детализированное описание позволяет, на наш взгляд, получить достаточно полное представление о реализуемых в рамках КСО программах, в том числе, и программах поддержки репродуктивного здоровья и рождаемости в семьях сотрудников.

В процессе исследования применялся метод кейс-стади: были изучены программы, размещенные в 7 сборниках успешных корпоративных практик, опубликованных РСПП в период с 2009 по 2021 гг.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило выявить ряд предприятий — лидеров в сфере реализации программ, нацеленных на поддержку

репродуктивного здоровья и стимулирование рождаемости в семьях сотрудников. Анализ показал, что крупный бизнес России осознает важность и необходимость реализации таких программ, видит их эффективность, пусть и отсроченную во времени. Так, в сборниках корпоративных практик указывается, что своевременные меры социальной поддержки позволяют выполнить сразу несколько задач. Например, строительство детских садов и другие способы материнской поддержки дают возможность молодым мамам раньше выходить на работу и таким образом вносить вклад в ликвидацию дефицита рабочих кадров, рост материального достатка семей и в конечном итоге увеличение ВВП страны. А современные медицинские технологии делают социально ориентированные отрасли конкурентоспособными не только в России, но и на мировом рынке [15, с. 2].

В процессе анализа удалось выявить лишь два крупных российских предприятия, которые, во-первых, длительное время и на непрерывной основе реализуют такие программы, а во-вторых, занимаются оценкой их эффективности, размещая в открытом доступе затраты на реализацию таких программ и их результаты.

Первым таким примером является сталелитейная и горнодобывающая компания «Северсталь». Социальная деятельность компании ориентирована, в частности, на решение демографических проблем в регионах своего присутствия. Так, женщины-работницы в этой компании могут получать медицинскую помощь в специально созданном лечебно-диагностическом комплексе, который включает женскую консультацию, акушерский стационар и гинекологическое отделение. У предприятия есть собственный родильный дом. Согласно отчетности компании, в нем ежегодно рождается более 1900 детей. В послеродовый период ведется патронаж по системе «Мать и дитя».

Здесь можно также отметить реализуемую на предприятии программу комплексной профилактики социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних «Дорога к дому». Ее отдельные результаты непосредственно отражают решение демографических проблем в регионах присутствия предприятий этой компании. Так, согласно отчетности компании, в 2016 г. число детей в стационарных учреждениях (это дети-сироты и дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации) снизилось по сравнению с 2015 г. в Вологодской области на 15 %, в г. Череповце — на 18 %. Численность родителей, лишенных родительских прав, сократилась в Вологодской области на 17 % и на 46 % — в г. Череповце. В связи с повышением качества жизни семей, которого удалось добиться благодаря реализации этой программы, 1165 детей остались жить со своими родителями, 46 приемных детей сохранены в замещающих семьях, предотвращен отказ от 14 новорожденных детей [16, с. 58].

Еще одна компания, которая активно и, судя по отчетам, успешно реализует программы, поддержки репродуктивного здоровья и стимулирования

рождаемости, — это ОАО «ММК» Предприятие является одним из крупнейших мировых производителей стали.

В представленных в сборниках корпоративных практик программах ММК указываются следующие основные задачи программы по сохранению репродуктивного здоровья сотрудников:

— выявление групп высокого риска нарушений репродуктивной функции;

— разработка и внедрение АСУ «Репродуктивное здоровье», ведение регистра мужчин и женщин группы высокого риска нарушений репродуктивной функции;

— организация образовательной программы по проблеме высокого риска нарушения репродуктивной функции для работающих в неблагоприятных производственных условиях;

— подготовка специальной литературы, наглядных пособий о факторах риска репродуктивного здоровья и профилактике его нарушений;

— просветительская работа с общественностью путем проведения лекций и занятий в образовательных школах, вузах, разработка специальных программ по охране репродуктивного здоровья молодежи.

В рамках программы предусмотрен целый спектр различных мероприятий. Так, например, предприятие финансирует центр «Материнство», ориентированный на систематические занятия с беременными сотрудницами, укрепление их здоровья и подготовку к рождению ребенка. Кроме того, начиная с 13-й недели беременности сотрудницы освобождаются от работы с сохранением средней заработной платы при условии обязательного посещения центра «Материнство». Программой предусмотрены различные мероприятия по созданию благоприятной атмосферы для женщин в период беременности и ухода за ребенком после его рождения.

На предприятии регулярно оценивают эффективность программы поддержки репродуктивного здоровья, отмечая следующие позитивные эффекты (разные по интенсивности проявления в разные годы):

— снижение случаев мертворождения;

— снижение доли детей, рожденных с патологиями;

— уменьшение числа осложненных родов;

— снижение случаев материнской смертности;

— снижение запущенных случаев злокачественных новообразований репродуктивных органов женщин;

— снижение количества запущенных случаев рака предстательной железы;

— уменьшение числа абортов.

Безусловно, число предприятий, реализующих успешные в экономическом и социальном плане программы поддержки репродуктивного здоровья сотрудников и рождаемости в их семьях, не ограничивается двумя описанными случаями. На рисунке представлены сводные данные о тех

Рис. *Предприятия, представляющие в сборниках корпоративных практик успешные программы социальной ответственности в сфере поддержки репродуктивного здоровья сотрудников и рождаемости в их семьях (источник: составлено автором на основе [14])*

российских предприятиях, которые так или иначе упоминают такие программы в числе своих успешных корпоративных практик.

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты формируют ряд тем и направлений для научной и практической рефлексии. Прежде всего, исследование показало, что российские корпоративные практики в сфере поддержки рождаемости и репродуктивного здоровья сотрудников пока еще немногочисленны. Однако некоторые компании в течение уже многих лет реализуют социальную политику, дружественную к семьям своих сотрудников. Это, очевидно, указывает на то, что данные компании видят позитивные эффекты от такой деятельности.

Опыт реализации рядом крупных российских предприятий социальных программ, оказывающих позитивное влияние на репродуктивное здоровье работников и рождаемость в их семьях, должен перениматься и другими компаниями. При этом активизация участия российского бизнеса в поддержке рождаемости и в целом в реализации корпоративной политики, дружественной к семьям работников, может осуществляться с помощью ряда инструментов. Одним из эффективных инструментов могут быть организация и проведение для представителей бизнес-сообщества специальных обучающих семинаров по соответствующей тематике. Такие семинары могут как проводиться самостоятельно в рамках реализации учебными центрами программ обучения предпринимателей, так и органично включаться в уже реализуемые программы в виде отдельных модулей. Последний вариант представляется наиболее реалистичным. Ранее в исследовании [17] нами была представлена детальная содержательная разработка таких модулей и показаны возможности их внедрения

в практику программ обучения Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства. В таблице 2 представлена краткая характеристика разработанных образовательных модулей. Конечным результатом обучения по данным модулям должно стать понимание представителями бизнес-сообщества значимости демографических проблем и необходимости участия в их решении.

Важно отметить, что развитие установок и мотивации предпринимателей на участие в решении демографических проблем страны (территории ведения бизнеса) и на поддержку репродуктивного здоровья и рождаемости в семьях сотрудников должно осуществляться не только на уровне крупного бизнеса (деятельность РСПП охватывает крупные предприятия России), но и на уровне малого и среднего предпринимательства. Роль малого бизнеса в решении демографических проблем исследовалась нами ранее (см., например, [18]). Проведенный нами анализ показал, что производственное индивидуальное предпринимательство в России характеризуется повышенной репродуктивной активностью. Эти результаты согласуются с результатами одного из первых и, пожалуй, наиболее масштабных социолого-демографических обследований предпринимателей уральскими учеными А. И. Кузьминым и Е. З. Ободяниковым. Обследование проходило в 2000–2001 гг. и охватило более 1800 респондентов в городах Первоуральске, Покачи и Екатеринбурге [19]. Важнейшие результаты этого исследования в части особенностей репродуктивного поведения предпринимателей были таковы: эта социальная группа лидировала по уровню детности (фактическое число детей в семьях предпринимателей было выше, чем в семьях других социальных групп населения (рабочих, ИТР, служащих и др.)), в предпринимательской среде показатели потребности в детях (желаемое число детей) также оказались самыми высокими [19, с. 137–141].

Безусловно, что представленное в статье исследование имеет потенциал дальнейшего развития. Здесь можно выделить несколько направлений. Во-первых, необходимо отметить, что анализ корпоративных практик крупных предприятий России может быть неполным в силу ограниченности информационной базы. Библиотека корпоративных практик РСПП пополняется компаниями на добровольной основе. На российских предприятиях могут быть и другие примеры успешной реализации корпоративной политики, дружественной к семьям работников и поддерживающей в них уровень рождаемости. Поиск, детальное изучение опыта таких компаний и выявление новых позитивных практик и их трансляция, распространение в информационной сфере бизнес-сообщества — все это является дальнейшими направлениями развития данного исследования.

Во-вторых, важным направлением дальнейших исследований является разработка механизмов оценки эффективности корпоративных практик бизнеса в сфере поддержки рождаемости и выявление наиболее эффективных инструментов такой поддержки. Очевидно, что на разных типах

Таблица 2

Образовательные модули в программах обучения предпринимателей в рамках развития мотивации на внедрение корпоративных программ, нацеленных на поддержку репродуктивного здоровья и рождаемости в семьях сотрудников

№ модуля	Название	Цель
1	Основы демографической грамотности	Приобретение представителями бизнес-сообщества навыков первичного анализа и оценки демографической ситуации
2	Социальная солидарность: бизнес и государство как центры паритетной социально-демографической ответственности	Развитие у предпринимателей представлений о взаимосвязи и взаимообусловленности экономических и социально-демографических процессов (особенно на уровне региона)
3	Способы и инструменты воздействия предприятия на динамику социально-демографических процессов в регионе	Развитие представлений о доступных бизнесу инструментах позитивного воздействия на социально-демографическую ситуацию
4	Оценка эффективности внедрения программ поддержки репродукции на предприятии	Приобретение представителями бизнес-сообщества навыков оценки эффективности доступных для предприятия инструментов позитивного воздействия на демографическую ситуацию

Источник: составлено автором.

предприятий могут складываться разные ситуации в данной сфере, могут быть востребованы разные типы корпоративных практик и разные инструменты поддержки рождаемости в семьях сотрудников. К примеру, в исследовании [20] было показано, что женщины, работающие в государственном секторе экономики, имеют более высокую вероятность рождения ребенка в течение рабочего периода, чем женщины, работающие в частном секторе. Кроме того, женщины, работающие в крупных фирмах частного сектора, имеют более высокую вероятность рождения ребенка, чем женщины, работающие в более мелких фирмах.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, исследования корпоративных практик поддержки репродуктивного здоровья сотрудников и рождаемости в их семьях, а также реализация таких программ на российских предприятиях на сегодняшний день являются крайне немногочисленными. Однако корпоративный сектор, реализующий такие программы, очевидно наблюдает позитивные эффекты от такой деятельности.

Во-вторых, необходимо распространение позитивного опыта реализации отдельными российскими предприятиями программ,

ориентированных на репродуктивное здоровье сотрудников и их семьи, что будет способствовать активизации включения бизнеса в решение демографических проблем страны. Одним из возможных инструментов здесь является организация специальных обучающих семинаров.

В-третьих, необходимо дальнейшее развитие исследований таких корпоративных практик по следующим направлениям: расширение информационной базы и поиск новых кейсов, изучение аналогичных практик, реализуемых предприятиями малого и среднего бизнеса, разработка механизмов оценки эффективности таких программ.

В целом, полученные результаты показывают новые ориентиры для формирования государственной демографической политики, нацеленной на решение проблем низкой рождаемости. Они также могут использоваться для повышения эффективности государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Список источников

[1] Демографические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 19.04.2022).

[2] *Клупт М. А.* Население и прокреация // Семья в России и Китае. Процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой, Аньци Сюй. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. С. 15-29.

[3] *Клупт М. А.* Разработка стратегии демографического развития как поле междисциплинарного синтеза // Леонтьевские чтения. 2006. № 4. С. 26-40.

[4] *McPherson S.* 8 Corporate Social Responsibility (CSR) trends to look for in 2018 // Forbes. 2018. 01.12. URL: https://www.forbes.com/sites/susanmcpherson/2018/01/12/8-corporate-social-responsibility-csr-trends-to-look-for-in-2018/#5d6c7eba40ce (дата обращения: 15.04.2022).

[5] *Breaugh J. A., Frye N. K.* An Examination of the Antecedents and Consequences of the Use of Family-Friendly Benefits // Journal of Managerial Issues. 2007. № 19 (1). Pp. 35-52.

[6] *Kim J. S., Yeo Y. H.* Family-friendly policy and childbirth intention: Mediating effect of family life satisfaction // Asia Life Sciences. 2019. № 3. Pp. 75-84.

[7] *Bourhis A.,* Mekkaoui, R. Beyond Work-Family Balance: Are Family-Friendly Organizations More Attractive? // Relations Industrielles / Industrial Relations. 2010. № 65 (1). P. 98-117.

[8] *Kim J., Wiggins M.E.* Family-Friendly Human Resource Policy: Is It Still Working in the Public Sector? // Public Administration Review. 2011. № 71. P. 728-739.

[9] 2021 Survey on Fertility Benefits. URL: https://resolve.org/wp-content/uploads/2022/01/2021-Fertility-Survey-Report-Final.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

[10] [10] Peppy (a digital health app). URL: https://peppy.health/ (дата обращения: 10.03.2022).

[11] *Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Багирова А. П.* Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 151-164.

[12] *Bagirova A., Shubat O., Dorman V.* Employees' parental labor stimulation in Russian companies: socioeconomic view // The 8th International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings, Sept. 11-13, 2014. Prague, Czech Republic, 2014. P. 53-62.

[13] Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. Москва : Росстат, 2021. 692 с.

[14] Библиотека практик корпоративной социальной ответственности Российского союза промышленников и предпринимателей // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: https://rspp.ru/activity/social/library-practic/ (дата обращения: 01.03.2022).

[15] Бизнес-регионам. Сборник корпоративных практик. Москва : РСПП, 2014. 132 с.

[16] Российский бизнес и Цели устойчивого развития. Сборник корпоративных практик / Е. Н. Феоктистова, Г. А. Копылова, М. Н. Озерянская, М. В. Москвина, Н. И. Хофманн, Д. Р. Пуртова. РСПП, Москва, 2018. 200 с.

[17] *Шубат О. М.* Российский бизнес как потенциальный субъект эффективной демографической политики // Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. 2014. № 26 (263). С. 45-53.

[18] *Илышев А. М., Шубат О. М.* Многомерный статистический анализ предпринимательской активности в региональной сфере микробизнеса // Вопросы статистики. 2008. № 4. С. 42-51.

[19] *Кузьмин А. И. Ободяников Е. З.* Социальные и демографические проблемы семьи бизнесмена. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 236 с.

[20] *Maurizio C., Sette E.* Type of Employer and Fertility of Working Women: Does Working in the Public Sector or in a Large Private Firm Matter? // Cambridge Journal of Economics. 2013. № 37 (6). Pp. 1303-1333.

References

[1] Demographic indicators // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (accessed on 19.04.2022).

[2] *Klupt M. A.* Population and procreation // Family in Russia and China: modernization process / eds. I. I. Eliseeva, Anqi Xu. St. Petersburg: Nestor-History, 2015. Pp. 15-29.

[3] *Klupt M. A.* Creation of a demographic development strategy as a field of interdisciplinary synthesis // Leontief Readings. 2006. No. 4. Pp. 26-40.

[4] *McPherson S.* 8 Corporate Social Responsibility (CSR) trends to look for in 2018 // Forbes. 2018. 01.12. URL: https://www.forbes.com/sites/susanmcpher-

son/2018/01/12/8-corporate-social-responsibility-csr-trends-to-look-for-in-2018/#5d-6c7eba40ce (accessed on 15.04.2022).

[5] *Breaugh J. A., Frye N. K.* An Examination of the Antecedents and Consequences of the Use of Family-Friendly Benefits // Journal of Managerial Issues. 2007. Vol. 19, No. 1. Pp. 35-52.

[6] *Kim J. S., Yeo Y. H.* Family-friendly policy and childbirth intention: Mediating effect of family life satisfaction // Asia Life Sciences. 2019. No. 3. Pp. 75-84.

[7] *Bourhis A., Mekkaoui R.* Beyond Work-Family Balance: Are Family-Friendly Organizations More Attractive? // Relations Industrielles / Industrial Relations. 2010. Vol. 65, No. 1. Pp. 98-117.

[8] *Kim J., Wiggins M. E.* Family-Friendly Human Resource Policy: Is It Still Working in the Public Sector? // Public Administration Review. 2011. No. 71. Pp. 728-739.

[9] 2021 Survey on Fertility Benefits. URL: https://resolve.org/wp-content/uploads/2022/01/2021-Fertility-Survey-Report-Final.pdf (accessed on 03.03.2022).

[10] Peppy (a digital health app). URL: https://peppy.health/ (accessed on 10.03.2022).

[11] *Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Bagirova A. P.* The concept for corporate demographic policy of Russian enterprises in the framework of corporate social responsibility // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 151-164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9.

[12] *Bagirova A., Shubat O., Dorman V.* Employees' parental labor stimulation in Russian companies: socioeconomic view // The 8th International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings (September 11-13, 2014). Prague, Czech Republic, 2014. Pp. 53-62.

[13] Russian Statistical Yearbook 2021: Stat. book. M.: Rosstat, 2021. 692 p.

[14] Library of corporate social responsibility practices of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. URL: https://rspp.ru/activity/social/library-practic/ (accessed on: 03/01/2022).

[15] Business for regions. Collection of corporate practices. RSPP, Moscow, 2014. 132 p.

[16] Russian business and sustainable development goals. Corporate practices collection / E. N. Feoktistova, G. A. Kopylova, M. N. Ozeryanskaya, M. V. Moskvina, N. I. Hofmann, D. R. Purtova. RSPP, Moscow, 2018. 200 p.

[17] *Shubat O. M.* Russian business as a potential subject of effective demographic policy // National interests: priorities and security. 2014. No. 26(263). Pp. 45-53.

[18] *Ilyshev A. M., Shubat O. M.* Multi-dimension statistical analysis of entrepreneurial activity in regional micro-business // Voprosy statistiki. 2008. No. 4. Pp. 42-51.

[19] *Kuzmin A. I. Obodyanikov E. Z.* Social and demographic problems of the businessman's family. Ekaterinburg: Akademkniga, 2002. 236 p.

[20] *Maurizio C., Sette E.* Type of Employer and Fertility of Working Women: Does Working in the Public Sector or in a Large Private Firm Matter? // Cambridge Journal of Economics. 2013. No. 37 (6). Pp. 1303-1333.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-4-33
УДК 316.4.051.3
JEL J13

БЫВШИЕ КИТАЙСКИЕ «ОСТАВЛЕННЫЕ ДЕТИ» КАК НЫНЕШНИЕ СУБЪЕКТЫ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МОТИВАЦИИ[1]

Д. Янь [а)], А. П. Багирова [б)]

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

[а)] https://orcid.org/0000-0002-5100-8198

[б)] https://orcid.org/0000-0001-5653-4093

Автор для корреспонденции: Д. Янь (yandoudoulinweiei@yandex.ru)

Аннотация. *В статье исследуется китайский феномен «оставленных детей» в аспекте родительского труда по данным опроса родителей и глубинных интервью, проведенных в Китае в 2021 г. Цель исследования — проанализировать статистические характеристики различий в мотивации в двух группах родителей — тех, которые имеют опыт пребывании в статусе оставленных детей, и тех, которые не имеют такого опыта. Результаты исследования показали, что у группы респондентов — родителей, которые имеют опыт пребывания в статусе оставленных детей, мотивация в получении материальной выгоды и в получении заботы в старости сильнее, чем у группы респондентов — родителей, которые не имеют такого опыта. У респондентов — родителей, которые были раньше оставленными детьми, продолжительность опыта пребывания в статусе «оставленных детей» связана с более высоким уровнем образования, что может привести к ослаблению мотивации материальной выгоды в родительском труде.*

Ключевые слова: субъект родительского труда, мотивация, оставленные дети, КНР

Former Chinese "Left-behind Children» as Current Subjects of Parental Labour: Concepts of Motivation

D. Yan [a)], A. P Bagirova [b)]

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

[a)] https://orcid.org/0000-0002-5100-8198

[b)] https://orcid.org/0000-0001-5653-4093

Corresponding author: D. Yan (yandoudoulinweiei@yandex.ru)

Abstract. *The article examines the Chinese phenomenon of left-behind children in the context of parental labour ac-cording to a survey of parents and in-depth interviews con-ducted in China in 2021. The purpose of the study is to ana-lyse the statistical characteristics of differences in motiva-tions in two groups of parents: those who were left-behind children and those who were not. The research results show that for the respondents who were left-behind children, the motivation to obtain material benefits and to receive care in old age is stronger than for the respondents who were not left-behind children. For respondents who were left-behind children, the duration*

[1] © Янь Д., Багирова А. П. Текст. 2022.

of the experience of being a left-behind child is associated with a higher level of education, which can lead to a weakening of the motivation for materi-al gain in parenting.

Keywords: subject of parental labour; motivation; left-behind children; People's Republic of China

Введение

В настоящее время перед китайским обществом остро стоит ряд демографических и социальных проблем. В 2021 г. в Китае была проведена седьмая перепись населения, в ходе которой выяснилось, что феномен старения и низкая рождаемость в стране становятся все более очевидными. Эти социальные проблемы вызвали большое внимание со стороны государства, общества и ученых. Для регулирования этих социальных явлений, особенно остро влияющих на воспроизводство населения, правительство Китая в 2021 г. объявило о «политике трех детей» и связанных с ней мерах поддержки, вслед за этим различные регионы Китая также начали проводить активную политику, направленную на рост рождаемости. Однако широкое внедрение «политики трех детей» по-прежнему сталкивается со многими вызовами, к которым относятся и низкие репродуктивные ориентации молодых людей, и угрозы общественному здоровью (связанные, в частности, с CoVID-19), и т. д.

Современная Россия также переживает демографический кризис, одной из основных причин которого является низкая рождаемость. Российские ученые активно разрабатывают механизмы, способные стимулировать рождаемость и активизировать процессы воспроизводства населения. В качестве одного из таких механизмов рассматривается активизация родительского труда [1–3]. Мы предполагаем, что подобный инструмент имеет потенциал стимулирования рождаемости и в Китае — в частности, он может быть направлен на усиление мотивации нынешних и потенциальных китайских субъектов родительского труда. Однако разные типы субъектов родительского труда имеют разные потребности, которые могут влиять на их мотивацию родительского труда.

В китайском обществе существует особое явление — «оставленные дети». Это — феномен социально-экономической действительности, ставший результатом изменения структуры населения и разрыва между городскими и сельскими районами, а также миграции рабочей силы из сельских районов, при которой сельские дети не могли мигрировать вместе со своими родителями, что приводило к тому, что дети оставались под длительным присмотром прародителей, родственников или друзей. Сравнение мотивации к родительскому труду у двух типов его субъектов — с опытом пребывании в роли «оставленных детей» и без такого опыта, и является целью нашего исследования.

Потребности находятся во взаимосвязи с формирующимися на их основе мотивами, то есть потребности связаны с мотивацией, в которой выделяются различные уровни и виды мотивов [4]. В качестве одной

из важнейших потребностей ученые выделяют потребность в существовании личности [5–7]. Мы же, в свою очередь, предполагаем взаимосвязь силы этой потребности с той частью мотивации родительского труда, которая у его субъектов связывается с родительством как существованием. Мотивы субъектов родительского труда, связанные с существованием, могут анализироваться в трех аспектах — как реализация потребности в продолжении семьи, потребности в получении материальной выгоды и потребности в получении заботы в старости.

Данные и методы

В основе эмпирического анализа вопроса представления о моти-вации субъектов родительского труда лежат данные анкетного опроса и индивидуальных глубинных интервью, проведенных нами в Сычуань, Китай в 2021 г. В ходе исследования были опрошены два типа родителей — те, которые были раньше «оставленными детьми», и те, которые не были таковыми. Общее количество респондентов с детьми составило 637 чел., из них 431 — это родители, которые имели опыт пребывания в статусе «оставленных детей». Анализ мотивации в существовании субъектов родительского труда для двух типов опрошенных проводился с помощью непараметрического *U*-теста Манна-Уитни.

Результаты

Результаты сравнения двух категорий респондентов-родителей приведены в таблице 1. Данные показывают, что существенная разница мотивации в существовании отсутствует лишь в одном случае — в отношении мотивации в существовании субъектов родительского труда, названной нами «продолжением моей семьи» (p = 0,096). Следовательно, независимо от того, являются ли респонденты субъектами родительского труда с опытом пребывания в роли оставленных детей или нет, это не влияет на их мотивацию, связанную с продолжением своей семьи. Представления об остальных двух потребностях существенно отличаются.

Рассмотрим полученные результаты по каждому виду потребности отдельно. Данные таблицы 2 показывают, что существует разница в силе выраженности потребности, связанной с получением материальной выгоды через рождение и воспитание детей, между опрошенными родителями, которые были раньше «оставленными детьми» и не были таковыми (3,47 против 2,19).

С нашей точки зрения, это можно объяснить той степенью, в которой благополучие пожилых родителей зависит от их детей. Кроме того, поддержка родителей считается традиционной добродетелью в китайском обществе. Однако во всех моделях китайских семей материальная поддержка родителей со стороны выросших детей является существенным аспектом поддержки неработающего населения. Что касается семейных обстоятельств, то экономическое положение семей, которые не имеют

Таблица 1

Оценка представлений о потребностях родительского труда у двух типов его субъектов (*U*-тест Манна — Уитни)

Потребность субъектов родительского труда	*U*-тест Манна — Уитни	*Z*	Асимп. знач. (двухсторонняя)
Продолжение моей семьи	40 971,000	–1,667	0,096
Получение материальной выгоды	21 907,000	–10,599	0,000
Получение заботы в старости	27 590,500	–7,978	0,000

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Сравнение различий в потребностях в существовании у двух типов субъектов родительского труда

Потребность субъектов родительского труда	Тип респондентов-родителей					
	имеют опыт пребывания в статусе «оставленных детей»			не имеют опыта пребывания в статусе оставленных детей		
	среднее	медиана	мода	среднее	медиана	мода
Получение материальной выгоды	3,47	4,00	4	2,19	2,00	2
Получение заботы в старости	3,61	4,00	4	2,74	3,00	2

Источник: составлено автором.

опыта пребывания в статусе оставленных детей (особенно тех, кто живет в городах), как правило, лучше, поэтому они меньше нуждаются в повышении уровня своего материального положения, что может влиять на их мотивацию родительского труда. Напротив, экономические условия родительских семей тех респондентов, которые имели опыт пребывания в статусе «оставленных детей», были неблагоприятными, и именно для повышения материального уровня жизни семьи родители искали и находили работу в городах. Тот факт, что их родители уезжали на работу в другой город, мог как расширять кругозор детей, так и оказывать на их сознание определенное негативное влияние. Например, это могло способствовать появлению в их сознании утилитарных, эгоистичных и гедонистичных черт. Кроме того, есть свидетельства того, что трудовая миграция выросших детей из сельской местности в города Китая увеличивала их финансовую способность вносить крупные суммы денег в семьи, оставшиеся дома [8]. Все эти факторы могли привести к тому, что у субъектов родительского труда, которые были раньше «оставленными детьми», более значимо стал проявляться феномен преследования материальных интересов в мотивации родительского труда.

Таблица 2 также показывает, что существует разница в потребности получения заботы в старости между опрошенными родителями, которые были раньше оставленными детьми и не были таковыми (3,61 против

2,74). С нашей точки зрения, на это могла оказать влияние политика Китая, согласно которой обязанность семьи заботиться о пожилых людях является правом, защищенным законом, и нормативно закреплено положением о том, что «взрослые дети обязаны содержать, поддерживать и защищать своих родителей» [9]. При этом, родители считают, что они обязаны помогать своим детям, оказывая им инструментальную финансовую поддержку — это своего рода этика, основанная на ответственности. В то же время родители считают, что их взрослые дети должны строить свою собственную жизнь и даже полагают, что их дети должны оказывать им инструментальную поддержку [10]. Кроме того, «в Китае до сих пор отсутствует охватывающая все слои населения пенсионная система, вследствие чего материальная помощь престарелым родителям, а если необходимо, и уход за ними, ложатся преимущественно на плечи семьи» [11, с. 67]. У большинства родителей (особенно это характерно для сельских районов Китая) сформировалась идея «воспитания детей для получения заботы в старости». Большинство опрошенных родителей, которые имеют опыт пребывания в статусе «оставленных детей» и являются выходцами из сельской местности, как показывают наши результаты, в большей степени подвержены влиянию этой идеи, что отражается в высоком месте этой потребности в иерархии других.

Таким образом, у субъектов родительского труда, которые были раньше «оставленными детьми», потребности в получении материальной выгоды и в получении заботы в старости выражены сильнее, чем у субъектов родительского труда, которые не были таковыми. Эти потребности могут привести к более сильным мотивам в получении материальной выгоды и в получении заботы в старости для субъектов родительского труда.

Мы предположили, что разница в продолжительности опыта пребывания в статусе «оставленных детей» может предопределять представления о потребностях в материальной выгоде и заботе в старости у субъектов родительского труда, которые раньше были «оставленными детьми». Для проверки этой гипотезы мы проанализировали различия в этих двух потребностях субъектов родительского труда для опрошенных с разным по продолжительности опытом пребывания в статусе «оставленных детей» с помощью критерия Краскела — Уоллиса. Результаты сравнения приведены в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают, что существенная разница отсутствует в одном случае — в отношении мотивации в существовании субъектов родительского труда, обозначенной нами как «получение заботы в старости» (p = 0,147). Следовательно, продолжительность опыта пребывания в статусе оставленных детей не влияет на мотивацию респондентов, которые были раньше «оставленными детьми», связанную с получением заботы в старости. Различия же двух опрошенных категорий родителей в силе потребности в получении материальной выгоды существенны.

Таблица 3

Оценка представлений о потребностях в родительском труде у респондентов с разной продолжительностью опыта пребывания в статусе «оставленных детей» (метод Краскела — Уоллиса)

Потребность субъектов родительского труда	Н Крускала –Уоллеса	ст. св.	Асимп. знач.
Получение материальной выгоды	15.768	4	.003
Получение заботы в старости	6.804	4	.147

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Ранг представления о потребности в получении материальной выгоды у субъектов родительского труда, имеющих опыт пребывания в статусе «оставленных детей»

Продолжительность опыта пребывания в статусе «оставленного ребенка»	№	Средний ранг
Менее 1 года	81	237.17
1–3 года	113	229.08
3–5лет	101	223.02
5–8 лет	53	212.92
более 8 лет	83	170.95
Всего	431	

Источник: составлено автором.

Кроме того, мы обнаружили, что с увеличением продолжительности опыта пребывания в статусе оставленных детей снижается важность представлений о потребности в получении материальной выгоды у респондентов, которые были раньше оставленными детьми (табл. 4). Это может привести к снижению их мотивации к материальной выгоде от родительского труда.

Исследования ряда ученых показывают, что чем дольше родители работают в другом городе, тем большую финансовую поддержку они оказывают своим детям, особенно в сфере образования [12, 13]. На основании этих результатов мы предположили, что увеличение опыта пребывания в статусе «оставленных детей» уменьшает важность представления о потребности в получении материальной выгоды. Это может быть связано, например, с тем, что субъекты родительского труда с более длительным опытом пребывания в статусе «оставленных детей» обладают более развитым человеческим капиталом и могут иметь более высокий доход, направляемый на удовлетворение своих материальных потребностей.

Для проверки этой гипотезы мы проанализировали взаимосвязи между уровнями образования и продолжительностью опыта пребывания в статусе «оставленных детей». В таблице 5 показано, что значимость Хи-квадрата оказалась меньше 0,05 — следовательно, связи между этими переменными не являются случайными; в то же время, значение коэффициента Крамера показало слабость этой связи.

Таблица 5

Корреляционный анализ между уровнем образования и продолжительностью опыта пребывания в статусе оставленных детей

	Хи-квадрат Пирсона	Отношения правдоподобия	Линейно-линейная связь	Фи	V Крамера
Значение	37.355	37.363	21.135	.294	.170
Значимость	.000	.000	.000	.000	.000

Источник: составлено автором.

Таблица 6

Статистический анализ взаимосвязи между уровнем образования и продолжительностью опыта пребывания в статусе «оставленных детей»

Продолжительность опыта	Уровни образования, %				
	начальная школа	младшая средняя школа	старшая средняя школа	колледж	Всего
Менее 1 года	20.4	22.1	17.8	16.3	18.8
1–3 года	30.1	33.7	31.5	16.9	26.2
3–5лет	29.1	22.1	24.7	20.0	23.4
5–8 лет	11.7	10.5	11.0	14.4	12.3
более 8 лет	8.7	11.6	15.1	32.5	19.3
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Источник: составлено автором.

Кроме того, данные таблицы 6 показывают, что среди респондентов, имеющих образование колледжа, больше респондентов с более длительным опытом пребывания в статусе оставленных детей, нежели среди менее образованных респондентов. Таким образом, можно говорить о том, что длительность прошлого опыта пребывания среди оставленных детей связан с уровнем образования респондентов.

Следовательно, наша гипотеза верна — мы подтвердили, что более продолжительный опыт пребывания в статусе «оставленных детей» связан с более высоким уровнем образования. Это, в свою очередь, может привести к тому, что у такого типа родителей будет наблюдаться более слабая мотивация материальной выгоды в родительском труде.

Заключение

Таким образом, у субъектов родительского труда, которые были раньше «оставленными детьми», мотивация в получении материальной выгоды и в получении заботы в старости сильнее, чем у субъектов родительского труда, которые не были таковыми. Кроме того, у субъектов родительского труда, которые были раньше «оставленными детьми», продолжительность опыта пребывания в статусе оставленных детей связана с более высоким уровнем образования, что может привести к ослаблению мотивации материальной выгоды в родительском труде.

Список источников

[1] *Абилова М. Г.* Активизация репродуктивного труда в России: методы оценки эффективности процесса и их реализация // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2010. № 3. С. 64–66.

[2] *Багирова А. П.* Родительский труд. Перспективы анализа в социоэкономике // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления. Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. памяти проф. Валерия Трофимовича Шапко / редкол.: Л. Н. Банникова, Ю. Р. Вишневский (общ. ред.), О. И. Ребрин, Л. Н. Боронина, И. И. Шолина. Екатеринбург: УрФУ. 2014. С. 20–24.

[3] *Шутова Н. В.* Социальная эффективность стимулирования родительского труда работников организации. Методика оценки и результаты // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 186–191.

[4] *Тужба Э. Н., Балян Е. В.* Мотвация родительского труда в социальных реалиях: восприятие и оценка // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 99-101. DOI 10.23672/a6823-4476–2878-y.

[5] *Maslow A. H.* Motivation and personality. Harper and Row Publishers Inc., 1954. 411 с.

[6] *Len D. Ian G.* Gough. A theory of human needs // Critical Social Policy. 1984. № 4(10). С. 6–38. https://doi.org/10.1177/026101838400401002.

[7] *Alderfer C. P.* An empirical test of a new theory of human needs // Organizational behavior & Human performance. 1969. Т. 4, № 2. С. 142–175. https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X.

[8] *Liu Q. M., Reilly B.* Income transfers of Chinese rural migrants: some empirical evidence from Jinan // Applied Economics. 2004. Т. 36, № 12. С. 1295 1313. DOI: 10.1080/0003684042000191101.

[9] Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. Всекитайское собрание народных представителей. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml (дата обращения: 20.03.2022). (Китайский язык).

[10] *Pillemer K., Suitor J. J.* Explaining mothers' ambivalence toward their adult children // Journal of Marriage and Family. 2002. Т. 64, № 3. С. 602-613. https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00602.x.

[11] *Клупт М. А.* Семья в России и Китае. Между реформами и традицией // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 65-75. DOI: 10.31857/S013216250004957–5.

[12] 梁在，李文利. 从留守经历的视角分析农村儿童家庭教育投入 // 人口学刊. 2021.T.43 (245). С. 37-52. (Лян Ц, Ли В. Анализ инвестиций в семейное образование сельских детей с точки зрения опыта пребывании в статусе оставленных детей // Журнал демографии. 2021.T.43 (245). С. 37-52). (Китайский язык)/

[13] 侯玉娜. 父母外出务工对农村留守儿童发展的影响_基于倾向得分匹配方法的实证分析 // 教育与经济. 2015. № 1. С.59-65. (Хоу Ю. Влияние работы родителей-мигрантов на развитие детей из сельской местности: эмпирический анализ на основе метода сопоставления показателей склонности // Образование и экономика. 2015. № 1. С.59-65. (Китайский язык).

References

[1] *Abilova M. G.* Activization of reproductive labour in Russia: evaluation methods of process efficiency and their realization// Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical University. 2010. No. 3. Pp. 64–66.

[2] *Bagirova A. P.* Parental labor: research prospects in socioeconomics // Actual problems of sociology of youth, culture, education and management: materials of the All-Russian scientific and practical conference in memory of Professor Valery Trofimovich Shapko / eds. L. N Bannikova, Yu. R. Vishnevsky (general ed.), O.I. Rebrin, L.N. Boronina, I. I. Sholin. Ekaterinburg: UrFU, 2014. Pp. 20–24.

[3] *Shutova N. V.* Methodology for assessing the social effectiveness of stimu-lating parental work of employees of the organization // The Review of Economy, the Law and Sociology. 2021. No. 2. Pp. 186–191.

[4] *Tuzhba E. N., Balyan E. V.* Motivation of parental work in social realities: perception and assessment // Humanities, social-economic and social sciences. 2021. No. 3. Pp. 99-101. DOI 10.23672/a6823-4476–2878-y.

[5] *Maslow A. H.* Motivation and personality. Happer and Row, 1954. 411 p.

[6] *Len D. Ian G.* Gough. A theory of human needs // Critical Social Policy. 1984. No. 4(10). Pp. 6–38. https://doi.org/10.1177/026101838400401002.

[7] Alderfer. C. P. An empirical test of a new theory of human needs // Organizational behavior & Human performance. 1969. Vol. 4, No. 2. Pp. 142–175. https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X.

[8] *Liu Q. M., Reilly B.* Income transfers of Chinese rural migrants: some em-pirical evidence from Jinan // Applied Economics. 2004. Vol. 36, No. 12. Pp. 1295-1313. DOI: 10.1080/0003684042000191101.

[9] Civil Code of the People's Republic of China. National People's Congress. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml (accessed on 03.20.2022).

[10] *Pillemer K., Suitor J. J.* Explaining mothers' ambivalence toward their adult children // Journal of Marriage and Family. 2002. Vol. 64, No. 3. Pp. 602-613. https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00602.x.

[11] *Klupt M. A.* Family in Russia and China: between Reforms and Traditions // Sociological studies. 2019. No. 5. Pp. 65-75. DOI: 10.31857/S013216250004957-5.

[12] 梁在，李文利. 从留守经历的视角分析农村儿童家庭教育投入 // 人口学刊. 2021. Vol. 43(245). Pp. 37-52. [Liang Ts, Li W. Analysis of investments in family education of rural children from the point of view of the experience of being in the status of left behind children // Journal of Demography. 2021. Vol. 43(245). Pp. 37-52].

[13] 侯玉娜. 父母外出务工对农村留守儿童发展的影响_基于倾向得分匹配方法的实证分析 // 教育与经济. 2015. No. 1. Pp. 59-65. [Hou Y. The impact of migrant parents' work on the development of children from rural areas: an empirical analysis based on the method of comparing propensity indicators // Education and economic. 2015. No. 1. Pp. 59-65].

V. БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

https://doi.org/10.17059/udf-2022-5-1
УДК 314.1
JEL J13, K15

ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ[1]

К. А. Жилинская

Индивидуальный предприниматель (г. Екатеринбург, Россия)
Автор для корреспонденции: К. А. Жилинская (k.a.zhilinskaya@gmail.com)

Аннотация. *В системе некоммерческих организаций особым положением и всесторонней поддержкой со стороны государства обладают социально ориентированные некоммерческие организации. Их деятельность сопряжена с решением ключевых проблем социальной политики страны. Одной из таких проблем является повышение рождаемости. По мнению авторов, идеи пронаталистской политики способны продвинуть социально ориентированные некоммерческие организации. Выводы о перспективах и ограничениях подобного влияния сделаны на основе анализа официальной статистики и нормативно-правовых актов. Исследование показало, что среди проектов, получающих государственную поддержку, количество пронаталистских мероприятий год от года снижается. Одной из главных причин нам представляется отсутствие единого утвержденного вида деятельности для обозначения принадлежности подобных проектов и их последующего финансирования.*

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, СОНКО, пронаталистская политика

Prospects and Limitations of Socially Oriented Non-Profit Organisations on the Way to Increase the Birth Rate

K. A. Zhilinskaya

Entrepreneur (Ekaterinburg, Russia)
Corresponding author: K. A. Zhilinskaya (k.a.zhilinskaya@gmail.com)

Abstract. *In the system of non-profit organisations, socially oriented non-profit organisations have a special position and comprehensive support from the state. Their activities are associated with the solution of key problems of the national social policy. One of these problems is an increase in the birth rate. It seems that socially oriented non-profit organisations can promote the pronatalist policy. Conclusions about the prospects and limitations of such influence are made based on an analysis of official statistics and regulatory legal acts. The study showed that among the projects receiving state support, the number of pronatalist activities is decreasing year by year. One of the main reasons for that is the lack of a single type of activity to indicate the ownership of such projects and their subsequent funding.*

Keywords: socially oriented non-profit organisations; SONPO; pronatalist policy

[1] © Жилинская К. А. Тест. 2022.

Введение

Социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО) отличаются от обычных некоммерческих организаций (НКО) особым статусом и разветвленной системой поддержки со стороны государства. Законодатель выделяет СОНКО из общей массы еще и потому, что намерен привлекать этот институт к решению серьезных социальных задач. Одной из таких задач, по нашему мнению, могло бы стать продвижение идей пронаталистской политики в России. Уже сейчас деятельность некоторых СОНКО сосредоточена вокруг профилактики социального сиротства, поддержки материнства и детства. Однако, забегая вперед, отметим, что таких организаций немного, и реализуют они в основном отдельные проекты, не связанные между собой общей стратегией. Подобный механизм работает локально; для решения же сложных задач (таких как повышение рождаемости) требуется комплексный подход [1, с. 49–54].

Обзор литературы

Гражданский кодекс РФ вводит понятие некоммерческой организации [2]. Вторит ему Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», который, в то же время, выделяет особый вид НКО — некоммерческие организации, признанные государством социально ориентированными [3]. Помимо введения легитимных определений законодатель позаботился также о широкой нормативной базе в целях поддержки деятельности СОНКО. Вслед за майскими указами, потребовавшими введения дополнительных мер поддержки для СОНКО [4], в 2012 г. вступает в силу Постановление Правительства «Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций» [5]. В это же время учет деятельности СОНКО начинает осуществляться на уровне государственной статистики на базе Росстата [6]. Со вступлением в силу в 2015 г. Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» СОНКО стали частью системы обслуживания граждан в стране наряду с бюджетными организациями и индивидуальными предпринимателями [7].

Материалы и методы

Текущая демографическая ситуация характеризуется несколькими тенденциями. Среди негативных факторов — растущая естественная убыль населения: на протяжении пяти лет смертность превышала рождаемость, и к 2020 г. их разница составила свыше полумиллиона человек. С другой стороны, с 2015 г. по 2021 г. показатель численности населения демонстрировал незначительные колебания и к 2021 г. остановился на самом низком значении за период — 146,2 млн чел. Суммарный коэффициент рождаемости в 2020 г. несколько снизился по сравнению с 2015 г. и составил 1,505 [8]. К слову, снижение количества родившихся детей в расчете на одну женщину — общемировая тенденция. Более того, демографический прогноз

Таблица

Регионы, лидирующие по количеству СОНКО в 2015–2019 гг., ед.

№	Регион	Количество СОНКО по годам				
		2015	2016	2017	2018	2019
1	г. Москва	4856	6001	6177	6350	6883
2	Московская обл.	4962	4672	4988	5125	6118
3	Свердловская обл.	5341	5137	5107	4707	5019
4	Респ. Башкортостан	5118	4957	4535	4552	4635
5	Респ. Татарстан	5263	5254	5173	5213	5323
Всего по России:		6179	6339	6185	5772	5801

Источник: [9].

Росстата до 2035 года получился достаточно сдержанным: он не предполагает достижения уровня простого замещения поколений даже через десять лет. Таким образом, в целях увеличения численности населения, достижения его стабильного естественного прироста и ради приближения к простому воспроизводству поколений, скорее всего, окажутся востребованными дополнительные меры поддержки пронаталистской политики. Такую поддержку, как нам кажется, могут оказать некоммерческие организации, признанные государством социально ориентированными.

Результаты

Оценим положение российских СОНКО в региональном аспекте.

Можно выделить шесть регионов, с 2015 г. по 2019 г. неизменно лидирующих по количеству СОНКО на территории, среди них: г. Москва, Московская область, Свердловская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан и Краснодарский край (табл.).

Приведенные данные показывают, что три года подряд (2015–2017 гг.) наибольшее количество СОНКО было зарегистрировано в Краснодарском крае. Данный регион потерял лидерство по количеству СОНКО в 2018 г., уступив Москве, а затем и Московской области в 2019 г. Стабильно негативную динамику по показателю демонстрирует Свердловская область: успешный старт со 2-го места в 2015 г. сменился 4-м местом в 2016–2017 гг., затем на следующие два года регион опустился на 5-е место в рейтинге. В 2020 г. на территории Свердловской области остались лишь 4127 некоммерческих организаций, признанных государством социально ориентированными (рис. 1). Данный показатель оказался более чем в 2 раза ниже московского и переместил Свердловскую область на 6-е место в рейтинге.

На основании представленных данных можно сделать вывод о том, что 2020 г. оказался непростым для СОНКО по всей России: их количество сократилось на 12 % по сравнению с 2019 г. и составило 128 685 организаций. Наиболее драматично 2020 г. сложился у Республики Татарстан: данный регион выбыл из шестерки лидеров, уступив место г. Санкт-Петербургу.

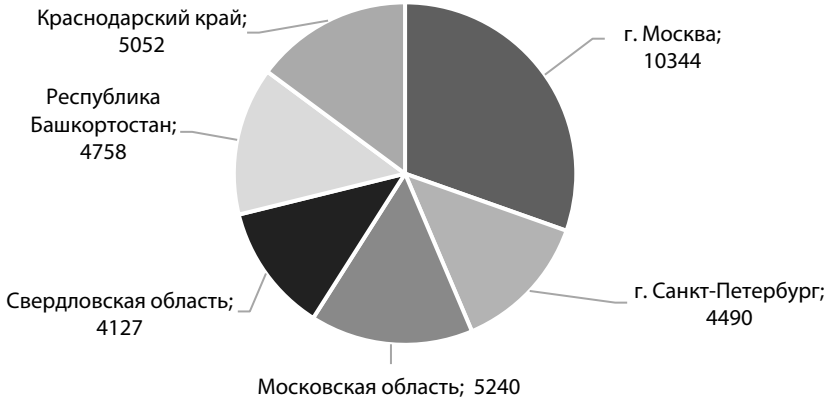


Рис. 1. *Распределение численности СОНКО в шести лучших регионах страны по данному показателю за 2020 г. (источник: [9])*

Несмотря на общий спад в системе СОНКО по стране, численность СОНКО на территории Москвы в 2020 г. резко увеличилась и составила 10 344 организации, что в 2 раза больше, чем численность в ближайших регионах. На рисунке 1 наглядно представлена разница между показателями Москвы и остальных регионами. Существует вероятность, что такой результат был достигнут, в частности, благодаря существенному финансированию отрасли в регионе. Количество денежных средств и иного имущества, полученных московскими СОНКО в 2020 г. составило 367 064 667 тыс. руб., что в 10 раз превышает финансирование г. Санкт-Петербурга или Московской области.

Итак, на протяжении шести лет несколько регионов страны из года в год демонстрировали лучшие практики в области развития СОНКО на своей территории. Одним из таких регионов стала Свердловская область, деятельность которой мы рассмотрим более подробно в силу ее средних значений среди упомянутых регионов: за период она занимает в среднем 4-е место по количеству зарегистрированных СОНКО и 5-е место по объему их финансирования.

В 2010 г. законодатель вводит требование формировать и вести реестры социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки для органов власти всех уровней [3]. Так, в Свердловской области государственную поддержку в 2021 г. получили 263 проекта, что на 24 % выше показателя 2017 г. (рис. 2).

На рисунке 2 представлено соотношение общего количества проектов СОНКО, получивших поддержку в Свердловской области, и проектов, которые, по нашему мнению, приближены к целям пронаталистской политики. Отметим тенденцию к снижению числа проектов, направленных на поддержку материнства и детства. Так, в 2021 г. таких проектов оказалось всего 4, что в 4 раза меньше значений 2018 г. Количество пронаталистских

Рис. 2. *Проекты, получившие государственную поддержку в Свердловской области в 2017–2021 гг. (источник: результаты авторского анализа)*

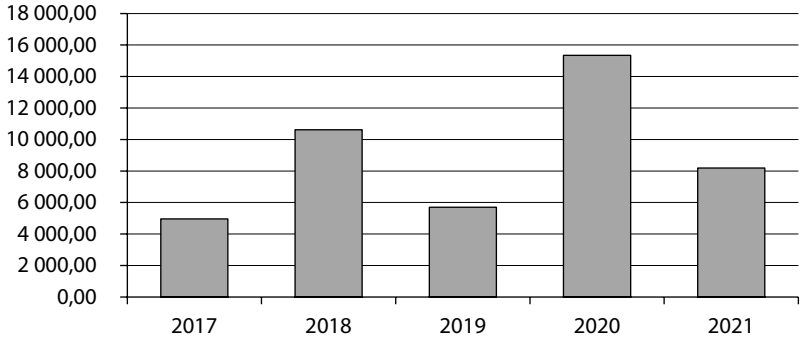


Рис. 3. *Финансирование проектов, имеющих пронаталистскую направленность в Свердловской области, в 2017–2021 гг. (источник: результаты авторского анализа)*

проектов в 2021 г. составило всего 1,5 % от общего числа проектов, получивших государственную поддержку.

За указанный период финансирование проектов, имеющих пронаталистскую направленность, распределялось неравномерно (рис. 3).

В 2021 г. объемы финансирования сократились по сравнению с 2019 г. почти в 2 раза. На рисунке 3 можно заметить, что между показателями финансирования и количеством проектов нет прямой зависимости. В 2020 г. в среднем на один проект приходилось 2191,19 тыс. руб., тогда как в 2018 г. средний объем поддержки одного проекта составлял 663,83 тыс. руб.

Обсуждение

Сложившаяся ситуация в области пронаталистских проектов СОНКО, на наш взгляд, обусловлена следующими причинами:

1) популярность иных направлений деятельности СОНКО (например, мероприятия по реабилитации инвалидов, гармонизации межнациональных отношений, проекты, нацеленные на повышение благосостояния ветеранов, патриотическое воспитание);

2) сложность статистического учета проектов, которые соотносятся с целями пронаталистской политики, в условиях отсутствия единого вида деятельности для определения принадлежности данных проектов;

3) укрупнение проектов (больший объем финансирования для меньшего количества проектов).

Рассмотрим особенности учета проектов, направленных на поддержку детства и материнства, более детально.

Некоммерческие организации, признанные государством социально ориентированными, занимают разнообразные профессиональные ниши. В статье 31.1 Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [3] приводится перечень видов деятельности, которые могут осуществлять СОНКО. Среди них социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан выделяется как деятельность, которая может быть связана с целями пронаталистской политики.

Кроме того, анализ отчетов по форме 1-СОНКО [9], а также реестров социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей государственной поддержки [10] за последние три года позволил выделить дополнительные направления возможной пронаталистской деятельности СОНКО:

1) профилактика социального сиротства, поддержка материнства и детства, формирование здорового образа жизни;

2) оказание социальной поддержки детям, подросткам, молодежи, в том числе детям-инвалидам и детям, оставшимся без попечения родителей, семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации;

3) социальная реабилитация детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, помощь детским домам, помощь малоимущим и многодетным семьям, предоставление социальных услуг, деятельность в области спорта;

4) деятельность в сфере образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности.

Таким образом, мы выделяем 5 видов деятельности, в рамках которых могут осуществляться проекты, направленные на повышение рождаемости. Однако нужно отметить, что все перечисленные виды деятельности имеют общие формулировки, одновременно выражающие разные смыслы. Так, деятельность по социальному обслуживанию, социальной поддержке и защите граждан часто использовалась в реестрах для обозначения проектов по оказанию помощи инвалидам и ветеранам. Спорт и образование — самостоятельные отрасли, влияющие на пронаталистскую политику

в стране достаточно опосредованно. Социальная поддержка семьей с детьми и многодетных семей — безусловно, важное направление, однако на такую поддержку можно рассчитывать, только оказавшись в трудной жизненной ситуации или находясь в статусе малоимущей семьи. Последний вид деятельности, включающий профилактику социального сиротства, поддержку материнства и детства, формирование здорового образа жизни (как нам кажется, наиболее подходящий для обозначения пронаталистских проектов) в последний раз упоминался в реестрах в 2019 г. Предположительно, это связано с трудностями в получении финансирования на вид деятельности в указанной формулировке.

Заключение

По нашему мнению, успешная практика СОНКО в реализации проектов по повышению рождаемости невозможна в отсутствии четкого определения вида деятельности для таких проектов. Кроме того, данную деятельность следует внедрять в нормативно-правовые акты на федеральном уровне, чтобы продемонстрировать приоритетность пронаталистской политики для нашей страны и обеспечить финансирование целевых пронаталистских проектов.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2)

Список источников

[1] *Россинская Г. М., Скрябина Я. А.* Проблема рождаемости: о необходимости междисциплинарного подхода к анализу // Экономика и управление. Научно-практический журнал. 2013. № 4 (114). С. 49-54.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ред. от 25.02.2022. // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.04.2022).

[3] О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Ред. от 02.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76388/fb4e7bb8b1fb6245c1d455eb46182a35e36dfbf2/ (дата обращения: 18.04.2022).

[4] О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2022).

[5] Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций. Постановление Правительства РФ от 30.12.2012 № 1478.

[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2022).

[6] Об организации официального статистического учета социально ориентированных некоммерческих организаций (вместе с «Правилами проведения выборочных статистических наблюдений за деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций»). Постановление Правительства РФ от 25.06.2012 г. № 633 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2022).

[7] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. Ред. от 11.06.2021 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 22.04.2022).

[8] Демография // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 17.04.2022).

[9] Государство // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11191 (дата обращения: 24.04.2022).

[10] [10] Реестры некоммерческих организаций Свердловской области — получателей государственной поддержки // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. URL: http://economy.midural.ru/nko_reestr (дата обращения: 24.04.2022).

References

[1] *Rossinskaya G. M., Skryabina Ya. A.* The problem of fertility: on the need for an interdisciplinary approach to analysis // Economics and Management: a scientific and practical journal. 2013. No. 4(114). Pp. 49-54.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FL of November 30, 1994 (amended on February 25, 2022). Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 18.04.2022).

[3] On non-profit organizations: Federal Law No. 7-FL of January 12, 1996 (amended on July 2, 2021, amended and supplemented, effective from January 1, 2022). Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 18.04.2022).

[4] On measures to implement the state social policy: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012. No. 597. Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 22.04.2022).

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2012 No. 1478 «On property support for socially oriented non-profit organizations». Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 22.04.2022).

[6] On the organization of official statistical accounting of socially oriented non-profit organizations (together with the “Rules for conducting selective statistical observations of the activities of socially oriented non-profit organizations”): Decree of the Government of the Russian Federation of June 25, 2012 No. 633. Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 22.04.2022).

[7] On the basics of social services for citizens in the Russian Federation: Federal Law of December 28, 2013 No. 442-FL (amended on June 11, 2021). Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 22.04.2022).

[8] Demography // Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (accessed on 17.04.2022).

[9] State // Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11191 (accessed on 24.04.2022).

[10] Registers of non-profit organizations of the Sverdlovsk region — recipients of state support // Ministry of Economy and Territorial Development of the Sverdlovsk Region. URL: http://economy.midural.ru/nko_reestr (accessed on 24.04.2022).

https://doi.org/10.17059/udf-2022-5-2
УДК 316.346.2/3
JEL classification: D64

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИИ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В ВОЛОНТЕРСКОМ ИНКЛЮЗИВНОМ ДВИЖЕНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

К. В. Кузьмин [а)], А. Ф. Киселев [б)]

[а)] Уральский институт управления здравоохранением имени А. Б. Блохина (г. Екатеринбург, Россия). https://orcid.org/0000-0002-9063-4642

[б)] Свердловский областной медицинский колледж (г. Екатеринбург, Россия)
Автор для корреспонденции: К. В. Кузьмин (konstantinkuzmin1966@gmail.com)

Аннотация. *Рассматриваются социально-демографические аспекты мотивации молодежи к участию в волонтерском инклюзивном движении в условиях гетерогенного общества. Опрошено 805 человек (151 мужчина и 654 женщины). Выделены основные мотивы, соответствующие интересам молодежи (ответить людям за добро добром, получить опыт работы / применить знания на практике, познакомиться с нужными людьми / посещать определенные мероприятия). Превалирующим мотивом является получение опыта работы и / или применение знаний на практике. Представлены трактовки понятия «инклюзивное добровольчество»: альтруистическая, рационалистическая и прагматическая. На основе анализа личных предпочтений респондентов в зависимости от их пола и возраста рассмотрены основные направления инклюзивного добровольчества: непосредственная (контактная) волонтерская работа и опосредованная работа (организация и сопровождение волонтерских мероприятий). Социально-демографический анализ мотивации обладает высоким научным потенциалом и способен расширить диапазон исследований, обращенных к изучению специфики молодежного добровольчества.*

Ключевые слова: молодежь, инклюзивное волонтерство, мотивация, социально-демографический анализ

Socio-Demographic Aspects of Youth Motivation to Participate in the Inclusive Volunteer Programmes (Based on a Sociological Survey in Sverdlovsk Oblast)

K. V. Kuzmin [a)], A. F. Kiselev [b)]

[a)] Ural Institute of Public Health Management named after A. B. Blokhin (Ekaterinburg, Russia). https://orcid.org/0000-0002-9063-4642

[b)] Sverdlovsk Regional Medical College (Ekaterinburg, Russia)
Corresponding author: K. V. Kuzmin (konstantinkuzmin1966@gmail.com)

Abstract. *The study considers socio-demographic aspects of the youth motivation to participate in the inclusive volunteer programme in a heterogeneous society. To this end, 805 people (151 men and 654 women) were interviewed. The main motives corresponding to the interests of young people are highlighted (be kind to kind persons; gain work experience / apply knowledge in*

[1] Кузьмин К. В., Киселев А. Ф. Текст. 2022.

practice; meet the right people / attend certain events). The key motive is to gain work experience and/or apply knowledge in practice. Interpretations of the concept of «inclusive volunteerism» — altruistic, rationalistic, pragmatic — are presented. Based on the analysis of respondents' personal preferences depending on their gender and age, the main areas of inclusive volunteerism are considered: direct (contact) volunteering and indirect work (organisation and support of volunteer events). Socio-demographic analysis of motivation has a high scientific potential and is able to expand the range of research aimed at studying the specificity of youth volunteering.

Keywords: youth; inclusive volunteering; motivation; socio-demographic analysis

Введение

В последние годы в Российской Федерации много внимания уделяется развитию добровольческой (волонтерской) деятельности. Созданная в 2014 г. Ассоциация волонтерских центров ныне объединяет свыше 140 организаций, координируя деятельность 270 тыс. волонтеров по всей России [1]. С 2018 г. в рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Социальная активность», целью которого заявлены «развитие добровольчества (волонтерства), развитие талантов и способностей у детей и молодежи, в том числе студентов, путем поддержки общественных инициатив и проектов, вовлечения к 2024 г. в добровольческую деятельность 20 % граждан» [2]. Всего же только численность волонтеров, обучающихся в разных типах образовательных организаций, к 2024 г. должна составить не менее 8,8 млн чел. [3]

Востребованность волонтеров в современной России не вызывает сомнений: как отмечают Е.А. Князькова и Н.А. Береза [4], добровольчество (волонтерство) дополняет те функции социальной политики, развитие которых является не столь успешным в силу общественной актуальности многих проблем культурной, социальной, экономической, образовательной, экологической сфер, разрешение которых в большей степени проявляет свою эффективность посредством общественной активности.

Федеральное законодательство выделяет несколько направлений добровольчества (волонтерства), в том числе социальная поддержка и защита граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы [5].

Одним из отрядов волонтерского движения является «инклюзивное добровольчество», возникшее на основе переосмысления роли инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в жизни общества в связи с переходом от медицинской модели восприятия инвалидности, основанной на ее понимании как отражении ущербности индивида, обладающего тем либо иным набором патологий в функционировании или развитии организма, к модели социальной, ориентированной на всемерную интеграцию инвалидов в общество с соответствующим изменением условий жизнедеятельности для всех без исключения его членов,

вне зависимости от особенностей физического или психического развития [6].

При этом инклюзивное добровольчество (волонтерство) понимается двояко: с одной стороны, как форма гражданского участия в общественно полезных делах людей с ограниченными возможностями здоровья, способ коллективного взаимодействия и эффективный механизм решения актуальных социально-значимых проблем [7], с другой стороны, как специфическая технология социальной работы по формированию культуры образа жизни социума, предполагающая интеграцию в добровольческую деятельность как людей с ограниченными возможностями здоровья, так и без таковых [8]. Тем самым инклюзивное добровольчество становится как средством адаптации и вовлечения людей с инвалидностью и ОВЗ в активную социальную деятельность, так и инструментом избавления самого общества от стереотипных и шаблонных представлений об «естественных ограничениях», существующих в жизни инвалидов по причине наличия физических или психических «изъянов».

Инклюзивное добровольчество вписывается в гетерогенность социума, проявляясь через изменяющуюся методологию действия его участников. Гетерологичность становится имманентной и перманентной формой действительности и реализуется как теоретическое и дискурсивное опытное знание [9]. Участники инклюзивного взаимодействия осваивают новые формы поведения, получая опыт конструктивного социального взаимодействия и решения жизненных задач. Учитывая, что формирование навыков — длительный процесс, сопряженный с личностным развитием, именно систематическое участие в инклюзивных мероприятиях становится условием изменений мировоззрения.

Такая постановка вопроса требует реализации соответствующих образовательных программ, целью которых является обучение волонтеров особенностям организации доступной среды для инвалидов и лиц с ОВЗ, приемам активного слушания и основным технологиям волонтерской работы с инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья по таким основным нозологиям, как нарушения опорно-двигательного аппарата, нарушения зрения, нарушения слуха, нарушения в развитии интеллекта, затруднения в речи и расстройства аутистического спектра. В Свердловской области с 2017 г. данную работу ведет волонтерский инклюзивный центр ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж» (руководитель — А.Ф. Киселев).

Цель исследования — изучить социально-демографические аспекты мотивации молодежи к участию в волонтерском инклюзивном движении на основе анализа материалов социологического опроса, проведенного в Свердловской области в июле — декабре 2020 г. на базе волонтерского инклюзивного центра ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж» по инициативе Координационного научно-методического центра по социальной работе в системе здравоохранения.

Материалы и методы

Опрос проводился среди обучающихся по методике «Волонтер „Абилимпикс”» (образовательная программа инклюзивного добровольчества). Всего было опрошено 805 чел., в том числе 151 мужчина (n_1 = 151) и 654 женщины (n_2 = 654). Следует заметить, что такой дисбаланс представленности двух полов в волонтерском движении не является чем-то из ряда вон выходящим: как отмечают исследователи, женщины чаще, чем мужчины, становятся волонтерами, обнаруживая в нем не только возможность оказания помощи нуждающимся в ней людям, но и средство самореализации [10]. Подавляющее большинство опрошенных (87 %, 700 чел.) составили лица, обучающиеся в средних профессиональных учебных заведениях (колледжах и техникумах).

Анкетирование — анонимное, электронное. Анкета включила в себя 18 закрытых вопросов с одиночным выбором, 2 закрытых вопроса с множественным выбором, а также 1 открытый вопрос, ориентированный на выяснение личного мнения респондентов по организации волонтерского движения. К опросу был приглашен каждый обучающийся, анкету заполнили 95 % участников образовательной программы, что дает основание считать полученные результаты релевантными задачам настоящего исследования.

Результаты

На основе анализа проведенного опроса были выделены 3 группы мотивов участия молодежи в волонтерском инклюзивном движении:

1) «ответить людям за добро добром» (так ответили 31,1 % опрошенных, 250 чел.);

2) «получить опыт работы» / «применить знания на практике» (59,4 %, 478 чел.);

3) «познакомиться с нужными людьми» / «посещать определенные мероприятия» (9,5 %, 77 чел.).

В то же время такие обобщенные данные, на наш взгляд, не позволяют представить полноты той картины, которая позволит судить о различиях мотивации современной российской молодежи с связи с ее принадлежностью к мужскому или женскому полу (рис. 1), а также с разбивкой на возрастные когорты, соответствующие особенностям различных стадий социализации и профессионального самоопределения.

В целом можно увидеть, что лишь треть женщин (33,5 %) и пятая часть мужчин (20,0 %) определили в качестве мотивации участия в волонтерском инклюзивном движении желание «ответить людям за добро добром». Большинство опрошенных сделало свой выбор в пользу обретения опыта работы или применения полученных знаний на практике: так ответили 59,0 % женщин и 61,7 % мужчин. Наконец, стремление познакомиться с нужными людьми и / или посещать определенные общественные мероприятия, связанные с развитием инклюзивного добровольчества

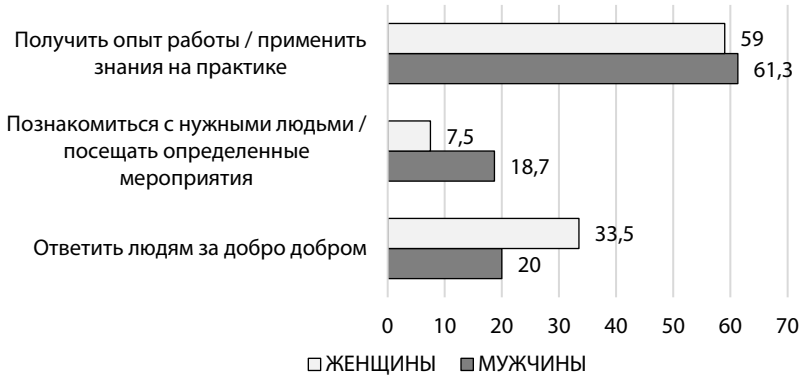


Рис. 1. *Мотивация участия в волонтерском инклюзивном движении, в % к общему числу опрошенных мужчин (n_1 = 151, 100 %) и женщин (n_2 = 654, 100 %)*

стало ведущим мотивом для 7,5 % опрошенных женщин, но 18,7 % мужчин. Заметно, что, оценивая собственную мотивацию, мужская часть опрошенных респондентов проявила большую прагматичность, нежели часть женская.

Соотношение возрастных когорт двух групп респондентов («мужская» и «женская») представлено на рисунке 2.

Разделение на 3 возрастные когорты может выглядеть достаточно условным и отчасти искусственным (нередко наблюдается смешивание возрастных отрезков), однако, на наш взгляд, оно отражает важные этапы социализации молодых людей, находящихся в ситуации выбора своего жизненного пути.

Первая (младшая) возрастная когорта — период старшего подросткового возраста (14–17 лет) — характеризуется постепенным «расставанием» с детством, начало которого, по мнению отечественных психологов (Л.С. Выготский), знаменуется «кризисом 13 лет», вызванного

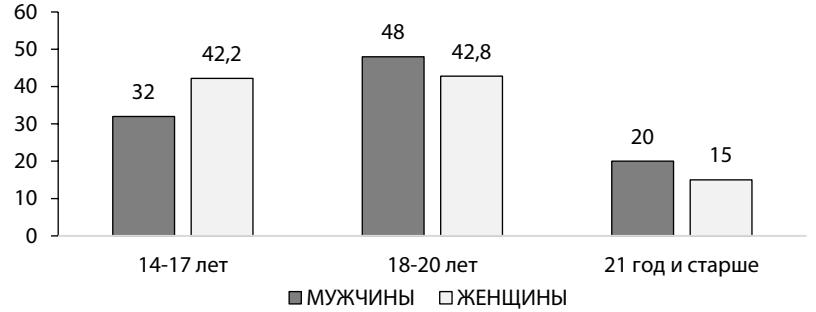


Рис. 2. *Возраст опрошенных мужчин и женщин (в % к общему числу по указанным группам респондентов, n_1 = 151 и n_2 = 654)*

последствиями полового созревания (пубертата) и обретением «взрослости», как объективной, находящей свое отражение в стремлении отстаивать свое мнение, выраженной готовности к самостоятельности в обучении, смене имиджа, первых романтических отношениях со сверстниками, так и субъективной, характеризующейся появлением отношения к себе как ко взрослому и выражающейся в потребности в уважении и признании самостоятельности со стороны окружающих (в первую очередь, родителей) и желании отгородиться от вмешательства взрослых в собственную жизнь [11]. В старшем подростковом возрасте происходит смена типа ведущей деятельности (на место общения приходит учебно-профессиональная деятельность) тем более, что окончание неполной средней школы (9-й класс) и получение основного общего образования, как правило, впервые ставят перед юношей или девушкой проблему выбора: продолжать обучение в 10–11-м классах средней общеобразовательной школы или поступить в среднее профессиональное учебное заведение (колледж, техникум).

Вторая (средняя) возрастная когорта — период юности (18–20 лет) — отражает как достижение возраста совершеннолетия, то есть возраста полной дееспособности в распоряжении своими правами и обладании соответствующими обязанностями, так и влияние нормативного психосоциального кризиса (кризиса самоопределения), вызванного процессами профессионального развития и изменением социальной роли молодых людей (например, обретением роли студентов), характеризующейся появлением принципиально новых социальных взаимоотношений и большей независимостью. В период юности формируется психологическая готовность к первичному освоению профессии (первичная профессиональная идентичность), включающая три основные составляющие:

— отношение к себе как к профессионалу, связанное с осознанием тождественности самому себе и формированием мотивационно-ценностного отношения к своей деятельности;

— отношение к выбранной профессии, вбирающее в себя личностно приемлемые профессиональные традиции, ценности и смыслы деятельности;

— отношение к профессиональному сообществу, отражающее специфические формы профессиональных взаимодействий и предполагающее овладение соответствующими умениями, формирование чувства сопричастности ко всему, что происходит в профессиональном сообществе [12].

Третья (старшая) возрастная когорта — период молодости, или ранней взрослости (21 год и старше, до 33–40 лет) — характеризуется активным вовлечением в социальную и профессиональную деятельность, когда сформированная личность вырабатывает стиль дальнейшей жизни, формирует круг общения, знакомится с новыми профессиональными ролями, близится к завершению образовательной деятельности или принимает решение об ее продолжении. По мнению отечественных исследователей [13],

период молодости требует проявления качеств, обусловленных как биологическими, так и социальными факторами развития, а также развитием внутренней позиции личности, связанной не только с последующей профессиональной самореализацией, но и с созданием семьи, продолжением рода, установлением социальных связей.

Основываясь на различиях трех возрастных когорт, можно предположить, что и мотивация участия в волонтерском инклюзивном движении в зависимости от возраста опрошенных мужчин и женщин будет также различной (рис. 3).

Нетрудно заметить, что такой мотив участия в инклюзивном волонтерском движении, как «ответить людям за добро добром», превалирует в старшем подростковом возрасте (14–17 лет) и больше характерен для женщин, чем для мужчин (79,3 % против 61,2 %). В юношеском и молодом возрасте мотивация принципиально меняется: для подавляющего большинства опрошенных на первое место выходит стремление «получить опыт работы / применить знания на практике»: в 18–20-летнем возрасте 87,8 % женщин и 94,3 % мужчин, а в возрасте 21 года и старше, соответственно, 73,5 % и 62,0 % выбрали данный вариант ответа. Показательны данные, связанные с такой мотивацией участия в волонтерском движении, как «познакомиться с нужными людьми / посещать определенные мероприятия». Если в старшем подростковом возрасте указанный мотив наиболее выражен среди мужчин (34,7 % против 8,7 % «женских» ответов), то впоследствии

Рис. 3. *Мотивация участия мужчин и женщин в волонтерском инклюзивном движении, % по возрастным когортам респондентов (14–17 лет, 18–20 лет, 21 год и старше)*

ситуация меняется: в возрасте 21 года и старше четверть опрошенных женщин (26,5 %) и трое из пяти опрошенных мужчин (38,0 %) сделали выбор в пользу данного варианта ответа.

Обращаясь к проблемам мотивации участия в волонтерском инклюзивном движении, не менее важным является выяснение ответа на вопрос, что вкладывается в содержание понятия «инклюзивное добровольчество» самими молодыми людьми. Проведенное анкетирование позволило выделить 3 ведущие трактовки данного понятия:

1) альтруистическая (романтическая) трактовка, представляющая волонтерство как проявление альтруизма — стремления бескорыстно творить добро;

2) рационалистическая (социальная) трактовка, определяющая волонтерство как средство, позволяющее не только изменить к лучшему жизнь отдельных граждан, нуждающихся в посторонней помощи в силу наличия ограничений жизнедеятельности, вызванных теми либо иными инвалидизирующими заболеваниями, но и решить социальные проблемы современного российского общества;

3) прагматическая (эгоистическая) трактовка, в рамках которой волонтерство оценивается как достойная цель в жизни, в первую очередь, способствующая самореализации волонтера (рис. 4).

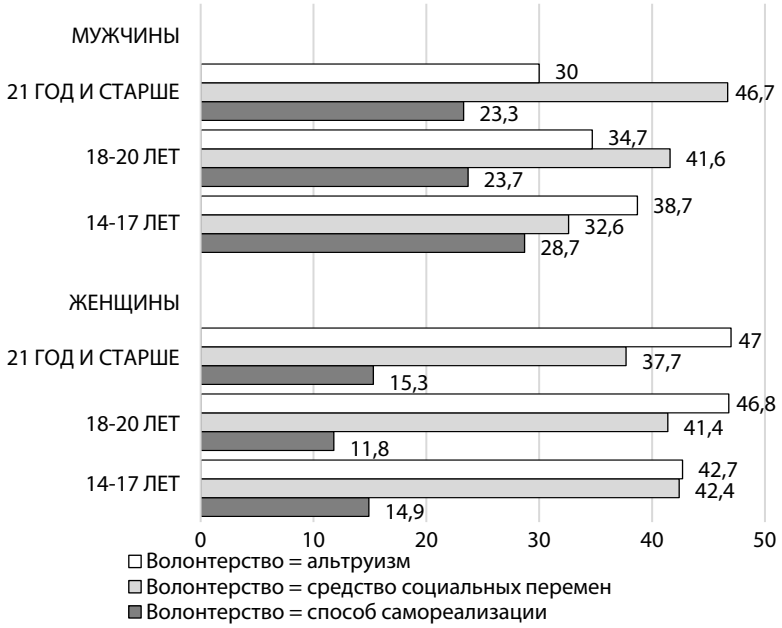


Рис. 4. *Трактовки инклюзивного волонтерства (% к общему числу по указанным группам респондентов, $n_1 = 151$ и $n_2 = 654$)*

Обращаясь к анализу данных, представленных на рисунке 4, можно сделать ряд наблюдений:

1. Альтруистическая (романтическая) трактовка инклюзивного добровольчества в большей степени присуща ответам респондентов женского пола и, более того, здесь мотив «желание бескорыстно делать добро» имеет тенденцию к росту, хотя и незначительному: 42,7 % выбравших данный вариант ответа в возрасте 14–17 лет, 46,8 % — в возрасте 18–20 лет и 47 % — в возрасте 21 года и старше. У респондентов-мужчин наблюдается обратная картина: 38,7 % выбравших данный вариант ответа в 14–17-летнем возрасте, 34,7 % — в возрасте 18–20 лет и только 30,0 % в возрасте 21 года и старше (почти в 1,6 раза меньше по сравнению с ответами женщин старшей возрастной когорты).

2. Рационалистическая (социальная) трактовка инклюзивного добровольчества активно представлена в ответах респондентов обоего пола, однако заметно, что если вера в возможности социальных перемен посредством действий волонтеров у мужчин постепенно растет — от трети ответов (32,6 %) в младшей возрастной когорте до почти половины (46,7 %) опрошенных в старшей, то у опрошенных женщин, напротив, наблюдается небольшое снижение — от 42,4 % до 37,7 % соответственно. Тем самым, социальный оптимизм в большей степени присущ мужской части молодежного волонтерского движения.

3. Прагматическая (эгоистическая) трактовка нашла самое яркое отражение в ответах мужской части респондентов: по всем трем возрастным когортам превышение над долей аналогичных ответов в «женских» когортах составляет: в 14–17-летнем возрасте — в 1,9 раза (28,7 % против 14,9 %), в 18–20-летнем — в 2 раза (23,7 % против 11,8 %), в возрасте 21 года и старше — в 1,5 раза (23,3 % против 15,3 %). Тем самым, бытующее в общественном сознание стереотипное представление о мужском типе мышления как более прагматичном, нежели женском, отчасти подтверждается результатами проведенного исследования.

Характеристика мотивации участия в инклюзивном волонтерском движении будет неполной без обращения к анализу ответов респондентов, касающихся их личных представлений о содержании инклюзивного добровольчества, то есть того, чем им предстоит заниматься, будучи волонтерами (рис. 5).

При анализе ответов респондентов можно заметить, что примерно равные доли личных предпочтений принадлежат как непосредственной (контактной) волонтерской работе с лицами с инвалидностью и ОВЗ (в анкетировании были выделены 5 нозологических форм: нарушения опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха, затруднения в речи и психические нарушения), так и опосредованной работе, выраженной в помощи в организации и сопровождении соответствующих волонтерских мероприятий. Однако привлекательность первой у мужской части опрошенных постепенно возрастает (с 40,8 % в возрасте 14–17 лет до 50,0 % в возрасте

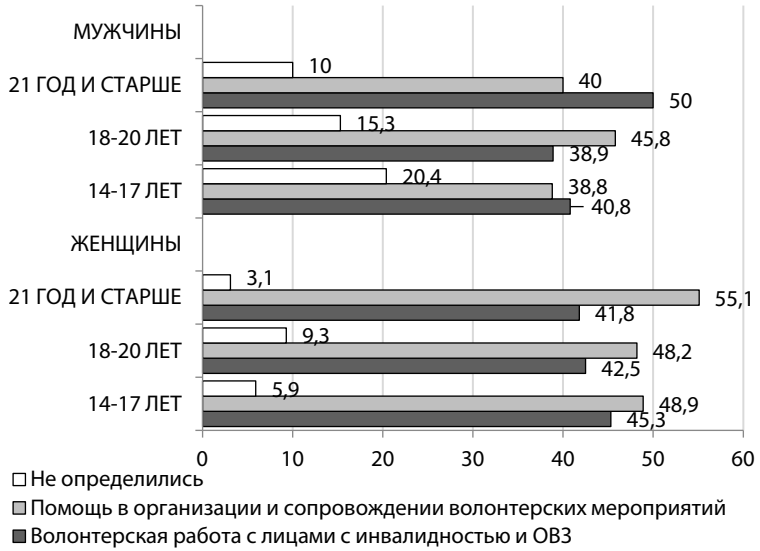


Рис. 5. *Содержание инклюзивного добровольчества (% к общему числу по указанным группам респондентов, $n_1 = 151$ и $n_2 = 654$)*

21 года и старше), чего не скажешь о женской части (здесь, напротив, наблюдается снижение: с 45,3 % в возрасте 14–17 лет до 41,8 % в возрасте 21 года и старше).

Показательным является и то, что предпочтительность участия в проведении волонтерских мероприятий в большей мере характерна для ответов женщин во всех возрастных когортах: 48,9 % против 38,8 % ответов мужчин в 14–17-летнем возрасте, 48,2 % против 45,8 % в 18–20-летнем и 55,1 % против 40,0 % в возрасте 21 года и старше.

При этом для ответов мужской части респондентов, в отличие от женской, относительно высокой оказывается доля «неопределившихся», то есть еще не нашедших себя в волонтерском инклюзивном движении: в младшей возрастной когорте — каждый пятый (20,4 %), в старшей — каждый десятый (10,0 %). Для сравнения, в женской группе респондентов таковых оказалось более чем втрое меньше: 5,9 % в младшей и лишь 3,1 % в старшей возрастной когорте.

Обсуждение

Вопросы изучения мотивации участия молодежи в волонтерском движении в целом и в инклюзивном добровольчестве в частности являются востребованными в современной зарубежной и российской исследовательской литературе, при этом существуют различные подходы к анализу данного феномена (анализ подходов см. в [14]).

Так, E. Janus и A. Misiorek [15] на основе опроса молодых людей, участвовавшей в помощи инвалидам и лицам с ОВЗ во время Всемирного дня молодежи в Кракове (2016), выделяют два основных типа мотивов: 1) преобладающие альтруистические мотивы, подчеркивающие важность заботы о других, и 2) более второстепенные социальные, относящиеся к межличностным отношениям. При этом авторы разделили альтруистические мотивы на экзогенные, действующие тогда, когда человек ориентирован на других и руководствуется стремлением улучшить их положение или предотвратить его ухудшение, и эндогенные, действующие тогда, когда человек мотивирован внутренним вознаграждением в виде сохранения или повышения собственной самооценки.

М.А. Колокольцева, акцентируя внимание на том, что главной задачей инклюзивного добровольчества является развитие в молодежи нравственного начала, определяет три компонента, провоцирующих ее участие в волонтерском движении:

1) мотивационно-потребностный (готовность прийти на помощь, проявление заботы и стремление к общению с лицами с ОВЗ);

2) ценностно-смысловой (способность к сопереживанию, проявлению чувства эмоционального реагирования, культура выражения собственных чувств и эмоций);

3) поведенческо-волевой (сформированность нравственного поведения, включающего в себя умения, навыки и привычки, проявляющиеся в процессе коммуникации с лицами с ОВЗ, социально-нравственную активность и устойчивость нравственного поведения) [16].

В целом ряде исследований предпочтение отдается более дробной классификации мотивов. Э.И. Шуваева выделяет следующие их виды:

1) компенсаторные (преодоление чувства одиночества, решение проблем, улучшение самочувствия);

2) личностный рост (стремление к самореализации);

3) идеалистический (потребность изменить социальную среду, быть активным и полезным в обществе);

4) получение определенных нематериальных благ (знаний, навыков и умений);

5) расширение социальных контактов [17].

Р.О. Рамазанов выделяет морально-нравственные мотивы (желание помогать людям), желание быть ответственным, активным и вовлеченным в общественно полезную деятельность, стремление попробовать свои силы и возможности, желание познакомиться с новыми людьми и расширить круг знакомства, наличие свободного времени, агитацию интернет-сайтов и др. [18]

Е.В. Великанова в перечне причин-мотивов называет «благородную идею», отражающую важность волонтерского движения, внутреннюю психологическую готовность «быть нужным», потребность в общении, интерес, «антураж» (внешнюю привлекательность), финансовые соображения,

карьеру, авторитет и самореализацию, творческие возможности, решение своих проблем, досуг, способ поделиться своим опытом, подтверждение собственной самостоятельности и взрослости, ресурсные возможности (получение сопутствующих благ — поездки, интересные книги и фильмы, новые связи и пр.) [19].

Как бы то ни было, при всех различиях в подходах можно заметить, что исследователи, как правило, указывают на органическую связь мотивации участников волонтерского движения и реализации их личностных и социальных потребностей [20].

Социально-демографический анализ мотивации участия в волонтерском инклюзивном движении, на наш взгляд, обладает высоким научным потенциалом, будучи способным расширить диапазон современных исследований, обращенных к изучению специфики молодежного добровольчества в связи с воздействием на модель социального поведения индивида таких стратифицирующих признаков, как пол и возраст.

Заключение (выводы)

Выделены 3 группы мотивов участия молодежи в волонтерском инклюзивном движении, в том числе: 1) ответить людям за добро добром; 2) получить опыт работы / применить знания на практике (ведущий мотив); 3) познакомиться с нужными людьми / посещать определенные мероприятия (в большей степени присущ мужской группа респондентов).

Отмечены изменения в мотивации участия в волонтерском движении в связи с возрастом респондентов. Стремление «ответить людям за добро добром» превалирует в старшем подростковом возрасте и больше характерно для женщин, чем у мужчин. В юношеском и молодом возрасте на первый план выходит стремление получить опыт работы / применить знания на практике; второе место занимает желание познакомиться с нужными людьми / посещать определенные мероприятия.

Выделены 3 ведущие трактовки понятия «инклюзивное добровольчество»: 1) альтруистическая (романтическая) трактовка, ориентированная на безвозмездную помощь нуждающимся (в большей степени присуща ответам женщин-респондентов; 2) рационалистическая (социальная) трактовка, нацеленная на провоцирование социальных перемен (присутствует в ответах и мужской, и женской групп; 3) прагматическая (эгоистическая) трактовка, ставящая во главу угла самореализацию волонтера (наиболее ярко представлена в ответах мужчин).

Рассмотрены основные направления инклюзивного добровольчества с точки зрения респондентов: непосредственная (контактная) волонтерская работа с лицами с инвалидностью и ОВЗ (по мере взросления становится более привлекательной для мужчин) и опосредованная работа, состоящая в организации и сопровождении волонтерских мероприятий (более предпочтительна для женской группы опрошенных).

Список источников

[1] Ассоциация волонтерских центров. URL: https://dobro.ru/organizations/7/info (дата обращения: 05.05.2022).

[2] Об утверждении методики расчета показателей федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование». Приказ от 3 апр. 2020 года № 101 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Федеральное агентство по делам молодежи. URL: https://docs.cntd.ru/document/565231700 (дата обращения: 05.05.2022).

[3] *Паклина Е. А.* Волонтерское движение как социально-культурный феномен российского общества // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2(39). С. 111-115. http://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-111-115.

[4] *Князькова Е. А., Береза Н. А.* Тенденции в развитии добровольчества (волонтерства) в современной России // Социальная политика и социальное партнерство. 2021. № 1. С. 49-53. http://doi.org/10.33920/pol-01-2101-08.

[5] О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве). С изм. на 8 дек. 2020 г. Федеральный закон // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/9012847 (дата обращения: 05.05.2022).

[6] *Кузьмин К. В., Киселев А. Ф.* Портрет волонтера движения «Абилимпикс» в Свердловской области по материалам социологического исследования // Системная интеграция в здравоохранении. 2020. № 3(49). С. 17-30.

[7] *Бабышева Ю. С.* Инклюзивное добровольчество как ресурс формирования культуры здорового образа жизни // Добровольчество как ресурс и механизм повышения социальной активности молодежи в современном российском обществе. Сб. статей по мат-лам I Междунар. науч.-практ. форума. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. 163 с. С. 91-96.

[8] *Шарикова Е. С.* Инклюзивное волонтерство как фактор реализации личностного потенциала // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 27. С. 1299-1304.

[9] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург; Москва: У-Фактория; Астрель, 2010. 896 с.

[10] Supporting Volunteerism by People with Disabilities: Guidebook. URL: https://volunteer.ca/vdemo/EngagingVolunteers_DOCS/Supporting_Volunteerism_by_People_with_Disabilities_Guidebook.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

[11] *Малова Е. С., Семенова А. В.* К вопросу о психических новообразованиях подросткового возраста // Педагогика. История, перспективы. 2021. Т. 4. № 4. С. 62-69.

[12] *Трусова Н. В.* Особенности развития первичной профессиональной идентичности в нормативном кризисе перехода к юности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 27(203). С. 75-81. (Психология).

[13] *Баксанский О. Е., Скоробогатова А. В.* Психологические особенности развития личности в период молодости // Коллекция гуманитарных исследований. 2019. № 5(20). С. 13-26.

[14] *Rychkova L., Mlkeyan L., Morozova S., Koneva O.* Motivation For The Social Projects Volunteering As A Personal Development Factor // Personality in Norm and in

Pathology. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol 112. Pp. 257-266. European Publisher. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.06.04.30.

[15] *Janus E., Misiorek A.* Why do People Help Each Other? Motivations of Volunteers Who Assisted Persons with Disabilities During World Youth Day // Journal of Religion and Health. 2019. Vol. 58(3). P. 1003-1010. http://doi.org/10.1007/s10943-018-0625-z.

[16] *Старовойт Н. В.* Инклюзивная культура образовательной организации: подходы к пониманию и формированию // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2016. № 8. С. 31-35.

[17] *Шуваева Э. И.* Концептуальная модель благотворительного поведения волонтеров: мотивация и вовлеченность волонтеров в деятельность благотворительной организации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. Т. 10. № 2. С. 167-176. (Экономика и управление).

[18] *Рамазанов Р. О.* Мотивация участия населения в волонтерском движении. На примере Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 251-256. http://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-251-256.

[19] *Великанова Е. В.* Мотивационные составляющие участников волонтерского / добровольческого движения // Вестник Тамбовского университета. 2012. № 8(112). С. 172-179. (Гуманитарные науки).

[20] *Кудринская Л. А.* Развитие российской правовой базы добровольчества. Социологический аспект // Омские социально-гуманитарные чтения-2018. Мат-лы 11-й науч. конф., посв. 25-летию образования Омского государственного технического университета, гуманитарного факультета. 24–26 апр. 2018 г. Омск: Омский государственный технический университет, 2018. 380 с. С. 17-21.

References

[1] Association of Volunteer Centers. URL: https://dobro.ru/organizations/7/info (accessed on 05.05.2022).

[2] Electronic fund of legal and normative-technical documents. Federal Agency for Youth Affairs. Order of April 3, 2020 N 101 On approval of the methodology for calculating the indicators of the federal project «Social Activity» of the national project «Education». URL: https://docs.cntd.ru/document/565231700 (accessed on 05.05.2022).

[3] *Paklina E. A.* Volunteer activities as modern Russian society phenomenon // Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture. 2019. No. 2(39). Pp. 111-115. http://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-111-115.

[4] *Knyazkova E. A., Bereza N. A.* Trends in the development of volunteering in modern Russia // Social Policy and Social Partnership. 2021. No. 1. Pp. 49-53. http://doi.org/10.33920/pol-01-2101-08.

[5] Electronic fund of legal and normative-technical documents. Federal Law «On charitable activities and volunteering (volunteering)» (as amended on December 8, 2020). URL: https://docs.cntd.ru/document/9012847 (accessed on 05.05.2022).

[6] *Kuzmin K. V., Kiselev A. F.* A portrait of a volunteer of the «Abilympics» movement in the Sverdlovsk region on the basis of sociological research // System Integration in Health Care. 2020. No. 3(49). Pp. 17-30. (In Russ.)

[7] *Babysheva Yu. S.* Inclusive volunteering, as resource of formation of culture of the healthy lifestyle // Volunteering as a resource and mechanism for increasing the social activity of young people in modern Russian society: A collection of articles based on materials from the I International Scientific and Practical Forum. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 2018. 163 p. Pp. 91-96.

[8] *Sharikova E. S.* Inclusive volunteering as a factor in the realization of personal potential // Innovations. Science. Education. 2021. No. 27. Pp. 1299-1304.

[9] *Deleuze G., Guattari F.* A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia. Ekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel, 2010. 896 p.

[10] Supporting Volunteerism by People with Disabilities: Guidebook. URL: https://volunteer.ca/vdemo/EngagingVolunteers_DOCS/Supporting_Volunteerism_by_People_with_Disabilities_Guidebook.pdf (accessed on 05.05.2022).

[11] *Malova E. S., Semenova A. V.* To the question about emerging mental constructs of adolescence // Pedagogy: History, Prospects. 2021. Vol. 4, No. 4. Pp. 62-69. (In Russ.)

[12] *Trusova N. V.* Peculiarities of development of initial professional identity in normative crisis of transition to youth // Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology. 2010. No. 27(203). Pp. 75-81. (In Russ.)

[13] *Baksansky O. E., Skorobogatova A. V.* Psychological features of personality development during youth // The Collection of Humanitarian Studies. 2019. No 5(20). Pp. 13-26.

[14] *Rychkova L., Mlkeyan L., Morozova S., Koneva O.* Motivation For The Social Projects Volunteering As A Personal Development Factor // Personality in Norm and in Pathology. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 112. Pp. 257-266. European Publisher. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.06.04.30.

[15] *Janus E., Misiorek A.* Why do People Help Each Other? Motivations of Volunteers Who Assisted Persons with Disabilities During World Youth Day // Journal of Religion and Health. 2019. No. 58(3). Pp. 1003-1010. http://doi.org/10.1007/s10943-018-0625-z.

[16] *Starovoit N. V.* Inclusive culture of an educational organization: approaches to the understanding and formation // Scientific and Methodological Electronic Journal Concept. 2016. No 8. Pp. 31-35.

[17] *Shuvaeva E. I.* A conceptual model of charitable behaviour of volunteers: motivation and involvement of volunteers in activities of charitable organizations // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2016. Vol. 10, No 2. Pp. 167-176.

[18] *Ramazanov R. O.* Motivation of population participation in the volunteer movement (on the example of Dagestan) // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022. No. 1. Pp. 251-256. http://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-251-256.

[19] *Velikanova E. V.* Motive components of volunteer movement participants // Tambov University Review. Series: Humanities. 2012. No. 8(112). Pp. 172-179.

[20] *Kudrinskaya L. A.* Development of the Russian legal framework for volunteering: sociological aspect // Omsk social and humanitarian readings-2018: Materials XI scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the faculty of Humanities education Omsk State Technical University (Omsk, 24-26 April, 2018). Omsk: Omsk State Technical University, 2018. 380 p. Pp. 17-21.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-5-3
УДК 314.02, 314.17
JEL J11, J13

ПОДРАСТАЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ[1]

Я. А. Скрябина, З. Э. Сабирова

Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия)
Автор для корреспонденции: Я. А. Скрябина (skryana67@mail.ru)

Аннотация. *Предмет исследования — социально-экономические отношения, складывающиеся в обществе, при оценке дружественности города по отношению к семье и детям. Целью исследования выступает изучение уровня комфортности, безопасности и развития подрастающего поколения в условиях городской среды Республики Башкортостан в современном социально-демографическом контексте. Теоретическими методами исследования выступили методы-операции (анализ) и эмпирические методы (опрос). Результаты проведенного исследования представлены Правительству Республики Башкортостан для разработки мер по повышению уровня дружественности городов к семье и детям. В процессе проведенного исследования в рамках Концепции «Город, дружественный семье и детям» в качестве направления совершенствования предложено решение этих проблем начиная с муниципального уровня. С введением четырехуровневой системы (включая муниципальный) будут решаться важнейшие задачи: повышение дружественности городской среды к семье и детям, поддержание престижа семьи с детьми и вместе с этим повышение демографического потенциала подрастающего поколения.*

Ключевые слова: индекс дружественности города к детям, здоровье, образование, демографический потенциал

The Younger Generation in the Modern Socio-Demographic Context

Ya. A. Skryabina, Z. E. Sabirova

Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head
of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)
Corresponding author: Ya. A. Skryabina (skryana67@mail.ru)

Abstract. *The paper examines socio-economic relations that develop in society, when assessing the comfort of the city in relation to the family and children. The study aims to analyse comfort, security and development of the younger generation in the urban environment of the Republic of Bashkortostan in the modern socio-demographic context. Methods-operations (analysis) and empirical methods (surveys) were utilised. The research results were presented to the government of the republic to develop measures to increase the level of family and child friendliness of cities. Following the Concept of «Family and Child Friendly City», the study proposes ways to solve the aforementioned problems, starting from the municipal level. With the introduction of a four-level system (including the municipal one), the most important tasks will be solved: in-*

[1] © Скрябина Я. А. Сабирова З. Э. Текст. 2022.

creasing the friendliness of the urban environment to the family and children, maintaining the prestige of the family with children and, at the same time, increasing the demographic potential of the younger generation

Keywords: index of cities' child-friendliness; health; education; demographic potential

Введение

В России тема дружественности городской среды к детям возникла относительно недавно.

Проблеме безопасности и комфортности городской среды посвящено исследование Н.Э. Ракитиной, в котором на основе экспертного опроса доброжелательность городской среды оценивается по критериям безопасности, комфортности, доступности и направленности на развитие детей. Автор предлагает использовать скрытые ресурсы городского пространства для повышения доброжелательности городов к детям и повышать социальную активность детей, активизировать их участие в проектировании городской среды [1].

Л.Л. Шпаковская рассматривает городское пространство с позиции его дружелюбности к детям. Изучив мнение представительниц среднего класса г. Санкт-Петербурга, имеющих детей в возрасте до 10 лет, ученый не только оценивает организацию прогулочных и игровых зон для детей, наличие мест для досуга, безбарьерность среды и т. д., но и делает важный вывод: «...Карьерно-ориентированные матери критически относятся к организации пространства Санкт-Петербурга, они видят в нем потенциал для увеличения своих жизненных возможностей, минимизации „издержек материнства". Современные женщины, нацеленные на самореализацию, стремятся иметь и ребенка, и карьерный рост. Они не готовы изменить свой образ жизни в связи с рождением ребенка и сделать длительный перерыв в трудовой деятельности (карьере). Именно поэтому для них важна развитая, дружественная семье городская инфраструктура» [2].

Исследовательское поле дружественности городской среды к детям можно разделить на несколько направлений, охватывающих вопросы благоустройства детских игровых площадок, неоднозначного влияния улицы на детей, безопасности и комфортности для проживания и всестороннего развития детей в городах и др.

В целом в большинстве случаев объектом исследования выступает городская среда, а предметом — социально-экономические отношения, складывающиеся в обществе, при оценке дружественности города по отношению к семье и детям.

Основная часть

В 1996 г. ЮНИСЕФ выступил инициатором проекта «Города, дружественные к детям», основной целью которого выступает решение проблемы реализации прав детей во все более урбанизированном мире [3].

Данная инициатива исходит из предпосылки, что дети — это наше будущее, и это будущее должно быть светлым для каждого ребенка. Отмечается важность инвестирования в благополучие и интересы детей и молодежи. По данным ЮНИСЕФ, проект реализуется в почти в 50 странах мира, в т. ч. в городах Германии, Франции, Беларуси, Казахстана и др., и охватывает пять целевых направлений: обеспечение прав подрастающего поколения на основные услуги (образование, здравоохранение, питание, досуг и др.), право быть услышанным, право на семью, право на безопасность, право на уважение и справедливость.

Основная цель инициативы — изучение дружественности городской среды для детей и подростков по всем перечисленным направлениям путем анализа состояния городской инфраструктуры детства, выявление наиболее актуальных проблем и возможных путей их решения.

В соответствии с рекомендациями ЮНИСЕФ, индекс дружественности города к детям включает семь параметров в отношении участия детей в общественной жизни и принятии решений, жилой среды, безопасности детей в городе, охраны здоровья и здорового образа жизни, образования и развития, досуга и культуры, помощи в трудной жизненной ситуации. Расчет проводится по двум типам индикаторов — объективным (официальные статистические данные) и субъективным (результаты социологического опроса, проводимого среди трех групп респондентов — среди детей и подростков в возрасте 6–12 лет, детей и подростков в возрасте 13–17 лет и родителей детей и подростков от 0 до 12 лет). Каждый индикатор от 0 до 10, где 10 означает максимально благоприятное условие, а 0 — крайне неблагоприятное условие [4].

В целом инициатива оценки дружественности городской среды к детям по методике и рекомендациям ЮНИСЕФ позволяет в условиях быстрых процессов урбанизации максимально соблюдать права и интересы детей, разрабатывать программы, помогающие городам, независимо от их размера, создавать доброжелательную во всех аспектах городскую среду для детей [5].

В рамках реализуемого в Республике Башкортостан регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» национального проекта «Демография», нацеленного на улучшение демографической ситуации в республике, в качестве одного из организационных мероприятий на 2020–2024 гг., направленных на повышение рождаемости, разработана и утверждена Концепция Республики Башкортостан «Город, дружественный семье и детям» (далее — Концепция) [6]. Основная цель Концепции — создание в городах безопасных и комфортных условий для проживания семей с детьми. В качестве целевого индикатора реализации Концепции определен показатель «доля третьих родившихся по очередности рождения от общего числа всех рождений». Таким образом, предполагается, что создание более дружественной городской среды по отношению к семьям с детьми будет способствовать рождению в семьях третьих детей.

В условиях депопуляции населения особое значение имеет формирование системы ценностей и здорового образа жизни у подрастающего поколения как будущего демографического потенциала. Творческие и здоровые нравственные основы закладываются в детские годы через воспитание и обучение, создание благоприятных условий для полноценного созидательного развития.

Целью исследования выступает изучение уровня комфортности, безопасности и развития подрастающего поколения в условиях городской среды Республики Башкортостан в современном социально-демографическом контексте.

Для решения задач данного исследования проанализируем динамику отдельных демографических показателей РБ, выполним одно- и двумерный анализ данных социологического обследования.

В рамках реализации Концепции «Город, дружественный семье и детям» в 2021 г. проведен социологический опрос среди детей в возрасте 13–17 лет (опрошено 17 643 респондента), родителей детей в возрастах 0–6 лет (39 958 респондентов) и 7–12 лет (33 376 респондентов), проживающих в 20 городах Республики Башкортостан. Опрос проводился в форме онлайн-анкетирования. Выборка для опроса формировалась из расчета не менее 5,0 % от среднегодовой численности городского детского населения в возрасте 0–17 лет. Внесение ответов в Google-форму не ограничивало число респондентов. Обработка данных осуществлялась при помощи описательной статистики с применением программного обеспечения PASW Statistics (IBM SPSS Statistics 23).

На начало 2021 г. численность населения Республики Башкортостан составила 4013,8 тыс. чел., в т. ч. 2511,0 тыс. (62,6 %) городского и 1502,8 тыс. чел. (37,4 %) сельского [7, с. 27]. Большинство детей в возрасте 0–15 лет (62,6 %) и в возрасте 0–17 лет (62,6 %) проживает в городах республики.

Возрастная структура городского населения в соответствии с классификацией А.Г. Сундберга относительно процессов воспроизводства населения характеризуется как регрессивная: низкий удельный вес детей в возрасте 0–14 лет (19,4 %) и высокий удельный вес населения в возрасте 50 лет и старше (48,0 %).

Численность детей и подростков в возрасте до 18 лет и их удельный вес в общей численности населения динамичны. Значение данных показателей зависит от естественного и миграционного движения не только в текущее время, но и в предыдущие годы. В 1997 г. численность детей и подростков в возрасте до 18 лет, проживающих в городской местности республики, составила 706,5 тыс. чел., или 26,7 % от общей численности городского населения, в 2010 г., соответственно, 468,0 тыс., или 19,2 %, что в 1,5 раз меньше, чем в 1997 г. Снижение численности и удельного веса детей связано с низкой рождаемостью в 1990-е гг. Рост рождаемости, начавшийся в 2006 г., отразился на увеличении численности и, соответственно, доли детей с 2015 г. (рис. 1).

Рис. 1. *Численность детей и подростков в возрасте 0–17 лет, городское население Республики Башкортостан, 2010–2031 гг., тыс. чел. (источник: рассчитано авторами)*

Численность детей (0–17 лет), проживающих в городах Республики Башкортостан, по прогнозным расчетам к 2031 г. сократится относительно 2021 г. с 568,7 до 401,1 тыс. чел., или на 29,5 %.

Колебания рождаемости изменили соотношение возрастных групп детей (табл. 1). На начало 2021 г. по сравнению с 2015 г. доля детей в общей численности городского населения увеличилась за счет детей в возрасте 7–17 лет при уменьшении доли детей в возрасте 0–6 лет, т. е. детей, родившихся в 2015–2020 гг., когда показатели рождаемости начали резко снижаться.

Согласно среднему варианту прогноза Росстата от 2020 г., численность всего населения Республики Башкортостан в возрасте моложе трудоспособного (0–15 лет) сократится с 820,3 тыс. чел. до 775,6 тыс. чел. к 2025 г. (или на 5,4 %) и до 666,4 тыс. к 2030 г. (на 18,8 %). Соответственно, сократятся численность и удельный вес детей, проживающих в городской местности.

Таблица 1

Численность детей и подростков в Республике Башкортостан, 2015–2021 гг., городское население (на начало года)

Годы	городское население РБ, чел	численность детей 0-17 лет, чел	в т. ч. в возрасте			удельный вес детей 0-17 лет, %
			0-6 лет	7-12 лет	13-17 лет	
2015	2 511 893	520 533	242 177	156 318	122 038	20,7
2016	2 515 900	535 823	249 449	162 302	124 072	21,3
2017	2 518 972	549 333	254 567	169 713	125 053	21,8
2018	2 522 024	557 905	251 785	178 424	127 696	22,1
2019	2 520 864	564 508	247 035	187 555	129 918	22,4
2020	2 521 840	568 940	236 457	199 372	133 111	22,6
2021	2 510 951	568 653	224 493	208 193	135 967	22,6

Источник: рассчитано авторами по [7].

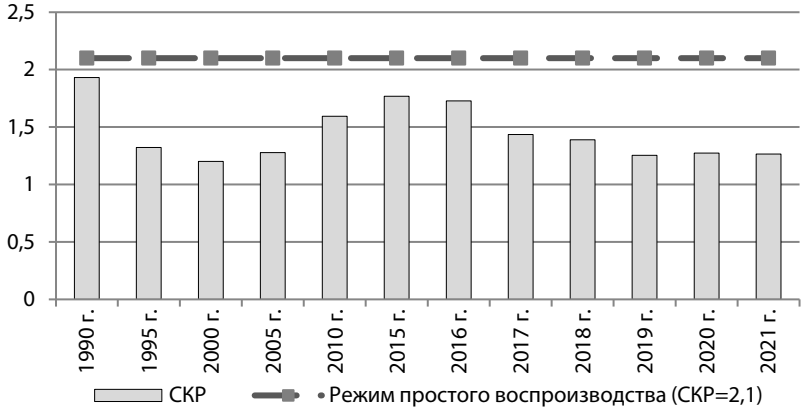


Рис. 2. *Динамика суммарного коэффициента рождаемости, городское население Республики Башкортостан, 1990–2020 гг. (источник: [7])*

Городское население Башкортостана более 30 лет живет в режиме суженного воспроизводства, когда поколение детей только на 60,6 % замещает поколение родителей (рис. 2).

В современных реалиях высокую значимость имеет оценка не только количественных параметров, но и качественных характеристик подрастающего поколения и условий городской среды, в которой проживают дети и подростки.

Проблемам качественного потенциала и здоровья населения, особенно детей и молодежи, посвящены труды Н.М. Римашевской, которая с тревогой отмечает, что, начиная с 1990 г. здоровье подрастающего поколения ухудшается более интенсивно, чем у взрослого населения. Ученый выделяет две проблемы в области здоровья подрастающего поколения. Первую она связывает с «устойчивой тенденцией ухудшения здоровья женщин, ростом патологий беременности и родов», что приводит к росту заболеваемости детей и в последующем всего населения. Н.М. Римашевская обозначает это как замкнутый цикл: больная женщина — больной плод — больной ребенок — больной подросток — больные родители. Вторая проблема есть отражение интенсивного ухудшения здоровья ребенка на протяжении всего его жизненного цикла [8, с. 201].

При расчете индекса дружественности города к детям состояние здоровья подрастающего поколения, проживающего в городах Республики Башкортостан, и приверженность здоровому образу жизни оценивались по объективным показателям, отражающим уровень младенческой смертности, заболеваемость детей в возрасте 0–14 и 15–17 лет, уровень детской инвалидизации, обеспеченность врачами-педиатрами и педиатрическими койками в медицинских организациях (данные статистики), и по субъективным индикаторам, полученным в результате опроса детей в возрасте

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы о вредных привычках, %

Вопросы	да	нет	Всего
Пробовали ли Вы курить?	9,9	90,1	100,0
Пробовали ли Вы какие-либо алкогольные напитки (включая пиво, джин-тоник)?	19,0	81,0	100,0
Пробовали ли Вы когда-либо наркотики?	0,5	99,5	100,0

Источник: Рассчитано по результатам опроса детей и подростков в возрасте 13–17 лет.

13–17 лет, родителей детей в двух возрастных группах — 0–6 лет и 7–12 лет. Вопросы для родителей затрагивали соблюдение прав в сфере охраны здоровья детей, возможность своевременно записаться на прием к врачу, комфортность посещения детской поликлиники. Для детей вопросы в блоке «Здоровье» в большей степени касались вредных привычек (табл. 2).

При условии искренности и открытости респондентов ответы на три вопроса о вредных привычках показали, что дети и подростки в своем большинстве выступают приверженцами здорового образа жизни.

В среднем по городам республики в 2020 г. уровень перинатальной смертности составил 8,4 случая на 1000 всех рожденных; уровень младенческой смертности — 5,5;,заболеваемость с зарегистрированным диагнозом, установленным впервые в жизни, — 1581,2 случая на 10000 детей в возрасте 0–14 лет и 1440,0 на 10 000 подростков в возрасте 15–17 лет, число детей-инвалидов — 191,3 на 10 000 детей 0–17 лет, обеспеченность педиатрами — 14,0 врачей на 10000 детей в возрасте 0–17 лет и, соответственно, 13 педиатрических коек. Фактический показатель младенческой смертности в 2020 г. превышает целевой индикатор на 2020 г., определенный в региональной программе Республики Башкортостан «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», на 0,4 пункта [9, с. 227–229].

Средний индекс для городов по параметру «здоровье» составил 5,6 (отклонение от максимально благоприятного условия равно 4,4). Получить большее значение индекса не позволило, во-первых, превышение в отдельных городах среднереспубликанских показателей по уровню перинатальной и младенческой смертности в 2,0 и 1,7 раза, заболеваемости детей и подростков — в 1,4 раза; уровню инвалидизации — в 1,2 раза; обеспеченности педиатрами в 1,8 раз и педиатрическими койками в 2,0 раза. Во-вторых, несмотря на то, что большинство родителей считают, что в их городе соблюдаются права в сфере охраны здоровья детей, половина респондентов (50,1 % — родители детей 0–6 лет и 47,1 % — родители детей 7–12 лет) не могут своевременно записаться на прием к врачу. Более половины родителей (54,5 % — 0–6 лет и 53,7 % — 7–12 лет) отметили, что им некомфортно посещать детскую поликлинику. По мнению родителей, для улучшения качества обслуживания в детских медицинских учреждениях необходимо изменить порядок медицинского обслуживания,

соблюдать очередность и время приема, оптимизировать запись к врачам и решить проблему острой нехватки врачей и среднего медперсонала.

Качество образования, обеспеченность образовательными учреждениями и возможности получения дополнительного образования также использовались при расчете индекса дружественности города семье и детям в параметре «образование».

В законе «Об образовании в Российской Федерации» образование определяется, в первую очередь, как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а воспитание — как деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства [10].

В основе современной российской системы образования детей и подростков лежит тандем массовой общеобразовательной школы и учреждений дополнительного образования. Если главная задача школы — дать фундаментальные знания, то задача дополнительного образования — выявлять, поддерживать и развивать творческий или спортивный потенциал учеников. Национальный проект «Образование» в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» направлен на обеспечение равного доступа детей к разным программам дополнительного образования и предполагает, что к 2024 г. 80,0 % детей в возрасте от 5 до 18 лет будет охвачено дополнительным образованием всех направленностей [11]. По результатам опроса посещают учреждения дополнительного образования 48,8 % детей в возрасте 13–17 лет, 46,3 % в возрасте 0–6 лет и 67,5 % детей в возрасте 7–12 лет.

Согласно оценке состояния и перспектив развития системы образования Республики Башкортостан в 2020 г., сфера дополнительного образования недостаточно тесно взаимодействует с общеобразовательными организациями; различные направления дополнительного образования испытывают острый недостаток в квалифицированных кадрах; большинство таких учреждений расположены далеко от места проживания детей; не изучен спрос на наиболее востребованные направления, а популярные детские кружки и секции преимущественно платные [12]. Последний недостаток четко прослеживается в ответах родителей. Так, отмечая потребность в учреждениях дополнительного образования, почти 70 % родителей детей в возрасте 7–12 лет предлагают, чтобы развивающие кружки, спортивные секции были либо бесплатными, либо бюджетными, либо по доступной цене.

Доступность качественного дополнительного образования, как отмечено в Концепции развития дополнительного образования детей, создает условия для самореализации и развития талантов детей, воспитания

высоконравственной, гармонично развитой и социально ответственной личности, то есть способствует повышению образовательного, культурного и социального уровня подрастающего поколения [13].

Состояние городской среды дети и родители в целом оценили достаточно высоко. Так, большинство респондентов (80,8 % детей, 74,2 % родителей детей 0–6 лет, 75,0 % родителей детей 7–12 лет) отметили, что рядом с их домом имеются парк, сквер или набережная, куда они могут добраться пешком примерно за 15 минут; 79,1 % детей, 50,9 % родителей детей 0–6 лет, 52,7 % родителей детей 7–12 лет ответили, что рядом с их домом есть место, где можно заниматься спортом, и более половины (соответственно, 56,7 %, 62,7 % и 67,7 %) респондентов посещают такие места.

Основные причины, по которым дети и подростки не посещают места для занятий спортом вблизи с домом: нет времени, не интересует, нет желания, лень (35,2 %), нет времени, не успеваю (20,2 %), не люблю спорт, спортивные нагрузки (9,2 %). Вполне очевидно, что все эти три причины (имеющие различные нюансы) сводятся к одному — отсутствию желания физической активности при присутствии желания пассивно проводить свободное время.

В целом, оценивая комфортность условий, большинство детей и подростков (77,4 %), более половины родителей детей в возрасте 0–6 лет (63,1 %) и в возрасте 7–12 лет (63,9 %) считают, что в городах созданы комфортные условия для проживания, а в качестве улучшения этих условий родители детей предлагают построить, в первую очередь, современные благоустроенные, безопасные детские игровые и спортивные площадки, увеличить количество учреждений дополнительного образования, кружков, спортивных секций, повысить безопасность во всех общественных местах.

Сгруппировав ответы детей на вопрос анкеты «Что еще должно быть сделано в городе, чтобы Вы чувствовали себя в нем более комфортно и имели все возможности для полноценного развития?»[1] мы получили более 17 тысяч различных вариантов ответов, которые первоначально были сгруппированы в 48 комбинаций, затем сгруппированы и объединены в 12 групп (табл. 3).

Наиболее многочисленной оказалась группа «приверженцы ЗОЖ» (18,6 %), на втором месте — группа «потребители», которым для комфортности требуются торгово-развлекательные центры, клубы, кинотеатры (16,2 %), на третьем (15,3 %) — группа «оптимисты», которых все устраивает, 13,5 % респондентов — так называемые архитекторы, которые хотят видеть свой город красивым, благоустроенным, 12,7 % равнодушных.

Таким образом, изучение уровня комфортности, безопасности и наличия объектов для творческого, духовно-нравственного, физического развития подрастающего поколения в условиях городской среды РБ

[1] Вопрос анкеты был открытым.

Таблица 3

Группировка ответов детей (13–17 лет) на вопрос «*Что еще должно быть сделано в городе, чтобы Вы чувствовали себя в нем более комфортно и имели все возможности для полноценного развития?*»

Группа	Ответы	Частоты	Процент
Приверженцы ЗОЖ	Спортивные секции, площадки, комплексы, стадионы; тренажеры, бассейны, парки отдыха и спорта и т. д.	3277	18,6
Потребители	Места для развлечений и досуга, торгово-развлекательные центры, кафе, компьютерные клубы, кинотеатры и т. д.	2862	16,2
Оптимисты	Все или почти все устраивает	2696	15,3
Архитекторы	Благоустройство города, улиц, парков, дворов, школьных территорий, реставрация старых зданий, памятников архитектуры, зеленые насаждения, пешеходные, беговые и велосипедные дорожки, экология и т. д.	2380	13,5
Равнодушные	Затруднились ответить	2248	12,7
Финансово уязвимые	Бесплатный проезд школьникам и студентам, бесплатное качественное образование, бесплатное обучение в ССУЗах и вузах, бесплатная подготовка к ОГЭ и ЕГЭ, бесплатные дополнительные занятия в школе, бесплатные или бюджетные спортивные секции, развивающие кружки, оздоровительные центры и т. д.	1218	6,9
Законопослушные	Центры социально-психологической помощи подросткам, безопасность во всех общественных местах, видеокамеры на улицах, дежурство патруля на улицах, соблюдение ПДД; безопасные пешеходные переходы и т. д.	840	4,8
Мечтатели	Доступность, качество здравоохранения и образования, больше детсадов, школ, ССУЗов и вузов и т. д.	739	4,2
Интеллектуалы	Библиотеки, музеи, театры, выставки, экскурсии, туризм, культурные и образовательные центры, кружки по IT-технологиям, языковые курсы; книжные магазины	658	3,7
Пессимисты	Бесполезно, ничего не сделают, этому городу ничего не поможет; хочу уехать из этого города, много всего надо и т. д.	476	2,7
Гуманисты	Безбарьерная среда для инвалидов и детей с ОВЗ, волонтерство, больше хороших, добрых людей; взаимоуважение и т. д.	227	1,3
Антиваксеры	Противники вакцинации и ограничительных мер из-за коронавируса	22	0,1
Всего		17 643	100,0

Источник: рассчитано авторами.

в современном социально-демографическом контексте позволяет сделать следующие выводы.

Степень дружественности городской среды к семье и детям различается в зависимости от размера города, а внутри городов от района или микрорайона проживания.

Низкий уровень рождаемости, неподготовленность молодого поколения к семейной жизни, к рождению и воспитанию детей, общемировые демографические закономерности, выражающиеся в массовой ориентации на малодетность, неизбежно приведут к снижению численности и доли подрастающего поколения в возрасте 0–17 лет и сокращению общей численности населения республики.

Состояние здоровья детей и подростков зависит от уровня развития системы здравоохранения, качества и доступности медицинских услуг, здоровья родителей, приверженности здоровому образу жизни, наличия объектов для активного отдыха и досуга.

Территориальная, ценовая доступность учреждений дополнительного образования не только способствует разностороннему развитию детей, но и обеспечивает их целенаправленную занятость в свободное время, формирует систему ценностей.

В целом оценка комфортности города по отношению к семье и детям позволяет выявить как достоинства, так недостатки и проблемы в организации городской среды, способствующие либо препятствующие, с одной стороны, полноценному развитию подрастающего поколения как будущему демографическому потенциалу, с другой, — родителям (а это в большинстве случаев два взрослых, работающих человека), находить баланс между семьей (детьми) и работой. Несмотря на определенные успехи в достижении гендерного равенства, основная нагрузка по воспитанию детей и выполнению домашней работы приходится на женщину-мать, которая сегодня является полноценным участником рынка труда и получает доход. Я. А. Борисенко отмечает, что с увеличением прав женщин повышаются уровень образования и ее трудовая активность, соответственно, увеличивается ценность женского времени [14]. В связи с этим вполне закономерно, что современные женщины все больше стремятся выполнять в семье роль равноправного с мужем партнера во всех сферах: в финансовом обеспечении семьи, воспитании детей, решении хозяйственных вопросов. Следовательно, для нее важно, чтобы городская инфраструктура — в большей степени инфраструктура детства — была максимально дружественной, благоприятной, позволяющей ей сохранить тот образ жизни, каким он был до рождения ребенка.

Заключение

С 2007 г., с начала активизации мер материального стимулирования рождаемости отмечается рост доли родившихся третьими по очередности среди городского населения Республики Башкортостан

при одновременном сокращении доли первенцев. Исключительно экономические меры поддержки деторождения в условиях массового перехода на малодетную модель семьи не способны решить проблему низкой рождаемости. Необходимы новые меры в отношении рождаемости, способствующие повышению репродуктивных желаний семей.

Отдельные исследователи предлагают решение данной проблемы выстраивать как минимум на трех уровнях: государственной политики в отношении семьи и занятости, корпоративной политики, адресованной сотрудникам с семейными обязанностями, и на уровне домохозяйств, формирующих собственные стратегии решения конкретных проблем, связанных с совмещением семьи и работы [15].

На наш взгляд, целесообразно добавить еще один уровень — муниципальный, на котором через улучшение городской инфраструктуры детства, повышение доступности учреждений дополнительного образования, организацию мероприятий, направленных на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей и подростков, будут созданы благоприятные условия для совмещения родительства с работой. С помощью четырехуровневой системы будут решаться важнейшие задачи: повышение дружественности городской среды к семье и детям, поддержание престижа семьи с детьми и вместе с этим повышение демографического потенциала подрастающего поколения.

Список источников

[1] *Ракитина Н. Э.* «Доброжелательность» городской среды к детям: экспертные оценки // Общество. Социология. Психология. Педагогика. 2016. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dobrozhelatelnost-gorodskoy-sredy-k-detyam-ekspertnye-otsenki (дата обращения: 06.05.2022).

[2] *Шпаковская Л. Л.* Городская инфраструктура заботы о детях. Реальные и идеальные пространства // ЖССА. 2015. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskaya-infrastruktura-zaboty-o-detyah-realnye-i-idealnye-prostranstva (дата обращения: 08.05.2022).

[3] For every child, a child-friendly city. URL: https://s25924.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/10/CFCI-Brochure-FINAL-September-2018.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

[4] Методология расчета индекса дружественности города детям и подросткам. URL: https://unicef.by/uploads/models/2021/08/metodologiya-rascheta-indeksa-gdd-2020-2.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[5] Создание городов, доброжелательных к детям Программа действий // Краснодарские известия. URL: https://krd.ru/uploads/2013/09/05/3036-buklet.pdf?ysclid=l6nxvzjdxj250290605 (дата обращения: 06.05.2022).

[6] Об утверждении Концепции «Город, дружественный семье и детям». Постановление Правительства РБ от 05.08.2021 № 382 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).

[7] Демографические процессы в Республике Башкортостан. Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2021. 131 с.

[8] Дети реформ / Под ред. чл.-корр. РАН Н. М. Римашевской. М.: Институт экономических стратегий, 2011. 304 с. С. 201.

[9] *Скрябина Я. А.,* Сабирова, З. Э. Национальный проект «здравоохранение». Региональный аспект // Интеграция и дифференциация науки и практики в контексте приоритетных парадигм развития цивилизации. Сб. науч. ст. по итогам национальной науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 23–24 окт. 2020 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 227-229.

[10] Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ред. от 30.12.2021. С изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 19.05.2022).

[11] Дополнительное образование детей // Минпросвещения России. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_edu_of_children/?ysclid=l2jdkdz3el (дата обращения: 07.05.2022).

[12] Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования Республики Башкортостан за 2020 год // Министерство образования и науки Республики Башкортостан. URL: https://education.bashkortostan.ru/documents/reports/397220 (дата обращения: 07.05.2022).

[13] Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р (вместе с «Концепцией развития дополнительного образования детей до 2030 года»). Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2022 № 678-р // // Министерство образования и науки Республики Башкортостан. URL: https://education.bashkortostan.ru/documents/reports/397220 (дата обращения: 07.05.2022).

[14] *Борисенко Я. А.* Влияние гендерного равенства на рождаемость. [Электронный ресурс]. URL: https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=82790&p=attachment (дата обращения: 15.05.2022).

[15] *Чернова Ж. В.* Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10, № 3. С. 295-308.

References

[1] *Rakitina N. E.* Child-friendly urban environment: expert judgment // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2016. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dobrozhelatelnost-gorodskoy-sredy-k-detyam-ekspertnye-otsenki (accessed on 06.05.2022).

[2] *Shpakovskaya L. L.* Urban Infrastructure of Child Care: Real and Ideal Spaces // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskaya-infrastruktura-zaboty-o-detyah-realnye-i-idealnye-prostranstva (accessed on 08.05.2022).

[3] For every child, a child-friendly city. URL: https://s25924.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/10/CFCI-Brochure-FINAL-September-2018.pdf (accessed on 19.04.2022).

[4] Methodology for Calculating the Index of Cities' Child-Friendliness. URL: https://unicef.by/uploads/models/2021/08/metodologiya-rascheta-indeksa-gdd-2020-2.pdf (accessed on 10.05.2022).

[5] Creating child-friendly cities. Program of Action // Krasnodar news. URL: https://krd.ru/uploads/2013/09/05/3036-buklet.pdf?ysclid=l6nxvzjdxj25029060 (accessed on 06.05.2022).

[6] Decree of the Government of the Republic of Belarus dated 05.08.2021 No. 382 "On Approval of the Concept "Family and Children Friendly City". Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 12.05.2022).

[7] Demographic Processes in the Republic of Bashkortostan: Statistical Collection. Ufa: Bashkortostanstat, 2021. 131 p.

[8] Children of Reforms / ed. N. M. Rimashevskaya. Moscow: Institute of Economic Strategies, 2011. 304 p. P. 201.

[9] *Skriabina Ya. A.,* Sabirova, Z. E. National public health project: regional aspect // Integration and differentiation of science and practice in the context of priority paradigms of civilization development: collection of scientific articles on the results of the national scientific and practical conference. October 23-24, 2020. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2020. Pp. 227-229.

[10] Federal law dated 29.12.2012 No. 273-FZ (amended on 30.12.2021) «About education in the Russian Federation». Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed on 12.05.2022).

[11] Additional education for children. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_edu_of_children/?ysclid=l2jdkdz3el (accessed on 07.05.2022).

[12] Final report on the results of the analysis of the state and prospects for the development of the education system of the Republic of Bashkortostan for 2020. URL: https://education.bashkortostan.ru/documents/reports/397220 (accessed on 07.05.2022).

[13] Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.03.2022 No. 678-p «On the approval of the Concept for the development of additional education for children and the repeal of the Decree of the Government of the Russian Federation dated 04.09.2014 N 1726-p». URL: https://education.bashkortostan.ru/documents/reports/397220 (accessed on 07.05.2022).

[14] *Borisenko Ya. A.* The impact of gender equality on fertility. URL: https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=82790&p=attachment (accessed on 15.05.2022).

[15] *Chernova Zh. V.* Balance of family and work: politics and individual strategies of mothers // Journal of Social Policy Research. 2012. Vol. 10, No. 3. Pp. 295-308.

https://doi.org/10.17059/udf-2022-5-4
УДК 314.32.
JEL Y80

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТИТУТ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА[1]

С. В. Черешова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия). https://orcid.org/ 0000-0002-2537-3028
Автор для корреспонденции: С. В. Черешова (s.v.chereshova@yandex.ru)

Аннотация. *В работе рассматриваются вопросы поддержки субъектов родительского труда и особенности государственного регулирования в соответствующей сфере. Анализируется возможность гражданского участия в реализации государственной социальной политики в области поддержки родительства посредством деятельности некоммерческих организаций. Автор раскрывает актуальность и необходимость деятельности некоммерческих организаций как эффективного института поддержки субъектов родительского труда, рассматривает возможные организационно-правовые формы создания таких организаций. Отмечается вариативность форм некоммерческих организаций, задействованных в сфере поддержки семей и детей, что, однако, не решает проблемы их недостаточности.*

Ключевые слова: некоммерческие организации, субъект родительского труда, социальный институт

Non-Profit Organisations as an Institution for the Support of Subjects of Parental Labour

S. V. Chereshova

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). https://orcid.org/ 0000-0002-2537-3028
Corresponding author: S. V. Chereshova (s.v.chereshova@yandex.ru)

Abstract. *The paper discusses the support of the subjects of parental labour and the specificity of state regulation in the relevant field. The possibility of civic participation in the implementation of the state social policy in the field of parenthood support through the activities of non-profit organisations is analysed. The study reveals the importance and necessity of the activities of non-profit organisations as an effective institution for the support of subjects of parental labour, considers possible organisational and legal forms of the creation of such organisations. The variability of non-profit organisations involved in the support of families and children is noted, which, however, does not solve the problem of their insufficiency.*

Keywords: non-profit organisations; subject of parental labour; social institution

Введение

Ключевая важность деятельности в области рождения и воспитания детей для государства находит отражение в национальном проекте «Демография» [1]. Раздел «Финансовая поддержка семей при рождении детей» национального проекта «Демография» направлен на поддержку

[1] © Черешова С. В. Текст. 2022.

рождения детей, создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, обеспечение ее финансовой поддержки при рождении детей, минимизации последствий изменения материального положения граждан в связи с рождением детей и возможность получения социальной поддержки в проактивном порядке. Однако конкретные мероприятия проекта сводят государственную поддержку исключительно к финансированию семей в зависимости от факта рождения ребенка. Дополнительные меры, предпринимаемые государством в виде разовых выплат на детей от 8 до 16 лет, также направлены на решение финансовых проблем родителей. Но возможно ли существенно улучшить ситуацию исключительно финансовыми мерами, и кто еще — помимо государства — способен стать субъектом поддержки родителей? Ж.В. Чернова справедливо отмечает, что гегемония государства в социальной поддержке семей с детьми не ставится под сомнение другими социальными акторами (церковь, НКО), а также самими родителями [2, с. 94]. При этом в последнее время наблюдается тенденция перераспределения ответственности за благополучие населения в сторону снижения роли государства.

Основная часть

Третий сектор

Исследователи все чаще говорят о необходимости смены модели развития социальной сферы и социальной защиты населения от патерналистской (где государство, являясь основным субъектом социальной политики, берет на себя всю заботу о социальной защищенности граждан) к модели гражданского участия, которое может быть реализовано посредством деятельности некоммерческих организаций [3, с. 103]. Под «третьим сектором»,[1] или «сообществом НКО» определяется совокупность организаций, не ставящих перед собой целей увеличения личного дохода граждан непосредственно через участие в работе таких организаций или через их учреждение; для всех подобных организаций характерна деятельность ради общественного блага [4, с. 35]. Их существенными характеристиками становятся добровольность, независимость, неприбыльный характер деятельности.

В современном российском обществе все чаще родительский труд рассматривается сквозь призму полноценной трудовой активности, выполняемой различными субъектами родительского труда, действующими на основе разных целей и мотивов. По мнению М.А. Клупта, именно НКО способны эффективно действовать там, где главными ресурсами являются не крупномасштабные финансовые вложения, а человеческое тепло, участие, взаимная поддержка и социальный капитал, возникший на их основе. Работа НКО в таких областях, по его мнению, становится связующим

[1] Под «первым» и «вторым» секторами понимают совокупности государственных институтов и деловых частных организаций и предприятий соответственно.

звеном между демографической и семейной политикой и вносит существенный вклад в создание благоприятного демографического климата [5, с. 31]. Специалистами отмечается, что очень часто реакция негосударственных некоммерческих организаций на потребности общества наступает быстрее, чем у государственных учреждений, чем некоммерческие организации реализуют те или иные права гражданина [6, с. 167], что полностью соответствует сути таких организаций, возникающих как ответ на актуальную общественную потребность и выражающих специфические интересы объединившихся в них граждан. Характер деятельности таких организаций позволяет стать родительскому сообществу связующим звеном между родителями и государством, полноценным субъектом поддержки в вопросах, не затрагивающих финансовые аспекты, позволяющим более быстро, полно и действенно получить насущную для субъектов родительского труда помощь.

В теории российского гражданского права нет единой точки зрения на количество и виды некоммерческих организаций [7, с. 86]. При этом разработчики Концепции развития законодательства о юридических лицах указывают на то, что количество организационно-правовых форм некоммерческих организаций в действующем законодательстве избыточно (от 19 до 27). Несмотря на наличие положений о некоммерческих организациях в основном документе, регламентирующем гражданские правоотношения, — Гражданском Кодексе, все же на сегодняшний момент основополагающим документом, регламентирующим деятельность НКО в действующем законодательстве, является Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [8], в котором в качестве социально ориентированных некоммерческих организаций признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации. В таком качестве могут выступать учреждения, автономные некоммерческие организации, ассоциации и союзы, некоммерческие партнерства, социальные, благотворительные и иные фонды, что позволяет прийти к выводу о сформированности нормативной базы, регламентирующей деятельность НКО, в том числе и для решения вопросов в области родительского труда как объекта социальной ориентации. Учитывая, что формами некоммерческих организаций являются и товарищества собственников жилья, и казачьи общины, и нотариальные палаты, и коллегии адвокатов, мы будем руководствоваться именно критерием социальной ориентации в деятельности некоммерческих организаций, что позволит нам более точно определиться с кругом организаций, способных выступить субъектом поддержки родителей и иных лиц, реализующих деятельность в области родительского труда.

Для стимулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, направленной на решение социальных проблем, Указом Президента РФ № 398 от 8 августа 2016 г. «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» [9] утвержден перечень приоритетных направлений деятельности социально ориентированных НКО, в состав которых вошли оказание помощи семье в воспитании детей, содействие трудоустройству и трудовой адаптации матерей с детьми, социальное сопровождение семей и др. Данный указ существенно усилил позиции НКО и обеспечил гарантии государственного одобрения и поддержки их деятельности. В 2015 г. в Российской Федерации создана Ассоциация организаций по защите семьи, которая объединила в своем составе более 170 некоммерческих организаций, работающих в соответствующей сфере.

М.А. Клупт справедливо отмечает, что в России появилось множество НКО, которые реализуют собственные проекты в области семейной и демографической политики [5], тем самым поощряя и стимулируя реализацию родительского труда. Однако такое разнообразие не гарантирует необходимого эффекта. Основным источником информации о некоммерческих организациях, как правило, служит официальная статистика. Источником информации для большинства исследователей служат данные Росстата по количеству и составу (числу по видам) субъектов некоммерческого сектора, источником которых служит реестр общественных объединений, политических партий и некоммерческих организаций, зарегистрированных в РФ, ведение которого осуществляется Минюстом РФ. Данная статистика не дает представления о реально функционирующих организациях, поскольку лишь отражает факт их регистрации в реестре, независимо от того, осуществляет ли такая организация фактическую деятельность. Также она не позволяет в полной мере определить, в какой именно области некоммерческая организация осуществляет свою деятельность, ограничиваясь при этом организационно-правовой формой. Так, С.И. Григорьев указывает, что доля НКО, работающих с семьей и детьми, составляет всего 0,9 % от общего числа зарегистрированных негосударственных НКО, что, по мнению исследователей, является явно недостаточным для оказания качественной и адресной социальной поддержки семей и детей [10, с. 57]. Кроме этого, исследователями фиксируется низкая степень участия самого населения в деятельности НКО и гражданских инициативах. Так, более половины россиян не состоят ни в каких организациях (59 %), а также не готовы принимать участие в каких-либо некоммерческих инициативах на безвозмездной основе (63 %). При этом каждый третий респондент (30 %) не доверяет никаким общественным организациям [11, с.14].

Население и НКО

Представляется, что перечень некоммерческих организаций, оказывающих поддержку субъектам родительского труда, должен трактоваться

расширительно и не ограничиваться организациями, ориентированными в качестве основной деятельности исключительно на социальную поддержку. Так, например, Ж.В. Чернова говорит о создавшейся ситуации институционального давления на работодателя с целью увеличить объем взятых им социальных обязательств перед своими работниками [2, с.93]. И в такой ситуации в качестве некоммерческой организацией, способной прийти на помощь работодателю, может выступить профсоюз как связующее звено с работниками. Согласно Федеральному закону № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [12] профсоюзом является добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными и профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов. Здесь необходимо отметить, что речь идет, помимо трудовых прав и интересов, именно и о социальных правах и интересах. Это подтверждается и тем, что зачастую, помимо профессиональных интересов профсоюзы, реализуют и иные функции:

— деятельность в области образования, культуры, искусства, здравоохранения, просвещения, науки;

— социальная защита и поддержка граждан;

— оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе непосредственно гражданам и некоммерческим организациям;

— разъяснение действующего законодательства, а также деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина путем представительства интересов в государственных и юрисдикционных органах;

— профилактика и охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности;

— содействие духовному развитию личности и иные функции, способствующие поддержанию благоприятного эмоционального состояния как непосредственно у работодателя, в рамках которого создан профсоюз, так и в целом по отрасли.

Данный функционал полностью попадает под критерии, установленные действующим законодательством для социально ориентированных некоммерческих организаций, что позволяет причислить профсоюзы к некоммерческим организациям, оказывающим поддержку родителям как членам определенного профессионального сообщества и лоббирующим интересы работника — в том числе и как родителя перед работодателем. Учитывая, что членами некоммерческих организаций является менее 1 % населения страны, но при этом членство в профсоюзах (4 %) является одной из лидирующих позиций [11, с. 8], изложенный нами подход является оправданным и позволяет охватить более широкий круг потенциальных субъектов поддержки.

Минэкономразвития РФ 05.07.2020 г. не так давно был сформирован перечень социально ориентированных НКО, которые могут рассчитывать

на поддержку государства в период действия коронавирусных мер, включающий различные формы и виды НКО. В этот список вошли и 173 профсоюзные организации. Однако формирование этого перечня из получателей грантов и субсидий в рамках программ, реализуемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, получателями грантов Президента Российской Федерации наравне с исполнителями общественно полезных услуг и поставщиками социальных услуг, вряд ли приведет к повышению уровня доверия населения к деятельности НКО. Под доверием в данном случае мы можем понимать совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении деятельности негосударственных некоммерческих организаций.

Заключение

Институциональный подход к некоммерческим организациям позволяет определить их как проявление социальных инициатив, призванное выявить альтернативные ценности и закрепить гражданскую ответственность индивидов за правовой порядок в целом, что позволяет в последующем прийти к самоуправляемости. С одной стороны, низкий уровень вовлеченности населения в деятельность некоммерческих организаций указывает на определенную неготовность индивидов к самоуправляемости. С другой стороны, разнообразие форм некоммерческих организаций и их объединений указывает на потребность проявить гражданские инициативы в области демографической ситуации и поддержки семей с детьми. При этом государство, формируя нормативную базу для деятельности некоммерческих организаций и определяя меры поддержки социально ориентированных НКО, демонстрирует запрос на проявление инициативы граждан. Сложившаяся ситуация позволяет прийти к выводам, что при формировании более прозрачных критериев, определяющих поддержку государством некоммерческих организаций, реализующих деятельность в области семьи и детей, социально ориентированные НКО способны выступить полноценным и перспективным институтом поддержки субъектов родительского труда в современном российском обществе.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2)

Список источников

[1] Национальный проект «Демография» // Минтруд России. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 26.04.2021).

[2] *Чернова Ж. В.* Рабочее место, дружественное семье. Политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 1. С. 93-113.

[3] *Нестеренко Н. С.* Социальные функции НКО в трансформирующемся российском обществе // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 103-107.

[4] *Сунгуров А. Ю.* Организации-посредники в структуре гражданского общества некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 34-48.

[5] *Клупт М. А.* Государство, «третий сектор» и демографическая политика // Социологические исследования. 2016. № 6(386). С. 24-33.

[6] *Письменов В. Н., Ферапонтова А. С.* Некоммерческие организации как институты гражданского общества. На примере Курской области // Актуальные проблемы правового регулирования деятельности общественных объединений. Российский и зарубежный опыт // Региональный научный круглый стол. Сб. науч. ст.; Курск, 19 мая 2016 г. / Отв. ред. В. В. Коровин. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. С. 166-170.

[7] *Сумской Д. А.* Проблемы правового регулирования деятельности некоммерческих организаций // Евразийский юридический журнал. 2012. № 5(48). С. 86-88.

[8] О некоммерческих организациях. Ред. от 02.07.2021. С изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76388/fb4e7bb8b1fb6245c1d455eb46182a35e36dfbf2/ (дата обращения: 13.05.2022).

[9] Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг. Указ Президента РФ от 08.08.2016 № 398. Ред. от 01.07.2017. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.05.2022).

[10] *Григорьев С. И., Катаева В. И., Фомичева Т. В.* Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (со НКО) по делам семьи и детей в России // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 1(207). С. 54-59.

[11] Отношение населения к НКО. Экспертная оценка // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в Российской Федерации. 2014. URL: https://www.hse.ru/data/2015/03/31/1095858158/Bulleten4_Web.pdf (дата обращения: 13.05.2022).

[12] О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности. Ред. от 21.12.2021. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404042/ (дата обращения: 13.05.2022).

References

[1] The National Project «Demography»// Ministry of Labor of Russia URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography (accessed on 25.04.2021).

[2] *Chernova Zh. V.* Family friendly workplace: political initiatives, employer's position and types of support for workers with family responsibilities // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2017. Vol. 20, No. 1. Pp. 93-113.

[3] Nesterenko, N. S. Social functions of NGOs in the transforming Russian society // Social Policy and Sociology. 2006. No. 4. Pp. 103-107.

[4] *Sungurov A. Yu.* The mediator-organizations in the structure of civil society (some problems of Russia's political modernization) // Polis. Political studies. 1999. No. 6. Pp. 34-48.

[5] *Klupt M. A.* State, the «third sector» and population policy // Sociological research. 2016. No. 6(386). Pp. 24-33.

[6] *Pismenov V. N., Ferapontova A. S.* Non-profit organizations as institutions of civil society (on the example of the Kursk region) // Actual problems of legal regulation of the activities of public associations: Russian and foreign experience : Regional Scientific round table. Collection of scientific articles, Kursk, May 19, 2016 / ed. V. V. Korovin. Kursk: «University Book», 2016. Pp. 166-170.

[7] *Sumskoy D. A.* Problems of legal regulation of activity of non-profit organizations // Eurasian Law Journal. 2012. No. 5(48). Pp. 86-88.

[8] *Federal Law No.* 7-FZ of 12.01.1996 (as amended on 02.07.2021) «On Non-profit organizations» (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022). Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76388/fb4e7bb8b1fb6245c1d455eb46182a35e36dfbf2/ (accessed on 13.05.2022).

[9] Decree of the President of the Russian Federation dated 08.08.2016 N 398 (ed. dated 01.07.2017) "On approval of priority areas of activity in the provision of socially useful services". Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed on 13.05.2022).

[10] *Grigoriev S. I., Kataeva V. I., Fomicheva T. V.* Innovative Practices of Socially Oriented Non-profit Organizations on Family and Children's Affairs in Russia // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2018. No. 1(207). Pp. 54-59

[11] The attitude of the population to NGOs: expert assessment // Information and analytical bulletin on the development of civil society and the non-profit sector in the Russian Federation. 2014. URL: https://www.hse.ru/data/2015/03/31/1095858158/Bulleten4_Web.pdf (accessed on 13.05.2022).

[12] *Federal Law No.* 10-FZ of 12.01.1996 (ed. of 21.12.2021) «On Trade unions, their rights and guarantees of activity Accessed from the legal reference system ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404042/ (accessed on 13.05.2022).

Научное издание

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Сборник статей

Том II

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол Ученого совета №12 от 28.06.2022.
Рег. №05(22) (протокол редколлегии №2 от 24.06.2022).

Редактор А. Б. Уминская
Компьютерная верстка С. В. Кузовковой

Подписано в печать 02.11.2022.
Формат 60x90 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная
Усл. п. л. 24. Уч.-изд. л. 23,6.
Тираж 300 экз. Заказ №

Оригинал-макет подготовлен Институтом экономики УрО РАН
620014, Екатеринбург, ул. Московская 29

ООО «Типография Уральский Печатный Дом»
620049, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 45, корп. 8, оф. 1.
Тел.: 8 (343) 379-04-99, факс: 379-04-40.
URL: uph-ektb@mail.ru.